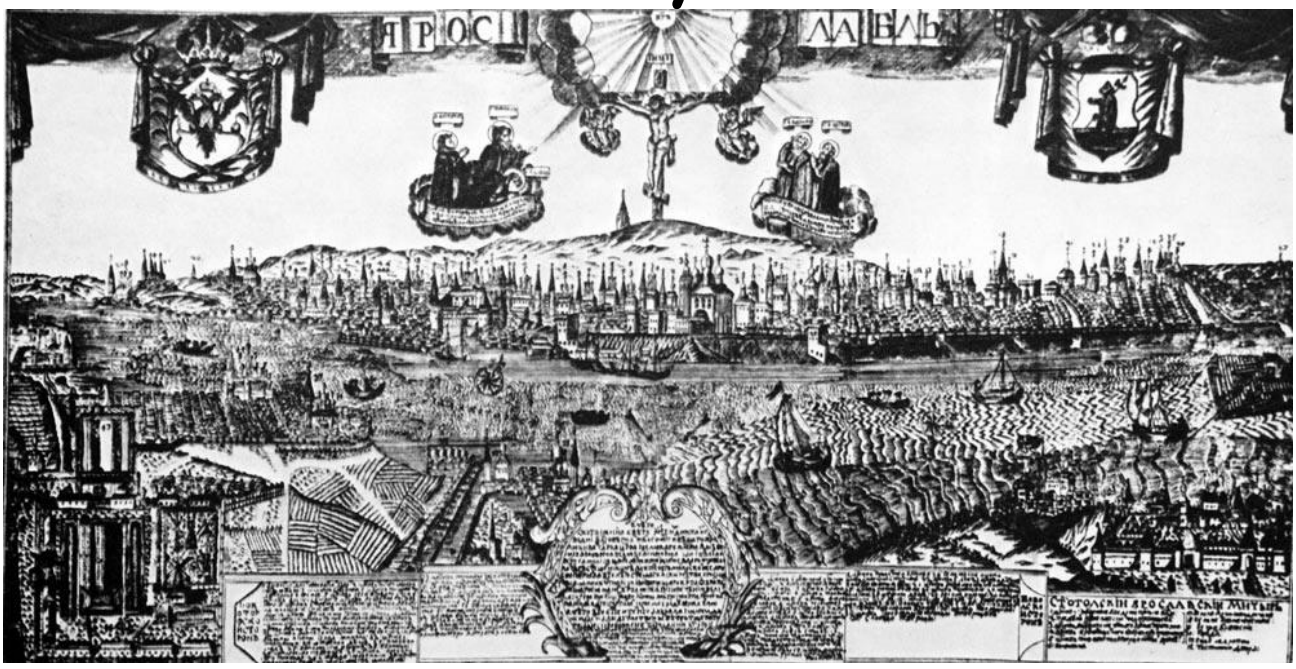
Сборник докладов международной интернет-конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского

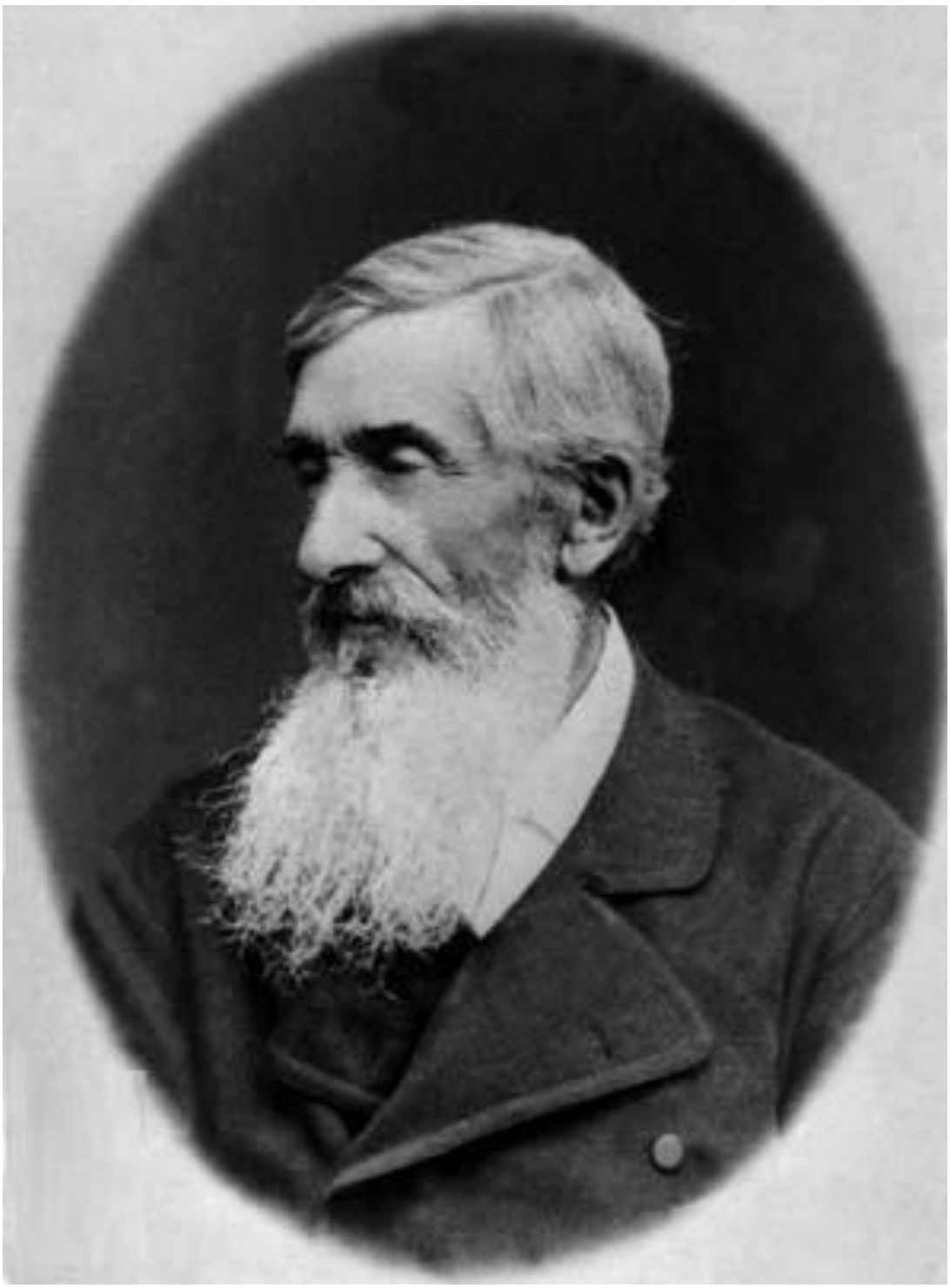
Ярославль 2012

Измаил Иванович Срезневский (Петербург, 1850-е гг.)

Сборник докладов международной интернет-конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского,

выдающегося филолога-слависта, члена 32 академий и обществ, профессора Харьковского и Санкт-Петербургского университетов, академика Российской императорской Академии наук, который родился в Ярославле 1(13) июня 1812 г.

1. Академик И. И. Срезневский: жизнь, деятельность, творческое наследие, научные связи

Аржаных Т. Ф., Селезнёва А. В. (Иваново, Россия)

ПОДВИЖНИКИ РУССКОГО СЛОВА (К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО И Н. В. ГОГОЛЯ)

В статье уточняются сложившиеся в науке представления о взглядах И. И. Срезневского и Н. В. Гоголя. Взаимоотношения выдающихся представителей отечественной культуры раскрываются в контексте восприятия ими феномена Русского Слова.

Ключевые слова: русская литература, сфера общественной самоорганизации, Гоголь и Срезневский, интеллигентская рефлексия, русская культура.

Arzhanykh T. F, Selezneva A. V. (Ivanovo, Russia)

DEVOTEES OF RUSSIAN WORD (TO THE HISTORY OF I. I. SREZNEVSKIY AND N. V. GOGOL RELATIONSHIP

The developed notion of Sreznevskiy and Gogol views is specified in this article. The relationship of the outstanding representatives of the native culture are discovered in the context of perception of the phenomenon of a Russian Word.

Key words: Russian Literature, spheare of social selforganization, Gogol and Sreznevskiy, intelligentsia's reflexion, Russian culture.

Измаил Иванович Срезневский и Николай Васильевич Гоголь – фигуры крупные и в известном смысле эпохальные для отечественной культуры. В основных биографических вехах выдающегося филолога-слависта и классика русской литературы есть нечто похожее и в то же время недосказанное. Украинская земля напитала их народными песнями и определила общность интересов в молодые годы (с Харьковом связан первый период жизни И. И. Срезневского, Полтавщина – малая родина Н. В. Гоголя). 1839 год оказался особой развилкой в линиях судеб Срезневского и Гоголя: единственная московская встреча – и больше они не увидятся. Вся последующая жизнь каждого будет наполнена поистине титанической деятельностью: И. И Срезневского - в науке, Н. В. Гоголя - в литературе. Оба мыслителя перешли в

мир иной, так и не завершив главного труда своей жизни. «Словарь древнерусского языка» остался после смерти И. И. Срезневского в рукописи, точнее сказать, в массе карточек и фрагментов. Второй том «Мёртвых душ», как известно, был сожжён автором. И даже даты смерти И. И. Срезневского и Н. В. Гоголя имеют инверсию совпадения (Гоголь умер 21 февраля по старому (юлианскому) стилю летоисчисления, Срезневский – 21 февраля по новому (григорианскому) стилю)! Незримая духовная связь двух крупнейших фигур русской словесности проступает почти мистически.

Конечно, нельзя утверждать, что в российской и зарубежной науке недостаточно исследований, посвящённых научно-методическому наследию академика И. И. Срезневского и творческой истории гоголевских произведений. И всё же имеются веские основания считать, что общественные и нравственные идеалы этих мыслителей в современной России осмыслены явно недостаточно. И ещё хуже поняты. Главные трудности уяснения основ самосознания русской интеллигенции связаны с большой проблемой нынешнего российского общественного сознания, во многом оставшегося маловосприимчивым к богатейшему духовному «багажу» мыслителей «золотого» века русской словесности. Подобное положение объясняется деформациями и разрывами в нынешней российской науке и культуре. Оборваны многие нити, связывавшие нашу культуру с наследием прошлого.

Не случайно проблема гражданской консолидации и объединения общества в понимании основных истоков своего существования и путей развития заявлена в качестве первоочередной общегосударственной задачи в современной России. «Открытие» опыта нравственно-мировоззренческого самоопределения представителей отечественной интеллигенции означает приобщение к смыслам, которые репрезентируют тысячелетний опыт развития культуры России. Эти смыслы и есть то, что понимается под ценностями непреходящего значения.

В первой половине XIX века вопрос о самобытности народа и национальном самоуважении был поставлен на необычайную высоту. События Отечественной войны 1812 года, вызвавшие могучие силы народа и колоссальное напряжение народной энергии, обусловили стремление найти в народной жизни основные движущие силы и начала. В 1830-40-е годы наблюдается «ренессанс» идеи борьбы за национальные основы культуры, но уже в контексте проблемы принципиального политического и идейного противостояния России – Европе. Русская культура желала не просто соответствовать уровню европейской, освоив новейшие её достижения, но войти в мировое сообщество с собственным вкладом, то есть «национальной школой». Философская рефлексия на тему «народность» стала необходимым условием российской культурной самоидентификации. Аналогичная ситуация складывалась и в Германии, Франции, Скандинавии, Англии. Симптоматична синхронность постановки национального вопроса в философской вариации на Западе и в России, что свидетельствовало о том, что последняя уже включилась в общеевропейский культурный контекст.

Судьбы И. И. Срезневского и Н. В. Гоголя удивительным образом оказались вкомпонованными в культурно-исторический контекст российской действительности XIX века. Годы их молодости совпали с тем временем, когда в Малороссии начало особенно развиваться изучение народной старины и поэзии, принявшее тогда особое романтическое направление и в остальной России. Результатом юношеских этнографических работ И. И. Срезневского был выход в свет «Запорожской старины» (с 1833 по 1838 г.) — сборника материалов по истории Украины, заключавшего в себе собрание исторических песен и дум малорусских, свод малорусских летописцев и извлечений из других исторических документов, в сопровождении объяснительных примечаний и заметок о быте и нравах запорожцев. «Запорожская старина» сыграла чрезвычайно важную роль в деле развития изучения украинской народной поэзии и произвела сильнейшее впечатление на современников; выдвинув И. И.

Срезневского и как учёного собирателя-этнографа, и как талантливого писателя-украинофила. Примерно в это же время обретает свою первую литературную славу и Н В. Гоголь. В 1831 году в Петербурге произвели настоящий фурор «Вечера на хуторе близ Диканьки» пасечника Рудого Панька (под таким литературным псевдонимом скрывался юный провинциал Николай Гоголь). Заочный диалог И. И. Срезневского и Н. В. Гоголя завязался уже в марте 1834 года: письмо к автору «Запорожской старины» содержало гоголевский разбор этого произведения. Народной песне Гоголь, как известно, посвятил многие свои труды. Одна только "арабеска" «О малороссийских песнях» имеет значение важнейшего исследования и искусствоведческого эссе, являясь одновременно и образцом великолепной российской прозы. Личное знакомство И. И. Срезневского и Н. В.Гоголя состоялось в начале октября 1839 года, когда Измаил Иванович провёл в Москве несколько дней перед отъездом в западно-славянские земли. Тогда же была сделана Гоголем в альбоме Срезневского запись, содержащая пожелание обретения фольклорного материала — запись, отражающая глубокий и постоянный интерес обоих мыслителей к славянской культуре: «Душевно желаю вам набрать, прибрать, раздать и привезти всякого добра» [4, с. 473-474].

В сороковые годы мироощущение Н. В. Гоголя значительно меняется. Если раньше Н. В. Гоголя привлекали события минувшего, то теперь он обращается к современности. Писателя интересует общее состояние мира и в ещё большей степени – место России в нём. Уже в первых редакциях повестей «Тарас Бульба» и «Портрет» (1835 г.) обозначены контуры гоголевской мироконцепции. Мир Запорожской Сечи противостоит миру Западному и Восточному. «Козаки» насмерть бьются с польской шляхтой и турецкими завоевателями. Главный герой повести «Портрет» русский художник теряет свой природный талант и гибнет, так как уступил соблазнам западной моды и не смог противостоять «дьявольской» силе ростовщика-азиата. Таким образом, и в ранних редакциях повестей Н. В. Гоголь, помимо всего прочего, делает

намёк на срединное положение России в мире, между Востоком и Западом. Русский мир отделён от Востока и Запада, но в то же время подвержен воздействию с той, так и с другой стороны. Во вторых редакциях тех же повестей (1842 г.) «русский акцент» особенно заметен: Запорожье уже не юг Малороссии, а Русский край, «козацкая» сила – сила Русской земли.

Примечательно, что представления И. И. Срезневского о языковой картине мира также претерпевают значительные изменения. Особого внимания заслуживает статья-письмо И. И. Срезневского к И. М. Снегирёву — «Взгляд на памятники украинской народной словесности» (1834). Она интересна в том отношении, что в ней автор высказывает своё мнение о языке малорусском в связи с великорусским, в те годы признавая его самостоятельным языком, имеющим полное право на литературное существование. Этот взгляд впоследствии значительно изменился: в своих лекциях И. И. Срезневский отношение малорусского наречия к русскому языку уже приравнивал к отношениям местных говоров в литературах других европейских языков к языку господствующему. По мысли позднего И. И. Срезневского, нет необходимости делать украинскую письменность самостоятельной, отдельной литературой, принадлежащей как бы отдельному народу.

Безусловно, новые убеждения стали следствием огромной внутренней мировоззренческой работы обоих мыслителей. Историк и богослов Г.В. Флоровский назвал «замечательное десятилетие» (1838-48 гг.) решительной фазой в развитии религиозного чувства, имея в виду высокий уровень общественного внимания к центральному элементу теоретической доктрины «официальной народности» – Православию. [5, с. 245] Факт идеологической легитимации положения Православия как государственной религии следует отнести к реалиям «николаевского» времени, влиявшим на общественное сознание. Известная триада «Православие, Самодержавие, Народность» имела собственной логикой конструкцию, относившуюся к феномену антисекуляризма. В XIX веке Россия оказалась включённой в общеевропейский

процесс смены типов культур, что выражалось во внедрении в умственный обиход комплекса буржуазных идей (примат закона, святость и неприкосновенность частной собственности, политические и гражданские права и свободы), в постепенном вытеснении философии Просвещения множеством чередующихся, часто полярных интеллектуальных течений. В культурно-психологической сфере воздействие этих явлений было очень велико. В обществе складывался «ищущий» тип людей, задумывавшихся над мировоззренческими вопросами. Часть интеллектуалов философски осваивала сложнейший комплекс православно-аскетической догматики. Для других открывался путь глубоко личного постижения христианства. Возникали светские вариации осмысления христианской традиции и в литературе, а обращение к духовному опыту их авторов открывает новые грани в познании русского общества XIX века.

Высокая степень синтетизма русской культуры и её восприимчивость к внешним воздействиями обусловили появление нового феномена литературно-духовной реальности, которая в XIX веке формировалась на стыке светской и православной культурной традиции. В. В. Зеньковский определяет 1836-40 гг. периодом «религиозного рассвета» в жизни Н. В. Гоголя, когда писатель самостоятельно выходит на путь религиозного пересмотра всех тем жизни. И до этого момента у Н. В. Гоголя была склонность задумываться над религиозными вопросами, но теперь «стояние перед Богом» становится его настоящей потребностью» [1, с. 147].

Круг общения писателя расширяется благодаря знакомству с богословами и церковными публицистами. В Веймаре он знакомится с постоянным корреспондентом Петербургской Духовной академии, православным священником С. К. Сабининым, живо интересовавшимся историей и археологией. Примечательно, что С. К. Сабинин печатал статьи по русской филологии и русским древностям в отечественных журналах и исторических сборниках М. П. Погодина. Сам С. К. Сабинин состоял в

оживлённой переписке с И. И. Срезневским, чешскими славистами В. В. Ганкой и П. И. Шафариком.

Сложные личные религиозные искания Н. В. Гоголя вылились в общественную проповедь и гласную исповедь, прозвучавшую в «Выбранных местах из переписки с друзьями», которые были опубликованы в 1847 году. В 32 главах книги Н. В. Гоголь оглядывает современную ему жизнь России «прозирающим» взглядом христианина. Ещё в период работы над «Мёртвыми душами» (в 1840-е гг.) художник слова последовательно отходит от активного участия в общественной жизни, постепенно вступает на путь «интеллектуального иночества и внутреннего затвора». Период духовной сосредоточенности сменяется полосой крайнего морализирования, желания непременно поучать, чуть ли не насильственно вести к благу соотечественников.

В начале 1840-х гг. Н. В. Гоголь пишет для своих друзей и знакомых ряд духовно-нравственных наставлений или «правил», которыми они должны руководствоваться в повседневной жизни. В письмах отчётливо проявляются черты «учительства», писатель ощущает, что «… властью свыше облечено отныне <его> слово …» [2, с. 65]. Он становится почти навязчив в советах друзьям и чувствует себя их духовным наставником. Н. М. Языкову пишет так: «Ничего не в силах я тебе более сказать, как только: верь словам моим. Я сам не смею не верить словам моим» [3, с. 372]. Другу детства А. С. Данилевскому: «Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобой мое слово и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова <…>» [2, с. 65]. За докучливым морализаторством и стремлением поучать скрывался поиск писателем адекватной формы для выражения, по В. В. Зеньковскому, собственной «религиозной весны» – подъёма духовного [1, с. 373]. Желание учить, наставлять (сначала людей близкого Н. В. Гоголю круга, а затем воздействовать на всё русское общество) возникло из жажды послужить Богу через данный ему дар Слова.

Судьба И. И. Срезневского представляет собой особый путь служения Слову. В основе всей научной деятельности учёного во второй половине жизни лежали труды филологические. Первые работы И. И. Срезневского по филологии относятся ещё ко времени его путешествия по западным славянским землям и частью к более ранним годам. В том числе: лингвистическая характеристика «О славянских наречиях» — (1841 г.), «Исследование о границах славянских наречий» (1843 г.), «Обозрение средства звуков в славянских наречиях» (1845 г.). С переездом в Петербург, открывшим И. И. Срезневскому доступ к памятникам русского письма, филологические разыскания его по преимуществу направились к историческому изучению русского языка. Первым результатом этих работ был замечательный труд «Мысли об истории русского языка». В нём впервые было высказано убеждение о необходимости исторического изучения языка в связи с историей народа, разобраны особенности древнего русского языка в его постепенных изменениях. Указав в «Мыслях» программу дальнейшей работы для созидания истории русского языка, И. И. Срезневский сам приступил к постепенному её выполнению путем изучения отдельных памятников языка, как старославянского, так и древнерусского, путём подготовительных словарных работ для общего исторического русского словаря и собирания материалов для «Словаря древнерусского языка». Труд всей жизни академика Российской императорской Академии наук так и остался не завершённым. Словарь после смерти И. И. Срезневского сохранился в ряде частных словарей к отдельным памятникам русской словесности.

Публицистическое осмысление христианских основ русского слова, начатое Н. В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», бескрайние горизонты энциклопедических научных проектов по изучению славянской филологии И. И. Срезневского составили особый эмоционально-интеллектуальный обертон развития русской культуры века. В последние девять лет своей жизни Н. В. Гоголь переживал трудный, болезненный,

одновременно невольный и глубоко осознанный переход от новоевропейского, светского типа художественного мировосприятия к древнерусскому, православному. Он совершал этот переход как в самом художественном творчестве, так и в теоретическом его осмыслении. Любовь к Русской словесности стала мерилом духовной зрелости И. И. Срезневского. Этот путь всегда «подвижничество» и для личности, и для творчества в целом. «Интеллектуальное иночество» – путь духовной сосредоточенности, из которого вырастало «литературное подвижничество» как способ активного вхождения в мир, можно отнести к основным чертам русской интеллигенции, наиболее ярко проявившимся в подвиге научного служения И. И.Срезневского и «позднем» творчестве Н. В. Гоголя, фигуры которых являются в этом смысле знаково-символическими.

Список литературы

1. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. – 368 с.

2. Н. В. Гоголь – А. С. Данилевскому. 26 июля (7 августа) 1841 г. Рим // Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. /Сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виролайнен /. - М.: Художественная литература, 1988. – Т. 1.- 788 с.

3. Н. В. Гоголь – Н. М. Языкову. 15(27) сентября 1841 г. Дрезден // Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. /Сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виролайнен /. - М.: Художественная литература, 1988. – Т. 2.- 526 с.

4. Н. В. Гоголь – И. И. Срезневскому. 23 сентября (10 октября) 1839 г. Москва // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 томах. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. XI. – 484 с.

5. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. - Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988. – 599 с.

Валитов А. Р. (Ярославль, Россия)

ПРОФЕССОР ВЫСШИХ НАУК УЧИЛИЩА ИОГАНН ШМИДТ И ЕГО ОЧЕРК «ЯРОСЛАВЛЬ В 1809 ГОДУ»

Фридрих Шмидт – один из первых профессоров Ярославского высших наук училища, который начал свою преподавательскую деятельность в этом учебном заведении вместе с профессором И. Е. Срезневским, отцом будущего академика. «Ярославль в 1809 году» - одно из первых описаний города, написано самобытно и ярко.
Ключевые слова: Ярославское высших наук училище; 1809 год; профессор Фридрих Шмидт.

Valitov A. R. (Yaroslavl,Russia)

ПРОФЕССОР ВЫСШИХ НАУК УЧИЛИЩА ИОГАНН ШМИДТ И ЕГО ОЧЕРК «ЯРОСЛАВЛЬ В 1809 ГОДУ»

Frederik Shmidt is one of the first professors of the Yaroslavl Higher Education college, who began his professional career there together with professor I.E. Sreznevsky – the father of a famous scientist. His article “Yaroslavl in 1809”, including one of the first descriptions of the town, is written in a vivid original way.
Key words: Yaroslavl Higher Education college; the year 1809; professor Frederik Shmidt.

Официальное открытие Ярославского Демидовского высших наук училища состоялось 29 апреля 1805 года. К этому времени в училище уже читали лекции пять штатных преподавателей. Помимо И.Е.Срезневского, который вел занятия по эстетике, риторике, древним языкам и литературам, Василий Шишацкий читал лекции по математике, Иоганн Вильке по правоведению, профессор Карл Яниш преподавал естественные науки; он же был первым назначен на должность проректора училища (главную в этом учебном заведении, которая вместе с советом училища была до 1823 года подотчетна Совету Московского университета). После отъезда К.И.Яниша в этой должности некоторое время состоял И.Е.Срезневский.

За относительно недолгий период своего пребывания в Ярославле в биографиях первых проректоров училища можно отметить два одинаково

радостных события. Не задолго до отъезда каждого из них из Ярославля на новые должности, в их семьях рождаются дети, творческие судьбы которых будут вписаны как славные страницы в историю русской литературы и науки. Накануне рождения сына Измаила (13 июня 1812 года) И.Е.Срезневский был избран профессором по кафедре российского красноречия и поэзии Харьковского университета. Отъезд к новому месту службы семьи будущего выдающегося лексикографа происходил в то время, когда наполеоновская армия стремительно продвигалась вглубь территории Российской империи. Двумя годами ранее в семье К.И.Яниша, который вскоре получит место профессора в Московском университете, родилась дочь. Каролина Яниш (Павлова - в браке с известным беллетристом 30-40-х г.г. Н.Ф.Павловым) станет одной из самых известных женщин-поэтов девятнадцатого века.

Дольше всех в Высших наук училище прослужит профессор Фридрих Шмидт, читавший лекции по философии и логике. Его перу принадлежит очерк «Ярославль в 1809 году» - одно из первых описаний города, выполненное в литературном жанре. Написанный на немецком языке, очерк был впервые опубликован в русском переводе в журнале патриотической и монархической ориентации «Русский вестник», издаваемом поэтом С.Н.Глинкой, уже в послевоенное время [см.: Шмидт Ф. О Ярославле // Русский вестник. 1817. № 15-16. С. 4-62].

Шмидт Иоганн Фридрих (Фридрих Андреевич) (1766-1845) - один из первых преподавателей училища (потом - лицея), работал в нем с 1804 года по 1830 год, когда был вынужден уйти со службы по состоянию здоровья. Ф.Шмидт был уроженцем Саксонии. Вскоре после окончания Лейпцигского университета поступил на русскую службу (1792 год). Переехав в Россию, Ф.Шмидт обрел для себя новую Родину, которой верно и ревностно служил на протяжении всей последующей жизни. За свои усердия на поприще науки и просвещения ярославский профессор удостоился высокого чина статского советника и был пожалован орденом Святого Владимира четвертой степени. О

характере проникновения в русскую жизнь этого чуткого и честного человека свидетельствует очерк «Ярославль в 1809 году».

Очерк написан языком той эпохи, когда слову «поэзия» не были чужды все стили и подстили языка. Ф.Шмидт не только умело воссоздал облик города, используя свой опыт ученого, занимавшегося статистикой, экономической географией, но и одухотворяет его колоритом сентименталистской поэтики, когда чувственность будит фантазию. Такой он представляет читателю Волгу в Ярославле - главную транспортную артерию России и один из символов национального бытия: «В продолжение всего лета еще издали там можно видеть из внутренности страны в бесчисленном множестве плывущие суда, нагруженные различными туземными произведениями, которые спокойно и терпеливо несет на своем хребте великая река, и несет она эти произведения далее в резиденцию могущественного монарха… Здесь одновременно в великом множестве с надутыми парусами, подобно водным городам плывущие суда, деятельность и движение на них людей нагрузка и выгрузка товаров на берегах обеих рек, мерное пение грубых бурлаков, и в то же время слышимое пение народных песен приятно занимают наблюдателя и разгоняют в нем грустные думы, как ветер разгоняет солому» [цит. по: Шмидт Ф. Ярославль в 1809 году. // Ярославская губерния в начале девятнадцатого века: Материалы историко-статистических описаний/ Гос. архив Яросл. обл. Ред. - сост. Я.Е.Смирнов. Ярославль 2008. - С. 169. Далее в тексте ссылки на это издание в виде указания страниц].

Находясь в Рубленом городе, автор не преминул сказать о том старом и новом, что приметил бы любопытствующий взгляд в этом историческом сердце города: «Никаких следов не осталось от деревянной крепости, которая в старину находилась в Рубленом городе. Вместо ее, возле кафедрального собора, можно теперь видеть значительно массивное здание в три этажа высших наук училище, окруженное каменной стеной. Внимательный взгляд на это здание заставляет наблюдателя удивляться. Оно напоминает ему о том беспримерном

даре, который был принесен знаменитым Демидовым на алтарь своего Отечества для споспешествования наукам. [С. 169]. Для нужд училища был предназначен новый архиерейский дом в Рубленом городе, построенном во второй половине восемнадцатого века. В описываемое в очерке время шла его перестройка под нужды училища, которая будет завершена только в конце 20-х г.г. архитектором П.Я.Паньковым. В одном из корпусов училища размещались квартиры, в которых жили профессора и их семьи. В одной из них появится на свет Каролина Яниш.

Далее автор следует через Медведицкий овраг по Фроловскому мосту, который скоро будет заменен насыпью. Там начинались бывшие посады Земляного города: будущая Плацпарадная, Ильинская площади, часть Набережной, Угличская и Власьевская башни, Казанская улица и Большая линия. Но это был другой Ярославль, пока еще хранивший свой средневековый облик. Пройдет немного времени и после Наполеоновских войн начнется интенсивное строительство. Через несколько десятилетий многое переменится в устройстве города. Не случайно, что уже через пятьдесят лет местные историки будут с большим интересом читать этот очерк.

Особым колоритом веет от зарисовок экономической жизни города. В названии мануфактур, перечислении видов деятельности ярославского купечества, в описании состояния торговли содержится особый смысл, заключенный в глубоком понимании уроженцем Саксонии русской жизни. Даже о том, с чем иностранцы почти не могут примириться в России, он пишет не без доброго юмора: «Зима в Ярославле начинается обыкновенно в октябре и оканчивается в начале апреля. Холод доходит иногда до 30 градусов, но не слишком чувствителен, потому что дрова здесь очень дешевы» [С. 174].

В заключении своего очерка и в соответствии с особенностями этого, в целом, непритязательного жанра - как бы мимоходом - Ф.Шмидт приводит очень любопытные наблюдения, касающееся жизни разных сословий горожан (а шире - русских людей): «На зиму дворяне приезжают в город, и тогда

высшие сословия находят приятное время препровождение в театре и благородных собраниях. Купцы находят свое удовольствие более в санной прогулке, которой они наслаждаются всю зиму… Вообще кажется, что простота и не испорченность нравов здесь еще господствуют в простом народе, а достохвальная приверженность его к вере своих отцов заслуживает внимания наблюдателя» [С. 174]. Не над этим ли самым на протяжении последующих ста лет билась великая русская литература, и не разглядел ли русские антиномии одним из первых ярославский профессор Фридрих Шмидт?

Список литературы

1. Шмидт, Ф. Ярославль в 1809 году [Текст] // Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-статистических описаний / Гос. архив Ярославской обл.; Редактор-составитель Я.Е. Смирнов. Ярославль, 2008.
2. Шмидт, Ф. Ярославль в 1809 году [Текст] Публикации и примечания А. Соколов // ЯГВ. 1866. Ч.н. № 44. С. 475; № 45. С. 487-488; № 47. С. 510.
3. Шмидт, Ф. О Ярославле [Текст] // «Русский вестник». 1817. № 15-16. С. 42-62.

Ермолаева Л. С. (Санкт-Петербург, Россия)

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ «МЫСЛЕЙ ОБ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА» И. И. СРЕЗНЕВСОГО

«Все ли, что есть в санскритском, принадлежало некогда и всякому индоевропейскому языку?»[1]

Зарождение сравнительно-исторического языкознания в России справедливо связывают с именем А. Х. Востокова (1781-1864), опубликовавшего свои труды через несколько лет после Р.Раска и Фр. Боппа. Следующим этапом развития отечественной компаративистики почти одновременно явились работы Ф. И. Буслаева (в Москве) и И. И. Срезневского (в Петербурге). Будучи командирован в 1839 г. для научной подготовки за границу, И. И. Срезневский изучал у Фр. Боппа санскрит. Биографы И. И. Срезневского рассказывают, что Фр. Бопп уговаривал его посвятить изучению санскрита полгода, но И. И. Срезневский уже имел к этому времени четкий план научных занятий и стремился не «отлично знать санскрит», а «понять его» и постичь, как понимают германские ученые метод сравнительного изучения языков»[2] (заметим, что к этому времени Фр. Бопп еще не был знаком с открытиями А. Х. Востокова).

В 1849 г. И.И.Срезневский выступает на годичном торжественном собрании Петербургского университета с речью, содержащей программу изучения истории русского языка в сравнительно-историческом освещении[3], и в том же году становится по рекомендации А. Х. Востокова адъюнктом, а с 1854 г. – ординарным академиком Российской Академии наук. Программное сочинение И. И. Срезневского оказало большое влияние на дальнейшее развитие отечественной компаративистики. Назовем лишь источники научного

[1] И.И.Срезневский. Мысли об истории русского языка. М., 2006. С.105.
[2] Г.А.Богатова. И.И.Срезневский. М., 1985. С. 28-29.
[3] См. последнее издание: А.А.Срезневский. Цит. соч. С. 16-81.

изучения истории русского языка, как они представлены в «Мыслях»: 1) старые памятники, рукописи, порче которых автор объявляет беспощадную войну; 2) русские наречия; 3) современный русский литературный язык; 4) родственные языки. К осуществлению изложенной им программы И. И. Срезневский сразу же и приступил.

Наряду с хорошо известными изданиями «Мыслей», заслуживают внимания «Лекции И. И.Срезневского по истории русского языка в 1849/50 гг. в Петербургском университете» в записи его любимого студента Н. Г. Чернышевского с исправлениями и дополнениями самого И. И. Срезневского[4]. Н. Г. Чернышевский начал составлять эти записи по просьбе И. И. Срезневского 22 сентября 1849 г., а в марте 1850 г. закончил составление и отнес рукопись своему учителю. В этих «Записях» особенно бросается в глаза дополнение автора-лектора к с. 27 (после первого абзаца третьей главы «Мыслей»): «Но здесь является вопрос: Сходство между всеми индоевропейскими языками огромное, особенно в корнях; но непомерная между ними и разность, особенно по богатству и бедности форм. В санскритском, например, 4 залога. 5 наклонений, 8 падежей и т.д.; а в Neuhochdeutsch почти все, в английском, можно сказать, все формы потеряны. «Потеряны» говорится обыкновенно; – и действительно, очень многое в этих языках и в самом деле потеряно, потому что было прежде; но спрашивается, были ли некогда в них все те формы, которые есть в санскритском? Вообще, все ли, что есть в одном из индоевропейских языков, все ли, по крайней мере, что есть в санскритском, принадлежало некогда и всякому индоевропейскому языку? Решить этот вопрос можно двумя способами: – сказать: «все, что есть в санскритском, было и во всех индоевропейских языках»; ответ очень простой, и никак нельзя будет доказать его несправедливость. Но беспристрастие и непредубежденность не позволят, кажется, отвечать так.

[4] Архив АН СССР (ф. 216, оп. 3, № 728). См. также: И. И. Срезневский. Цит. соч. С. 88-134.

Народы индоевропейского племени, пока еще не разделились на частные народы, могли иметь в общем языке своем вовсе не так много форм, как сколько развили их после разделения некоторые из языков частных народов, продолжавшие развивать формы. Да и те языки, которые продолжали развивать свои формы, могли пойти различными путями в этом развитии. Так и в санскритском прежде разделения общего языка индоевропейского племени на языки частных народов могло быть только три падежа, а не 8, и остальные пять падежей могли развиться только уже после отделения его от общего языка; и очень может быть, что некоторые из этих новых пяти падежей никогда и не развивались во многих индоевропейских языках. Так не следует и того, чтобы в европейской отрасли этих языков были когда-нибудь все формы, какие есть в азиатской, и наоборот»[5].

Мысли, поистине, актуальные не только для своего времени, но и сохранившие свою актуальность в дальнейшем. Потребовалось много времени, прежде чем была решена проблема «десанскритизации» индоевропейского сравнительно-исторического языкознания: «В силу исторических обстоятельств санскрит в начале развития индоевропеистики играл доминирующую роль, которая мешала видеть реальное положение вещей целому ряду поколений лингвистов»[6]. ««Санскритоцентризм»» стоял в основании индоевропеистики»[7].

Как представляется, даже в настоящее время компаративистика не до конца освободилась от отдельных случаев проявления «санскритоцентризма». Во всяком случае имеются проблемы, требующие, на наш взгляд, методологического осмысления именно в этом плане. Одной из таких проблем является вопрос о наличии винительного падежа в общегерманском. Рассмотрим его подробнее.

---

[5] И.И.Срезневский. Цит. соч. С. 104-105.
[6] М.Майрхофер. Санскрит и языки древней Европы. Два века открытий и диспутов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М., 1988. С. 522.
[7] Там же. С. 509.

А БЫЛ ЛИ АККУЗАТИВ?

(К проблеме реконструкции аккузатива и презумпции аккузативности древних германских языков)

Итак, речь пойдет о возможности реконструкции для раннегерманского окончания винительного падежа единственного числа о-основ мужского рода *-an, восходящего, согласно широко распространенному мнению, к и.-е. *-om[8]. Данная реконструкция основывается на сопоставлении германского материала с материалом других индоевропейских языков, а именно: греческим окончанием -on, древнепрусским -an, древнелатинским -om, санскритским -am[9],однако не находит убедительного обоснования в рамках собственно германского материала. Ср. готск. *dag*, рун. *staina*, др.-исл. *dag*, др.-англ. *dæʒ*, др.-сакс. *dag*, д.-в.-н. *tac*, обще-герм. **daga*[10]. Неубедительность аргументации в пользу раннегерманского окончания *-an отмечалась уже А. Мейе, ср.: «ни одна из засвидетельствованных форм существительных этого типа не дает прямого доказательства, что носовой гласный еще сохранялся (подчеркнуто нами – Л. Е.) в общегерманском языке». Таким образом, – заключает А. Мейе – «…восстановление общегерманских форм содержит иногда известную долю недостоверности»[11]. Отметим, что сам А. Мейе принимал во внимание при характеристике, например, праиндоевропейской глагольной морфологии, только явления, подтверждаемые свидетельством, по крайней мере, двух языков[12]. На недостаточность такого количества языков, засвидетельствовавших необходимые формы, справедливо указывает Г.А.Климов[13]. Неубедительность интерпретации некоторых других раннегерманских реконструкций отмечает и Э. А. Макаев:

---

[8] См., например, Э.А.Макаев. Вопросы именного склонения в древних германских языках // Труды ИЯ АН СССР. Т.IX. Вопросы германистики. М.,1959. С. 15; Его же. Именное склонение в германских языках // СГГЯ. Т.3. М.,1963. С. 181-182.

[9] А.Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 28.

[10] Э.А. Макаев. Вопросы именного склонения…. С. 151.

[11] А. Мейе. Основные особенности....С. 28.

[12] А.Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.,1938. С. 263.

[13] Г.А.Климов. Основы лингвистической компаративистики. М.,1990. С. 44-45.

«…схематизирование реальных соответсвий германских языков можно показать на примере формы вин. п. ед. ч. ā-основ: гот. *giba*, исл. *gjǫf*, др.-англ. *gjefe*, др.-в.-нем. *geba*. Несводимость данного форматива к индоевропейскому прототипу *-om уже давно признавалась исследователями: отсюда попытки объяснить данный форматив аналогическими воздействиями или конструирование звуковых законов ad hoc, что, вообще говоря, весьма типично для трактовки законов конца слова в германских (да и не только в германских!) языках»[14].

Возникает вопрос: почему при отсутствии убедительной интерпретации раннегерманской реконструкции *-an большинство исследователей все же не сомневаются в возводимости данной флексии к индоевропейскому *-om? Здесь, думается, сыграли определенную роль три обстоятельства. Первое - прозрачная правдоподобность предполагаемых фонетических преобразований, подтвержденная иным материалом германских языков: -om >-an >-ą >-a > *нуль*, где лишь переход -a > *нуль* подтверждается письменными памятниками непосредственно для рассматриваемой формы[15]. Иными словами, развитие -om > -an >-ą >-a > *нуль* могло иметь место. Второе – исследовательская традиция возводить германские форманты к индоевропейским, основанная на предположении, что индоевропейская флексия разрушалась в германском. И это тоже подтверждается многими процессами, происходившими в германских языках. Иными словами, и это тоже правдоподобно. Но, думается, не более того. Наконец, третье и, на наш взгляд, наиболее существенное обстоятельство – презумпция обязательности аккузатива (или, более того, специального показателя аккузатива) в раннегерманском, основанная на отсутствии верификации реконструированной модели с привлечением материала индоевропейских языков раннеономинативного строя. Эти (а может быть, и некоторые другие) обстоятельства могли привести к тому, что в

[14] Э.А.Макаев. Вопросы именного склонения... С. 15.
[15] Там же. С. 160.

сравнительной грамматике германских языков как инновации рассматриваются модели, представляющие собой скорее реликты пройденного типологического состояния (дономинативного строя). Если это так, то придется попытаться ответить на вопрос: В силу каких обстоятельств в германском языковом ареале сохранились эти архаичные модели? Думается, все это требует не только типологической верификации, но и межаспектно-типологического подхода. Разумеется, такой подход не обещает ни окончательного решения вопроса, ни исчерпывающего описания реконструированной модели. Единственное, на что при этом может рассчитывать исследователь, – показать допустимость множества решений (как это и должно быть при любой реконструкции), в частности допустимость реконструкции безаккузативного этапа развития общегерманского (или хотя бы такого этапа, когда аккузатив не имел специального показателя, отличаясь от номинатива, таким образом, нулевой флексией). Для верификации безаккузативной ранненоминативной модели может быть использован материал, например, древнегрузинского языка, что и будет предпринято ниже.

Показательно, что до сих пор в германистике как-то непонятно уживаются идеи о функциональной неразвитости аккузатива как падежа прямого дополнения, с одной стороны, и о разрушении в германском маркеров этого падежа, восходящих к индоевропейской модели. Такое несоответствие процессов, протекавших в плане выражения и в плане содержания (первые интерпретируются как опережающие вторые!), не может не вызвать сомнений в правомерности вывода о наличии аккузатива в прагерманском. Учитывая высказанные выше сомнения, реконструировать окончание аккузатива *-an в прагерманском вряд ли целесообразно. Речь может идти об окончании *-a, засвидетельствованном в руническом. Но реконструкция в языке-основе какой-либо формы по данным лишь одного и даже двух языков сомнительна (ср.: вин. ед. готск. *dag*, рун. *staina*, др.-исл. *dag*, др.-англ. *dæʒ*, др.-сакс. *dag*, д.-в.-н. *tag*). Возможно, рунический засвидетельствовал вовсе не реликт общегерманского, а

ареальную особенность, в то время как другие языки не знают окончания винительного падежа единственного числа. Совершенно очевидно, что -a в руническом, воспринимаемое уже как флексия (ср.: имен. -aR, род. -as, дат. -e, вин. -a), восходит к основообразующему суффиксу (индоевропейские основы). Аккузатив на -a противостоит номинативу на -aR (*dagaR*). На первый взгляд, оба падежа являются маркированными, но только при условии, что R номинатива не имеет собственной функции, которую оно способно выполнять в других падежах без -a-. Иными словами, если основообразующий суффикс уже не выделяется, а выступает в качестве (или в составе) падежной флексии, то можно ли в равной мере не сомневаться в том, что –R (<-z<-s<указат. местоимение) полностью завершило процесс слияния с падежным окончанием, а не превратилось, скажем, в постпозитивный артикль или же в показатель топика, как это имеет место в ряде неиндоевропейских языков? В каких падежах, кроме номинатива, встречается это -R? Каков коммуниктивно-динамический статус существительных на -R в соответствующих рунических надписях?

Ответы на эти вопросы вряд ли удастся когда-либо получить в силу ограниченности материала. В таком случае было бы целесообразно проявить некоторую осторожность в трактовке оппозиции *stainaR* (им. п.)/*staina* (вин. п.), учитывая, что во всех других древних германских языках специального показателя винительного падежа не было. Произошла ли редукция -a-, восходящего к основообразующему суффиксу, одновременно в «номинативе» и «аккузативе», т.е. до того как возникла сама эта оппозиция, иными словами, в рамках еще абсолютного падежа, или же существовал этап, когда один из этих падежей сохранял -a-, хотя другой член оппозиции его утратил? Иными словами, не имеем ли мы в руническом единую форму абсолютного падежа на -a, к которой в позиции подлежащего-топика суффигируется показатель -R(<-z<-

s<указательное местоимение)[16]. Естественно, большее, что, возможно, удастся показать, – это то, что подобное положение вещей не исключается. Поэтому приведем некоторые доводы, свидетельствующие, на наш взгляд, о возможности подобного развития.

Первое: ознакомление с корпусом древнейших рунических надписей[17] выявило, что в формах на -R, притом не только в номинативе и не только в о-основах, выступают существительные с определенной референцией, чаще всего это одушевленные, даже имена личные, т. е. референциальный статус указательного местоимения сохраняется, что функционально напоминает статус определенного артикля. Указательные местоимения здесь встречаются довольно редко. Второе: фонема-графема R имела особую дистрибуцию, появляясь лишь в абсолютном исходе слова (110 случаев) и лишь редко в интервокальной позиции (5 случаев), но совершенно недопустима в начале слова или же перед согласным, что, по мнению Е. Салбергера, позволяет говорить о R как о сигнале словораздела[18].

Контрдоводом против трактовки -R как своего рода определенного артикля (т.е. против наличия у него определенной референциальной функции) может служить отсутствие форм соответствующих падежей без -R, т.е. отсутствие оппозиции «определенность /неопределенность» в рамках одного и того же падежа. Думается, этот «контрдовод» может получить свое объяснение: в контекстах старших рунических надписей просто отсутствуют ситуации, где была бы возможна неопределенная или же несоотнесенная референция. Поэтому отсутствие в рунических надписях формы им. п. ед. ч. типа *staina* (без

---

[16] Интересно сопоставить в этом плане руническое существительное AfatR «память» как часть стереотипной формулы «в память о...» и предлог after «после, потом, за, по», встречающиеся в одной и той же надписи. См.: А.И.Смирницкий. Отпадение конечного z в западногерманских языках и изменение z в r. // Труды ИЯ АН СССР. Т.IX. Вопросы германистики. М., 1959. С. 122-125; Э.А.Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965. С. 103,107,117.

[17] См. Э.А.Макаев. Язык...

[18] E.Salberger. Die Runogramme der Goldbrakteaten von Väsby und Äskatorp // Kungl. Hum. Vetenskapliga i Lund Ärsberättelse 1955-1956. Bd.3. 1956. S. 130-131.

-R) еще не означает его отсутствие в разговорной речи того периода. Кроме того, представляет известный интерес надпись из Эггъюма *nissolusotuknisAksestAinskorini [s Ati] mǫRnAkdąnisnaArƀiRni/wi/ltiRnivviltiRmąnRIAgi[ƀ]o*, означающая в интерпретации Лис Якобсен «Камень не был (освещен) солнцем, и нож не коснулся его; (злые) волшебники не должны обнажить камень), ни обманутые, ни ослепленные (колдовством)»[19], где представлена форма *stain* «камень», контекст же позволяет допустить здесь семантику «(один, некий) камень, т.е. один из многих». Кроме того, камень выступает в этой ситуации в качестве пациенса.

Подведем итоги. Наиболее вероятной представляется трактовка окончания -а винительного падежа мужского рода о-основ в древнейших рунических надписях как ареального явления. При отсутствии его в других древних германских языках реконструкция общегерм. **daga* сомнительна. Тем более маловероятно существование в раннем общегерманском окончания *-an, восходящего к и.-е. *-om. Существование немаркированного особым окончанием винительного при маркированном именительном представляет собой закономерный этап становления падежной системы номинативного строя и объясняется особым референциальным статусом падежа, оформляющего наименование активного производителя действия (референция определенности)[20]. Сохранение или же редукция основообразующего о(>а) в именительном и винительном не дает расхождений, несмотря на то, что в винительном падеже это -а стоит в руническом в абсолютном исходе, в именительном же – перед -R. Сохранение или же редукция «а» в именит. и винит., по-видимому, регулировались его функциональным статусом, общим или различным для обоих падежей. Интерес представляет хронологическая

[19] Э.А.Макаев. Язык... С. 101.
[20] B.Comrie. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology. Chicago,1981. P.121.

соотнесенность двух процессов: 1) разрушение реликтов основообразующего гласного; 2) утрата референциальной семантики показателем номинатива -r<-R<-z<-s< указательное местоимение. Если реликты основообразующего гласного сохранялись до полной утраты показателем номинатива семантики определенности, то приходится говорить о существовании в падежной системе абсолютного падежа (вместо именительного и винительного) и о дополнительном маркировании этого падежа в позиции подлежащего артиклеобразным показателем, восходящим к указат. местоимению. Для проверки реальности существования такого падежа необходим анализ большого количества текстов на различных языках. Рунические надписи такой возможности не предоставляют. Однако это не должно служить поводом для отказа от дальнейших поисков. В частности, полезным представляется обращение к материалу языков ранненоминативного строя типа древнегрузинского или чанского (лазского), где падежи на -man (др.-груз.) или на -k (чанский) выполняют определенную референциальную нагрузку, близкую именит. падежу на более продвинутом этапе развития номинативного строя (материал см. ниже).

Формальная сводимость номинатива к форме аккузатива + некий остаток указательного местоимения делает возможной постановку вопроса об отсутствии соответствующей падежной оппозиции в данном языке, если, конечно, не принять за аксиому, что форма винительного падежа на *-an присутствует как результат разрушения прежней индоевропейской формы на -om. Но такая аксиома может противоречить реальным фактам развития, так как аккузатив на -om сравнительно позднее образование, которому предшествовал этап с отсутствием винительного, а, следовательно, и именительного падежа. В таком случае методологическая проблема заключается в том, чтобы решить вопрос об инновационном, либо архаическом положении германского по отношению к санскриту, древнегреческому, латинскому и др.

Рассмотренная здесь проблема не нова. Как отмечал Э. А. Макаев, в результате сильного преувеличения значения древнеиндийского и древнегерманского языков для общеиндоевропейской реконструкции развитие падежной системы различных индоевропейских языков, в том числе германских, описывалось как процесс постепенной утери тех или иных падежей, сопровождавшийся различными явлениями падежного синкретизма: «считалось, что падежная система того или иного индоевропейского языка тем архаичнее, чем она богаче, и, наоборот, чем беднее падежная система данного языка, тем больше инноваций она обнаруживает по сравнению с индоевропейским праязыком[21]. В предпринятом нами исследовании, помимо высказанного Э.А.Макаевым справедливого мнения, предлагается точка зрения о мнимом богатстве германской именной парадигмы ввиду отсутствия в ней аккузатива. Предпринятый анализ базируется на достижениях грамматической мысли последних десятилетий, использующих референциальную теорию. Думается, в этом плане может пролить свет и анализ функций винительного падежа в древних германских языках, особенно такие явления, как его соотношение с «дательным прямого объекта» (см. об этом ниже). В этом плане мы обращаемся также к материалу неиндоевропейских безаккузативных языков номинативного строя для верификации реконструированной нами германской модели.

Поднимая здесь подобные вопросы, мы вовсе не оспариваем в целом ни того факта, что многие парадигмы и категории индоевропейского языка-основы подверглись разрушению в германском ареале, ни, тем более, что германские языки в целом продолжают общие линии развития индоевропейских языков. Но типичное – не абсолютное. Не должно сложиться также впечатление, что здесь отстаивается мнение об архаичности общегерманской языковой системы в целом по сравнению с индоевропейской. На отдельных участках системы это действительно так, но есть и категории, обнаруживающие в германских языках

[21] Э.А.Макаев. Вопросы именного склонения... С.133.

большие инновации, чем, например, санскрит или древнегреческий. К таким категориям, несомненно, относится категория наклонения, обнаруживающая наклонение вторичного образования – ирреалис[22].

Традиционная реконструкция индоевропейских и германских моделей (и не только морфологических!), как правило, не подвергалась типологической верификации. Показательно в этом плане описание «первого передвижения согласных в германских языках», в котором архаическая система германского консонантизма традиционно трактовалась как инновационная[23].

Типологической верификации подлежат не только реконструированные модели, но и процессы изменений в языке. Как справедливо отмечает Т. В. Гамкрелидзе, «критерий типологической непротиворечивости не является единственным эмпирическим мерилом реальности постулируемой исходной языковой системы. Не меньшее значение, чем соответствие системы синхронным типологическим данным, имеет при оценке реальности постулируемой системы соответствие ее диахронической типологии, т.е. типологическое соответствие допускаемых в такой системе правил структурных трансформаций моделям языковых изменений, устанавливаемым при изучении изменений и преобразований в структурах исторических языков самых разных типов»[24].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КАТЕГОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ

Должно быть очевидным, что становление аккузатива тесно связано с развитием категории переходности (транзитивности). Строго говоря, категория переходности различает деятеля и объект действия. Вопрос в том, КАК

---

[22] Л.С.Ермолаева. Типология развития системы наклонений // Историко-типологическая морфология германских языков. Т.2. Категория глагола. М., 1977.

[23] См. об этом: Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Ч.1. С.5-17.

[24] Т.В.Гамкрелидзе. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С.151.

понимается объект действия, который под влиянием некоторого воздействия со стороны другого предмета (в широком смысле, в том числе – и лица) создается (результат действия), претерпевает некоторые изменения или же используется в процессе действия. Ср.: «написать письмо (письма раньше не было)», «приласкать ребенка (воздействовать на него физически и эмоционально)» и «читать книгу» (сам объект при этом не изменяется). Кроме того, в процессе совершения какого-либо действия может быть достигнут или же не достигнут его результат. Ср.: «Человек строит дом» и «Человек построил дом». Разные языки в разные периоды их развития по-разному трактуют (выражают) соотношение действия и объекта действия, иными словами, объем категории переходности может быть более или менее широким, что и получает свое выражение в языке. В истории известных нам языков наблюдается расширение объема категории переходности, что и создает предпосылки для становления аккузатива.

В картвельских языках засвидетельствовано постепенное расширение объема категории переходности за счет снятия разграничения длящегося или завершенного действия. Отсюда – различия в оформлении субъектно-объектных отношений в зависимости от формы глагола: формы аориста выражают в древнегрузинском наиболее результативное воздействие на объект действия, чем формы длительного вида, именуемые первой серией времен. Это и есть транзитивность «по-древнегрузински» (примеры см. ниже.) Что же касается непереходных глаголов, выражаемые ими действия трактуются в древнегрузинском, независимо от формы времени-вида так же, как незавершенные действия над прямым объектом. Иными словами, «Человек строит дом» и «Человек пришел» объединены семантикой «невыраженность объекта завершенного действия» и противостоят семантике «выраженность объекта завершенного действия». Последнее – наиболее узкое значение категории транзитивности из всех известных нам языков. Кроме того, понятие транзитивности могло вообще отсутствовать, когда обозначались не

ДЕЙСТВИЯ, а СОСТОЯНИЯ. Вместо «Лиса поймала зайца» говорили: «У лисы заяц пойман».

О том, что семантика категории транзитивности в прошлом была значительно уже, чем в современных языках, в разное время писали, например, А. В. Десницкая и Г. И. Аронсон. Сравнивая древнегерманский объектный дательный с категориями картвельских языков, А. В. Десницкая в отношении последних замечает: «непереходность, помимо деления обычного типа на непереходные и переходные глаголы в системе аориста, закрепилась за целой видовой категорией, а именно в системе презенса, в противоположность аористу <...>. Причина здесь, очевидно, лежит в том, что глаголы в несовершенном длительном виде передают или, вернее, передавали на более древних этапах развития закавказских (т.е. южнокавказских – Л. Е.) языков действие в состоянии неопределенности, как во временном отношении, так и в отношении к объекту <...>. Аорист изначально основан на активном восприятии субъектно-объектных отношений в силу своей видовой специфики как действия совершенного и поэтому определенного и в отношении предмета действия»[25].

Несколько позднее сходные мысли о «презентной интранзитивности» были высказаны Г. И. Аронсоном[26]. Анализируя концепцию Г. И. Аронсона, Ю. В. Зыцарь и Э. Н. Чхотуа отмечают, что «использование для образования презентной структуры именно интранзитивности было, согласно концепции того же автора, продиктовано самим значением презентности, точнее – предшествующим ему видовым значением итеративности или (по Г. И. Мачавариани) дуративности[27], которое в терминах Г. И. Мачавариани же

[25] А.В. Десницкая. Сравнительное языкознание и история языков. М., 2004. С. 158-159.
[26] H.Aronson. Towards a typology of transitivity: a strange case of the georgian subject // The elements: a parasession on linguistic units and levels (april 20-21, 1979), including Papers from the Conference on non-slavic languages of the USSR, april 18).
[27] Г.И.Мачавариани. Категория вида в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. Тбилиси, 1974. С. 129-131.

было оппозировано видовому значению «точечности», исторически связанному уже не с презенсом, а с аористом»[28].

В древнегрузинском различное оформление прямого объекта, как и подлежащего предопределено прототипически категориально-лексической семантикой глагола (переходность / непереходность) и его морфологической формой. Прототипизировано выдвижение подлежащего-топика при помощи суффикса -man и прямого объекта-ремы в абсолютном падеже на -i при сказуемом - переходном глаголе в аористных формах (так называемая вторая серия словоформ). Однако при постановке глагола в формах первой серии падеж на -i выражает уже не прямой объект, а подлежащее. Ср. примеры чередования падежей подлежащего и прямого объекта, приводимые А.Г. Шанидзе: при глагольных формах первой серии: *mgeli šešc̣ams cxovarsa* «волк (падеж на -i) пожирает овцу (дательный падеж)»; при глагольных формах второй серии: *mgelman šec̣ama cxovari* «волк (повествовательный падеж) сожрал овцу (падеж на -i)»; при глагольных формах третьей серии: *mgelsa šeuc̣amies cxovari* «у волка (дательный падеж) овца (падеж на -i) сожрана, оказывается = у волка овца сожрана (есть)»[29]. Таким образом, инвариантным значением падежа на -i является обозначение предмета, «не-агентивного, инактивного» В ОПИСЫВАЕМОЙ СИТУАЦИИ. Последний момент важно подчеркнуть, поскольку в номинативном строе, в отличие от активного, проявляется СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНАКТИВ[30].

В древнегрузинском одно и то же существительное может стоять в различных предложениях и в падеже на -man, и в падеже на -i, в то время как в языках активного строя существительные, обозначающие, согласно классификации, активные предметы, могли стоять только в активном падеже, а существительные, обозначающие, согласно той же классификации, инактивные

[28] Ю.В.Зыцарь, Э.Н.Чхотуа. Типология транзитивности и глубокая диахрония грузинского языка (несколько комментариев к одной гипотезе). Мацне. СЯЛ. Тбилиси, № 1, 1990. С.155.
[29] A.G.Schanidse. Grammatik der altgeorgischen Sprache. Tbilissi, 1982. S. 172.
[30] Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс.Иванов. Индоевропейский язык.... С.277.

предметы, могли стоять только в инактивном падеже. Например, деревья относились к активным предметам, плоды деревьев - к инактивным, что предопределяло и структурное оформление соответствующих предложений. Реликты активного строя еще наблюдаются в древнейшем памятнике грузинского языка V века «Мученичество Шушаник», где в падеже на -man встретились лишь обозначения человека и два существительных, семантически связанных с человеком: *srsyli* «гангрена» и *guli* «сердце».

Наиболее широкая семантика транзитивности в рамках картвельских языков обнаруживается в лазском языке, где прямой объект выражается падежом на -i при любой форме глагола: *usṭa-k oxor-i ḳodums* «плотник дом строит»[31]. В мегрельском и сванском семантический объем категории переходности не обнаруживает сколько-нибудь значительных отличий от грузинского.

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ В ДРЕВНЕГРУЗИНСКОМ. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ «ПРЯМОГО»(?) ОБЪЕКТА

Считается общепризнанным, что в древнегрузинском прямой объект мог выражаться падежом на -i (субъектно-объектный падеж) и дательным падежом, что зависело (соответственно) от переходности /непереходности глагола и, в первом случае, от формы глагола (вторая серия времен). Это положение нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что семантика переходности в древнегрузинском была намного уже, чем ее принято толковать в отношении современных языков. Поэтому собственно прямым объектом (в грамматическом отношении) можно считать для древнегрузинского только тот, который выражается формой на -i при подлежащем на -man. Что же касается «дательного прямого объекта», его семантика была несколько иной, а глагол в этом случае не был ГРАММАТИЧЕСКИ переходным. Сравним примеры: *xolo*

[31] Г. А. Климов. Типология картвельских языков // Г.А.Климов, М.Е.Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980. С. 87-88.

mamaman šenman aγhmartna samarṭyleni (šuš. IV, 5)[32] «Отец же твой построил мартирионы»; *movida sparsi igi da mqurvaled evedreboda mas* (sus. VI, 17-18) «Пришел перс и горячо умолял его». В историческом плане глагол vedreba в первой серии времен не может считаться переходным, а дательный падеж не может считаться прямым объектом. Такой трактовки требует подход к материалу с позиций историзма, а не в зависимости от перевода на известные нам современные языки. Примеры разграничения переходной и непереходной семантики одних и тех же глаголов при обозначении объекта действия находим, например, в адыгейском языке. Ср.: *ПхъашIэ-р пхъэ-м е-хъо* «Плотник дерево (с оттенком: о дерево) точит // потачивает», но: *ПхъашIа-м пхъэ-р е-хъо* «Плотник дерево стачивает // обтачивает»[33], где формы *пхъэ-м* и *пхъэ-р* различают непрямой и прямой объект. В отношении древнегрузинского периода в целом можно также сказать, что падеж на -man и падеж на -i образуют привативную оппозицию, в которой падеж на –man является маркированным, обозначая агенс переходного завершенного действия, а падеж на -i является немаркированным, обозначая не-агенс. Что же касается соотношения дательного объекта и падежа на -i, то их значения фактически нигде не пересекаются до того периода, когда подлежащее на -i начинает вытесняться подлежащим на -man, а дательный объекта, соответственно, падежом на -i, В ЧЕМ СОБСТВЕННО И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ АККУЗАТИВА, который в современном грузинском языке остается незавершенным. Ср. однако более широкое употребление падежа на -man и соответственно обозначение прямого объекта падежом на -i в рукописях Библии IX-X вв.: *ķacad-ķacadman tkuenman ara aγhp̣snisa šibatsa p̣ari gina viri bagatagan tysta* (l.13,15) «не отвязывает ли

[32] И. В. Имнайшвили. Историческая хрестоматия грузинского языка со словарем, грамматическим обзором и таблицами. Т. 1-2. Тбилиси, 1982.
[33] Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941. С. 332.

каждый из вас в субботу вола или осла от их яслей»[34] *ǫovelman xeman ḳetilman naǫopi ḳetili gamoiγis, xolo ǯerḳualman xeman naǫopi ǯerḳuali gamoiγis* (m.7,17) «всякое хорошее дерево приносит хороший плод, а плохое дерево приносит плохой плод»[35].

Обратимся к материалу индоевропейских языков. Здесь наиболее показательны типологические параллели из протоиндоевропейского. Как известно, показатель именительного *-os семантически восходит к показателю активного класса, а показатель винительного *-om - к показателю инактивного класса (ср. древнегрузинские показатели -man и -i соответственно). Кроме того, индоевропейский показатель именительного происходит из местоимения *so[36] (ср. древнегрузинское man как старый дательный от местоимения «он, тот», в отличие от новой формы дательного mas). Нетрудно понять, что транзитивная конструкция «Лиса поймала зайца» была переосмыслением посессивной «У лисы заяц пойман».

Далее в монографии Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова отмечается «формальная недифференцированность субъекта при интранзитивных глаголах и объекта при транзитивных, противопоставляемых формально падежу субъекта при транзитивных глаголах, выступающего с особым маркером». При маркировании падежа объекта в конструкции с переходными глаголами возникает языковая структура, характеризуемая как активная («номинативная конструкция» в традиционной терминологии)[37].

Должно быть очевидным, что картвельские языки в принципе повторяют путь преобразования активной типологии в номинативную, как она протекала в индоевропейском языке. Только методологически сомнительный подход к картвельскому материалу сквозь призму севернокавказского (эргативный

[34] Евангелие от Луки. Цит.по: С.Б.Серебряков. Древнегрузинско-русский словарь (по двум древним редакциям четвероглава). Тбилиси, 1962. С. 65.
[35] Евангелие от Матфея. Цит. по: С.Б.Серебряков. Указ. соч. С. 225.
[36] Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов. Индоевропейский язык... С.275 (Примечание 1), 309.
[37] Там же. С.313.

строй) мог привести к выводам об архаичности падежа на -man в древнегрузинском (или на -k в лазском и мегрельском) и о противопоставлении этого падежа падежу на -i как инновационному и развивающемуся в направлении к номинативу. Однако было бы неправомерным проецировать типологическое сходство протоиндоевропейского и пракартвельского на современные индоевропейские языки.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Как показывает рассмотрение германского материала, наличие винительного падежа в санскрите не дает повода для презумпции аккузативности всех древних индоевропейских языков. И. И. Срезневскому принадлежит смелая догадка, интуитивное предположение о том, что не стоит усматривать в развитии отдельных индоевропейских языков лишь процесс утраты, «потери» форм, наличных в санскрите. Не имея под рукой конкретного материала, И. И. Срезневский МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ не допускал столь прямолинейного понимания развития родственных языков. Даже его предположение о развитии системы падежей в самом санскрите подтвердилось в более поздних исследованиях[38].

Новым в современной компаративистике, что не могло присутствовать в исследованиях И. И. Срезневского, является прием типологической верификации реконструированных моделей, что мы и попытались показать путем сопоставления индоевропейского и картвельского материала[39]. Показательно, что и в типологическом плане вполне оправданы мысли ли И. И. Срезневского о недопустимости проецирования санскритских моделей в описание системы протоиндоевропейского, как и древних индоевропейских языков.

---

[38] См., например: Вяч. Вс. Иванов, В.Н.Топоров. Санскрит. М., 1960.

[39] Подробнее см.: Л.С.Ермолаева. К типологии картвельских языков // XXXVII Международный конгресс востоковедов. Труды. Т.1. М., 2007. С. 129-136.

Лукьяненко Д. В. (Николаев, Украина)

РОМАНТИЧЕСКО-БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКОГО

Научно-творческая деятельность Измаила Срезневского, обращенная своими истоками в эпоху романтизма, занимает значительное место не только в русской, но и в украинской филологии. В частности, юношеские интересы Срезневского составляют научный интерес в контексте дискурса вокруг феномена странствующего философа Григория Сковороды, личность и творчество которого рассмотрены в статье «Отрывки из записок о старце Григории Сковороде», рассказе «Майор, майор!».
Ключевые слова: романтизм, рассказ, биографический очерк, мистицизм, субъективизм, аутентичность, философские трактаты, биографизм.

Лукьяненко Д. В. (Nikolaev, Ukraine)

ROMANTIC AND FICTIONAL ASPECT OF ISMAIL SREZNEVSKY'S LITERATURE

The scientific and creative activity of Izmail Sreznevskiy, taking its origin from the age of romanticism, takes the considerable place not just in Russian, but in Ukrainian philology as well. Particularly, youthful interests of Sreznevskiy represent the scientific interest in the context of discourse around the phenomenon of wandering philosopher Grigoriy Skovoroda. His personality and creative work are considered in the article «Portions of notes about the aged man Grigoriy Skovoroda», story «Major, major!».
Key words: romanticism, short story, biographical story, mysticism, subjectivism, authenticity, philosophical treatises, biographism.

РОМАНТИЧНО-БЕЛЕТРИСТИЧНИЙ АСПЕКТ ЛІТЕРАТУРНОЇ ТВОРЧОСТІ ІЗМАЇЛА СРЕЗНЕВСЬКОГО

Багатогранна діяльність Ізмаїла Срезневського, відомого насамперед науковими слов'янознавчими лінгвістично-етнографічними розвідками й закорінена в університетські правничі захоплення, має і творчу компоненту. Ідеться про харківський романтичний етап у його біографії і, відповідно, ранні літературні захоплення, що формувалися у 30-ті роки XIX століття в колі членів гуртка поетів-романтиків, очоленого ним же.

У контексті тогочасних романтичних віянь І. Срезневський виявляв інтерес

до особи мандрівного філософа Григорія Сковороди, вбачаючи у ньому гамлетівський, або етико-інтуїтивний екстравертний тип особистості [6, с. 57], близький за духом молодому поколінню не стільки дивною поведінкою, скільки його кордоцентризмом, адже, за визначеням Т. Бовсунівської, «романтики не визнавали мистецтва, якщо воно не породжене глибинами серця» [3, с. 79]. «З-поміж місцевої літературної молоді виникає на той час справжній культ Григорія Сковороди, – пише історик Ю. Лощиць. – Відшукували автографи таємничого старця. Осіб, які хоча б щось про нього ще могли пригадати. Записували усні історії і «випадки» із життя «харківського Діогена» [7, с. 78]. Саме місцевий фольклор став основою для перших літературознавчих розвідок І. Срезневського, а саме: 1833 р. у харківському збірнику «Утренняя звезда» публікує «Отрывки из записок о старце Григории Сковороде», що є підтвердженням більш успішних досліджень у порівнянні з іншими романтиками. Проте зібраних матеріалів І. Срезневському не вистачало, а тому образ народного мудреця він доповнює белетристичними елементами. Так, 1834 року було написано оповідання «Воспоминания стариков и старушек о Григории Саввиче Сковороде». Водночас домисли І. Срезневського, приписані «старикам» і «страрушкам», не завадили молодому досліднику висловити свої зауваження щодо точності у цитуванні Сковородинівських листів і трактатів у статті про Г. Сковороду, написану 1835 року одним із перших видавців і дослідників спадщини філософа, членом гуртка романтиків Олександром Хашдеу [2, с. 427].

Найбільш ґрунтовним белетристичним виданням І. Срезневського про Г. Сковороду стало оповідання «Майоре, майоре!», опубліковане у журналі «Московский наблюдатель» 1836 року. Оминаючи об’єктивність даних Сковородинівської біографії, беззаперечним залишається літературознавче значення вказаного оповідання як другої спроби художньої інтерпретації образу мандрівного філософа (після роману В. Нарєжного «Російський Жилблаз», 1814).

У художньому творів І. Срезневського вперше зафіксовано концептуальний для образу Г. Сковороди принцип духовної незалежності особистості («Мир ловил меня, но не поймал»), дотримання якого персонаж виявляє у житейській ситуації – він утікає з-під вінця. Отже, насамперед є потреба стисло розглянути легендарне підґрунтя оповідання, що викликало після публікації і продовжує викликати у критиків суперечливі думки.

Розповідь ведеться від мешканця хутора Валок, де й розгортаються основні події, а саме: 1765 року художній Г. Сковорода, зайшовши до хутора, познайомився з відставним майором, в якого жив деякий час. У його дочку Олену Павлівну (Льоню) мандрівник закохався і навіть збирався одружитися з нею, але вже під час вінчання відмовився від шлюбу.

Такий факт біографії мандрівного філософа піддає сумніву Ю. Барабаш. Свої міркування літературознавець підтверджує виявленими фактологічними помилками, зокрема невідповідністю між часом подій та цитуванням творів філософа, що були написані пізніше («Начальная дверь», 1768; «Жена Лотова», 1780) та вигаданими творами («Жизнь Христа»). «Все дозволяє скептичного поставитися до розказаної ним історії» [1, с. 115]. А. Черняк вважає таке художнє відхилення від дійсних подій науковою недбалістю І. Срезневського під час опрацювання життєпису Г. Сковороди, записаного від мешканців Валок та суттєвою вадою твору: «І якби Срезневський поставився до цих оповідок уважніше, порівнявши їх з «Житієм Сковороди» М. Ковалинського, то, звичайно, міг би дошукатися істини» [9, с. 44].

Але слід завважити, що це, по-перше, художня, а не наукова біографія; по-друге, як зазначають В. Штих та Д. Дудка, «виявилось, що перекази про одруження Сковороди справді побутують у Валках. Згідно ж списку дворян Харківської провінції (1767) біля Валок справді жив відставний майор, що мав лиш шість кріпаків» [4, с. 8]. Тобто є підстави вважати, що в основі оповідання лежить дійсний факт. По-третє, переконливою є думка І. Березі, що «Григорій Савич був талановитий унікум, а від виключних людей можна чекати і не

передбачуваних вчинків» [2, с. 428]. Отже, навіть доводи А. Шамрая «неможливості кохання Сковороди до молодої малоосвіченої дівчини» [2, с. 428] у статті «З приводу оповідання», що філософ був вже немолодий (44-45 років), що ще з юнацьких років він виявляв непохитну волю у боротьбі із спокусами повсякденного життя, видаються недостатньо обґрунтованими. Об'єктивним видається припущення, що у спогадах мешканців відбулося накладання декількох подій і постатей, а саме тимчасового перебування Г. Сковороди у Валках та вінчання його приятеля Василя Снісарева 1784 року.

Слід зауважити, що факт невдалого одруження Г. Сковороди є цілком очевидним, оскільки стає предметом зацікавлення українських прозаїків подальших поколінь – Михайла Івченка у повісті «Напоєні дні» (1924) та Марії Штельмах у романі «P.S. Григорія Сковороди…» (2009).

У творі І. Срезневського образ Григорія Сковороди можна простежити в двох взаємопов'язаних аспектах. Позиція перша: «Сакралізація образу Григорія Сковороди, що має свої джерела в народно-поетичній традиції та в тяжінні українських романтиків до божественного в мистецтві» [2, с. 427-28]. Ідеться про спільність сюжетів й образів оповідання «Майоре, майоре!» та житія Олексія-чоловіка Божого. Передусім – це короткий опис дитинства, отроцтва та юності обох героїв, що посилює враження швидкості перетворення дитини в мудреця. По-друге, об'єднує два образи невдала спроба одружитися, а точніше – відмова від шлюбу. Проте з цього місця очевидними стають певні розбіжності між образом Олексія та Г. Сковороди. Маємо на увазі, що Г. Сковорода є людиною природною, що живе земним життям, щоправда дещо інакшим, ніж життя інших людей. У той час Олексій-чоловік Божий дотримується думки про необхідність аскетичного способу життя задля збирання духовних плодів.

Отже, другою позицією є поглиблення І. Срезневським образу Г. Сковороди у психологічному плані й розвиток його вчення про щастя на прикладі його фактичного життєпису, доповненого народними домислами. Філософ в оповіданні «Майоре, майоре!» чітко усвідомлює неможливість

шлюбу із панянкою Льонею, оскільки не зможе зробити дружину щасливою. Адже шлюб буде суперечити його власному уявленню про щастя. Про це зазначав учень філософа М. Ковалінський у «Життії Григорія Сковороди» (1794) так: «одруження... не було приємним для його безжурного характеру». Важливо, що жоден із біографів й дослідників-сковородинознавців XIX ст. не відзначав страх Г. Сковороди перед жінками. Тож цілком погоджуємося із дослідницею І. Березою, що страх Григорія Савича перед першою зустріччю із Оленою Павлівною, ймовірно, є втіленням комплексів самого 23-річного Ізмаїла Срезневського [2, с. 431].

До того ж Г. Сковорода був упевнений, що «дівчина ... буде щасливою, бо її приземлене розуміння щастя зможе задовольнити будь-який парубок, тільки б мав він матеріальні статки...» [5, с. 313]. Справді, через деякий час Олена Павлівна вінчалася із багатим нареченим.

Тому можемо говорити, що на створення І. Срезневським саме романтично-белетристичного образу першого українського філософа вплинула низка чинників, що «виправдовує» свідоме допущення фактологічних помилок, у тому числі початки наукової Сковородіани у XIX століття й, відповідно, відсутність достатнього документального підґрунтя. Разом з цим важливо, що автор підкреслює у своєму творі: Г. Сковорода був людиною в усьому, людиною, яка шукала змісту життя, людиною, яка для більшості була не зрозумілою через поєднання в одній особистості багатьох протиріч.

Таким чином, Ізмаїл Срезневський, спираючись на народні перекази й легенди про мандрівного філософа Сковороду та відштовхуючись від особливостей романтичного світобачення, здійснює спробу дослідження зв’язку його суспільних і етичних ідеалів із життям. Головними принципами організації сюжету й виписування образу мислителя є сакралізація й психологізація. Тобто проводячи паралелі із житієм Олексія-чоловіка Божого, головний герой І. Срезневського постає досить земним й навіть дещо прагматичним чоловіком. В такий спосіб автор оповідання також відкидає

думки про Г. Сковороду як юродивого, дивака, аскета й мало не божевільного.

З погляду сучасних досягнень Сковородинівського дискурсу слушною вважаємо характеристику художнього образу Г. Сковороди в оповіданні І. Срезневського «Майоре, майоре!», яку пропонує Т. Пінчук: «притаманний описовий та елементаризований підхід до даної історичної постаті, смисл художнього звернення до якої полягає у потвердженні духовно-історичного звернення як такого» [8, с. 4]. Так, спосіб життя Г. Сковороди, побудований в унісон сповідуваній філософії, для сучасного І. Срезневському суспільства, зокрема й для романтиків, був незрозумілим. Але саме незвичністю викликав глибокі художні й наукові зацікавлення.

Отже, діяльність і доробок видатного російського ученого Ізмаїла Срезневського є взірцем не лише багатогранності людського феномену, а й одним із виявів російсько-українського науково-творчого обміну, у тому числі й на міжпоколінному рівні (XVIII – XIX століття; пізнє бароко – романтизм).

У контексті Сковородинознавчих студій оповідання молодого І. Срезневського «Майоре, майоре!» має важливе літературознавче значення, адже по праву вважається однією із перших спроб інтерпретації художнього образу Г. Сковороди.

Список використаних джерел

1. Барабаш Ю. Я. «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь / Ю. Я. Барабаш . – М.: Художественная литература, 1989 . – 235 с.

2. Береза І. Ю. Рецепція давньоукраїнських топосів у повісті І.Срезневського «Майоре, майоре!» / І. Ю. Береза // Сковорода Григорій : ідейна спадщина і сучасність / Відп. ред. І. П. Стогній, проф. – К.: Інститут філософії імені Г. С. Сковороди Національної Академії Наук України, 2003. – С. 425-432.

3. Бовсунівська Т. В. Феномен українського романтизму. Етногенез і

теогенез : У 2 частинах. / Т. В. Бовсунівська. – К., 1997. – Ч. 2. – 335 с.

4. Григорій Сковорода в спогадах сучасників і народних легендах / В. Г. Штих (уклад.); Д. М. Дудка (передм., пер. рос. текстів і комент.). – Х.: Оригінал, 2002. – 96 с.

5. Корпанюк М. П. Інтерпретація образу Григорія Сковороди у повісті І.Срезневського «Майоре, майоре!» / М. П. Корпанюк // Сковорода Григорій: дослідження, розвідки, матеріали : Збірник наукових праць. – К.: Наук. думка, 1992. – 390 с.

6. Ласло-Куцюк М. Олександр Хашдеу – дослідник спадщини Григорія Сковороди / М. Ласло-Куцюк // Магістеріум. – 2002. – Вип. 8: Літературознавчі студії. – С. 55-62.

7. Лощиц Ю. М. Избранное: В 3 т. – Т. 1. – М.: Издательский дом «Городец», 2008. – 342 с.

8. Пінчук Т. С. Образ Григорія Сковороди в українській літературі XIX – XX століть : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.01 «Українська література» / Т. С. Пінчук. – К.: АН України. Ін-т літератури імені Т.Г.Шевченка, 1993. – 29 с.

9. Черняк А. М. Образ Григорія Сковороди в художній літературі / А. М. Черняк // Українська мова і література в школі. – 1981. – № 12. – С. 3-9.

2. Славистика в России и за рубежом.

Глушкова Г. Н. (Донецк, Украина)

РАССУЖДЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

XX век явился веком абсолютного господства структурализма. Учёные пытаясь доказать, что язык есть система, совершенно забыли, что ещё Аристотель в своей «Метафизике» говорил, что целое больше, чем сумма его частей. Забывая об этом, мы обрекаем себя на поиски сакральных смыслов где угодно, но не в самом сакральном – в слове, обрекаем себя на варварское отношение к своему языку, своему народу, а значит и к самому себе.
Ключевые слова: гипотеза, слово, символ, язык, классическая логика, принцип дополнительности, фрактал.

Glushkova G. N. (Donetsk, Ukraine)

REASONING ABOUT MODERN THEORIES OF THE ORIGIN OF LANGUAGE

The twentieth century was the century of absolute domination of structuralism. Scientists are trying to prove that language is a system to have forgotten that Aristotle in his "Metaphysics," said that the whole is greater than the sum of its parts. This in mind, we condemn ourselves to find sacred meaning anywhere, but not in the sacred - in a word, condemn ourselves to a barbaric attitude to their language, their people, and thus to himself.
Keywords: hypothesis, word, symbol, language, classical logic, the principle of complementarity, the fractal.

О глоттогенезе написаны сотни, если не тысячи работ, выстроены десятки теорий – научных, научно-популярных, околонаучных. Но, несмотря на обилие теорий, вопросы возникновения, формирования и развития языка до сих пор остаются открытыми. Хотя результаты последних исследований в ряде естественных наук позволяют более оптимистично взглянуть на проблему происхождения языка.

Сегодня попытки ответить на вопрос о происхождении языка подобны попыткам состыковать участки строящейся магистрали: с одной стороны, происхождение языка пытаются объяснить антропологи, психологи,

нейробиологи, а с другой, - филологи. Происхождение языка не является только лингвистической проблемой, и её нельзя решить, ограничившись рамками филологии. А значит, для построения гипотезы будем использовать данные (которых не так уж и мало!) из ряда других дисциплин, проблематика которых находится на порубежье с филологией. И если удастся, используя эти достижения, заменить большее незнание меньшим, будем считать, что такая магистраль может быть использована в процессе движения к новому знанию.

Прежде, чем перейти к непосредственному изложению материала, сделаем несколько замечаний относительно особенностей доказывания теорий в сфере гуманитарных наук. Ещё в античности одним из центральных являлся вопрос о соотношении и различении знания и мнения. К сожалению, в лингвистике мнение часто приравнивается к знанию, а количество сторонников той или иной теории определяет степень её истинности. В связи с этим стоит напомнить слова А.В. Гладкого: «Если гипотезу невозможно проверить наблюдениями или экспериментами ввиду особенностей материала (например, его слишком мало, или нет совсем, как бывает всегда при попытках предсказать будущий ход истории), нужно смириться с тем, что эта гипотеза может претендовать на статус субъективного мнения» [3, с.180]. Нельзя не согласиться и с К.Р. Поппером: «Наша наука не есть знание (эпистемы): она никогда не может претендовать на достижение истины или чего-то заменяющего истину, например, вероятности» [11, с.346-347].

В науке и практике пользуются различными способами доказательства гипотез. Основными среди них являются: непосредственное обнаружение предположенных в гипотезе предметов; выведение из гипотезы следствий и их верификация; фальсификация гипотезы путём поиска фактов, которые противоречат выведенным следствиям. Гипотезы в гуманитарных науках в отличие от естественных наук в большей степени тяготеют к априоризму и аксиоматизации, но отсутствие исчерпывающего эмпирического базиса компенсируется теоретической нагруженностью гипотез. Следует напомнить,

что гипотезы о происхождении языка являются особенными, т.к. эти гипотезы не представляется возможным проверить посредством наблюдений либо экспериментальным путём, а также фальсифицировать.

Существуют и другие особенности доказывания лингвистических теорий. Так, для доказывания / фальсификации вероятностных знаний во многих науках используется метод формализации материала. Однако в лингвистике работа идёт с неформализованным материалом. К тому же формальная правильность не является единственным критерием доказательности рассуждения. Не менее важно при изучении фактов языка и то, насколько полно и всесторонне рассмотрено изучаемое явление. Неучтение всех аспектов при изучении любого материала увеличивает вероятность ошибок. Лингвистические события нерекуррентны, и, следовательно, невозможно избежать субъективизма при их интерпретации.

Нельзя обойтись и без замечаний о понятийном аппарате лингвистики. Не единичными являются факты построения лингвистических теорий «со средины», т.е. первый этап в процессе доказывания – определение центральных понятий теории – чаще всего опускается. В отношении вопроса о происхождении языка наблюдается такое же невнимание к определению понятия «язык». Имеют место и случаи, когда в названии исследования заявлено понятие «язык», а само понятие в работе отсутствует. К сожалению, иногда приходится сталкиваться и с подменой понятия, когда определения языка подменяется определением его функций, структурных элементов и т.д. Нередки и случаи замены определения понятия метафорой.

Язык определяют как:

- знаковую систему (Н.Б. Мечковская, В.Н. Ярцева и др.);

- средство общения (С.Г. Тер-Минасова);

- совокупность слов (Б.В. Якушин);

- среду для мыслительной и коммуникативной деятельности (Б.М. Гаспаров);

- инстинкт, биологическое приспособление для передачи информации (С.А. Пинкер);

- систему дискретных звуковых знаков для коммуникации (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов);

- одну из семиологических систем (О.С. Ахманова);

- систему категорий отображения (В.Н. Мигирин) и т.д. и т.п.

Из сказанного выше следует, что общепринятого определения понятия «язык» не существует. Кроме того «модным» стало расширение содержания понятия, когда языком называют любую информацию, знаковую систему и т.д. Такое расширение содержания при отсутствии общепринятого определения предмета чревато появлением новых ошибок в процессе доказывания.

Итак, в дальнейших наших рассуждениях мы исходим из положения о том, что ни одна наука не является системой достоверных и достаточно обоснованных знаний, а тем более лингвистика, которая развивается преимущественно кумулятивным, а не парадигмальным путём. Наш междисциплинарный синтез неизбежно приведёт к нестрогим аналогиям и, как следствие, к слабо подкреплённой гипотезе. Кроме теоретической слабости наша гипотеза не является подкреплённой в эмпирическом плане, т.е. в гипотезе нет базисных высказываний; невозможно провести и решающий эксперимент.

Теперь обратимся к положениям, предваряющим нашу гипотезу о происхождении языка.

Совсем недавно в антропологии появились некоторые новые данные относительно глоттогенеза, заслуживающие самого пристального внимания не только специалистов-антропологов. Речь идет о работах А.Г Козинцева, А.В. Маркова, С.В. Дробышевского, в которых на основании глубоких

профессиональных знаний и владения широчайшей информацией о работе зарубежных коллег сделаны потрясающие выводы о «физиологии» языка. Далее мы будем ссылаться на работы российских антропологов.

В последних исследования по антропологии речь идёт о том, что «генеалогически человек не противостоит ни обезьянам вообще, ни даже двум своим ближайшим родственникам – шимпанзе и горилле. Родство человека с шимпанзе больше, чем каждого из них – с гориллой. Человека сближают с шимпанзе черты, отсутствующие у горилл: шимпанзе систематически употребляют орудия (в некоторых группах – каменные), охотятся, едят мясо, делят добычу, вступают в кровавые межгрупповые стычки <…>. Ничего этого не делают гориллы, а потому можно полагать, что так вели себя общие предки человека и шимпанзе, но не горилл. Вывод ясен: человек – поздняя ветвь на родословном древе приматов» [6, с.45]. И далее: «Из поздних эволюционных линий приматов почему-то резко отделилась от прочих и направилась по абсолютно особой траектории, в сторону от природы. Очевидно, далее, что решающими факторами этого отрыва были язык (будем применять этот термин лишь по отношению к человеческому языку) и культура» [6, с.47]. Интересными являются и данные о чрезвычайно высоком интеллекте человекообразных обезьян (раскалывая камнями орехи, шимпанзе проявляют целеполагание и многоступенчатое планирование, матери учат детенышей навыкам раскалывания, старшие братья обучают младших, популяции шимпанзе различаются по способам употребления орудий, причем это не врожденные различия). Неволя усиливает орудийную деятельность и стимулирует коммуникативные способности обезьян.

Далее, подкрепляя свои исследования работами зарубежных исследователей, А.Г. Козинцев констатирует наличие существенных отличий в системе контроля вокализации у человека и обезьян. У обезьян эта функция подчинена лимбической системе, осуществляется висцеральной мускулатурой, произвольная регуляция дыхания отсутствует, вследствие чего голосовые

сигналы издаются как на вдохе, так и на выдохе. У человека речь базируется не на лимбике, а на неокортексе, в результате чего волевому контролю подчинены и артикуляция, и положение гортани, и дыхание, речь осуществляется скелетной мускулатурой и происходит только на выдохе, имеется и латерализация соответствующей функции в мозгу. Ничего этого нет у высших обезьян. Зато движения их рук подчинены, как и у нас, волевому контролю, что подкрепляет идею первичности жестового языка <…>. Практически отсутствует у них и функциональная асимметрия конечностей. Все это противоречит гипотезе о происхождении речи от голосовых сигналов приматов.

Применение новых методик, позволяющих работать с живым мозгом, дало учёным возможность наблюдать связь отдельных участков головного мозга человека с реализацией речи, а также связь нарушений в различных участках коры с нарушением речевых функций. На основании наблюдений были сделаны выводы о том, что:

- язык и мышление – явления разного порядка;

- язык возник не на базе коммуникации приматов, а на базе их интеллекта, а мозг оказался случайно переадаптирован к языковой функции еще до ее возникновения;

- не мозг долгим эволюционным путем создавал язык, а язык, нарушив эволюционную постепенность, создал человеческий мозг;

- язык – явление социальное, а главным фактором возникновения языка было коллективное употребление орудий;

- три способности развиваются в онтогенезе рука об руку: общение, манипулирование предметами и подражание. Соединяясь, они дают символизацию.

Прежде, чем перейти к собственно лингвистической части работы, мы хотели бы обратить внимание ещё на один существенный, с нашей точки зрения, факт: участки коры, управляющие рукой и ртом, соединены. При

поражении некоторых участков коры вблизи сильвиевой щели может наступить и афазия, и апраксия, а значит, соответствующая область – нечто вроде центра многоцелевого планирования. Мозговые центры контроля речи и движений ведущей руки морфологически сблизились в ходе антропогенеза [6].

Что же может предъявить современная лингвистика в ответ на эмпирический материал антропологии? В работах некоторых современных филологов (М.О. Гершензона, Н.А. Луценко, О. Розенштока-Хюсси, В.Г. Руделева Н.А. Янко-Триницкой) можно обнаружить положения, которые не противоречат, а скорее подтверждаются биологическими данными, хотя опираются только лишь на материал, скрытый в самом слове. Так, например, поиск единого праязыка становится невозможным по причине его отсутствия даже в очень глубоком прошлом человека. В доказательство ещё раз обратимся к работам российских антропологов: «Контролирующие язык структуры пластичны и функционируют в зависимости от внешних условий, прежде всего общения <…> Как язык – и в онтогенезе, и в филогенезе – вытесняет древнюю висцеральную вокализацию, так и культурные нормы вытесняют древние врожденные поведенческие программы. Единой общечеловеческой нормы поведения нет потому же, почему нет единого общечеловеческого языка» [6, 47]. Именно поэтому кумулятивный путь, по которому идёт компаративная лингвистика, является тупиковым.

Рассматривая слово в его историческом развитии, можно прийти к выводу, что языки являются результатом скрещения, а в слове отражено скрещение примитивов (см. работы Н.А. Луценко). По Н.Я. Марру скрещение «племенных слов» стимулировалось усилением общественных взаимоотношений племён. «Элементы скрещенного слова самостоятельно значили то же, что два элемента вместе» [9, с.19]. Внутриязыковой причиной скрещения считается потребность «более точного восприятия» элемента внутри слова [9, с.131-132]. Идя по пути утверждения предикативности слова, Н. А. Луценко доказывает (на объёмном этимологическом материале), что

соединение слов-элементов необходимо квалифицировать как предикацию их друг другу с целью получения (автономизации) известного смысла. В этом плане слово подобно фракталу (самоподобному множеству нецелой размерности). В этой связи, вслед за Н. Я. Марром, С. А. Мегентесовым, Н.А. Луценко отметим, что первично слово неразложимо на морфемы, а состоит из символических фракталов – своего и чужого. «Русское *оболтус* без трудностей членится на *обол-* и *-тус* (ср. *оболдуй*), причём и историческую семантику этих частей тоже установить нетрудно. Русск. *облый* (обла>обол; обол – мелкая монета) значит ‘круглый’, укр. *стус* – ‘удар’. ‘Круг’ – по ‘рту’, ‘рот’ же = ‘дыра’, ‘пустота’ (глупое, бесполезное). Смысл удар восходит к руке, при этом рука – функциональный двойник рта (так как ***к*** и ***т*** – диафоны, можно сопоставить *вкус* и *стус*, *кусать* и *тузить*). Порядком примитивов различаются укр. *од-уд* и русск. *уд-од*» [7, с.33]. Соединение же примитивов в слово зависело от их смысловой однородности.

Интересные идеи об изначальном облике слова находим и у представителей азербайджанской лингвистической школы: «Какой-то крик сначала заменял (обозначал) целое предложение, потом – только часть этого предложения, а потом — часть слова. Со временем в язык вкрапливается история, мировоззрение, быт, традиции, и т. д. народа-носителя языка, что формирует отдельно взятые национальные языки» [4]. Там же находим, что первоначально слово походило на фонему, но приравнивалось к предложению.

Нельзя не согласиться и с положением о том, что слово не является в источнике актом непроизвольного действия [7; 8] (см выше о лимбической и кортикальной регуляции человеческой речи). Об этом свидетельствует неаффективная предикация, следы которой можно обнаружить, разбирая функциональные свойства слова

Язык возникает в процессе символизации, первоначально слова – это символы. Возникновение языка и его развитие можно уподобить возникновению и инфляционному расширению Вселенной [1, с.28].

Возникновение языка не является телеологичным. Слово, возникнув, имеет максимальную энергию (в нашем случае, высокий потенциал символизации) и минимальные объёмы (состоит из одной / нескольких фонем). Подобно инфляционному расширению Вселенной, язык увеличивается в объёме, теряя в энергии, движется по пути упрощения и создания «другой грамматики» (термин Н.А. Луценко). Язык становится системой, когда выстраивается другая грамматика, оформляются парадигмы. Парадигмы являются следствием внесения логического начала в языковой материал. При этом, по мнению Н.А. Луценко, «логическое – субститут или подвергнутого забвению, или чужого исторического» [8, с.14].

О предикативной природе слова речь ведут только некоторые учёные (Ф. Вегенер, Н. Я. Марр, М .О. Гершензон, Н. А. Луценко), т.к. общепринятым считается мнение, согласно которому слово номинативно. Но именно у этих лингвистов находим идеи, которые, так или иначе, пересекаются с данными из исследований по антропологии. Так, Н. А. Луценко предикативность трактует как механизм получения смысла с помощью слова. Изучая историю слов, исследователь приходит к выводу о том, что очень многие слова восходят в своём значении к ‘руке’ или ‘рту’, причём, будучи примитивами, в составе слова имеют сходное значение.

К сожалению, объём статьи не позволяет более подробно изложить материал по очерченной проблеме. Поэтому попытаемся сделать краткие выводы из сказанного выше.

В основу нашего исследования наряду с другими уже завоевавшими своё место в науке методами использовались и основные положения принципа дополнительности Н. Бора. Потенциала двузначной классической логики недостаточно для анализа высказываний о социальной и языковой реальности. Проведя аналогию, можно сказать, что традиционная лингвистика подобна классической физике и не в состоянии описать языковой «микромир», ментальность пришлого, чтобы дать ответы на вопросы, связанные с

происхождением и развитием языка. Но «неклассическая» лингвистика в лице «немодных» филологов, дополняя классику и заимствуя знания из других наук, имеет все шансы отыскать точные макропоказатели процесса возникновения языка.

Как языковые, так и биологические данные свидетельствуют о том, что язык возник в результате многочисленных, растянутых во времени мутаций на основе интеллекта приматов. Коллективное использование орудий труда стало толчком к развитию тех участков головного мозга, которые сыграли важную роль в вокализации человека. Биологические данные о связи центров, управляющих рукой и ртом, звучат в унисон с идеей примитивов, которые составляют слово, и с идеей его предикативности. Язык предстаёт как результат предикативных (познавательных) актов и не является отражением реальности, а её толкованием. По своей природе язык символичен, а слово представляет собой инструмент получения смысла.

Последние открытия в антропологии подтверждают идею о том, что единого языка не существовало и существовать не может, как и не существует единой социальной нормы.

Мы попытались дать контекстуальное определение языка, т.к. такое определение не является строгой логико-смысловой конструкцией и открыто для уточнений и дополнений.

Список литературы

1. Виленкин А. Одна вселенная или множество // Вокруг света. – 2009. – №8. – С. 27-31.
2. Гершензон М.О. Демоны глухонемые // Гершензон М. Избранное. – Т.4. – М., Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. – С.231-238.
3. Гладкий А.В. Введение в современную логику. – М.: МЦНМО, 2001. – 200с.
4. Гнатюк Р.В. Азербайджанская Лингвистическая Школа. – http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/9185.html

5. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чём рассказали говорящие обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424с.
6. Козинцев А. Происхождение языка: Новые факты и теории // Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания СПБГУ. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С.35-50.
7. Луценко Н.А. Введение в лингвистику слова. – Горловка: Издательство ГДПИМ, 2003. – 144с.
8. Луценко Н.А. Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды – Донецк: Вебер (Донецкое отделение), 2009. – 370с.
9. Марр Н.Я. Избранные работы. Том второй. – Л.: Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, 1936 – 523с.
10.Мегентесов С.А. Опыт эйдетического анализа языковых и культурно-исторических форм ментальности // Филология – Philologica. – Краснодар, 1995. – Вып.4. – С.25-30.
11.Поппер К.Р. Логика научных исследований. – М.: АТС: Астрель, 2010. – 565с.
12.Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. – М.: Наука 1976. – 368с.
13.Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. – М.; СПб: Университетская книга, 2000. – 608с.
14.Руделев В.Г. Слово // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Материалы межведомственной научно-теорет. конф. – Вып.1. – Ч.1. – Харьков, 1991. – С.70-72.
15.Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504с.

О.В. Кондрацкая (Одесса, Украина)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на конкретных примерах проанализировано проявление языкового андроцентризма в названиях лиц по профессии, зафиксированных в современном польском языке. Рассмотрены проблемы, которые возникают при употреблении женской формы номинации лица по профессии вместо его мужского эквивалента.
Ключевые слова: гендер, языковой андроцентризм, названия лиц по профессии, польский язык.

O.V. Kondratska (Odessa, Ukraine)

GENDER ASPECTS OF THE PERSONS' NOMINATIONS ON A PROFESSION IN MODERN POLISH

The article analyzed on concrete examples the expression of linguistic androcentrism in the names of persons on a profession, fixed by us in modern Polish. Different possible problems which arise up at the use of the female form in the profession nominated person in place of its male equivalent are also considered in the article.
Keywords: gender, linguistic androcentrism, the names of persons on a profession, Polish.

О.В. Кондрацька (Одеса, Україна)

ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ НОМІНАЦІЇ НАЗВ ОСІБ ЗА ПРОФЕСІЄЮ В СУЧАСНІЙ ПОЛЬСЬКІЙ МОВІ

У статті проаналізовано гендерний аспект номінації назв осіб за професією, зафіксованих у сучасній польській мові. Розглянуто підхід щодо вживання тої чи іншої жіночої форми назви професії замість її чоловічого відповідника.
Ключові слова: гендер, мовний андроцентризм, назви осіб за професією, польська мова.

Питання про зв'язок між мовою і статтю протягом багатьох років викликає по всьому світі жвавий інтерес не тільки серед лінгвістів, соціологів,психологів, культурологів, журналістів, а й серед багатьох інших людей, професійно не пов'язаних з цими галузями. У мові знаходять своє відображення у минулому і сучасному погляди, відносини та переконання її носіїв. Немає жодних сумнівів, що зображення обох статей в мові не завжди

паралельне, а навпаки, виявляє значні відмінності. Говорячи про ґендерний аспект номінації назв осіб за професією, маємо справу з проблемою мовного андроцентризму, до розгляду якої важко підійти повністю неупереджено. Мало того, явище мовного андроцентризму принципово відрізняється від більшості мовних проблем, так як ця проблема включається також у галузі культури, соціології та психології, через що, з цілком зрозумілих причин, провокує різні оціночні судження. Поширені лексичні лакуни типу відсутності жіночих еквівалентів назв професій, традиційно здійснюваних чоловіками, – це, власне, прояви мовного андроцентризму. Як доводять західні вчені А. Пауелз, А. Везералл, М. Хеллінгер і Х. Басмен [17; 19; 10], всі досліджені на сьогодні мови світу характеризуються включеним до них нерівномірним образом обох статей з відчутно гіршим, некорисним візерунком жінок. Ця проблематика розглядались у роботах багатьох дослідників, зокрема у працях вітчизняних і зарубіжних учених – О. І. Горошко, Г.І. Емірсуінової, І. Анушевич і К. Хандке, Б. Войчішке, А. Яворського, А. Кравчик-Тирпи, А. Пайджінської, І. Шпири-Козловської, М. Карватовської та ін. [1; 3; 8; 20; 12; 14; 16; 13].

Одним з найбільш характерних проявів мовного андроцентризму, пов'язаним з присутністю представників обох статей на ринку праці, є номінація та використання назв професій, дослідження ґендерного характеру яких і є метою даної статті.

Під професією розуміють конкретну діяльність, комплекс функцій, рід роботи, що виконується індивідом і є складовою частиною будь-якої трудової діяльності [5; 18], під ґендером – змодельовану суспільством та підтримувану соціальними інститутами систему цінностей, норм і характеристик чоловічої й жіночої поведінки, стилю життя та способу мислення, ролей та відносин жінок і чоловіків, набутих ними як особистостями в процесі соціалізації, що насамперед визначається соціальним, політичним, економічним і культурним контекстами буття й фіксує уявлення про жінку та чоловіка залежно від їх статі [6, с.11 – 12]. Ґендер не є мовною категорією, однак зважаючи на те, що дихотомія статей

віддзеркалена у мові, то зміст ґендеру може бути розкритий шляхом аналізу мовних явищ, тобто одиниці мови, у семантиці яких вичленовується компонент ‘*стать*’, можуть бути проаналізовані на засадах ґендерного підходу [3, с. 9]. Варто звернути увагу передусім **на горизонтальну професійну ґендерну сегрегацію** – нерівний розподіл чоловіків і жінок між різними професіями [4, с. 34], звідки виростає і мовний андроцентризм у номінації осіб за професією, у зв'язку з розглядом якого можна виділити кілька основних спостережень у сучасній польській мові. Як і у випадку імен, переважна більшість польських назв професій, яка має як чоловічі, так і жіночі відповідники, утворена від перших, наприклад: **aktor** (актор) 1. «артист, який грає роль в театрі або у фільмі»; 2. *przen.* а) «учасник якихось подій», б) «особа, яка прикидається, створює видимість чогось» і **aktorka** (акторка, актриса); **akwizytor** (агент по збуту) «працівник підприємства, який займається вербуванням; агент» і **akwizytorka**; **alpinista** (альпініст) «особа, що займається альпінізмом» і **alpinistka** (альпіністка): *Alpinistka zdobyła szczyt w Himalajach*; **barman** (бармен) «працівник, який обслуговує буфет у барі, ресторані, виготовляє і наливає напої; давніше також: власник бару» і **barmanka**; **bibliotekarz (бібліотекар)** «працівник бібліотеки» і **bibliotekarka**; **biegacz (бігун)** «спортсмен, який займається бігом» і **biegaczka**; **bileter** (білетер) «працівник, який контролює квитки біля входу до театру, кіно, в концертний зал, на залізничний перон і т.п.» і **bileterka**; **cewiacz** «робітник, який обслуговує машину з обробки вовни» і **cewiaczka**; **charakteryzator** (гример) і **charakteryzatorka**; **chałupnik** «ремісник, який виконує замовлення підприємця вдома, на власній майстерні» і **chałupniczka**; **twórca** і **twórczyni** (творець) а) «особа, яка щось творить, особливо в галузі мистецтва; митець», б) «особа, яка налагоджує, організовує щось; автор»; **wykładowca** і **wykładowczyni** (викладач) «той, хто проводить лекції, навчає у вищому навчальному закладі, в школі, на курсах і т.п.»; **urzędnik** і **urzędniczka** (чиновник) «особа, яка працює в якійсь установі чи виконує якусь функцію в адміністрації»; **baletmistrz** (балетмейстер) і

baletmistrzyni; **sprzedawca** (продавець) і **sprzedawczyni** [18], причому деякі з них мають пейоративний (*ambasadorka, architektka, biznesmenka / businesswoman, botaniczka, chemiczka, choreografka*) або нееквівалентний характер (*sekretarz* «1. працівник, який займається кореспонденцією, приймає відвідувачів, залагоджує поточні справи, пов'язані з діяльністю конкретної особи або установи; 2. особа, відповідальна за адміністративну та організаційну роботу в установах та офісах»: sekretarz stanu (держсекретар). Пор.: *sekretarka* «1. працівниця, яка займається кореспонденцією, приймає відвідувачів, залагоджує поточні справи, пов'язані з діяльністю конкретної особи або установи; 2.–»: техніч. (Automatyczna) sekretarka (автовідповідач) – Telefon z sekretarką) [18]. Крім того, багато назв професій у польській мові взагалі не мають жіночих корелятивних форм, наприклад: *biolog, bakteriolog, broker, celtolog, górnik* (шахтар), *konsul, pilot* (льотчик), *prezydent* у значенні «3. особа, яка керує якоюсь інституцією, міжнародною організацією тощо»: *Prezydent federacji piłkarskiej FIFA* [18]. І тут доречно буде сказати про явище маскулінізації, що виділяють найчастіше у мовах з розвинутою категорією роду і яке нерідко має місце при вживанні назв професій у польській мові. Маскулінізація – це мовне явище, яке полягає у використанні для називання жінок назв чоловічого роду як за наявності корелятивних жіночих назв, так і за їх відсутності [7, с. 14]. Недаремно спроба створення жіночих форм таких польських слів, як *socjolog, psycholog, filolog* і т.п. викликають палкі суперечки і опір серед лінгвістів, а також частини суспільства. У польській мові у такому випадку на позначення осіб жіночої статі вживають вираз pani: *pani psycholog*. Як відзначає дослідниця К. Хандке, «у назвах професій розповсюдився звичай вживання чоловічих форм, за винятком назв професій, які або не мають у практиці форм чоловічого роду, як наприклад, *akuszerka, niańka, przedszkolanka*, або в традиції міцно усталилася жіноча форма, як наприклад, *nauczycielka*…» [9, с. 356], причому додає, що «у польській мові не виступає спеціальна схильність до творення паралельних форм назв професій у двох родах. З

легкістю приймається існування тільки чоловічих форм, як наприклад, *muzyk, doradca, chirurg, psychiatra* – незважаючи на існування формальних словотвірних можливостей» [9, с. 357]. Феміністками було запропоновано навіть впровадження інклузивної мови. *Inclusive language* – це така мова (як засіб спілкування), яка містить в собі поняття та способи номінації представників обох статей; мова, в якій існують засоби позначення не тільки чоловіків, а й жінок [3, с. 11]. Жінка й чоловік, представлені в мові неоднаково: чоловік зображений головним і важливішим у мові, а жінка – другорядною та менш вагомою за чоловіка. Це явище дістало назву ґендерних упереджень, андроцентризму, або мовного сексизму [6, с. 462].

Професії, які не мають форми чоловічого роду, як правило, менш престижні і тут домінують майже виключно жінки, а якщо й зв'являються чоловіки, які хочуть працювати в якості *baleriny* (балерина), *opiekuna do dzieci* (вихователь), відразу ж виникає питання про номінацію відповідної професії за допомогою формальних засобів чоловічого роду. У польській мові навіть там, де наявні форми як чоловічого, так і жіночого роду для позначення представників та представниць даної професії, багато поляків вживають виключно чоловічі відповідники, що розглядаються, між іншим, як «ґендерно нейтральні» (причому в протилежну сторону таке розуміння відсутнє): Nadzór pedagogiczny nad utworzoną filią sprawował *kierownik* Szkoły Podstawowej Nr 2 *Alfred Stebnicki*, а **kierownikiem** *administracyjnym* **była** *Weronika Waligóra*.

Багато жіночих форм польських назв професій позначають щось зовсім інше, ніж їх чоловічі прототипи: *bednarz* (бондар) і *bednarka* (професія бондаря; бондарство), *betoniarz* (бетоняр) і *betoniarka* (машина до готування бетонної суміші шляхом механічного перемішування її сухих складових частин з водою), *pielgrzym* (пілігрим) – *pielgrzymka* (паломництво), *pakowacz* (пакувальник) – *pakowaczka* (пристрій до пакування), *kominiarz* (сажотрус) – *kominiarka* (підшоломник) «в'язана шапка, яка прикриває голову і шию, з невеликою виїмкою на обличчі»; *dziekan* (декан) – *dziekanka* "urlop dziekański" (акад.

відпустка) [18]. Далеко не всі найменування жіночих професій, як бачимо, мають відповідники з формальними ознаками жіночого роду, а в таких випадках, коли такі відповідники існують, вони нерідко належать до розмовного стилю, тоді як в офіційно-діловому або нейтральному стилі використовуються відповідні утворення чоловічого роду [2, с. 90].

Відсутні у польській мові лексеми на позначення відповідної професії у жіночому роді до таких агентивів: *bankier* (банкір) 1. «власник, директор або уповноважений акціонер банку; фінансист»; *basetlista* (контрабасист) «музикант, член народної капели, що грає на контрабасі – народному струнному інструменті з низькими звуками, у формі віолончелі»; *biblista* «знавець, дослідник Біблії»; *bilardzista* «особа, яка грає в більярд, професійно займається грою в більярд»; *bluesman* 1. «виконавець, композитор блюзу»; *bukinista* «вуличний антиквар, що торгує старими книжками та ілюстраціями»; *bukmacher, bookmacher* «особа, що є посередником при укладанні закладів на кінних перегонах, перегонах собак або заходах професійного спорту (головним чином, боксу)»; *bursztyniarz* 1. «ремісник, що займається обробкою бурштину»; *ceramik* «митець, що займається керамікою, фахівець в галузі кераміки»; *bartnik* (бортник) «бджоляр, який займався розведенням бджіл в борті»; *bionik* «фахівець з біоніки»; *browarnik* (бровар) «фахівець в галузі пивоваріння; пивовар»; *ciepłownik* «фахівець в галузі теплотехніки, працівник теплотехніки»; *chemigraf* «фахівець в галузі цинкографії – техніці готування друкарських кліше, яка полягає в копіюванні образу-негативу з фотографічного кліше на металеву (зазвичай цинкову) платівку»; *chemizator* «фахівець з хімізації – застосуванні досягнень хімії в техніці, промисловості і землеробстві, впровадженні методів, засобів і хімічних препаратів в економіці»; *chmielarz* «плантатор хмелю, фахівець з хмелярства»; *cholewkarz* «ремісник або робітник на заводі, який виготовляє халяви до черевиків» [11; 15; 18].

Варто порівняти такі приклади: *burmistrz* (бургомістр) «урядовець, що є главою муніципалітету» і *burmistrzowa* – розм. «дружина бургомістра»,

burmistrzówna – розм. «донька бургомістра») [18]. У Словнику польської мови, окрім того, непослідовно подаються позначки „розм.” та „заст.” до назв жіночих професій, утворених від співвідносних іменників чоловічого роду: *pracodawczyni* – розм. «жінка, яка надає роботу комусь на визначених в угоді умовах»; з позначкою „заст.” – *ceglarka* «робітниця, яка працює при виготовленні цеглин або яка носить цеглини на будівництві»; *refrenistka* «піснярка, яка співає пісні та рефрени пісень з оркестром у місцях відпочинку» і т.ін. [18].

У тлумаченні жіночих назв професій однією з основних проблем є те, що словотвірно і семантично співвідносні назви жінок і назви чоловіків у словниках можуть мати відмінності у дефініціях – передусім, як вже було зазначено, у різному поданні семантичної структури і обсягу значень. Різний обсяг значень виявлено у наступних корелятивних парах агентивів: *aktywista* (активіст) – 1. «найактивніший член політичної або суспільної організації (особливо в стосунку до діяча комуністичної партії); діяч»; 2. іст. «у період І світової війни: прихильник пов'язання польської політики з Німеччиною і Австро-Угорщиною», натомість *aktywistka* (активістка) – forma *ż* od aktywista **w zn.1**; *archiwista* (архівіст) – 1. «працівник архіву»; 2. наук. «дослідник, знавець архівних матеріалів», натомість *archiwistka* – forma *ż* od archiwista **w zn.1**; *aspirant* (аспірант) – 1. «особа, що домагається чогось, напр. посади; кандидат, претендент»; 2. а) «офіцерське звання у пожежній справі і в поліції; також: офіцер, що має це звання», б) «працівник вузу або наукового інституту в Росії, який готується до самостійної наукової роботи», натомість *aspirantka* (аспірантка) – forma *ż* od aspirant **w zn. 1, 2б**; *biograf* – «особа, що описує чиєсь життя, автор біографії», натомість *biografka* – «авторка біографії»; *bajarz* (казкар) – «*особа*, яка розповідає казки, фантастичні історії», натомість *bajarka* (казкарка) – «*жінка*, яка розповідає казки, фантастичні історії»; *celnik* (митник) – «*працівник митниці*, який збирає мито», натомість *celniczka* – «*жінка-митник*» тощо [18].

Таким чином, проаналізувавши назви осіб за професією в сучасній польській мові з точки зору ґендерного аспекту їх номінації, ми з'ясували, що іноді у польській мові лексичні значення досліджуваних назв осіб чоловічої та жіночої статі не збігаються, хоча слід підкреслити, що так само часто спостерігається структурний паралелізм як у формальному, так і в семантичному плані. Встановлено, що основними чинниками, які впливають на функціонування системи цієї спеціальної лексики в узусі, є маскулінізація та ґендерна чутливість. В сучасному польському суспільстві домінує, отже, вживання понять маскулінізованої, андроцентричної, патриархальної культури. Мова, як відомо, не лише відбиває та відтворює зміни в суспільстві, а й, у свою чергу, здатна впливати на ці зміни. Те, як мова репрезентує чоловіків та жінок, має велике значення, оскільки це, в свою чергу, впливає на формування ставлення в суспільстві до обох статей та на усталення стереотипів. У нашій роботі ми розглянули один із аспектів ґендерної проблематики в мовознавстві, а саме: як назви осіб за професією розподілені між двома статями в польській мові.

Бібліографічний покажчик

1. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.; Харьков: Инжэк, 2003. – 440 с.
2. Дідківська Л.П., Родніна Л.О. Словотвір, синонімія, стилістика.– К.: Наук. думка, 1982. – 170 с.
3. Емірсуінова Г.І. Лексикон сучасного фемінізму (на матеріалі англійської мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 2003. – 19 с.
4. Жінки і чоловіки на ринку праці // Ґендерний розвиток в Україні: реалії та перспективи. Київ: United Nation in Ukraine, 2003. – С. 31 – 38.
5. Ничкало Н.Г. Професійна освіта в зарубіжних країнах: порівняльний аналіз: (Моногр.) / За ред. В.О. Кудіна. – Черкаси: Вибір, 2002. – 322 с.

6. Основи теорії ґендеру: Навч. посібник. – К.: К.І.С., 2004. – 536 с.
7. Пузиренко Я.В. Агентивно-професійні назви осіб жіночої статі в лексикографічному описі та узусі: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2005. – 21 с.
8. Anusiewicz J., Handke K. Język a Kultura: Płeć w języku i kulturze. – T. 9. – Wrocław, 1994. – 208 s.
9. Handke K. Stosunek Polek do nurtów feministycznych i języka // Polszczyzna i Polacy u schyłku XX wieku: Zbiór studiów / Pod red. K. Handke i H. Dalewskiej-Greń. – Warszawa: SOW, 1994. – S. 341 – 359.
10. Hellinger M. & Bussmann. Gender across Language. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001 – 2003.
11. Indeks zawodów ujętych w klasyfikacji zawodów i specjalności wprowadzonej rozporządzeniem Ministra Gospodarki i Pracy z dnia 8 grudnia 2004 r. (Dz.U. Nr 265, poz. 2644), zmienionej rozporządzeniem Ministra Pracy i Polityki Społecznej z dnia 1czerwca 2007 r. (Dz. U. Nr 106, poz. 728).
12. Jaworski A. A linguistic picture of women's position in society. – Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1986. – 118 s.
13. Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J. Lingwistyka płci: ona i on w języku polskim. – Lublin: UMCS, 2005. – 294 s.
14. Krawczyk-Tyrpa A. Atrybuty mężczyzn i kobiet utrwalone w polszczyźnie // W zwierciadle języka i kultury. – Lublin, 1999. – S. 427 – 433.
15. Multimedialny słownik języka polskiego: Wyrazy obce / A. Mucha, K. Janus-Kwiatkowska, A. Rystwej-Domańska. – Warszawa: PWN, 2006.
16. Pajdzińska A. Kobieta najlepszym przyjacielem człowieka (przyczynek do językowego obrazu świata) // Studia z historii języka polskiego i stylistyki historycznej. – Lublin, 2001. – S. 151– 159.
17. Pauwels A. Women changing language. – London – New York: Longman, 1998.

18. Uniwersalny słownik języka polskiego / S. Dubisz, E. Sobol. –Warszawa: PWN, 2006.
19. Weatherall A. Gender, language and discource. – London: Routledge, 2002.
20. Wojciszke B. Kobiety i mężczyźni: odmienne spojrzenia na różnice. – Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2002. – 392 s.

Лунёв Р. С. (Санкт-Петербург, Россия)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Ключевая роль языкознания для многих смежных гуманитарных наук делает выводы о её важности для всего гуманитарного знания в целом. История языкознания по своим методам сближается с историей и другими науками, исследующими изменение во времени социальных структур, развитие которых в ряде случаев определяет и пути языковой эволюции, и развитие культуры, литературы, искусства и другие.
Ключевые слова: лингвистика, национальные языковедческие школы, лингвистические традиции.

Лунёв Р. С. (Saint Petersburg, Russia)

HISTORY OF FORMATION AND LINGUISTICS DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE END OF XIX- THE BEGINNING XXI CENTURIES

The key role of linguistics for many adjacent humanities does conclusions about its importance for all humanitarian knowledge as a whole. The linguistics history on the methods approaches with history and other sciences investigating change in time of social structures which development in some cases defines also ways of language evolution, and development of culture, the literature, art and others.
Keywords: linguistics, national linguistic schools, linguistic traditions.

Тематика становления и развития российского языкознания достаточна интересна и в своём многообразии актуальна, так как наша отечественная наука о языке, восходящая в своих истоках к греко-византийскому наследству и вместе с тем нередко контактировавшая с языкознанием западноевропейским, взявшая у последнего немало идей, вместе с тем в целом ряде моментов заметно отличается от него. Она накопила много собственных ценных идей в области фонетики, фонологии, морфемики, морфонологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, лексикологии, фразеологии, семантики, прагматики, стилистики, лингвистики текста, прикладной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и т.д. В ней на базе исследований главным образом по русскому языку сложилась своя национальная парадигма описания языка,

определяющая принципы построения описаний других языков, прежде всего русского языка и языков других народов Российской Федерации (а раньше СССР), а также языков зарубежных стран.

Отечественная германистика, романистика и т.п. нередко строятся на основе этой модели, что их делает отчасти не похожими на германистику в Германии или романистику во Франции. Очевидно, что наш преподаватель теоретических дисциплин (грамматика, фонетика, лексикология и пр.), готовящий специалистов по немецкому, английскому, французскому и др. иностранным языкам, не может не принимать во внимание эти концептуальные и методологические расхождения.

И вместе с тем отечественное языкознание во всё большей степени втягивается в процесс планетарной интеграции лингвистической науки, становясь всё заметнее частью мирового языкознания.

Языкознание, лингвистика, языковедение, наука о языке. Объектом языковедения является строение, функционирование и историческое развитие языка, язык во всём объёме его свойств и функций. Однако в качестве непосредственного предмета языковедения в разные эпохи выдвигались различные стороны объекта [5]. История лингвистических учений может быть рассмотрена с учётом периодизации, которая отражает наиболее важные вехи на пути совершенствования знаний о языке. Языкознание в своем развитии прошло пять этапов и переживает сейчас очередной этап, шестой (VI в. до н.э. — XVIII в; конец XVIII — начало XIX в., начало-конец XIX в.; конец XIX — начало XX в.; XIX в.20-XIX в.60-е гг.; XIX в.70-е гг. — наши дни [3; с. 92].

Отметим, что сравнительно-историческое языкознание - область языкознания, объектом которой являются родственные, т.е. генетически связанные языки. Конкретно в сравнительно-историческом языкознании речь идет об установлении соотношений между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве; сравнительно-историческое языкознание пользуется как основным инструментом исследования

сравнительно-историческим методом; наиболее общая форма исследований - сравнительно-исторические грамматики (включающие в себя прежде всего фонетику) и этимологические словари (лексика) [4; с. 203].

В российском языкознании первой половины XIX в.в. был весьма ощутим акцент сравнительного аспекта по сравнению с историческим(генетическим), что объяснялось и неактуальностью для славянских языковедов проблемы языка-источника, и серьёзным интересом к идеям универсальной логической грамматики (И.С. Рижский, И. Орнатовский, И.Ф. Тимковский).

Русские исследователи уделяли большее внимание слову в целом, нежели морфемам в его составе. Лексикографические занятия служили базой для сравнительного подхода к языкам. Слово, как правило, рассматривалось не в отрыве от текста. Благодатной почвой для утверждения в науке о языке принципа историзма явилось русское славянофильство. Сильное воздействие на русских мыслителей оказали философия истории Гегеля и идеология романтизма. Следует отметить, что сторонники сравнительного подхода скорее ориентировались на форму, а сторонники исторического подхода - на значение [2; с. 101].

Первым представителем сравнительно-исторического языкознания в России явился Александр Христофорович Востоков (1781-1864).Он известен как поэт-лирик, автор одного из первых научных исследований русского тонического стихосложения, исследователь русских песен и пословиц, собиратель материала для славянского этимологического материала, автор двух грамматик русского языка, грамматики и словаря церковнославянского языка, издатель ряда древних памятников. В 1815 он обратился к занятиям языком памятников древнеславянской письменности. В 1820 им публикуется "Рассуждение о славянском языке", содержащее реконструкцию звуковых значений букв юс большой и юс малый и заложившее основы сравнительного славянского языкознания. В этом труде рассматриваются вопросы о периодизации истории славянских языков и их месте среди индоевропейских

языков. А.Х. Востокову принадлежит подготовка теоретической и материальной базы для последующих исследований в области исторического словообразования, лексикологии, этимологии и даже морфонологии. Вклад А.Х. Востокова был сравнительным по методу и историческим по цели.

Другим основоположником отечественного сравнительно-исторического метода был Фёдор Иванович Буслаев (1818--1897), автор многих трудов по славяно-русскому языкознанию, древнерусской литературе, устному народному творчеству и истории русского изобразительного искусства. Его концепция формировалась под сильным влиянием Я. Гримма. Он сопоставляет факты современного русского, старославянскогои других индоевропейских языков, привлекает памятники древне русской письменности народных говоров. "Снятие противоположности" сравнительного и исторического подходов происходит в работах Ивана Ивановича Давыдова (1794-1863), Осипа Максимовича Бодянского (1808-1877), Измаила Ивановича Срезневского (1812-1880), Петра Спиридоновича Билярского (1817-1867), Михаила Никифоровича Каткова (1818-1887), Петра Алексеевича Лавровского (1827-1886),знакомых с трудами немецких философов и даже слушавших их лекции в Германии. Завершается синтез лишь в последующий период А.А. Потебнёй. В их работах сочетаются "морфологизм" сравнительного подхода и "фонетизм" исторического подхода. Эти языковеды осознают базисную роль фонетики в сравнительно-историческом исследовании. Они понимают различие между буквой и звуком. Ими по сути дела открываются оттенки (комбинаторные варианты) фонем, что предварило последующие открытия Я.К. Грота, В.А. Богородицкого, А.И. Томсона, а в конечном итоге И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы.

Некоторые из представителей господствовавшей тогда "славянофильской" филологии - в угоду политическим взглядам – допускали фальсификацию отдельных фактов истории языка и искали в истории доказательства сравнительных достоинств и недостатков каждого культурного

"организма", воплощение национального духа. "Славянофилы" увлекались психологическими аспектами говорения и социальными факторами. Наиболее выдающимися среди языковедов - славянофилов были Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860) и Александр Фёдорович Гильфердинг (1831--1872). В стороне от борьбы партий стоял оригинальный мыслитель Герман Петрович Павский (1787-1863). Значительным был вклад Николая Ивановича Надеждина (1804-1856) и Михаила Александровича Максимовича (1804-1873) в разработку классификации славянских языков ив осознание взаимоотношений между (велико) русским, белорусским и малорусским (украинским) языками.

Один из выдающихся советских ученых конца XIX-века Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) был крупным и оригинальным ученым синтетического склада, совместившим в себе философа, языковеда, историка литературы, исследователя фольклора и мифологии, принадлежащим в равной степени украинской и русской науке. Лингвистические взгляды А.А. Потебни складывались под сильным влиянием В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя. Он сближает и вместе с этим разграничивает задачи языкознания и психологии. Для него сравнительный и исторический подходы неразрывно связаны [4; с. 81].

Историко-генетический принцип применяется им к анализу и осмыслению синтаксических явлений. Предложение предстает как пространство пересечения грамматических категорий. Его структура уподобляется структуре сформулированной в нм мысли.

Процесс выявления эволюции типов предложения приравнивается к установлению исторической типологии мышления. А.А. Потебня говорит о росте предикативности по мере развития языка и эволюции сознания как свидетельстве усиления динамического, процессуального начала (отклик на эти идеи встречается в теориях эргативности у Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Г. Шухардта). А.А. Потебня подчеркивает влияние языка на формирование мифологического сознания (на материале наложения христианства на русское

язычество) еще до А.А. Потебни Измаилом Ивановичем Срезневским (1812-1880) и Петром Алексеевичем Лавровским (1827-1886).

Такие ученые как Александр Васильевич Попов (1808-1880), Митрофан Алексеевич Колосов (1839-1881), Дмитрий Николаевич, Овсяннико-Куликовский (1853-XIX в.20), Михаил Георгиевич Халанский (1857-XIX в.10).

В развитии советской социолингвистики, продолжившей наметившуюся в русском языкознании традицию рассмотрения социальной обусловленности языка, были периоды спада и подъема интереса к проблеме “Язык и общество”. Особенно большое внимание к этой проблеме стало уделяться, начиная с 50-х гг. [7; с. 19].

Влияние общества на язык может быть стихийным и сознательно регулируемым, социально обусловленным. В той или иной мере все изменения в языке вызываются потребностями общества и служат его удовлетворению. Только влияние общества на язык не осуществляется прямо, непосредственно, автоматически, а проявляется в его внутренней структуре. Советские языковеды, занимающиеся вопросами социальной лингвистики (В.А. Аврорин, Р.А. Будагов, Ю.Д. Дешериев, Ф.П. Филин, И.Ф. Протченко и др.), подчеркивают, что общественная природа языка определяет все его функции, проявляется на всех уровнях языковой структуры.

На стихийно развертывающиеся процессы языкового развития в свое время указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они отмечали, что “в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией” [7; с. 21].

В приведенном высказывании классиков марксизма-ленинизма обращается внимание на различные пути становления национальных языков и

тем самым указывается одна из задач лингвистики – исследование исторических – условий социального расслоения в языке, причин образования национальных языков. В капиталистическом обществе борьба за национальный язык становится средством национального возрождения и освобождения народов.

Лингвистика в Советском Союзе основной своей целью имеет исследование природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии; разработку методов лингвистических исследований; выяснение роли социальных факторов в развитии языка; изучение дифференциации языка; проблему развития общественных функций языка.

Современное языкознание (XIX в.70-е гг. — наши дни). Большинство лингвистических школ конца XX — начала XXI в., критикуя структурализм за формальный подход к языку, за игнорирование человеческого фактора, за сужение предмета языкознания, строит свои теории, основываясь на принципе антропоцентризма, и расширяет границы лингвистических исследований за счёт интеграции с другими науками (психологией, социологией, философией, этнографией, культурологией, информатикой и др.).

Как и в других областях знаний, при переходе от одного этапа к другому в языкознании действовал диалектический закон отрицания. Так обеспечивалась преемственность в накоплении и совершенствовании знаний; последующая фаза всегда была связана с предыдущей, но одновременно была прямо противоположна ей. Языкознание развивалось по спирали: возвращалось к старым задачам на новом уровне, исходя из потребностей общества. Учёные начинали с описания языка и его логико-философского осмысления, затем пытались открыть тайну происхождения языков и устанавливали их родственные связи. Структуралисты XX в. вновь вернулись к общетеоретическим проблемам, которые волновали учёных в античные времена: они также искали инвариантное (самое общее) в языках мира. (Для датских структуралистов формализация доказательства была не менее важна,

чем знания о реальном языке.) Но то, что было всеобщим для лингвистов античности, никак не равно всеобщему в работах структуралистов. И дело здесь не только в развитии объекта исследования — самого языка, но и в развитии науки о языке. На современном этапе лингвистов волнуют те же вопросы, над которыми задумывался Вильгельм фон Гумбольдт, но лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика и другие лингвистические дисциплины конца XX — начала XXI в. обогащены достижениями структуральных, психологических, логических и других школ прошлого [8; с. 34].

Современная лингвистика представляет собой продукт длительного и довольно противоречивого исторического развития лингвистического знания. И многие её проблемы могут быть лучше поняты в историческом аспекте, при обращении к далёкому или близкому прошлому науки о языке, к особенностям её развития в разных этнокультурных контекстах.

Первоначальные элементы лингвистического знания формировались в процессе деятельности, связанной с созданием и совершенствованием письма, обучением ему, составлением словарей, толкованием священных текстов и текстов старых памятников, освоением структуры звучащей речи (особенно поэтической), поисками путей наиболее эффективного воздействия магического слова в жреческих обрядах и т.п. Но постепенно круг задач расширялся, анализу подвергались всё новые и новые аспекты языка, строились новые лингвистические дисциплины, формировались новые приёмы исследовательской работы. Поэтому сегодня языкознание выступает как система, объединяющая в себе множество лингвистических наук, которые лишь в совокупности дают нам достаточно полное знание обо всех сторонах человеческого языка вообще и обо всех отдельных языках.

Современное языкознание, является продуктом познавательной деятельности, которая осуществлялась усилиями представителей многих этнических культур, в самых разных регионах и странах мира. Уже ряд веков

тому назад результаты лингвистических исследований в какой-либо национальной научной школе благодаря книгам и журналам становились известны коллегам из других стран. Обмену идеями также способствовали широко практиковавшие ещё в XIX в. в. поездки на стажировку или на учёбу в ведущие лингвистические центры других стран. В XX в. довольно частыми стали международные конференции языковедов [8; с. 34].

Во второй половине XX в. начали стремительно совершенствоваться технические средства связи, и к настоящему времени мы уже располагаем колоссальными возможностями оперативного обмена лингвистической информацией через электронную почту (electronic mail, e-mail), группы новостей (news groups), телеконференции, речевую связь (voice mail), страницы Интернета и т.п.

Возрастающие с течением времени контакты между языковедами разных национальных школ и традиций, взаимообмен идеями и концепциями приводят к тому, что сейчас на основе процесса интернационализации довольно быстро формируется своего рода мировое языкознание.

Активное взаимодействие национальных лингвистических школ в настоящее время невозможно отрицать. Нельзя не видеть, что в усилиях по сближению национальных школ довольно нередко заметно прослеживается стремление ориентироваться на европоцентристское понимание языка. Последние десятилетия характеризуются, к тому же, активной экспансией идей, развиваемых американскими лингвистами.

Поэтому пока, с нашей точки зрения, история мирового языкознания - это прежде всего история языкознания в каждой отдельно взятой стране или отдельном регионе мира, в каждой отдельной культуре. Во всяком случае, она не может строиться в отрыве от культурной, общественной и политической истории той страны, где возникает и развивается соответствующая лингвистическая традиция, от духовного и общенаучного её климата.

Разные национальные языковедческие школы формировались в несходных контекстах общенаучных и практических ситуаций и неодинаково относятся к взаимодействию с такими науками, как философия, гносеология, теология, логика, риторика, поэтика, филология, литературоведение, история, эстетика, психология, биология, антропология, этнология, история, социология, культурология, этнография, медицина, математика, семиотика, теория коммуникации, кибернетика, информатика, лингводидактика, переводоведение и т.п.

Поэтому специалисту в области той или иной частной лингвистики (языкознания немецкого, английского, французского, русского, польского, болгарского, арабского, индийского, китайского, японского и т.д.) приходится нелегко, если язык специальности для него не является родным и -- в особенности -- если сам он был воспитан в русле отечественной лингвистической, общенаучной и культурной традиции. Достаточно, например, сравнить распространённые, с одной стороны, в России и, с другой стороны, в Германии (или Франции, или США и т.д.) классификации грамматических явлений (скажем, частей речи) или трактовки соотношения слова и морфемы. Речь в данном случае идёт о достаточно близких типологически языках и научных традициях, но тем не менее различия между двумя соответствующими национальными традициями вполне ощутимы.

Сопоставление разных лингвистических традиций представляет собой одну из важнейших задач истории языкознания. Предлагаемый вниманию читателей курс как раз и ориентирован на то, чтобы охарактеризовать в очерках по истории языкознания в разных странах и в разных культурных ареалах совпадающее и специфическое в каждой из описанных традиций научного изучения языка.

Список литературы

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. - М., 1975. - 119 с.
2. Мартынов М.И., Кравченко Л.Г., Киселева С.А. Философия: вопросы и ответы. – Изд. 2-ое, стер.– М., 2002. – 272 с.
3. Мечковская Н.Б.Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. Изд. 4-е испр. – М., 2006. - 312 с.
4. Попова З.Д. Общее языкознание: Учебное пособие для вузов Изд. 2-е перераб., доп. – М., 2007 г. - 416 с.
5. Степанов Ю.С. Языкознание// Интернет-ресурс БСЭ: http://slovari.yandex.ru.
6. Сусов И.П. История языкознания издательство. – М., 2006. – 295 с.
7. Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы //Вопросы философии. Научно-теоретический журнал. РАН. Институт философии. -1998. - № 3. - С. 16-30.
8. Шарафутдинова Н.С. Теория и история лингвистических учений Учебное пособие для студентов лингвистических специальностей. – Ульяновск, 2011. – 160 с.

3. Этнография и творчество И. И. Срезневского.

Грищенко И. В. (Киев, Украина)

УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР В НАУЧНЫХ РАБОТАХ ИНОЭТНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.СРЕЗНЕВСКОГО

Статья посвящена рассмотрению научной деятельности И.И.Срезневского в контексте фольклористики. Ученый своим вниманием охватил тексты фольклорних жанров (мифологии, сказочной прозы, паремиографии, народной песенности, думы и др.). Будучи россиянином по происходжению, он приложил усилия для ознакомления своих этнических собратьев с украинскими песнями (например, перевел на русский язик песню “Веют ветры” из пьесы “Наталка-Полтавка” И.Котляревского).

Ключевые слова: научная деятельность, фольклористика, фольклорные жанры, этнопсихологические особенности, украиноведение, украинолюб.

Grishchenko I. V. (Kiev, Ukraine)

UKRAINIAN FOLKLORE IN THE SCIENCE WORKS OF INOETHNIC SCIENTIST: FOLKLORE HERITAGE OF I. SREZHNEVSKIY

The article is devoted for the scientific activities of I. Srezhnevskiy in the context of the folklore science. The scientist overcame texts of folklore genres (mythology, fairy-tale prose, paremiography, folk song, thought of and other) the attention. Being Russian, he made pushes for the acquaintance of the ethnic colleagues with the Ukrainian songs (for example, translated into Russian a язик song "winds Winnow" from play “Natalka-Poltavka” by I.Kotlarevskiy).

Keywords: scientific activity, folklore science, folklore genres, ethnophihological features, Ukraine knowledge, Ukrainephile.

В первой половине XIX в. Роль Слобожанщины в истории украинской фольклористики, украинской культуры в общем была значимой. Эти процессы связаны с именами Г.Квики-Основьяненка, И.Срезневского, А.Метлинского, М.Костомарова, со временем А.Потебни, Н.Сумцова, И.Манжуры и др.

Выдающейся личностью, которая сформировалась на Слобожанщине, был Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). Родился И.Срезневский в Ярославле в семье профессора кафедры словесности древних языков и

российского красноречия Демидовского училища высших наук Ивана Евсеевича, рязанца по происхождению. Его род берет начало из с. Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии (ныне: село Срезнево Шиловского района, Рязанской области). С матерью – Еленой Ивановной Кусковой – дочерью учителя танцевального искусства Демидовского училища – Иван Евсеевич женился в г. Ярославле. Срезневский-отец был приглашен в г. Харьков для работы на кафедре российского красноречия и поэзии, куда он и переехал вместе с семьей в августе 1812 г. В 14 лет Измаил Срезневский был принят в Харьковский университет и в 17 окончил его со степенью кандидата [4]. Практически вся жизнь Измаила Ивановича тесно связана с Украиной.

Ж.Янковская указывает, что фольклористическая деятельность А.Метлинского, П.Кулиша, О.Бодянского, И.Срезневского, П.Лукашевича и др. проходила на фоне всесловянского возрождения, что нашло отображение в литературе и увлечением изучения народной истории, легенд, поэзии, языка ы, одновременно, изучали в сравнении у других славянских народов [11, с. 24]. И.Горбань – современная исследователь фольклора болгар в Украине – указывает, что “основателем научной болгаристики в Харьковском университете стал И.Срезневский, который возглавил кафедру славистики в 1842 г. В своих лекциях систематически давал студентам информацию из истории, этнографии, языка и фольклора славян, в том числе болгар<…> Поэтическое творчество славян И.Срезневский выделял в отдельный курс, считая ее главнейшим источником знакомства с народом и его языком [3, с. 26]. Научное наследие выдающегося ученого свидетельствует о недюжинном таланте И.Срезневского, в котором задействован материал многих словянских народов.

Исследования свидетельствую, что многие проявления психической активности этноса, результаты мыслительной жизнедеятельности закрепились в его фольклоре.

М.Азадовский указывает, что именно в 40-е годы “изучение русского фольклора впервые получает более или менеее определенные организационные формы, что дало возможность значительно расширить базу исследования [1, с. 3]. После организации 1846 г. Русского Географического общества повлияло на всплеск “всестороннее изучение России и населяющих ее народов, и очень скоро этнографические изучения заняли в нем одно из первых мест, в том числе и вопросы фольклора, причем не только русского, но и всех народов, входивших в состав обширного Российского государства. Соответственно этому в составе общества было организовано специальное этнографическое отделениево главе которого встал академик К. Бэр и активнейшими членами которого, направлявшими всю работу отделения, явились Кавелин, Надеждин и Срезневский” [1, с.4].

И.Срезневский начинает активно интересоваться фольклорно-этнографической и исторической тематикой уже со средины 30-х гг. Так, 1834 г. была опубликована статья “Взгляд на памятники украинской народной словесности”, в которой он отстаивает позицию о самостоятельности украинского языка (на наш взгляд, это было смело, свежо и явно вольнодумно!). “В письме к проф. И.М.Снегирева он писал: “Сейчас, кажется, уже некому да и не нужно доказывать, что язык украинский (или как угодно называть другим – малороссийский) является языком, а не наречием русского или польского. Многие люди уверены, что этот язык является одним из наиболее богатых славянских языков, что он вряд ли уступит, например, богемскому в огромном изобилии слов и выражений, польскому – в живописности, сербскому – в приятности” [10]. И.Срезневский, стараясь познакомить русскоязычную интеллигенцию Российской Империи с культурой украинского народа, перевел на русский язык песню “Веют ветры” из “Наталки Полтавки” (опубликована в журнале “Галатея”, 1839). Позже перевел эту песню на чешский язык [7]. 1839 г. на страницах “Харьковских губернских ведомостей” И.Срезневский опубликовал свою работу “Историческое

обозрение гражданского устроения Слободской Украины", в которой помещена информация об административно-территориальном обустройстве Слобожанщины со времен прихода сюда первых поселян и оканчивается ее превращением в Харьковскую губернию. Эта работа демонстрирует серьезный научный подход и задает высокий уровень исследования [5]. Так же И.Срезневский принадлежит к числу людей, которые сделали первые записи украинских народних сказок, Измаилом Ивановичем в 1829 г., Н.Костомаровым в 1843 г., И.Головацким в 1847 г.

В свое время И.Срезневский был учителем у помещиков Подольских в с. Варваровка на Екатеринославщине. В этот период и начал записывать украинские думы и песни. Возвратившись в Харьков, он приступил к изданию сборников "Запорожской старины" [7] – собрание исторических песен и дум малорусских, свод малорусских летописцев и извлечений из других исторических документов, в сопровождении объяснительных примечаний и заметок о быте и нравах запорожцев. И.Срезневский был увлечен украинским народным творчеством. От старых запорожцев или их наследников он записывал исторические рассказы, песни, думы, которые вошли в состав его 6 сборников (1833-1838 гг.) [10]. К процессу сбора материалов он подошел с полной отдачей и ответственностью. Для проведения записей фольклора И.Срезневский "проехал маршрутом Харьков – Богодухов – Охтырка – Зинькив – Гадяч – Лохвица – Ромны – Лубны – Хорол – Полтава. В Зинькиве на базаре фольклорист встретил какого-то бандуриста и записал от него несколько песен и дум. 11 июля 1839 г. он гостил в семье Метлинских в Сарах недалеко от Гадячя и так же записывал фольклорные произведения" [7].

С.Булич указывает, что "Запорожская старина" в свое время сыграла чрезвычайно важную роль в деле развития изучения украинской народной поэзии и произвела сильнейшее впечатление на современников; в то же время она создала первую литературную славу Срезневского, выдвинув его и как ученого собирателя-этнографа, и как талантливого писателя и пламенного

украинца. Впоследствии, в 1870-х гг., это издание подверглось критике Антоновича и Драгоманова в предисловии к их изданию “Исторических песен малорусского народа” и Костомарова в статье по поводу книги Антоновича и Драгоманова; с несомненностью выяснилось, что наряду с произведениями действительно народными в “Запорожскую старину” попало много поддельных; Срезневский не отвечал критикам его юношеской работы: он ранее их увидел ее недостатки и понял, что среди его корреспондентов были люди и недобросовестные; намеком это он высказал еще до выхода в свет сборника Антоновича и Драгоманова в одном из примечаний к изданной им переписке А. Х. Востокова; промахи “Запорожской старины”, можно думать, были причиной того особенно строгого его отношения к изданиям произведений народной словесности, которое появилось у него в зрелые годы [2]. Но все же публикация “Запорожской старины” является выдающимся явлением в истории и культуре как украинского, так и российского народов.

По мнению А.Налчаджяна, единицы психической жизни и культуры определенного этноса является национальными (этническими) символами. Их формирование – не случайно: каждая этногруппа стремится к саморазграничению [6, с. 140-141]. В давние времена члены других племен были наделены воображаемой негативной силой, негативными магическими способностями. Каждая этническая группа в начале своего этногенезиса стремится отстраниться от других групп. Она стремится определить у своих сородичей такие типичные черты, которые позволяют отличить “своих” от “чужих”. Вообще этнические символы характеризуются разнообразием и источниками формирования. За критерием происхождения он выделяет такие: “географические объекты и их символизация; национальные герои и цари; религия и этнические символы; символические элементы национальной культуры” [6, с. 145].

У каждого народа есть свои герои, которые стали символами, которые воплощают национальную независимость, волю к жизни и побед, ум и талант

народа. Такие образы символизируют поетнциальные возможности и мощь народа [6, с. 146-147]. По мнению Е.Таланчук, “каждая эпоха имеет своих героев и свое представление о достоинсве. Для нас остатки старины (поскольку законы, также и неписанные законы морали, были тогда одинаковыми для человечества) наибольший интерес представляет, чтó именно и в каких формах сохранилось и как повлияло на дальнейшее развитие общества и на формирование особенностей украинского этноса” [9, с. 5]. Процессу этносимволизации подлежат также и люди, которые совершили вклад в национальную культуру, влияют на становление самосознанию этноса, вызывает гордость у этнофоров. В украинской фольклорной традиции думы, их образы, символика – яркий пример средоточия этнических символов. В образах исторических героев выступают выдающиеся украинские гетьманы, гайдамаки, народные герои, борцы за народную волю, за избавление от вражеского гнета. Для украинцев Запорожская Сечь – является символом несокрушимой смелости, волелюбства, борьбы против феодально-крепостного и национального гнета, против турецких и татарских нападений на Родную Землю.

И.Срезневский в предисловии к I части “Запорожской старины” (1833) указывает, что сформирован сборник “Запорожская старина” не только лишь для любителей народной поэзии, “но преимущественно любопытствующим знать старину Запорожскую, – быт, нравы, обычаи, подвиги воинов этого народа воинов, который своею храбростию и смелостию, своим влиянием на весь юго-восток Европы и даже Малую Азию особенно в XVII столетии, своим странным составом, и образом жизни, и характером, будучи отличен от своего, его окружавшего, заслужил место в памяти потомства” [8, с. 5-6]. Таким образом, будучи иноэтническим представителем, И.Срезневский по праву оценил фольклорное наследие, культуру, язык украинского народа.

С.Булич акцентирует внимание на том, что выдающийся фольклорист был перевезен в Харьков “двухмесячным ребенком. С этих пор до 1839 г. С.

жил или в самом Харькове или в других местах Малороссии и только раз, и то на самый короткий срок, в 1829 г., уезжал в Москву. Таким образом, молодость слила его с Украиной, которую он полюбил со всею своею пылкостью; это была для него вторая родина, но именно вторая, так как она всегда рисовалась ему частью его общей русской родины" [2]. И.Срезневский с детсва впитывал культуру украинского народа, полюбил ее всем серцем и душой, познако мил с ее достоянием мир. Не стоит говорить о И.Срезневском, как об этническом Чужом. Процесс получения, восприятия иноэтнического фольклора и ретрансляция уже с позиций собственной культуры демонстрируют строительство новых отношений, торможение отторжения Чужого и рождения этнического Инакого. Именно осознание этнической Инакости позволяет изменить характер, содержание и сутность межэтнического взаимоотношения на глубинном уровне. Будучи иноэтническим от рождения, Измаил Иванович Срезневский стал для украинцев этническим Своим.

Список литературы

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики / Текст подготовлен к печати Л.В.Азадовской. Под общей редакцией Э.В.Померанцевой. том II. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1963. – 267 с.

2. Булич С. Срезневский Измаил Иванович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alldict.ru

3. Горбань І.П. Народнопоетична творчість болгар у науковій діяльності харківських учених XIX – початку XX століття. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua

4. Зерчинов Ю. Честью служить предкам своим. Традиции рода Срезневских. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sreznevokazan.moy.su

5. Іванін О. Харківський університет і газета “Харьковские губернские ведомости” у 1838-1863 рр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www-gazeta.univer.kharkov.ua

6. Налчаджян А.А. Этнопсихология. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 381 с.

7. Ротач П. Колоски з літературної ниви. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pollitra.pi.net.ua

8. Срезневский И.И. Запорожская старина. Ч. І. Харьков, 1833. – 132 с.

9. Таланчук О.М. Героїчний епос українського народу. Хрестоматія : Навчальний посібник / Упоряд. та приміт. О. М. Таланчук, Ф. С. Кислого; Передм. О. М. Таланчук. – К. : Либідь, 1993. – 432 с.

10. Швидько Г. Нарис історії вивчення краю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libr.dp.ua

11. Янковська Ж. Пантелеймон Куліш у спілкуванні з українськими фольклористами першої половини-середини XIX століття // Вісник Львівського університету. Серія філологія. – Вип. 41. – Львів, 2007. – С. 16-26. – Режим доступа: http://www.lnu.edu.ua

Филипповский Г. Ю. (Ярославль, Россия)

ТРУДЫ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО И МОТИВ СОЛНЦА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Опираясь на статью И.И. Срезневского «Об обожании солнца у древних славян», на труды П.И. Прейса, П.Г. Буткова, О.М. Бодянского, Ф.Е. Корша, Вс. Ф. Миллера, а также М.А. Васильева, Л.В. Соколовой, В.Н. Токарева, В.В. Иванова, Т.М. Николаевой, других ученых-славистов, статья Г.Ю. Филипповского рассматривает мотив солнца в «Слове о полку Игореве» и в произведениях древнерусской литературы XI-XIII вв. с точки зрения его места и значения в художественной поэтике текстов Древней Руси.
Ключевые слова: Солнце дневное, солнце ночное, Даждьбог, Хорс, «Слово о полку Игореве», антитеза-оппозиция, свет-тьма, мифопоэтическое мировоззрение, мифолого-космологический контекст, мифопоэтическое пограничье, библейско-космологический контекст, библейско-евангельские тексты.

Работа И.И. Срезневского [1] «Об обожании солнца у древних славян» опубликована в том же 1846 году [2], что и защищенная им диссертация на ученую степень доктора славяно-русской филологии «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям». Эту диссертацию Измаил Иванович защитил в Харьковском университете и первым в России стал доктором славяно-русской филологии, причем написанию и защите предшествовала обширная с 1842 года программа экспедиций по Чехии, Польше, Балканским странам, Австро-Венгрии, откуда привезен целый архив исследовательских материалов и где были прослушаны курсы лекций европейских светил-славистов — П.-Й. Шафарика, Ф. Боппа. В названных работах ученый отдал дань темам и интересам современной ему мифологической школы Якоба и Вильгельма Гриммов, славянофильским склонностям своего отца — Ивана Евсеевича Срезневского, преподавателя Ярославского Училища Высших наук и изящной словесности, автора литературных речей, стихотворений и переводов классической словесности. Училище Высших наук как филиал Московского университета было открыто в 1805 году, а в 1812 году здесь в Ярославле родился будущий академик-славист.

В статье 1846 года И. И. Срезневский шел по стопам ученика А.Х. Востокова современного ему слависта Петра Ивановича Прейса [3], с которым в 1841 году в течение трех месяцев путешествовал во Далмации, Черногории и Истрии, совершенствовался в Вене под руководством В. Караджича и Е. Копитара. Кстати, ранее до 1846 года заведуя в Харьковском университете кафедрой славяно-русской мифологии, с 1847 года И.И. Срезневский после смерти П.И. Прейса наследовал от него аналогичную кафедру в С.-Петербургском университете. Преемство научного материала в статье «Об обожании солнца у древних славян» от П.И. Прейса, но также и от П.Г. Буткова отметил М.А. Васильев в новейшей монографии «Язычество древних славян накануне Крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира» [4]. Конкретно речь идет о языческом божестве Солнца **Хорсе**, упомянутом в «Слове о полку Игореве», «Хождении Богородицы по мукам» и в некоторых других древнерусских текстах, а также о посвященных таинственному Хорсу «Донесении П. Прейса г. министру народного просвещения из Праги от 26 декабря 1840 года» [5] (опубликовано в 1841 г. в Журнале министерства народного просвещения) и о статье П.Г. Буткова «Нечто к Слову о полку Игореве» в «Вестнике Европы» за 1821 год. [6]

Разумеется, интерес к Хорсу [7] спровоцировало изданное гр. А.И. Мусиным-Пушкиным в 1800 г. «Слово о полку Игореве», что совпало с умонастроением европейских лингвистов-мифологов школы Гиммов-Боппа. Статья П.Г. Буткова 1821 г., как и многие последующие о происхождении Хорса — П.И. Прейса, О.М. Бодянского, [8], И.И. Срезневского, а затем А.Л. Погодина, Вс. Ф. Миллера, Н.И. Костомарова, Ф.Е. Корша, М.А. Максимовича, А. Брюкнера, [9] затем С.П. Обнорского, В.И. Абаева, В. Шафраньского, Н.А. Баскакова, А.Н. Робинсона, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, А.П. Новосельцева, В.Я. Петрухина [10] и др., не только не обходят материал «Слова о полку Игореве», но прямо опираются на текст этого таинственного памятника

древнерусской словесности. В частности, в статье 1821 г. П.Г. Бутков так интерпретировал эпизод текста «Слова о полку Игореве»: «В речении **Хръсови** я не нахожу ни города Херсонеса, ни Хорса, бывшего, кажется, славянским Фебом («солнце по-персидски **хуршит**, по-осетински **хур, хор**; на осетинском языке **хорошъ, хорсъ, хорсу** значит еще **добро, хорошо**) [11]. Важную корректировку и комментарий к имени Хорса и высказыванию П.Г. Буткова сделал М.А. Васильев со ссылкой на Ф.Е. Корша: «В рамках теории о солярной природе Хорса и иранских корней данного древнерусского божества важное лингвистическое наблюдение было сделано Ф.Е. Коршем в статье, специально посвященной богам киевского языческого пантеона князя Владимира. Повторив распространенное в историографии мнение об авестийских и персидских параллелях имени Хорса, Ф.Е. Корш вместе с тем писал: «... Может быть нелишним замечание, что осетины, потомки ясов (отрасль алан - М. В.,) тех иранцев, с которыми мы наиболее соприкасались, заменяют общеиранское **ш** звуком **с**» [12].

В своей статье И.И. Срезневский, в частности, отмечал, что в некоторых списках «Повести временных лет» имена Хорса и Дажьбога не отделены союзом **и** - летописец видел их тождественными, то-есть именами божества Солнца. Вот это место из ПВЛ: «И нача княжити Володимеръ в Киеве единъ, и постави кумиры на холму вне двора тюремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричуще я богы...». [13**]** К чести И.И. Срезневского надо сказать, что ученый в отличие от некоторых других опирался на текст «Слова о полку Игореве» далеко не в первую очередь, но акценты делал на древнерусские тексты, вполне надежные по своей археографической традиции, например, древнерусские рукописные списки «Повести временных лет». Известное по древнерусским спискам XII-XIII вв. переводное с греческого «Хождение Богородицы по мукам» включает следующий текст: «...солнце и месяцъ, землю и воду, звери и гади, то святеи человекы, камени ту устроя, Трояна, Хърса,

Велеса, Перуна...». В Слове некоего христолюбца» Хорс упоминается два раза: «И веруют въ Перуна, и въ Хърса, и въ Сима, и въ Ръгла, и въ Мокошъ, и въ вилы...» и далее: «Молятся они огневи подъ овиномъ, виламъ, Мокошьи, Симу, Ръглу, Перуну, Волосу скотью богу, Хърсу, роду, рожаницямъ и всемъ проклятымъ богомъ ихъ». В рукописном фрагменте Проложного Жития князя Владимира XIII века читается: «...изби вся идолы, Перуна, Хорса, Дажьбога, и Мокошъ, и прочая кумиры...» В «Похвале» Владимиру Иакова мниха, восходящей к тексту третьей четверти XI века, читаем: «...крести же и всю землю Русскую от конца и до конца, и поганьскыя богы, паче же и бесы, Перуна и Хъроса и ины многы попра, и скруши идолы, и отверже всю безбожную лесть».

Тем самым имя Хорса в древнерусской литературе и книжности получает обширную и, что самое главное, надежную источниковую базу и основу, и к этой научной основательности непосредственное отношение имел И.И. Срезневский и его труды. Данное обстоятельство имеет особое значение в связи с проблемностью и дискуссионностью текста «Слова о полку Игореве», в том числе и одного из его наиболее загадочных мест с упоминанием Хорса: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяще, а самъ въ ночь влъком рыскаше. Из Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя, великому Хръсови путь прерыскаше...» [14]. Нет сомнения, что «Слово» использует подлинные, а не вымышленные имена древнерусских языческих божеств, и в их число входят имена Дажьбога и Хорса как имена языческого бога Солнца. Эти два имени Солнца упоминаются летописцем под 980 год при перечислении богов языческого пантеона князя Владимира в Киеве на горах, но эти же два имени Солнца фигурируют и в мифопоэтическом контексте «Слова о полку Игореве» как средневековой поэмы или памятника книжного эпоса. Л.В. Соколова отмечает, что в «Слове» оба словоупотребления «Дажьбога» и «Даждьбога» сопряжены со словом «внук», формируя метафорические словосочетания: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяше усобицами, погибашетъ

жизнь Даждь-Божа внука»; «Въстала обида в силахъ Дажь-Божа внука, вступила девою на землю Трояню». Имя бога Солнца Хорса в «Слове», как видно, также погружено в мифопоэтический контекст, что в целом характерно для поэтического мировоззрения автора «Слова» и собственно его текста.

Все статьи в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» по теме, мотиву солнца принадлежат Л.В. Соколовой (включая статьи «Хорс» и «Дажьбог»). Она отмечает, что «образ солнца играет в произведении важную роль, являясь **едва ли не основным символом,** солнце как небесное светило упомянуто автором «Слова» пять раз; дважды солнце упоминается в поэме в сугубо символическом значении как иносказательное обозначение князей» [15]: «...чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а в нихъ трепещутъ синіи млъніи»; «Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста. На реце на Каяле тьма светъ покрыла». Солнце участвует в эпизоде завязки «Слова», где предупреждает затмением героя (на что Игорь не реагирует), воспроизводя важный сюжетно- и идейно- композиционный мотив, известный и старославянской («Житие Вячеслава Чешского» X в.), и древнерусской литературе («Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» конец XI- начало XIIвв.): «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты»; «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше»; в кульминационных эпизодах «Слова» и развязки: «Нъ уже княже Игорю утрпе солнцю светъ»; «Светлое и трисветлое слънце! Всемъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче»; Солнце светится на небесе - Игорь князь въ Русской земли...».

Солярная символика «Слова» подчиняется той же закономерности, что и символизм образа Бояна — в поэме словоформы «Боян» и «Солнце» повторяются по семь раз — знаково (семерка, как и тройка «мироправящие»

числа средневековья). Если учесть, что образ Бояна едва ли не главный поэтический прием автора «Слова», то приведенные выше слова Л.В. Соколовой об образе-символе солнца в «Слове» однозначно справедливы. Оппозиция Боян - автор «Слова» в экспозиции поэмы выступает в ином качестве: прошлое - настоящее. Образ-символ солнца в «Слове» выступает на фоне другой магистральной оппозиции, антитезы: свет-тьма: «Мифологический мотив борьбы света с тьмою является лейтмотивом всего повествования» [16] (Л.В. Соколова). Действительно, как минимум в трех приведенных выше словоупотреблений «солнце» обнаруживается фразовая антитеза «свет-тьма»: «... Игорь възре на светлое солнце... виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты»; «Солнце ему тьмою путь заступаше»; «На реце на Каяле тьма светъ покрыла». Каяла в «Слове» - не просто река поражения, река беды, это - «пограничная зона между светом и тьмой» (Й. Клейн) [17].

Соответственно пространство Игорева похода, как и пространство передвижений князя Всеслава как ночного волка-оборотня — опрокинуты в хтоническое пространство иномирия «земли незнаемой» (степи половецкой) или мифопоэтическое пространство ночного бога Хорса (солнца в его ночной ипостаси движения по подземным водам) «до Куръ Тмутороканя». Г.В. Вернадский и Х. Ловмяньский [18] жестко соотносили образ Хорса-Солнца в «Слове» с темой Тьмуторокани, как это, впрочем, и читается в соответствующем эпизоде текста «Слова». Однако, для автора поэмы Тьмуторокань явно ассоциировалась с мотивом «тьма», для конца XII- начала XIII века по данным историков это была «темная» реалия plusquamperfectum, впрочем, как и время «века Трояна», т. е. эпических времен троянцев и Древней Трои. В.К. Афанасьева отмечает: «У шумеров «чужеземная враждебная страна», (Кур. Г.Ф.) в шумеро-аккадской мифологии **и в мифологической культуре древней Трои** — одно из названий подземного мира, другие его названия «эден» - степь, аккадская параллель «церу» - степь, вторичное

название **«кур-ну-ги»** - страна без возврата, удаленная страна — удален на 3600 двойных часов от Ниппура (как «центра земли»). [19]

Как уже отмечалось, имя божества Солнца Хорс — восточного, иранского происхождения, в частности, А.Л. Погодин сближал с иранским khuros — петух, птица солнца, похожи и иранско-осетинские версии Ф.Е. Корша и В.И. Абаева. [20] С подземным-потусторонним миром ассоциировался древний (средневековый) «солнечный гребень ингушских (осетинских) женщин под названием **«кур-харс»**. Авторы научной статьи об этом древнем ритуале отмечают: «По предположению авторов первоначально термин **«кур-харс»,** отражающий вайнахо-аланские (осетинские) исторические контакты мог означать «гребень-рог Солнца... Кур-харсы при погребении не надевались на головы умерших, а подкладывались под них. Другое их название «чугул», т. е. «петушиный гребень». [21] Об этом же ритуале писал Л. П. Семенов в статье «Фригийские мотивы в древней ингушской культуре». [22] В любом случае очевидно участие в древнем вайнахо-аланском ритуале, связанном с переходом человека в потусторонний мир, древнего концепта подземного, ночного Солнца -Хорса и его мифопоэтического аналога — Кура-петуха, в ритуале «Кур-Харса».

Что касается мифологического концепта «Кур», то С. Крамер [23] соотносил его с шумерским понятием «великое подземное пространство» или богом подземного мира, а В.К. Афанасьева, кроме того, и с божеством подземного мира древней Трои. [24]. Последнее связывает хтонику эпизода пути Вячеслава-волка-оборотня «Хорса» - «до Кур Тмутороканя» с хтоникой эпизодов Троянских мифологических символов в «Слове о полку Игореве». [25] И все многочисленные мифологические и мифопоэтические экскурсы автора поэмы об Игоревом походе в «землю незнаемую» так или иначе группируются вокруг сюжетно-композиционно и образно-символически оформленной оппозиции свет-тьма, а также светлое (дневное) Солнце победы на фоне темного (ночного) Солнца беды, поражения и, кроме того, оппозиции светлого

пространства Русской Земли и ее светлых князей и на контрасте — темное, хтоническое пространство «земли незнаемой» - половецкой и ее древних отмеченных выше архаических символов и мифологического подтекста. Рубежными выступают образы Каялы — мифопоэтической границы Света и Тьмы, дихтомии Дажьбога-Хорса как дневной и ночной ипостасей Солнца, Тьмуторокани как мифопоэтического пограничья Троянского мира (по-Х. Ловмяньскому и Г. Вернадскому).[26]

Вместе с тем, было бы ошибкой в рамках обсуждаемого мифопоэтического контекста «Слова о полку Игореве» представлять его автора неким язычником, аномалией для своей однозначно-христианской эпохи Руси конца XII – начала XIII вв. Уже приходилось писать о характере литературной эпохи X – начала XIII вв. как отражающей ведущие черты эпохального перехода от Руси дохристианской с чертами языческой родовой архаики к средневеково-христианской культуре, просвещению, книжности, литературе. [27] Этот переход преломился в литературной ткани «Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Житии Феодосия Печерского» Нестора, «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» Василия, «Слова о полку Игореве» (автор- предположительно великий князь Константин Всеволодович Ростово-Ярославский и Владимирский) [28]. Напряженный архаико-мифологический, языческий контекст **первой половины текста** «Слова», гибельный для похода Игоря и Русской Земли, сменяется динамикой христианских мотивов **второй части текста** после «плача»-заклинания Ярославны. Спасение героя, его возвращение на Русскую Землю связано не только с молением Ярославны к стихиям природы, но и воле Бога христианского: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю русскую». Река Донец выступает альтернативой Каяле как река спасения – реке тьмы и погибели. Концовка «Слова» не просто оптимистична, не просто апофеоз возвращения героя, но апофеоз света и Солнца: «Дятлове тектомъ путь к реце кажуть, соловьи веселыми песьми светъ поведаютъ... Солнце светится на небесе, Игорь князь въ

Русской земли». И этот апофеоз света и солнца имеет явственно христианскую тональность: «Игорь едет по Боричеву къ святеи Богородици Пирогощей. Страны ради, грады веселы... Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки...». Тема солнца здесь уже не темная, ночная, угрожающая, роковая как в начале «Слова» и его первой половине, а светлая, дневная, радостная, оптимистическая, христианская по своей тональности. Таков литературно-поэтический замысел автора «Слова», такова идейно-художественная концепция текста «Слова» как произведения начала XIII века.

Тема солнца в древнерусской литературе ярче и полнее всего представлена в «Повести временных лет», начиная с 969 года (6477), где речь идет о княгине Ольге как первой христианке в княжеском роду Руси: «Си бысть **предътекущия хрестьяньской земли, аки деньница пред солнцем и аки заря предъ светом**. Си бо **сияше аки луна в нощи** ...». В статье ПВЛ под 983 год (6491) о Варяге и сыне в Киеве и переходе князя Владимира от язычества к христианству: «...**А Богъ единъ есть, ему же служатъ греци и кланяются, иже створил и солнце и луну и далъ есть жити на земли**...». Эта тема христианской Руси продолжена в статье 986 года(6434) и тоже не без участия солнца: «...И нача философъ глаголати сице: «Въ начало и сперва створи Бог небо и землю въ I день. Въ второй день створи твердь, иже есть посреде водъ, Сего же дне разделишася воды, полъ ихъ възиде на твердь одъ твердь. Въ 3 день сътвори море, реки, источникы и семена. В 4 — **солнце, луну** и звезды и украси Богъ небо...». В статье под 1015 год (6523) о Борисе и Глебе они уподоблены, соотнесены с солнцем, как и прежде Ольга, первая христианка-княгиня Руси: «...Радуеться **церквы светозарное солнце, стяжавши въсход, всегда просвещаетъ** въ страданьи въ славу ваю мученикомъ. Радуитася, **светлеи звезде, заутра въсходящи**...».

Как впоследствии в «Слове о полку Игореве» упоминания солнца в начальных текста литературы Руси включены как мифолого-космологический контекст древних первоначал, так, с другой стороны, в контекст

метафорического уподобления солнцу героев-князей Руси. Есть в ПВЛ и использование образа солнца в контексте небесных знамений: «В се же лето бысть знаменье: **стояше солнце** в крузе, а посреде круга крест, а посреди креста солнце, а вне круга обаполы 2 солнца, надъ солнцемъ же кроме круга дуга, рогома на север» (ПВЛ под № 104 год (6612) или под 1091 (6599)) «...бысть **затмение въ солнци, погибе**...». В упомянутом «Сказании о Борисе и Глебе» солнце введено в контекст битвы, княжеско-дружинной темы, как впоследствии в «Слове о полку Игореве»: «...**и съступишая, въсходящю сълнцю, и бысть сеча зла**... отинудь и съступишася тришьды... и бишася чересъ дьнь вьсь и уже къ вечеру одоле Ярославъ и окаянныи Святополкъ побеже...».

Разумеется, тема света-тьмы, как и тема солнца пришла в древнерусскую литературу из библейско-евангельских текстов. И здесь, прежде всего, следует сослаться на слова Христа их Евангелия от Иоанна: «Азъ есмъ Светъ мІру, ходяй по Мне не бываетъ во тьме» (Инн.: 8, 12) - «Опять говорилъ Иисусъ къ народу, и сказал имъ: Я свет мІру, кто последует за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьме, но будет иметь светъ жизни». Антитеза Свет-Тьма — ключевая евангельская, но именно она подхвачена автором «Слова о полку Игореве». Но еще прежде эта ключевая библейско-христианская антитеза привлечена князем Владимиром Мономахом в его знаменитом «Поучении»: «Велии еси, Господи, и чюдна дела твоя... Иже кто не похвалитъ, ни прославляеть силы твоея и твоих великих чюдес и доброт, устроенных на семь свете, како небо устроено, **како ли солнце, како ли луна**, како ли звезды и **тьма и свет** и земли на водах положена, Господи, твоим промыслом...» Автору «Слова» как князю-книжнику несомненно было известно «Поучение» Мономаха, как, впрочем, и знаменитое «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского, где антитеза солнца-тьмы, света как спасения прописаны достаточно четко: «Отиде бо **светъ луны, солнцю въсиавшу**, тако и и законъ, Благодати явльшися, и **студеньство ноное погибе, солнечнеи теплоте землю съгревши**...иудеи бо при свешти законнеи

делаху свое оправдание, **христиани же при благодетьнеим солнци свое спасение зиждють**...».

Антитезы свет-тьма, солнце дневное и ночное (луна) характерны для программного текста Илариона о Законе и Благодати; подобно ему автор «Слова о полку Игореве» столь же историчен, столь же использует оппозиции и антитезы как основу текстовой поэтики. Образ солнца привлечен обоими авторами многократно и крайне концептуально: «Прежде векъ от Отца рожденъ, състоленъ Отцу, единосущенъ, **яко же солнцу светъ**, съниде на землю, посети людии своих... И тобою прозрехомъ **на светъ трисолнечьнаго Божества**... славимъ единосущную Троицу...». Использован образ солнца и в других древнерусских текстах, в частности XII века: в житии Феодосия Печерского, в Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери, в Повести об убиении князя Андрея Боголюбского и других древнерусских текстах.

Таким образом, образ солнца в древнерусской литературе, особенно домонгольского периода, широко привлекался различными авторами XI-XII вв. для решения художественных текстовых задач и до времени создания «Слова о полку Игореве» [29]. Однако, именно открытый и опубликованный в 1800 г. текст «Слова» подвиг многих ученых первой половины XIX века, к числу которых относился и академик И. И. Срезневский, на выдающиеся филологические разработки, легшие в основу всей последующей отечественной филологической науки.

Примечания

1. Бернштейн С. Б., Досталь М. Ю. Срезневский Измаил Иванович// Славяноведение в дореволюционной России. - Биобиблиографический словарь. - М., 1979. - С. 318-321.

См. также: Творогов О.В. Срезневский Измаил Иванович // Энциклопедия «Слова о Полку Игореве» Т.5 СПб, 1995. – С. 46-47.

2. Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1846, июль Отд. II.
3. Гусев В.Е. Прейс Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. - Биобиблиографический словарь. - М., 1979. - С. 283-285.
4. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне Крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
5. Донесение П. Прейса г. министру народного просвещения из Праги от 26 декабря 1840 года // ЖМНП. 1841. Февраль. Отд. IV.
6. Бутков П.Г. Нечто к «Слову о полку Игореве» // Вестник Европы, 1821, № 21.
7. Соколова Л.В. Хорс // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т 5 Спб., 1995. - С. 187-188; 24-27 («Солнце»).
8. Бодянский О. М. Об одном Прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве божеств Хорса и Даждьбога // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1846 № 2. Отд. 1 Исследования; См. также: Алексашкина Л. Н. Бодянский Осип Максимович// Славяноведение в дореволюционной России… С. 78-81.
9. См. статью А.Л. Погодина в журнале «Живая старина». 1909. Вып. 1; Миллер Вс. Ф. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877; Костомаров Н.И. Славянская мифология. Киев, 1847; Корш Ф.Е. Владимировы боги. Харьков, 1909; Максимович М.А. К объяснению и истолкованию «Слова о полку Игореве» // Максимович М.А. Собрание сочинений. Киев, 1880. Т. III (впервые издана в 1859 году); Bruckner A. Mitologia Slowianska. Krakow. 1918; См. также Кагаров Е.Г. Религия древних славян М., 1918;
10. О почитании солнца у славян и в древнем мире. См.: Васильев М.А. Язычество восточных славян…; Иванов В. В. Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия Т.2 М., 1994, с. 461-462; Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор.

Реконструкция древней славянской культуры: источники и методы М., 1989; Иванов В.В., Топоров В.Н. Хорс // Мифологический словарь М., 1991, с. 594; Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1987. М., 1989; Соколов М. Е. Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование. Симбирск, 1887; Робинсон А.Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» Памятник литературы и искусства XI-XVIII вв. М., 1978, с. 7-58; Баскаков Н.А. Мифологические и этнические имена собственные в «Слове о полку Игореве» // Восточная филология. Т. III. Тбилиси, 1973. Топоров В. Н. Боги древних славян // Очерки истории и культуры славян М., 1996, с. 160-174; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-X вв. М., 1995 (О хазарском следе Хорса, Кура, Тьмутороканя, Трояна: Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопросы истории 1983 № 5, с. 17-31). Комментированную библиографию по теме см.: Васильев М. А. Язычество восточных славян…

11. Бутков П. Г. Нечто к «Слову о полку Игореве» // Вестник Европы, 1821 № 21. С. 58-59.

12. Васильев М.А. Язычество восточных славян… С. 22.

13. Древнерусские тексты «Повести временных лет» и другие X-XIII вв. цитируются по изданию «Библиотека литературы Древней Руси» Т.1, 4 СПб., 1997. Некоторые цитаты далее приводятся по книге М.А. Васильева Язычество восточных славян … С. 11-13.

14. Текст «Слова о полку Игореве» цитируется по изданию в Т.1 Энциклопедии «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. – С. 9-14.

15. Соколова Л. В. 1) Солнце // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т 5 Спб., 1995. - С. 24-27; 2) Дажьбог // Энциклопедия…Т. 2 С. 79-82.

16. Соколова Л. В. Солнце … С. 25.

17. Клейн Й. Донец и Стикс: пограничные реки между светом и тьмой в «Слове о полку Игореве» // Культурное наследие Древней Руси. Истоки.

Становление. Традиции. К 70-летию Д. С. Лихачева. - М., 1976. - С. 64-68. О мифологическом коде текста Игорева похода в «Слове» см. Гориченко Т.С. Мифологическая онтология «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Отв. ред. В.С. Горский, Киев, 1990. – С. 82-87.

18. Васильев М. А. Язычество восточных славян … С. 10-11; 72-73. См. также Соколова Л. В. Троян в «Слове» // Энциклопедия… Т. 5 – С. 131-137.

19. Афанасьева В. К. Кур // Мифы народов мира. Гл. ред. С. А. Токарев, Т.2. - М., 1994. - С.29.

20. Васильев М. А. Язычество восточных славян … С. 21-23.

21. Виноградов В.Б., Абдулвахабов Б.Б.-А., Чахкиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о народном головном уборе «Кур-Харс») // Советская этнография. - 1985 № 3. - С. 103-114.

22. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории языка и литературы. Вып. 1. Грозный, 1959.

23. Крамер С.Н. История начинается в Шумере.- М., 1965.

24. Афанасьева В.К. Кур // Мифы народов мира . М., 1994, Т.2 С. 29. См. также Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве» М., 1999 (гл. 4)

25. См. Никитин А. Л., Филипповский Г. Ю. Хтонические мотивы в легенде о Всеславе Полоцком // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII вв. М., 1978, С. 141-147; Ср. Эллинистические изображения солярного хтонического демона с петушиной головой на абрасакс-геммах Пантикапея и Тьмуторокани: Кобылина М. М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978; в этой же книге: Неверов О. Я. Изображения на геммах – печатях, металических перстнях и амулетах С. 163-210. Приложения (табл. 51, 52, 53); Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам) // Вестник древней истории, 1973

№1, С. 55-77; Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983. – С. 128. См. Николаева Т.М. Тьма-свет (гл. 4) // Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. М., 1977. - С. 60-67. См. Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» //Ф. Риккардо Пиккио Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003, С. 526-542.

26. Vernadsky G., Karpovich M. A history of Russia N.H/ 1948, v. II, Lowmiansky H. Religia slowian i jej upadek (w.VI-XII) Warszava, 1979. См. Соколова Л.В. Троян в «Слове». Энциклопедия... Т.5, с. 131-137.

27. Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы. СПб., 2008, с. 130-155.

28. Филипповский Г.Ю. О природе двупланности текста «Слова о полку Игореве» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2009 № 2, с. 72-76. Матерью предполагаемого автора «Слова» кн. Константина Всеволодовича была княгиня-аланка («ясыня»-осетинка).

29. «Слово о полку Игореве» и образ солнца в нем обращены к юго-восточным предистокам Руси как вектору Игорева похода. См. Петров В. Мітологема «Солнца» в украіньских народных віруваннях та и візантійско-геллініcтичний культурний цикл // Етнографічний вісник. Київ 1927 кн. 4 с 89 и др.; Ржига В.Ф. «Слово о полку Игореве» и древнерусское язычество // Slavia. Praha. 1933-1934. Roc. 12. Ses 3-4. S.422-433; Яценко Б.И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы т. XXXI. Л., 1976, с. 116-122.

4. И. И. Срезневский и славянская лексикография. Современная лексикология и лексикография

Беляева В. Н. (Ярославль, Россия)

МИССИЯ СЛОВАРЯ И ЛЕКСИКОГРАФА: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Развитие социолингвистического и лингвокультурологического направлений в изучении языка как преемственность исследований по истории русского и славянских языков и лексикографической работы И.И. Срезневского. Значение историко-этимологических комментариев для традиционных и новых жанров словарей.
Ключевые слова: слово в диахронии; этимология; этнокультурная специфика; семантические и ассоциативные связи; структура словаря; гипертекст.

Беляева В. Н. (Ярославль, Россия)

DICTIONARY MISSION AND MISSION OF THE LEXICOGRAPHER: DEVELOPMENT OF IDEAS OF SREZNEVSKY I.I. AT THE PRESENT STAGE

The development of the sociolinguistic and linguocultorological ways of learning languages as succession in researches on the history of the Russian and Slavic languages and on the lexicographic work of Sreznevsky I.I. The importance of the historical etymological comments for traditional and new genres of dictionaries.
Keywords: the word in diachronic, etymology, ethno-cultural specificity, semantic and associative relations, the structure of the dictionary, hypertext.

В наши дни среди специалистов нередко говорят о «лексикографическом буме», случившемся в течение последних двух десятилетий. Наблюдается выраженная тенденция к возникновению новых жанров словарей, а также усовершенствование традиционных видов лексикографического описания в плане насыщения словарного толкования энциклопедическими, культурологическими сведениями. При таком положении дел актуально обращение к началам отечественной лексикографии, а именно к пониманию историзма, а также к идее развития, в чем, по мнению Г. А. Богатовой,

исследовательницы наследия И. И. Срезневского, и заключается теоретическая ценность фундаментальных трудов замечательного русского ученого [2, с. 109].

Общепризнано, что трехтомные «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, изданные в конце XIX в., заложили основы русской исторической лексикографии. Осуществить всю долгую и кропотливую работу по сбору материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам и сформировать саму концепцию словаря стало возможно благодаря бережному отношению к истории жизни слова в языке, которое неизменно руководило академиком И. И. Срезневским. Изучение диахронических аспектов развития русских и славянских слов переросло в обобщение об источнике этих непрерывных изменений, которое исследователь выразил в своих «Мыслях об истории русского языка»: «Гораздо более силы жизненной дает языку фантазия народа, управляя словами как символами понятий.<…> Долго эта творческая сила фантазии остается в круге видимого мира, но переходит потом и в мир духовный, и становится тогда еще могучее» [7, с. 9].

Переводя на язык современной лингвистики, речь здесь идет о видении национального языка как концептосферы, в которой кристаллизуется весь культурный опыт носителей этого языка, от его истоков до новейшего состояния [ср.: 6]. Исходя из убеждения, что «изыскания о языке … невозможны без направления исторического» [7, с. 7], И. И. Срезневский особенно выделяет значимость культурного багажа, который необходимо учитывать при составлении словарей. Опыт, который предопределяет самобытность каждого языка и изучается сегодня как *этнокультурная информация*, обусловлен «влиянием природы, среди которой живет народ, образом его жизни, взглядом на свой мир внешний и внутренний» [7, с. 9]. В общем контексте актуальных задач языкознания, проблема «картины мира», отражаемой языком, постоянно обсуждается в современных работах по лексикографии. Ср.: «Словарь развертывает перед своими читателями картину

мира — так, как она существует в сознании носителей языка, причем эта картина мира относительно полным толковым словарем представляется в исторической перспективе. В этом смысле роль словаря не может быть переоценена» [9, с. 418]. Таким образом, из нашей сегодняшней реальности мы можем констатировать, что идея сохранения в словаре «живой ткани» языка и непрерывающейся связи времен, которая волновала И. И. Срезневского, получила достойное развитие.

Рассмотрим некоторые особенности лексикографического представления культурно-исторического компонента в семантике единиц, которые предопределены спецификой отбора и презентации материала в современных словарях национального языка (в отличие от словарей разнообразных подъязыков). Словари подъязыков различных предметных областей, словари лексики отдельных социальных групп или представителей субкультур возникают как результат социолингвистического изучения языка. В настоящей статье будут показаны более общие тенденции, которые характерны для лексикографических произведений, нацеленных на полноценный охват всего корпуса лексических единиц национального языка — в толковых, идеографических и специальных лингвистических словарях.

Вопрос о передаче культурного опыта, закрепленного в словах, путем реконструкции целостной панорамы языка стал основным в деле представления «картины мира» в идеографических словарях, тезаурусах, таких как Русский семантический словарь в 6 томах (1998-2003) и проект Русского идеографического словаря «Мир человека и человек в окружающем его мире» [5]. Перспектива создания синтетического словаря по-прежнему привлекает исследователей и находит воплощение в разработке различных проектов словарей антропоцентрической направленности [1, с. 48-49]. Появление новых жанров словарей Анна А. Зализняк связывает с возобладавшим на нынешнем этапе развития языкознания стремлением к объяснению тех или иных механизмов языка, с одной стороны, и их инвентаризации — с другой, что

обусловило и особую популярность словаря как жанра лингвистической литературы [4]. Примером принципиально нового подхода к отражению преобразований в области лексической семантики стал проект «Каталога семантических переходов», ориентированный на воссоздание картины семантической деривации в синхронии и диахронии. На материале русского и ряда европейских языков рассматриваются отношения семантической производности, связывающие между собой «разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, а также отношения между значениями слова в разные моменты его истории, которые понимаются как одно и то же явление — *семантическая деривация*» [цит. по: 1, с. 49].

С другой стороны, случаи регулярной семантической деривации, воспроизводимой независимо в истории разных слов и разных языков, позволяют составить картину смыслов–символов, универсальных в своих функциях для различных культур. Реализация данной концепции представлена, например, в Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках М. М. Маковского (Образ мира и миры образов) [5]. Этот оригинальный этимологический словарь создан в духе своего времени, но и в этом случае, также как в случае с более привычными этимологическими словарями, «Материалы» академика И. И. Срезневского помогают в сложной работе по воссозданию истории слова — «как некая начальная точка отсчета письменной фиксации слова» [2, с. 116].

В ряде современных исследований различной направленности, особенно в работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики или теории межкультурной коммуникации, этимологическим связям придается большое значение. Этот факт связан с необходимостью расшифровать многослойное смысловое единство, которое характеризует слова, выражающие концептуальные идеи [1, с. 124]. Показательным опытом в этой области стал словарь культурных концептов Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» [8]. Уникальность же «Материалов для словаря древнерусского

языка» в том, что с их помощью можно раскрыть те компоненты смысла, которые связаны с определенной исторической эпохой. Например, Е. В. Дзюба, изучая содержание концепта «ум», которое было сформировано в языке средневековой Руси, обращается только к труду И. И. Срезневского как к главному лексикографическому источнику информации. Для реализации когнитивного анализа удается выделить обширную лексико-тематическую группу единиц с общим компонентом значения («ум») во многом благодаря стилистическому разнообразию «Материалов», которые содержат как книжную лексику из церковной литературы, так и элементы народного языка [4, с. 176].

В «Мыслях об истории русского языка» академик И. И. Срезневский писал: «Каждый из старых памятников должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном. При сличении лучших списков надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения» [цит. по: 2, с. 112]. Именно тщательная работа с текстовыми источниками помогает в реконструкции того необходимого объема семантических и ассоциативных связей, чтобы словарные толкования приблизились к действительной «жизни слова» в языке. Современные технические возможности позволяют создавать объемные корпусы текстовых материалов, которые сравнительно легко поддаются лингвистической обработке. Этими достижениями вооружились лексикографы [1, с.34]. Авторы новейших словарей стараются оптимизировать структуру лексикографических источников таким образом, чтобы преодолеть «отрицательные последствия» расчленения слова на разные значения (лексико-семантические варианты) и сохранить единство слова как «несомненной реальности» (по выражению Е. В. Падучевой), как средоточия смысла. Так, например, проект Института русского языка им. В.В. Виноградова и Всероссийского института научной и технической информации РАН система «Лексикограф» — это семантический словарь русского языка, представленный в виде базы данных. Система ставит

перед собой две связанные между собой задачи. Во-первых, представить каждое данное значение слова так, чтобы получили объяснение особенности языкового поведения слова в данном его значении. Во-вторых, показать, как значения слова связаны друг с другом, т.е. построить иерархию значений слова или даже парадигму значений, общую для определенного класса слов (готовая версия системы посвящена русскому глаголу) [1 с. 17].

Печатные словари остаются исторически проверенным способом классификации и регистрации лексико-семантических изменений в диахронии. Но лексикографическое произведение, представляющее языковой материал в виде гипертекстовых блоков, следует определить как лингвокультурологический феномен, поскольку активное использование возможностей поиска во много раз упрощает доступ к культурно значимой информации, имплицитно содержащейся в микро- и макроструктуре любого словаря. В нынешних условиях, когда системно-функциональное изучение языка переросло в новую антропоцентрическую парадигму лингвистики, а общей целью изысканий лингвокультурологической направленности стала попытка найти «доступ к Человеку через язык» [Вендина Т. И., цит. по: 1 с. 38-39], нисколько не устарели слова высокого признания культурной миссии словарей. Ими начиналась рецензия И. И. Срезневского в 1854 году: «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека, тем более для литератора и писателя... Словари сопутствуют просвещению всюду так же, как типографии, театры, журналы» [2, с. 111].

Может быть, как самое главное напутствие первого русского лексикографа всем последующим поколениям исследователей и составителей словарей следует помнить еще и слова И. И. Срезневского о родном языке, высказанные им с искренней гордостью: «Русский народ, сколько не испытывал волнений в быте политическом, всегда однако твердо удерживал свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству

других народов, никогда не подчинял своего языка игу других языков, никогда не был принужден признавать языка, чужого своему смыслу, орудием веры, закона и литературы» [7, с. 37].

Список литературы

1. Беляева В. Концептосфера «свет»/ «Licht». Репрезентация семантической динамики в словаре (на материале немецкого и русского языков) / В. Н. Беляева. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 225 с.
2. Богатова Г. А. Академик И. И. Срезневский и славянская историческая лексикография / Г. А. Богатова // Вестник АН СССР. – 1988. – № 4. – С. 109-117.
3. Дзюба Е. В. Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси / Е. В. Дзюба // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 175-187.
4. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – №2. – С.13-25.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1996. – 416 с.
6. Проспект. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире / Под ред. академика РАН Н. Ю. Шведовой. – М.: Ин-т русского языка им В.В. Виноградова, 2004. – 135 с.
7. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка [Электронный ресурс]// http://books.google.bg/books?id=w1NIAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

9. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова, Росс. акад. наук; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Emelyanov A. A. (Ivanovo, Russia)

TYPES AND FORMS OF COCKNEY AND UPPER CLASS RHYMING SLANG

The research deals with the English rhyming slang. Shown is the problem of its social varieties differentiation – Cockney rhyming slang and Upper Class rhyming slang. Defined are the types, the forms and the unique features of the given variants of rhyming slang.
Keywords: slang, rhyming slang, Cockney, Upper Class rhyming slang.

Емельянов А. А. (Иваново, Россия)

ТИПЫ И ФОРМЫ РИФМОВАННОГО СЛЕНГА КОКНИ И РИФМОВАННОГО СЛЕНГА ВЫСШИХ СЛОЕВ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Работа посвящена исследованию английского рифмованного сленга. Затрагивается проблема разграничения его социальных разновидностей - рифмованного сленга кокни и рифмованного сленга высших слоев британского общества. Определяются типы, формы и характерные особенности данных вариантов рифмованного сленга.
Ключевые слова: сленг, рифмованный сленг, кокни, рифмованный сленг высших слоев британского общества.

Rhyming slang in English is an amusing linguistic phenomenon that has attracted educated attention reasonably soon after it became established and popularized [3, p. 4]. Basically, it may be defined as a form of slang in which a rhyming word or phrase is a substitute for the word intended (e.g. *apples and pairs* for ‘stairs’; *dog and bone* for ‘phone’ etc.). Like all slangs RS originated in the desire to create a secret language – a secrecy that is helped by its form [4, p. 220].

One can come across two main social varieties of rhyming slang, that represent **Cockney rhyming slang** (CRS), which is mostly spread among the middle and lower classes of the British society, and **upper class rhyming slang** (UCRS), used by upper classes. This work is aimed at finding out the most common features and differences of CRS and UCRS, focusing on the following aspects:

- origins;

- peculiarities of substitute formation;

- geographical spread;

- French influence;

- imperfect rhyme;

- diachronic aspect;

- cross-cultural aspect.

Origins. Rhyming slang first evolved as *upper class rhyming* slang and was widely spread in the elite and aristocratic strata of the British society. It was invented in the middle of the sixteenth century by Christopher Marlowe, the contemporary wordsmith of William Shakespeare, as his major contribution to Walsingham's Secret Service in the reign of Elizabeth I. From Elizabethan times, the Secret Service has tended to move in aristocratic company, and so it was that Marlowe invented a secret language which employed apparently everyday speech of the posh breeds, while in fact communicating vital secrets [6, p. 3]. Some examples of UCRS are:

- Physician ~ *Titian*: Oh, that looks nasty! You ought to go and see a *Titian*!

- Heaven ~ *First Eleven*: The weather in Monte Carlo was pure *first eleven*.

- Speech ~ *Normandy Beach*: They listened gloomily to the Queen's *Normandy Beach*.

Cockney rhyming slang appeared later - in the early nineteenth century in the East End of London and, by Julian Franklyn, came into being as a secret language of the underworld [3, p. 7]. Peter Wright suggests that costermongers and their boy-helpers were amongst the earliest users of it, and sporting journals as well as music-hall songs introduced CRS to a much wider public [7, p. 12]. Some examples of CRS:

- Mate ~ *China Plate*: Hello, my old *China Plate*!

- Look ~ *Butcher's Hook*: Take a *Butcher's Hook* at this!

- Feet ~ *Plates of Meat*: Get your *Plates of Meat* off my table!

Peculiarities of substitute formation. Both CRS and UCRS have the same models of the substitute formation – they use a phrase which rhymes with the actual word one wants to employ, and as a result, we see a form of 'speech disguise'. These

expressions make sense to the insider, but are nonsensical to the outsider [2, p. 8]. The 'perfect' example manages to use a rhyming phrase that has some amusing or satirical bearing on the word for which it operates [4, p. 221].

CRS: *trouble and strife* ~ wife; *God forbids* ~ kids;

UCRS: *private jets* ~ debts; *last-but-not-least* ~ Far East.

Sometimes the rhyming equivalent is shortened to its first element, and as a result, there is no phonological relation with the intended meaning; this makes much more difficulty in understanding and interpreting the original message. The following examples can hardly be clear unless both the communicators are familiar with the rhyming substitution.

CRS: My *Barnet* is so long, I'll get it cut! (*Barnet fair* ~ hair); I was on the *dog* and didn't hear you come (*dog and bone* ~ phone).

UCRS: I assure you that it is only the lower classes who no longer *Lord* their undergarments! (*Lord Byron* ~ iron); Who's gone and *Ceciled* the last of the black forest gateau? (*Cecil Beaton* ~ eaten).

Geographical spread. The area of CRS usage is not limited to London surroundings. Recent research shows that its geographical and usage domains are now more widely dispersed than they used to be [5, p. 338]. While rooted in England, RS is not the exclusive province of native English-speakers; two countries have taken it on board, neither as extensively nor as enthusiastically as the UK, but a survey of both Australian and American slang will 'unearth examples' [4, p. 224]. In his *Dictionary of Rhyming Slang* Julian Franklyn gives plenty of examples of different geographical areas of CRS [3, p. 3-7].

- *dot and dash* ~ moustache (American)
- *Glasgow boat* ~ coat (Irish)
- *Cries and screeches* ~ leeches (Australian)
- *John Hop ~ cop* (New Zealand)
- *Barney Dillon* ~ shilling (shillun) (Scottish)
- *Bird lime* ~ time (South African)

UCRS is not mentioned as much spread outside London boundaries, being mostly the language of the British aristocracy and posh breeds.

French influence. The French language played an important role in the formation of UCRS equivalents. There is a great deal of French words with English pronunciation aimed at making UCRS phrases sound more extravagant and flamboyant:

- *hors d'oeuvres* ~ nerves;
- *Louis Quatorze* ~ pause;
- *chaise long* ~ pong;
- *Cote d'Azure* ~ manure;
- *Mont Blanc* ~ plonk etc.

CRS also provides examples of French borrowings, however they are few in number; this fact shows that it is typical mostly of upper classes and to a lesser extent of Cockney speakers, and they have additional 'charm' with the help of French. The examples of CRS are:

- *Madame de Luce* ~ spruce;
- *Saint Martin-le-Grand* ~ hand;
- *Danny la Rue* ~ blue.

Imperfect rhyme. CRS and UCRS fall into the general pattern by depending on stress and especially rhyme as it is the rhyme that plays the dominant role in the substitute formation. However some RS phrases do not rhyme at all or the rhyme is less evident, becoming what linguists would term 'imperfect rhyme'. This case may be partially explained: there are examples that, to a non-Cockney ear, seem devoid of rhyme: *Charing Cross* does not immediately offer "horse" , not until one recalls the Cockney pronunciation '*crorss*'; similarly, *cold potato* ('*pertater*') is a "waiter"; *Max Miller* is a "pillow" ('piller') and so on [4, p. 225]. Other examples of imperfect rhyme follow:

CRS: *bronze figure* ~ kipper; *Jack Jones* ~ alone; *nanny-goating* ~ courting;

UCRS: *stately home* ~ poem; *Michaelangelo* ~ gigolo; *Samuel Pepys* ~ creeps.

The analysis of the RS usage in different geographical areas lies in the field of language variation and introduces the problem of misunderstanding the rhyming equivalents. This issue is closely connected with diachronic and cross-cultural aspects.

The diachronic aspect. Plenty of RS expressions , being in use during the nineteenth century period, are now out of date and often unknown to the present-day RS speakers (e.g. east and south ~ mouth: Early 19th c.; potatoes in the mould ~ cold: Late 19th c.; slip in the gutter ~ butter: Early 20th c.). Moreover, rhyming slang is constantly developing, and the beginning of the twenty first century gives rise to new RS units which contain various names of today's popular singers, actors, politicians, fashion designers, etc. (e.g. Britney Spears ~ beers; Tony Blair ~ flare; Calvin Klein ~ table wine).

The cross-cultural aspect. Rhyming equivalents may partially coincide in territorial variants of RS (e.g. the British Barnet Fair and the American Barney Fair for 'hair'); they also may be totally different (e.g. the British whistle and flute and the American bag of fruit for 'suit'). The reason is that a linguistic fact, that is typical in one geographical area, may be unfamiliar or have a different meaning in the other area. A good example is given by the American linguist Leonard R. N. Ashley [1, p. 128]: "But who can cope with trolley = copulate (from trolley and truck, in a country where our truck is a van!) and Mozart = drunk (from Mozart and Liszt and the American pissed, not urinated but blotto)?".

This unique linguistic phenomenon enriches the English language and stands for the existence of a good alternative way of expressing one's thoughts, feelings and emotions. All these aspects show the inexhaustible possibility of language creativity, innovation and secrecy - the main attributes of RS. And as Julian Franklyn says [3, p. 23], "rhyming slang in England, more particularly in the South of England, and most particularly in London, is loved and enjoyed and, within the limits of their knowledge and ability, used by all classes of society".

References

1. Ashley, Leonard R. N. ‘Rhyme and Reason: the Methods and Meanings of Cockney Rhyming Slang// Names. Vol. 25, 1977, № 3. –pp. 124-154.

2. Crystal D. Language Play. – London: Penguin Books, 1998.

3. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. – London: Routledge, 1994.

4. Green J. Rhyming Slang // Critical Quarterly, 2003, Vol. 45, № 1, 2. – pp. 220-226.

5. Lillo A. From Aslatian Dog to Wooden Shoe: Linguistic Xenophobia in Rhyming Slang // English Studies, 2001, № 4. – pp. 336-348.

6. Wheeler P., Broadhead A. Upper Class Rhyming Slang. – London: Sidgwick & Jackson, 1985.

7. Wright P. Cockney Dialect and Slang. – London: B.T. Batsford Ltd., 1981.

Кругликова Л. Е. (Санкт-Петербург, Россия)

ФРАЗЕОГРАФИЯ: НОВАТОРСТВО И ТРАДИЦИИ

В докладе поднимается вопрос о том, всегда ли вводимые новшества способствуют повышению качества фразеологических словарей русского языка.
Ключевые слова: фразеография, лексикография, фразеологические словари, русский язык.

Kruglikova L. E. (Saint Petersburg, Russia)

PHRASEOGRAPHY: INNOVATION AND TRADITIONS

In the report the question on is brought up, whether always entered innovations promote improvement of quality of phraseological dictionaries.
Keywords: phraseography, lexicography, phraseological dictionaries, Russian.

Одним из важных вопросов фразеографии является вопрос о том, включать ли в дефиницию в словаре указание на внутреннюю форму. Авторы [ФОС] считают, что это необходимо и реализуют это в своём словаре. Причём данный словарь получил название объяснительного именно по той причине, что в нём интерпретируется образный компонент фразеологической единицы (ФЕ). Но стоит ли так прямолинейно толковать внутреннюю форму? Ведь для вошедшего в возраст носителя языка образ, лежащий в основе ФЕ, вполне понятен. Знания исходных значений слов и семантики, полученной в результате трансформации свободного сочетания слов в ФЕ, вполне достаточно для того, чтобы почувствовать образность оборота. Даже иностранцам, чтобы уяснить это, достаточно знать актуальное значение ФЕ и буквальные значения слов-компонентов. Недаром в двуязычных словарях при переводе фразеологизмов обычно даётся указание на буквальное значение их компонентов. Такого эксплицирования внутренней формы, образной основы ФЕ достаточно для понимания «не только исходной мотивации ФЕ, но и её экспрессивного потенциала» [10, с.265]. По этой причине непонятно, для кого надо в таком виде формулировать внутреннюю форму ФЕ, как это, например, сделано в отношении оборота [– *Ну?*] – *Баранки гну!*: ‘оценка неуместности речевого

поведения собеседника как ответная реакция на его реплику, содержащую частицу “ну” и настоятельно и, тем самым, невежливо побуждающую говорящего сделать что-л., *в форме указания на собственную занятость абсурдным действием придания круглой формы одному из видов хлебобулочных изделий, уже имеющему круглую форму, причем выбор названия действия определяется исключительно тем, что оно рифмуется с первой репликой собеседника и тем самым утрированно имитирует его речевое поведение*’ [3, с. 22; ФОС]. В результате следования теоретическим изыскам мы получили неудобоваримую формулировку[40]. К тому же данная ФЕ не вызывает в сознании человека представления о процессе сгибания. На первом плане рифмовка. В. А. Маслова, анализировавшая междометные ФЕ, пришла к выводу о том, что «организация их значения почти не ориентирована на внутреннюю форму» [8, с. 99]. Рассматривая рифмованные ФЕ, В. М. Мокиенко подчеркивает, что «основное значение рифмы – создать звуковую симметрию фразеологизма. Лексико-семантические и логико-синтаксические связи, подчиняясь этой функции, играют второстепенную роль в организации рифмованных пар» [11, с.148]. Мы полностью солидарны с мнением учёных и считаем, что это наблюдается и у речевых формул типа [– *Ну?*] – *Баранки гну*. Понятия “образная основа” и “мотивированность” тесно связаны. Так, Л. И. Ройзензон в 1965 году писал, что «внутренняя форма фразеологизма есть наличие мотивированности в устойчивом обороте» [13, с.65]. Если мотивированности нет, то как можно дать формулировку образной составляющей? Интересно, каким образом истолковали бы внутреннюю форму авторы [ФОС] у таких, например, речевых формул, как [– *Где?*] – *У тебя на*

[40] Как справедливо заметила А. Вежбицкая, хотя и по другому поводу: «Определение, которое пытается объяснить простое слово *if* (*если*) через сложное слово *implication* (*импликация*) бросает вызов основному принципу здравого семантического анализа, выдвинутому Аристотелем более двух тысячелетий назад» [5, с.12] и далее «Семантика может иметь объяснительную силу, только если ей удается “определить” (или истолковать) сложные и темные значения с помощью простых и самопонятных» [5, с.14].

бороде; [– *Откуда?*] – *От верблюда*; [– *Кто?*] – *Дед Пихто*; [– *Почему?*] – *По кочану*.

На наш взгляд, нет необходимости каждый раз показывать в толковании ФЕ процесс появления актуального значения, т. к. при каждом употреблении-восприятии ФЕ непроизвольно происходит своеобразный семантический анализ, позволяющий уяснить внутреннюю форму, лежащую в основе ФЕ. Ср. с высказыванием А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского относительно идиом: «С когнитивной точки зрения говорящий в процессе произнесения каждый раз “переживает” их заново» [1, с.66]. Истолковывая внутреннюю форму, не навязываем ли мы пользователям словаря свое восприятие ФЕ, тем самым обедняя ее подлинное содержание. Недаром В. В. Виноградов пишет о том, что «“внутренние формы” потому и называются внутренними, что они не имеют постоянных чувственных индексов, они – подвижные и изменчивые формы смысла, как он передаётся или изображается» [6, с.21]. Указание на образ, лежащий в основе ФЕ, уместно в словарях для иностранцев, в учебных словарях, словарях индивидуально-авторского употребления ФЕ, но не во фразеологических толковых словарях.

Далее попробуем выяснить, что нового появилось во фразеографии после обращения фразеологов к новейшим семантическим теориям. С этой целью сравним разработку одной и той же ФЕ в двух словарях учёных, которые придерживаются традиционной лингвистики ([ФСРЯ], [ФСШ]), и в двух словарях сторонников новых семантических теорий ([СОВ], [ФОС].

В [ФСШ] по сравнению с [ФСРЯ] дополнительно даётся пояснение того, в какой ситуации используется ФЕ, указывается на характер эмоций говорящего, а также приводятся фразеологические синонимы. В [СОВ] толкование актуального значения беднее. Словарная дефиниция в [ФОС] неточная: *водить за нос* можно, ничего не говоря, а только лишь поступая определённым образом (об этом свидетельствуют и иллюстративные примеры, приводимые в словаре). Такая формулировка актуального значения, идущая в разрез с цитатным

ФСРЯ

ВОДИТЬ ЗА НОС *кого*. Обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного.

Иллюстративные примеры

- Выражение, возникшее, вероятно, из сравнения с медведями, которых цыгане водили напоказ за кольцо, продетое в нос, и заставляли делать фокусы, обманывая обещаниями подачки. Лит.: Словарь современного русского литературного языка, т. 2, М.-Л., 1951, с. 501.

ФСШ

Води́ть за́ нос *кого*. Вводить в заблуждение, обманывать. *Говорится с осуждением о том, кто намеренно длительное время обманывает доверчивого человека, дурачит, делая вид при этом, что сам не по своей воле вынужден откладывать выполнение своих обещаний, обязательств.*

Иллюстративные примеры

•Выражение возникло, вероятно, из сравнения с медведями, которых цыгане водили напоказ за кольцо, продетое в нос, и заставляли делать фокусы, обманывая обещаниями подачки.

Син. Втира́ть очки́ (см. ОЧКИ́). Обводи́ть вокру́г па́льца (см. ПА́ЛЕЦ).

СОВ

ВОДИТЬ ЗА НОС *кто, кого.* Бессовестно обманывать (говорится с неодобрением). Неформ. *кто* – лицо, группа лиц, объединенных общими целями; *кого* – лицо, группу лиц, объединенных участием в общем деле

• Именная часть неизм.

• Порядок слов нефиксир.

Иллюстративные примеры[41]

[41] В [СОВ] в том случае, если идиома имеет валентность *кто*, иллюстрации разделены на три зоны: с примерами, где в роли подлежащего выступает третье лицо, затем с примерами, в которых в роли подлежащее выступает второе лицо (собеседник) и, наконец, примеры, где подлежащим является первое лицо (сам говорящий). В рассматриваемой словарной статье приводится 4 примера с третьим лицом, один – со вторым, а в отношении первого лица дается указание на его неупотребительность. Последнее не совсем так. Приведем хотя бы следующий пример, где говорящий использует оборот *водить за нос* применительно к себе:– *Я всех здешних дельцов и политиканов... Вот где я их держу! В моем кулаке! Ха-ха-ха!.. Австрийцы, ненавистные мне, остались с носом. И сам Остерман поплатится за все свои и чужие грехи передо мною. Завтра же он будет арестован... Французов, с их шаркуном, пройдохой Шетарди, **я вожу за нос**, треплю, как треплет за шиворот сука своих малых щенят.* Л. Г. Жданов. Под властью фаворита.

ФОС

ВОДИТЬ ЗА *НОС* (кого) [-за́нъс]. Говорить что-л. кому-л., скрывая истинное положение дел, свое истинное мнение или намерение – часто обещать сделать что-л кому-л. и не выполнять обещанного, что осмысляется как совершение над этим лицом некоторого очевидного действия, которое его унижает и ставит в беспомощное положение и которое, тем не менее, им не замечается.

*обманывать кого-л., лгать кому-л., врать кому-л., изворачиваться.

Иллюстративные примеры

материалом, появилась, вероятно, в угоду теории: наиболее подходящие для использования в дефиниции глаголы приведены в качестве приблизительных эквивалентов, хотя, на наш взгляд, более удачные эквиваленты в виде фразеологизмов даны в [ФСШ]. В качестве дополнительной информации в [СОВ] содержится указание на употребление идиомы при общении лиц, находящихся в неформальных отношениях. Мы считаем, что нет необходимости в этом, т. к. подавляющее большинство ФЕ используется именно при таких условиях. К тому же отграничить такого рода обороты от тех, которые причисляются авторами к речевому стандарту (ср. с одной стороны, *кот наплакал, морочить голову, брать за горло* – неформально, с другой стороны, *не ударить лицом в грязь*[42]*, разложить по полочкам* – речевой стандарт [СОВ, с.20]), не представляется возможным. Что касается сведений о неизменяемости именной части, то оно, по нашему мнению, также избыточно –в случае возможного использования данного компонента-существительного во множественном числе эту форму можно было бы указать в качестве варианта в заголовочной части. Указание на порядок компонентов уместно в том случае, если он фиксированный. В [ФОС] новизна в истолковании семантики сводится к включению в толкование внутренней формы (‘что осмысляется как совершение над этим лицом некоторого очевидного действия, которое его унижает и ставит в беспомощное положение и которое, тем не менее, им не замечается’), что, во-первых, ничего кроме тяжеловесности формулировке не придаёт, а во-вторых, не учитывает этимологический образ, лежащий в основе ФЕ. Как справедливо замечает А.Г. Назарян, «если метафора как образное языковое средство немыслима без определённой смысловой связи со своим прототипом, то подобная связь для ФЕ не обязательна. Значение ФЕ, если

[42] Интересно, что рассматривая влияние на стилистическую характеристику внутренней формы, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский объясняют наличие пометы *сниж. жарг*. у оборота *их как грязи* «сниженным образом грязного» [3, с.28]. Следуя этой логике, ФЕ *не ударить лицом в грязь* должна бы была получить аналогичную помету.

только лексико-грамматические отношения между её компонентами выражены продуктивными (не архаическими) языковыми средствами, всегда сохраняет свой образный характер, независимо от того, существует ли в современном языке её свободносинтаксический коррелят или нет. Так, например, *être tiré à quatre épingles* в буквальном смысле означает “быть натянутым на четыре булавки”. Это выражение, восходящее к существовавшему в прошлом обычаю затягивать одежду по фигуре с помощью четырех булавок, давно уже вышло из употребления, между тем как возникшая на его основе ФЕ “быть подтянутым” имеет широкое распространение в современном французском языке и по-прежнему воспринимается как образная» [12, с.28].

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский справедливо указывают на приоритет М. И. Михельсона в показе внутренней формы в словаре, но не хотят замечать очевидное, утверждая, что «в последующей лексикографической практике эта идея была прочно забыта, а соответствующая техника толкования потеряна» [3, с. 22]. Истолкование внутренней формы наличествует в лингвострановедческом словаре В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко [РФ], в [РФС] тех же авторов, а также в их фразеологических словарях для школьников [ШФС; ФСШ], словаре индивидуально-авторских употреблений ФЕ [9], причём авторы делают это довольно виртуозно. Приведём лишь несколько примеров.

ВЫБРА́СЫВАТЬ/ВЫ́БРОСИТЬ ЗА́ БОРТ *кого, что*. Выражение отражает обычное для жизни моряков явление: всё, что не нужно, мешает на корабле (непригодные вещи, мусор и т. п.) бросают за борт в море. **Отвергать что-л. или кого-л. как ненужное, неподходящее** [РФ, с.31].

ПОСАДИ́ТЬ НА ХЛЕБ И <НА> ВО́ДУ *кого*. *Разг.* Образ фразеологизма связан с наказанием, принятым в учебных заведениях, военных учреждениях и тюрьмах царской России. Провинившегося запирали в отдельную комнату и кормили только хлебом и водой. Во фразеологизме

подчёркивается “самодостаточность” хлеба как минимума питания. **Наказывать ограничением пищи, голодом; лишать пищи в наказание за что-л.** Говорится в качестве угрозы наказания [РФ, с.166].

ИЗОБРЕТАТЬ/ИЗОБРЕСТИ ВЕЛОСИПЕД […] Переносный смысл основан на том, что велосипед – технически простое устройство. Официально он изобретён около 200 лет назад. Поскольку же его основная деталь – колесо появилось значительно ранее (ему свыше 6000 лет), то и само изобретение как бы ценится невысоко (ср. европейские наименования велосипеда по колесу: нем.*Fahrrad*, чеш. *kolo*, англ. *bicycle* и т. д.). Учитывая, что и другие его детали – шестерёнки, кривошипно-шатунный механизм и т. п. использовались еще до нашей эры, можно считать, что в принципе велосипед мог быть изобретён как минимум тысячу лет назад. Буквально, следовательно, изобретать велосипед – это изобретать нечто простое, что было изобретено весьма давно» [9, с.113-114][43].

КАК ЗЕНИ́ЦУ О́КА [беречь, хранить и т. п.**].** *Разг.* ***Зени́ца*** (устар.) – ‘зрачок, глаз’. **О́ко** (устар.) – ‘глаз’. **Заботливо, бдительно, тщательно (беречь, хранить и т. п.).** Говорится о том, кого, что берегут как самую большую ценность [РФС, с.101]. Ср. с толкованием последнего оборота в словаре под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского: **Беречь/хранить как зеницу ока** (кого-л, что-л.) *высок.* Очень сильно заботиться о сохранности чего-л. ценного, которое при утрате не может быть заменено ничем другим, как если бы это был жизненно важный орган человека [ФОС, с.191]. Нам представляется вполне достаточным лишь пояснение устаревших слов: ценность зрения как для человека, так и для животного само собой разумеющийся факт. Попутно заметим, что неподходящей, по нашему мнению, является стилистическая помета *высокое*. Иллюстративные примеры не дают оснований для такой пометы. Из 164 употреблений ФЕ *беречь/хранить как зеницу ока*, имеющихся в нашем

[43] Данное истолкование с указанием авторства использовано в [БФС, с. 277].

распоряжении, мы не нашли ни одного, который можно было бы отнести к высокому стилю. Вот лишь некоторые наши примеры: – *Да... да... триста рублей, кажется, вы с него взяли. – Помилуйте, Иван Иваныч, разве это много? Ведь я сам купил из погреба наследников дюжину за восемьсот рублей, насилу выпросил. Две бутылки остались только. Берегу как зеницу ока.* В. Гиляровский. Друзья и встречи. – *Ну что вы! Что вы! – горячо возразил Эдисон Ксенофонтович. – Неужели вы думаете, что мы собираемся его убивать? Такой ценный экземпляр! Да мы его будем* ***беречь как зеницу ока.*** В. Войнович. Москва 2042. *Я уже говорил, что, бывая в заграничных поездках, я каждый раз стремился узнать: как же обстоит дело у капиталистов? Ферму, где содержится более 40 коров, они считают экономически невыгодной. И везде – подстилка! Везде навозонакопление, а не навозоудаление! Там же, где нет подстилки, жидкая фракция тут же, немедля компостируется, ее* ***берегут как зеницу ока.*** В. Белов. Ремесло отчуждения. *Мне говорили свердловские ученые медики, что закупают они своих пиявок за рубежом и берегут, как зеницу ока.* Р. Дышаленкова. Прощальное слово о знахаре. По всей видимости, составители следовали аксиоме, провозглашённой в [3, с.28]: «Понятно, что если в состав идиомы входят стилистически окрашенные лексемы, то их стилистические особенности распространяются на всю идиому в целом». Но, как отмечают сами А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский в другой своей работе [2], определяющим признаком идиом является нерегулярность. Вот ещё примеры ФЕ, содержащих в своем составе “высокие” лексемы, но не приобрётших это качество для всего оборота в целом: *в мгновение ока, в кои-то веки, на кой черт, сию минуту, не от мира сего, не щадя живота своего* и т. п. Причины такого положения вещей различны. В этом-то и заключается сложность при стилистической характеристике идиом, не говоря уже о том, что одни и те же образования получают у различных исследователей разную стилистическую характеристику. На наш взгляд, только скрупулёзный анализ употреблений

той или иной языковой единицы может дать ответ на вопрос о ее стилистической принадлежности.

Итак, прежде чем переносить во фразеографию “категориальный аппарат современных семантических теорий” [3, с.34], надо хорошо подумать о том, что это может дать, пойдёт ли это на пользу представлению языковых единиц в словаре. Как справедливо заметил А.С. Герд: «Не имеет прямого отношения к проблеме словарного значения и теория когнитивной лингвистики. Основная цель когнитологии – определить, как организованы знания индивида (говорящего коллектива), выявить сами когнитивные модели знания […]. Когнитивная семантика ориентирована на толкование текста, на смысл. Для лексикографа главное – конкретное значение отдельного слова […]. Знание проблем когнитологии может помочь в толковании значения, но оно не может изменить определения значения, если оно удовлетворяет заданным правилам его определения и принципам словаря. Таким образом, словарная семантика слова находится в сложных отношениях с семантикой теоретической. И объекты и цели семантики словарной и теоретической различны […]. Словарная семантика – это особое направление со своими методами, приемами в рамках общей теории лексикографии, а словарное определение – это особый логико-лингвистический феномен, который и должен быть одним из основных объектов теории общей лексикографии» [7, с.197].

Список литературы

1. Баранов А. Н. , Добровольский Д. О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1992. – Т. 51. – № 5. – С. 60–67.

2. Баранов А. Н. , Добровольский Д. О. Идиоматичность и идиомы // ВЯ. – 1996. – № 5. С. 51–64.

3. Баранов А. Н. , Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // ВЯ. – 2009. – № 6. – С. 21–35.

4. БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.

5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. – М.: Языки русской культуры, 1999.

6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2. – М.: Высш. шк., 1972.

7. Герд А. С. Словарное значение слова и смысл // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: Межвузовский сб. научных трудов. – Иваново, 1997.

8. Маслова В. А. Возможность параметризации фразеологических единиц междометного характера // Фразеографическая параметризация в машинном фонде русского языка. – М., 1990.

9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М.. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома, 2008.

11. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980.

12. Назарян А. Г. История развития французской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1981.

13. Ройзензон Л. И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965.

14. РФ – Фелицына В. П. , Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1990.

15. РФС – Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русский фразеологический словарь. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.

16. СОВ – Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.: Под ред. В. Н. Телии. – М.: Отечество, 1995.

17. ФОС – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский и др.; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009.

18. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. Энцикл., 1968.

19. ФСШ – Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Фразеологический словарь для школьников. – СПб.: Норинт, 2005.

20. ШФС – Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Школьный фразеологический словарь. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.

Скикевич Т. И. (Горки, Беларусь)

СЛОВАРЬ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА ДЛЯ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье раскрывается значение материалов «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского для анализа различных лексических и лексико-семантических групп. На примере лексико-семантической группы зоонимов прослеживается процесс формирования лексики русского языка и динамика ее развития.
Ключевые слова: формирование лексики, лексико-семантическая группа, зоонимы, историческая лексикология, этимология, диахрония, зоологическая номенклатура, исконная лексика, заимствования.

Skikevich T. I. (Gorki, Belarus)

I.I. SREZNEVSKY'S DICTIONARY AS FUNDAMENTAL BASE FOR THE ANALYSIS OF LEXICAL GROUPS OF RUSSIAN

In article value of materials «Dictionary of Old Russian language» of I.I. Sreznevsky for the analysis of various lexical and lexical and semantic groups reveals. On an example of lexical and semantic group names of animals process of formation of lexicon of Russian and dynamics of its development is traced.
Keywords: lexicon formation, lexical and semantic group, names of animals, historical lexicology, etymology, diachrony, zoological nomenclature, primordial vocabulary, adoption.

Историческая лексикология, как и любая другая наука о языке, представляет собой определенную систему, и большинство лингвистов признает системный характер самой лексики. Однако полное системное описание словарного состава языка – дело достаточно сложное. Это обусловлено тем, что лексика как система, структура которой в наибольшей степени связана с влиянием экстралингвистических факторов, представляется совокупностью системных и несистемных элементов. Изменения, происходящие в лексике, обусловлены как историей носителей данного языка, так и внутренними, собственно языковыми причинами. Взаимодействие внешних и внутренних факторов приводит к многообразию системных отношений в лексике и к невозможности однозначного

определения характера этих отношений. Поэтому предпочтение отдается изучению отдельных лексико-семантических групп.

Лексико-семантические группы исследуются в двух направлениях: во-первых, необходимо установить время появления в русском языке того или иного термина как составного элемента функционирующей группы, определить пути и закономерности формирования и развития данной группы на диахроническом срезе; во-вторых, установить этимологию слова, определить принципы номинации, положенные в основу наименования, и мотивацию признака, послужившего причиной названия.

Большую роль в этимологизации слова играет установление времени его появления в языке. Чтобы ставить вопрос о происхождении того или иного слова, нужно вначале выяснить, давно ли это слово существует в данном языке, в какой фонетической форме и с какими основными значениями оно известно в памятниках письменности, существовали ли однокоренные слова и т.д. Незаменимой в этом отношении является работа И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка», которые первоначально включали известные в то время письменные памятники XI−XIV веков, а затем автор стал расширять период времени, из памятников которого он черпал материалы, охватив в своих работах, кроме XI−XIV веков, XV и частично XVI века. «Материалы...» И.И. Срезневского – это единственный законченный (от “А” до “Я”) древнерусский словарь.

В любом языке существуют стержневые лексические группы, которые на протяжении многих столетий сохраняют свой состав и подвергаются незначительным изменениям. Истоки происхождения таких лексем нужно искать в праязыке. Лексическая группа названий диких животных (зоонимов) относится к одной из таких групп. Значительная часть зоонимов восходит к праславянской эпохе формирования языка, о чем свидетельствует Словарь И.И. Срезневского. Сделав выборку таких слов из данного Словаря и произведя лингвистический анализ, мы установили, что наименования диких

животных, восходящие к праславянскому лексическому фонду, и общевосточнославянские названия фиксируются в различных формах памятниками древнерусской письменности XI−XIV веков. Из исследуемого материала в качестве праславянских определено 41 наименование и 14 наименований восточнославянского происхождения.

По времени первой фиксации и происхождению эти зоонимы можно классифицировать следующим образом:

1. Наименования диких животных, восходящие к праславянскому лексическому фонду, среди которых выделяются подгруппы:

а) праславянские наименования индоевропейского происхождения: *бобр*, *вепрь*, *волк*, *выдра*, *ёж*, *лань*, *лиса*, *лось*, *мышь*, *нетопырь*, *олень*, *росомаха*, *тур*, *веверица*;

б) праславянские наименования балто-славянского происхождения: *заяц*, *крот*, *куна* (*куница*), *полчок*, *серна*;

в) наименования собственно праславянского происхождения: *горностай*, *зубр*, *ласка*, *медведь*, *рысь*, *слон*, *соболь*, *суслик*, *хомяк*, *хорь*, *кошута* (лань), *трепясток* (обезьяна), *язвец* (барсук);

г) наименования, заимствованные в праславянский период: *кит*, *лев*, *леопард*, *осёл*, *тигр*, *верблюд*, *ехидна*, *лежага* (кит), *опица* или *опыня* (обезьяна).

2. Общевосточнославянские наименования диких животных, восходящие к лексике древнерусского языка, где различаются:

а) древнерусские новообразования: *белка*, *векша*, *изюбр*, *песец*, *тюлень*, *ящур*;

б) древнерусские заимствования: *норка*, *норок* (ласка), *носорог* (калька), *обезьяна*, *пардус* (барс), *онагр* (осёл), *панфир* (пантера), *фока* (тюлень).

Наличие в праславянской зоологической терминологии большинства слов исконно славянского происхождения еще раз подтверждает мысль, что

древние славяне проявляли большой интерес к окружавшему их животному миру. Интерес этот был вызван несколькими причинами. Во-первых, велико было значение животного в хозяйственной деятельности человека (охота, развитие животноводства). Во-вторых, большую роль играли религиозные культы зверей, которые шли еще от индоевропейской языковой общности. Так, волк символизировал единство и всеведение. Если человек надевал волчью шкуру, значит, он наделялся магической силой и приобретал дар всеведения. Медведь выступал как символ плодородия и мужского начала, а леопард, как и лев, являлся символом женского начала.

Праславянская зоологическая номенклатура – это в основном названия семейств и родов животных (14 семейств, 11 родов). Причем большинство из рассмотренных наименований являются исконной славянской лексикой (индоевропейского, балто-славянского либо собственно праславянского происхождения) и лишь 9 из 41 зоонима заимствованы.

В таблице показано распределение рассмотренных наименований диких животных, восходящих к праславянскому лексическому фонду, с учетом их происхождения.

Индо-европейские	Балто-славянские	Собственно праславянские	Заимство-ванные
14	5	13	9
34,1 %	12,2 %	31,7 %	22,0 %

Отдельные праславянские названия (*веверица*, *кошута*, *трепясток*, *язвец*, *лежага*, *опица*) являются в настоящее время устаревшими, вышедшими из употребления. Они заменились другими, более поздними новообразованиями или заимствованными словами. Некоторые из них сохранились в диалектах.

Таким образом, анализ праславянских наименований диких животных, нашедших отражение в русском языке, позволяет установить следующее:

1) лексическая группа зоологических терминов в основном сложилась в эпоху существования праславянской языковой общности;

2) праславянские наименования диких животных представляют собой в большинстве названия семейств и родов, которые послужили базой для формирования зоологической номенклатуры не только русского, но и других славянских языков;

3) в отдельных наименованиях произошло сужение значения: устаревшие названия либо совсем вышли из употребления, либо сохранились в отдельных диалектах и стали обозначать какой-то определенный вид животного.

Следующим этапом в формировании лексической группы наименований диких животных, как и лексики русского языка в целом, был период восточнославянской или древнерусской народности.

Древнерусский литературный язык формировался на базе восточнославянских диалектов, носители которых уже в I тысячелетии н.э. стали обособляться от других славянских народов и к IX веку оформились в самостоятельное государство − Киевскую Русь. Примерно до XIV века сохранялась значительная степень общности восточнославянских диалектов и письменного языка. На базе унаследованной от праславянской эпохи лексической системы развивается собственно восточнославянская лексика (древнерусские новообразования), и в то же время пополняется она и за счет заимствований.

Наименования, вошедшие в данную группу, преимущественно являются принадлежностью словарного фонда русских, белорусов и украинцев. Они достаточно полно отражены в древнерусских памятниках письменности, но многие из них вышли из словарного состава современного русского языка, либо сохранились в диалектах. Немногочисленность данной группы объясняется тем, что животные, распространенные у славян, уже получили свою номинацию, а экзотические еще не были известны на

территории расселения славян.

На основании исследованного материала можно сделать выводы, что:

1) количество наименований восточнославянского происхождения значительно меньше по сравнению с наименованиями, восходящими к праславянскому лексическому фонду; это свидетельствует о том, что животные, распространенные на территории расселения славян, уже получили свою номинацию, а экзотические не стали достаточно известны;

2) восточнославянские наименования в большинстве своем – это названия видов, что говорит о начале процесса видового различения в пределах одного семейства и рода;

3) возрастает удельный вес (более половины) заимствований, что говорит о расширении контактов славян с другими народами и о развитии письменности;

4) к XV веку складывается состоящая из нескольких десятков слов восточнославянская лексическая группа названий диких животных, отличная от соответствующих групп в других славянских языках.

Учитывая, что Словарь И.И. Срезневского содержит богатейший материал для изучения лексического фонда русского языка, он является фундаментальной базой для анализа любой лексико-семантической группы, от которой следует отталкиваться при исследовании, дает возможность разрабатывать различные методики лингвистического анализа лексических групп и проследить связи между ними в историческом и семантическом срезе. Опираясь на данные словаря, можно выявить закономерности развития как отдельной лексической группы, так и всего языка в целом. Более того, материал языка настолько репрезентативен, что мы можем не только анализировать формирование различных лексических групп русского языка, но и проследить динамику их развития, составить языковую картину Древней Руси.

Список литературы

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – В 2 ч. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.

2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1−3. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893−1912.

3. Супрун А.Е. Лекции по языковедению. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. − 144 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева. – В 4 т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987.

5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1−22. – М.: Наука, 1974−1995.

Смирнова А. Н. (Иваново, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО КОДИФИКАЦИЯ В СЛОВАРЯХ

Язык, вероятно, наиболее важный инструмент социализации, который существует как в обществе, так и в различных культурах. Такие термины, как стиль и помета используются многими лингвистами для обозначения социальной релевантности фонологической, грамматической и лексической вариативности. Более чем за 400 лет, языковые формы, которые использовались в Великобритании и, особенно в США стали значительно расходиться. Здесь стоит упомянуть различия в произношении, грамматике, лексике, орфографии, пунктуации и так далее.
Ключевые слова: лингвистика, социолингвистика, лексика, фонетика, лексикография, вариативность, норма.

Smirnova A. N. (Ivanovo, Russia)

LINGUISTIC FEATURES OF AMERICAN STANDARD LANGUAGE ITS REGISTRATION IN DICTIONARIES

Language is probably the most important instrument of socialization that exists in all human societies and cultures. Terms such as style and register are employed by many linguists to refer to the socially relevant dimensions of phonological, grammatical, and lexical variation within one language. Over the past 400 years, the form of the language used in the Americas - especially in the United States - and that used in the British Isles have diverged in many ways. Differences between the two include pronunciation, grammar, vocabulary (lexis), spelling, punctuation, and so on.
Key words: linguistics, sociolinguistics, lexis (lexicology), phonetics, lexicography, variety, norm.

Последние десятилетия характеризуются бурным развитием нового направления в языкознании - социолингвистики. Советская лингвистическая наука уже в 20-30-х гг. нашего века уделяла большое внимание социологическому изучению языка, то есть рассмотрению языка в его взаимодействии с обществом, в частности в связи с различными формами его существования (диалект, полудиалект, литературный язык) в их отношении к различным социальным группам общества. Большой вклад в этом

направлении внесли крупные ученые - Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский, Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский и другие. Следует отметить, что на современном этапе развития социолингвистика представляет собой качественно новое направление в языкознании, развивающееся на основе последних достижений лингвистической науки, и рассматривает явления языка и общества во взаимосвязи, как явления с признаками системной организации.

Одно из ведущих мест в современной социолингвистике занимает проблема социальной стратификации языка. В.М. Жирмунский писал, что при изучении языка необходимо учитывать социально-классовое расслоение общества [3, с. 10]. Гетерогенность структуры языка проявляется в существовании целого ряда перекрещивающихся подсистем, т.е. горизонтальной и вертикальной дифференциации. Говоря о горизонтальной дифференциации (варьировании языка в пространственной проекции), А.Д. Швейцер отмечал, что она лежит в основе деления языка на территориальные диалекты, полудиалекты и варианты [5, с.6]. Одним из важнейших направлений в этой области при исследованиях, проводимых социолингвистами, стало изучение функционирования языка в тех условиях, когда тот или иной язык используется в двух или нескольких странах, т.е. несколькими самостоятельными национальными носителями. Так, французский язык используется во Франции, Бельгии, части Швейцарии, является одним из государственных языков в Люксембурге, Канаде; португальский - в Португалии и Бразилии; голландский - в Нидерландах и в Бельгии (фламандский); испанский - в Испании и в большинстве латиноамериканских стран; немецкий язык используется в Германии, Австрии, на большей части территории Швейцарии, в государстве Лихтенштейн, а также является одним из государственных языков в Люксембурге; итальянский язык используется в Италии и части Швейцарии (кантон Тичино); шведский язык используется в Швеции и Финляндии.

Особенно широко распространен английский язык: сфера его использования охватывает Великобританию, США, Австралию, Новую Зеландию, Ирландию, Канаду и ЮАР.

Изучение характера литературного языка в таких условиях позволило, в частности, сформулировать концепцию национального варианта литературного языка. Вариативность языка является сравнительно молодой теорией, находящейся в настоящее время в стадии своего становления. Состояние системы литературного языка, когда он используется двумя или несколькими национально-государственными общностями, что является отдельным случаем вариантности, называется национальной негомогенностью языка. Национальные варианты литературного языка необходимо отличать от региональных вариантов, т.к. в национальных вариантах местная специфика (культивирование диалектных, ареальных особенностей) является лишь одним из источников развития языка. В целом национальные варианты характеризуются тем, что с точки зрения основного инвентаря элементов своей субстанции и структуры они оказываются едины. Единство такого национально негомогенного языка, однако, не предполагает их обязательного тождества, так как, пишет Д. Брозович, "было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями" [2, с.17].

Неидентичность языка при наличии двух или более национальных носителей привела языкознание к признанию вариативности такого языка, что, в свою очередь, выявило необходимость определения этой системы как национальных вариантов языка. Интерпретация национальных вариантов одного языка как систем, обладающих устойчивостью и перспективой, несомненно, является значительным достижением советской и зарубежной лингвистики последних 60-65 лет. Ведь еще в начале 50-х гг. Э.Г. Ризель,

например, при рассмотрении национальных особенностей немецкого литературного языка в Австрии и Швейцарии считала эти особенности элементами, находящимися на различных ступенях их внедрения в общую единую норму, т.е. практически рассматривала их как территориальные дублеты [4, с. 163]. С другой стороны, негомогенность национальных вариантов языка подтолкнула ряд лингвистов к рассуждениям о существовании самостоятельных языков. Ярким примером тому является концепция Г.Л. Менкена, рассматривавшего американский вариант английского литературного языка как самостоятельный, независимый "американский язык" [9, с.23].

В начале 60-х гг. ведущими советскими лингвистами были сформулированы основные положения о национально негомогенном языке как о системе его национальных вариантов. Этому способствовали также некоторые более ранние высказывания и оценки, сделанные А.И. Смирницким, Э.Г. Ризель и др. Следует особо отметить вклад в решение этой проблемы Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака, Е.А. Реферовской, М.А. Бородиной, А.И. Домашнева, Д. Брозовича и др. Резюмируя развернутую характеристику национальных вариантов языков, данную Г.В. Степановым, можно сказать, что национальным вариантом языка является форма приспособления единого литературного языка как к традиции, так и к современным потребностям нации, то есть национальный вариант является особой формой функционирования единого языка.

Как уже отмечалось, одним из национально негомогенных языков является английский язык, поливариантность которого уже в течение длительного времени привлекает к себе внимание как советских, так и зарубежных лингвистов. Особый интерес вызывает американский вариант литературного английского языка. По мнению А.Д. Швейцера, интерес, проявляемый к этой проблеме, определяется прежде всего тем, что она имеет большое значение не только для англистики, но и в кругу таких проблем

общего языкознания, как природа языка и его территориальной вариативности, соотношение между вариантами литературного языка и др. [7, с. 6].

Большое внимание проблемам исследования различий американского и британского вариантов английского языка уделили в своих трудах целый ряд советских лингвистов, в частности В.Н. Ярцева, И.Р. Гальперин, А.В. Кунин, Л.П. Ступин, Т.И. Беляева, И.А. Потапова, Г.Д. Звиададзе.

Необходимо отметить, что важной стороной признания суверенности национального варианта литературного языка является его фиксация, то есть выявление и кодификация национальной нормы литературного языка, и прежде всего путем лексикографического отражения состояния нормы данного литературного языка в условиях данного социума. В настоящее время американский вариант английского языка является настолько устойчиво сложившимся типом литературной речи, который, как показывают наблюдения, характеризуется специфическими, свойственными именно английскому языку в США чертами на всех уровнях языковой системы, что ряд лингвистов, в первую очередь американских, предпринимают попытки возродить теоретические рассуждения Г.Л. Менкена о существовании особого американского языка [9, с.30]. Хотя работа Г.Л. Менкена "Американский язык" основана на большом количестве фактического материала, А.Д. Швейцер совершенно справедливо отмечает, что ценность собранных фактов в значительной мере снижает их явно тенденциозный подбор, сомнительная интерпретация целого ряда случаев, произвольное и ненаучное обращение с языковыми фактами, что, вместе взятое, наводит на мысль о том, что автор заранее поставил перед собой одну цель - доказать существование особого американского языка [6, с. 8]. Следует отметить и другую крайность, - в частности, доводы в пользу признания американского варианта английского языка диалектом приводил Б.В. Братусь [1, с. 28].

Но, исходя из того тезиса, что важной стороной признания существования суверенного национального варианта английского языка в США является кодификация национальной нормы литературного языка, причем прежде всего путем лексикографического отражения, в настоящее время представляется важным дать оценку тому, какова лексикографическая практика фиксации, или отражения этих специфических черт английского языка в США. Представляется весьма показательным тот факт, что вплоть до недавнего времени в английских словарях американизмы либо вообще не приводились, либо оценивались как отклонение от нормы. В последнее время, однако, ситуация изменилась. В частности, существование американского стандарта наконец-то признано даже словарями Оксфорда, а том числе словарем Harper Collins Cobuild Student's Dictionary (2005). Контрасты между американским и английским стандартами английского языка обнаруживаются достаточно часто и в различных сферах системы языка, что и было подтверждено при анализе вышеназванного словаря с последующим сопоставлением соответствующих слов в словаре "Webster's New Collegiate Dictionary" (1983).

При сплошном анализе части раздела, отведенного словам, начинающимся на букву "s" выявилось, что большое количество различий относится к словам, имеющим сходную морфологическую структуру, семантику и орфографическое оформление, но различающимся фонетически.

Целую группу слов, составляют слова, в которых происходит своеобразное изменение фонетической структуры в результате перехода от [ju:] к [u:], или элиминация звука [j]. Например, слово stew имеет в словаре две транскрипции: [stju:] (английский вариант) и [stu:] (американский вариант). Это же явление было отмечено в следующих лексических единицах: *studio, studious, studiously, studiousness, subdue, stupefy, stupendous, stupid, stupor, stupefaction, stupidly, stupidity, student*. В двух случаях (*sterile, sterilization*) отмечается переход гласной этих словоформ из дифтонга в

монофтонг: ['sterail] (англ.) - ['sterel] (амер.). В двух других случаях отмечается переход от долгого звука [a:] в английском варианте к дифтонгу [ei] в американском (существительное stratum, глагол strafe): ['stra:tem] (англ.) - ['streitem] (амер.), [stra:f] (англ.) - [streif] (амер.). Единая для двух вариантов форма steadfast имеет характерное различие в произношении - переход от [a:] к [ae] в американском варианте: ['stedfa:st] (англ.) - ['stedfaest] (амер.). В фонетической реализации слова submersion в американском варианте наблюдается озвончение звука [sh]. Словоформа strontium несет в себе следующие различия в произношении: ['strontiem] (англ.) - ['stronshiem] (амер.). При фонетической реализации словоформы subleutenant отмечена замена звука [e] на долгий [u:]. Отмечено различие в фонетической реализации слова strong (изменение долготы гласного).

Выяснилось, что ряд слов имеет различия в фонетической реализации как следствие появления в американском варианте вторичного ударения, что результирует в произнесении синкопируемой в английском варианте гласной; таких слов было отмечено три: *stationary, stationery, strawberry*. Также в результате появления вторичного ударения в американском варианте в слове stipendiary происходит замена редуцированного на [e]. Отмечен случай переноса основного ударения в глаголе *subcontract* (то же в существительном subcontractor), что приводит к фонетическим изменениям: [sabken'traekt] (англ.) - [sab'kontraekt] (амер.).

Сложным и весьма интересным случаем представляется различие в фонетической реализации и расхождение в ударении в словоформах steward, stewardess: [stjued] (англ.) - [stu:ed] (амер.), где, как мы видим, происходит уже знакомая нам элиминация звука [j] и, одновременно, изменяется долгота гласного в американском варианте. В словоформе *stewardess*, помимо отмеченных выше явлений, мы наблюдает различие в ударении и в фонетической реализации второго слова: [stjue'des] (англ.) - ['stu:edis] (амер.). В словоформе *submarine* отмечается отсутствие в американском варианте

вторичного ударения в сочетании с переносом ударения на первый слог. В словоформе *striated* отмечен перенос ударения, не приведший, однако, к изменению какого-либо звука: [strai'eitid] (англ.) - ['straieitid] (амер.).

Далее отмечено значительное количество расхождений на лексическом уровне, в том числе американизмов, не используемые или частично используемые в английском варианте языка, американизмы, не имеющие либо имеющие соответствие в английском варианте, а также расхождения в одном из компонентов сложного слова. Так, обнаружен американизм, не имеющий лексического соответствия в английском варианте языка и, поэтому, данный словарем Хорнби описательно: *stock-car* "железнодорожный вагон для перевозки скота". В словаре отмечен ряд лексических американизмов, не имеющих распространения в Англии и имеющих в английском варианте лексическое эквиваленты: *porch* (англ.) - *stoop* (амер.), *plug* (англ.) - *stopper* (амер.), *shorthand* (англ.) - *stenography* (амер.), *shorthand typist* (англ.) - *stenographer* (амер.). Ряд лексических американизмов, являющихся сложными словами, отличаются от своих семантических эквивалентов в английском варианте одним из компонентов: *shareholder* (англ.) - *stockholder* (амер.), *tram-car* (англ.) - *streetcar* (амер.), *shoelaces* (англ.) - *shoestrings* (амер.).

Отмечен лексический американизм, получивший в настоящее время распространение не только во всем английском узусе, но и, как заимствование, в ряде других стран, например в Германии, Австрии, Японии: *station-wagon*, чему в английском варианте эквивалентно estate car. Подобное явление объясняется, в частности, использованием американского технического опыта, проникновением американской технологии и расширением рынков сбыта американского автомобилестроения. Встретившийся в ходе анализа американизм *store* хотя и используется в английском варианте, но имеет узко ограниченное специфическое значение. К лексическим американизмам следует отнести также словосочетание

steamer headline, где наблюдается расхождение с английским вариантом в одном из компонентов устойчивого словосочетания (при общем опорном слове определительные слова в словосочетаниях различны: английским эквивалентаом является словосочетание *banner headline*).

В двух случаях отмечено расхождение в семантической структуре слов. Слово *stateroom* в английском варианте обозначает "отдельная каюта на корабле"; в американском варианте появляется дополнительное значение: "купе железнодорожного вагона". Если значение слова *student* в английском варианте общеизвестно, то в американском варианте появляется второе значение: "школьник". Кроме того, в этом слове прослеживается уже известное нам фонетическое расхождение.

В анализируемом материале был также обнаружен морфологический американизм: существительное "этаж" в американском варианте имеет модифицированное окончание: *storey* (мн. ч. *storeys*) - английский вариант; *story* (мн. ч. *stories*) - американский вариант.

Особым случаем представляется фонетический и морфолого-орфографический американизм: глагол staunch (англ.), имеющий в американском варианте, кроме указанной, вторую орфографическую реализацию stanch, которая используется в настоящее время и в английском варианте. Интересно отметить, что в результате один и тот же глагол, обозначающий одно и то же понятие ("остановить течение, особенно крови"), имеет два вида орфографического отображения и три вида фонетической реализации.

Таким образом, проведенный анализ показал, что своеобразие английского литературного языка США, выраженное на различных уровнях языковой системы, находит свое кодифицированное выражение в качестве равноположенного национального стандарта единого английского языка.

Список литературы

1. Братусь Б.В. Теория американского языка на службе у империалистов. - "Иностранные языки в школе", № 4, 1948. - С. 28-36.

2. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. - "Вопросы языкознания", № 1, 1972. - С. 17-20.

3. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: 1936. – С 180-182 .

4. Ризель Э.Г. К вопросу о национальном языке в Австрии// Ученые записки 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. т. 5, 1953. - С. 163-165.

5. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. - М., Высшая школа: 1971. - С. 7-9.

6. Швейцер А.Д. Некоторые актуальные проблемы социолингвистики. - "Иностранные языки в школе", № 3, 1969.-С. 6-8.

7. Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка. - АДД. М.: 1966.- С. 3-5.

8. Mencken H.L. The American language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y.: 1957.-C. 75-78.

9. Harper Collins Cobuild Student’s Dictionary. – 3d edition, 2005

10. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary. - Springfield (Mass.): C. and G. Merriam Co., 1983.

11. www.lexscripta.com/desktop/dictionaries.

Шумарин С. И. (Балашов, Россия)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АББРЕВИАТУР И ОТАББРЕВИАТУРНЫХ ДЕРИВАТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В связи с активизацией аббревиатур в языке и речи, а также расширением их словообразовательных возможностей актуальной становится проблема лексикографической репрезентации аббревиатур и их дериватов.
Ключевые слова: аббревиация, аббревиатуры, словообразовательный потенциал аббревиатур, дериваты аббревиатур, семантика аббревиатур, толковые словари, словари сокращений, словарная статья.

Shumarin S. I. (Balashov, Russia)

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF ABBREVIATIONS AND THEIR DERIVATIVES: HISTORY AND CURRENT STATE

The intensification of abbreviations in language and speech and the extension of their word-building opportunities have made important a problem of lexicographic representation of abbreviations and their derivatives.
Key words: shortening, abbreviations, word-formation potential of abbreviations, derivatives of abbreviations, semantics of abbreviations, monolingual dictionaries, dictionaries of abbreviations, dictionary entry.

Инициальные аббревиатуры, получившие широкое распространение в XX – начале XXI вв. в разных сферах человеческой деятельности, восходят к инициально-антропонимическим аббревиатурам, появившимся еще в XVI–XVII вв. как «марочные» знаки. Д.И. Алексеев выделяет четыре основные функции, которые выполняли такие аббревиатуры: 1) функция клеймения, 2) «авторская» функция, 3) функция знака собственности, 4) гербовая функция [1, с. 64]. Так, на стволе орудия, отлитого в конце 1680-х гг. по приказу боярина князя Федора Семеновича Урусова, стояла аббревиатура КФСУ. На одной из печатей Петра I, зафиксированной на его письме от 17 октября 1716 г., «орел со скипетром и державой (без нагрудного щитка, но, возможно, с андреевским крестом на груди) дан под тремя коронами великокняжеского типа в окружении аббревиатуры «ЦІВКПАПВР» («Царь и великий князь

Петр Алексеевич повелитель всея России»)» [10]. В XVIII – XIX вв. сфера применения инициальных сокращений расширяется, появляются так называемые отраслевые аббревиатуры. В русском языке конца XIX – начала XX вв. аббревиация получает распространение в сфере названий политических партий, партийных органов, промышленных предприятий, общественных объединений, учебных заведений, воинских должностей [13, с. 67–68]. Ср.: *Мне хочется тоже кожаный пояс с медяшкой и картузиком с листочками, где золотые буковки – М. Р. У. – «Московское Реальное Училище»* (И. Шмелев); *... неподалеку от гимназии помещалось ВНУ – Высшее начальное училище* (Л. Кассиль); *Только цензура отнеслась к выставке вполне серьезно и приняла имя «Ослиный хвост» во всей значительности иного символа, так как распорядилась снять целый ряд картин Гончаровой, представляющих лубочные изображения святых, находя, что изображениям святых неуместно быть выставленными под знаком «О.Х.»* (М. Волошин); *… завод АМО... В 1917 году ... расшифровывалась аббревиатура не "акционерное московское общество", как теперь, а акционерное МОТОРНОЕ…* (http://www.radiovesti.ru/articles/2011-08-02/fm/7386).

Октябрьская революция 1917 г. дала мощный импульс развитию аббревиации в русском языке. Д.И. Алексеев отмечая, что «с Октября 1917 года начался новый этап в области аббревиации, началась подлинная история этого способа словообразования» [1 с. 150], приводит слова Л.В. Щербы, относящиеся к 1925 г. и свидетельствующие об отношении новой власти и ее сторонников к аббревиатурам: «Сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка» [Цит. по: 1, с. 154]. Наряду с инициальными аббревиатурами широкое распространение в этот период получают аббревиатуры слогового и смешанного типов. Ср.: *Польский фронт проходил в семидесяти верстах от города – и в городе воинских частей совсем не осталось, – за исключением караульной роты*

Губвоенкомата**, численностью в сто двадцать шесть человек, и баталиона **В.О.Х.Р.** – при **Губчека (С. Семенов); *Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В центр. Летит мимо Московской улицы. Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. **Цупвоз. Цустран. Моссельпром**. Отгадывание мыслей. **Мосдревотдел. Винторг**. Старо-Рыковский трактир… **Врывсельпромгвиу. Унторг, Мосторг и Главслесторг. Центробумтрест*** (М. Булгаков).

Однако не все представители русской интеллигенции положительно отнеслись к таким изменениям в языке. Вяч. Иванов, например, неоднократно высказывался против многочисленных новообразований послереволюционной эпохи, с горечью отмечая, что русский язык «кощунственно оскверняют богомерзким бесивом – неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи» [6, с. 677], что «мутные потоки новых варварских словообразований вливаются в русло нашего многоводного, но приметно мелеющего языка» [7]. Отрицательно относились к «языку революционной эпохи» и многие эмигрировавшие из Советской России писатели, которые не понимали нового советского языка, «оспаривали, полемизировали с ним. В поле зрения эмигрантов попадают особенности нового словоупотребления, непонятные «невразумительные» аббревиатуры, такие как «совнархоз», «Горохр», «реввоенком», в которых эмигранты видят пример «взвихренной» Руси (А. Ремизов), слышат блатную музыку (В. Набоков)» [9]. Негативно оценивают они и новые названия страны – РСФСР и СССР: «Новизна, непривычность и непонятность такого обозначения рождает самые различные ассоциации и толкования: “бред немого”, “звериный знак”, “знак позора-срама”, “сатанинский набор слов”, “...то, что и назвать непристойно”, “нудная связь слов иностранных и

надуманных”, “буквенный вывих языка”, “новое гнусное название российского государства”» [12].

С.О. Карцевский в 1922 г., тем не менее, отмечает, что сокращения нового времени не только вжились в язык, но «и дали производные: совдеп, совдепский, Совдепия, совдепыч (советский служащий); ЧК, чекист, чекнуть; НЭП, нэпман, нэпманиха, нэпач и т. д. Большинство же сокращений осталось на положении неуклюжих ихтиозавров, вроде разных упродснабокр’ов, губнаробраз’ов или окреветутр’ов» [8, с. 367].

Широкое распространение подобных «ихтиозавров» явилось причиной создания специальных словарей, зафиксировавших наиболее распространенные к середине 20-х годов сокращения: «Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений» (Ташкент), «Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов. Объяснение сокращений и новых понятий, вошедших в разговорную и литературную речь при Советской власти» (Нижний Новгород), «Словарь вошедших в обиход сокращенных названий» (Владивосток). Принципы представления сокращенных слов, принятые в этих словарях, в целом характерны и для всех последующих словарей сокращений, появившихся во второй половине XX – начале XXI вв. Практически все известные на сегодняшний день словари этого типа содержат расшифровки аббревиатур и иных графических сокращений. Некоторые словари включают в описательную часть сведения о произношении, ударении, стилевых особенностях, профессиональной принадлежности, грамматических особенностях аббревиатур: ***ВКВ*** *[вэ-ка-вэ́] – внезапный контроль времени (спорт.)* [2, с. 55], ***ГУМ*** *[гум], м. – государственный универсальный магазин (например: московский ГУМ, минский ГУМ)* [2, с. 134], ***ГУУР*** *[гуу́р], ГУУ́Ра, м. и (офиц.) нескл., ср. Главное управление уголовного розыска. Работать в ГУУРе. Начальник отдела ГУУР* [14, с. 131], ***ДИПС*** *[дипс], нескл. и (разг.) ДИ́ПСа, м. Департамент инвестиционных программ строительства* [14, с. 138].

В русском языке активность проявляют не только исконные аббревиатуры, но и заимствованные, которые представлены как в словарях сокращений русского языка, так и в специализированном «Словаре аббревиатур иноязычного происхождения» Л.А. Барановой. В словаре, помимо традиционных сведений о расшифровке, написании, произношении, источнике заимствования, содержится информация о деривационных возможностях аббревиатуры, сфере и особенностях употребления, а также сведения культуроведческого и энциклопедического характера: ***МВФ*** *[эм-вэ-э́ф], калька < англ. IMF. – сокр. < International Monetary Fund – Международный валютный фонд – специализированная международная организация, включающая большинство государств – членов ООН, задача которой – содействие функционированию международной валютной системы. Фонд учрежден в 1944 г., ведет свою деятельность с 1946 г. См. IMF. Производное:* ***эмвээфовский*** [3, с. 73]. Отдельные иноязычные аббревиатуры (*BBS, CD, DOS, IBM, PC* и др.) описаны и в толковых словарях новейшего времени: ***LCD****, нескл., м. [Сокр. англ. Liquid Crystal Display]. Информ. Жидкокристаллический дисплей* и т.п. [20, с. 886].

Первым толковым словарем, зафиксировавшим аббревиатуры советского периода, стал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940). Среди представленных сокращений преобладают аббревиатуры слогового типа (*завком, замнарком, колхоз, комсомол, нацмен, рабкор, рабфак, фабзаком, фабзавуч* и др.). Из инициальных аббревиатур отмечены лишь сокращения, подвергшиеся лексикализации и грамматикализации, уподобившиеся обычным корневым словам: *втуз, вуз, загс, нэп, чека* [18]. Все аббревиатуры даются с пометой «нов.», правая часть словарной статьи представляет собой, как правило, расшифровку сокращения, и лишь в отдельных словарных статьях приводятся развернутые дефиниции: ***Колхоз****, а,* м. *(нов.). Сельскохозяйственная организация, представляющая собой высшую форму с.-х. производственной кооперации,*

возникающая посредством объединения и коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств (составлено из сокращения слов: коллективное хозяйство); ***Нацмен****, а, м. (нов.). Лицо, принадлежащее к какому-н. национальному меньшинству (составлено из сокращения слов национальный и меньшинство)* [18].

Все последующие толковые словари сохраняют традиции, заложенные авторским коллективом под руководством Д.Н. Ушакова, и содержат ограниченное количество сложносокращенных слов, делая акцент в основном на расшифровку аббревиатур. Так, например, в I томе основного корпуса четырехтомного «Словаря русского языка» (далее – МАС) на 22694 слова приходится всего 13 сокращений, из них 2 инициального типа (*вуз* – высшее учебное заведение, *ЗАГС* – отдел исполкома, регистрирующий факты рождения, смерти, брака, развода, усыновления. Начальные буквы слов: запись актов гражданского состояния), 10 слоговых (*главковерх* – сокращение слов: верховный главнокомандующий, *групорг* – групповой организатор – руководитель группы (в партийной, общественной и т.п. организации), *исполком* – исполнительный комитет и т.п.), 1 – смешанного типа: *завуч* – заведующий учебной частью (школы, училища и т.п.) [15, I]. Основной массив инициальных аббревиатур (более 200) помещен отдельным списком в конце четвертого тома МАС: *ВОХР* – военизированная охрана, *НЛО* – неопознанный летающий объект, *ТНБ* – тарифно-нормировочное бюро и т.п. [15, IV]. Включены аббревиатуры и в «Большой толковый словарь русского языка» (далее – БТС), но и здесь преобладают сокращения слогового типа: *АЭС* – атомная электростанция, *ВИЧ* – вирус иммунодефицита человека, вызывающий заболевание, *ЖЭК* – жилищно-эксплуатационная контора, *горком* – городской комитет, *завлаб* – заведующий лабораторией, *истмат* – исторический материализм (об учебном курсе) и т.п. [4].

Естественно, что практическая лексикография не в состоянии мгновенно реагировать на изменения лексического состава языка и фиксировать их в

полном объеме. В этом плане нельзя не согласиться со словами И.И. Срезневского о том, что «трудность следить не только за умножением слов новых, но и за употреблением старых, за изменением смысла их, за особенными оттенками их в новых выражениях… заставляет глядеть на несовершенства словаря несравненно снисходительнее, чем на несовершенства других ученых трудов. Желать найти в словаре все возможные достоинства и досадовать, что в нем того нет, что понадобилось, столь же легко, сколько тяжело, при всей доброй воле, удовлетворять предполагаемым требованиям. Тем дороже должны быть ценимы труды тех ученых, которые даровитостью, уменьем, ученостью и терпением успевали превозмогать трудности, неразлучные с составлением словаря, и, пользуясь, работами предшественников, достигали в своих словарях счастливой полноты, сколько это было возможно в их обстоятельствах» [17, с. 64]. Эта мысль И.И. Срезневского справедлива и в отношении лексикографической репрезентации аббревиатур. Принципы их описания постоянно совершенствуются, объем сведений об аббревиатурах расширяется. Неотложной задачей лексикологии и лексикографии, отмечал С.И. Ожегов, «является разработка вопросов, связанных с установлением характера словообразовательных возможностей слов различных лексических групп активного запаса, с установлением закономерностей развития значений в этих словах и круга фразеологических возможностей» [11, с. 240]. В этом направлении развивается в настоящее время теория и практика лексикографического описания аббревиатур. Многие аббревиатуры проявляют способность образовывать дериваты, что находит отражение в толковых словарях, начиная со словаря под ред. Д.Н. Ушакова: *вузовец, вузовка, вузовский; загсироваться; комсомолец, комсомолка, комсомолия, комсомольский; нэпман, нэпманша, нэпманский, нэповский* и др. [18]; *гаишник, гэпэушник, итээровский, кзотовский, медсанбатовец, омоновец, омоновский, рафик, спецназовец, суперЭВМ, энэлошный* и др. [19].

Составители толковых словарей стремятся учесть и то, что аббревиатуры и их расшифровки в ряде случаев не равнозначны, «аббревиатуры, подобно обычным словам, могут развивать переносные значения, переосмысляться» [5, с. 54]. Так, лексема *бомж* в БТС представлена не только как сокращение сочетания «(лицо) без определенного места жительства», но и как вообще «бездомный, бродяга» [4, с. 91], лексема *нэп* – не только как сокращение сочетания «новая экономическая политика», но и как «время, когда проводилась новая экономическая политика» [4, с. 660] и т.п.

Традиционно аббревиатуры рассматриваются как сокращения субстантивного типа, однако речевая практика свидетельствует о возможности употребления их в адъективном значении, что также находит отражение в ряде толковых словарей: ***ВИЧ.*** *1. нескл., м. Сокращение: вирус иммунодефицита человека (вирус, подавляющий иммунную систему организма и приводящий к спиду). Анализ на ВИЧ. 2. неизм. Относящийся к такому вирусу, содержащий его. Вирус ВИЧ. ВИЧ-инфекция* [19, с. 95]; ***УЗИ.*** *1. нескл., ср. Сокращение: ультразвуковое исследование. 2. неизм. Относящийся к такому исследованию* [19, с. 1022].

Таким образом, в практике современной лексикографии накоплен определенный опыт репрезентации аббревиатур в словарях сокращений и в толковых словарях. Тем не менее, словари не могут представить явления, характерные для современной аббревиации, во всем многообразии. Требуют своего решения вопросы о разграничении полисемии и омонимии аббревиатур, описании их словообразовательного потенциала. Не менее важным является отражение преобразований, происходящих как в семантике самих аббревиатур, так и в семантике их производных. Ср., например, совмещение прямого и переносного значений в аббревиатуре *МКАД*. Герой фильма Э. Рязанова «Карнавальная ночь-2» – политтехнолог в исполнении В. Гафта – начинает свой доклад на тему «Есть ли жизнь за МКАДом?» словами: «МКАД – это мы так вот, политологи, технологи, между собой

называем Московскую кольцевую автомобильную дорогу, т.е. линию, которая разделяет нашу столицу от нашей родины». Символизация аббревиатуры, добавочные смыслы реализуются и во многих ее дериватах: *МКАДск, Мкадье, Внутримкадье, мкадыши, мкадцы, внутримкадцы* (Москва и москвичи) и *Замкадье, Замкадск, замкадыши, замкадцы* (остальная часть России, ближнее зарубежье с их жителями). Кроме того, некоторые аббревиатуры формируют устойчивые сочетания (*нэпманский (нэпмановский) вор, кинуть бомжа*), которые также должны найти отражение в лексикографических описаниях. Актуальными в этом отношении являются слова И. И. Срезневского о том, что хороший составитель словаря «обращает внимание на оттенки смысла, соединяемые со словами, отделяет каждый из них, не пропуская, между прочим, выражений поговорочных, в которых слова получили особенный смысл сами по себе или по соединению с другими словами» [17, с. 58]. Поэтому многие современные исследователи высказывают мысль о необходимости создания словаря нового типа, описывающего аббревиатуры и их дериваты с точки зрения структуры, семантики, прагматики, и в ряде случаев – лингвокультурологии. Для создания такого словаря необходимо и расширение источников, так как многие изменения, характерные для аббревиатур и их дериватов, проявляются в первую очередь в разговорной речи. Новый словарь должен отразить интеллектуализацию языка, с одной стороны, и его демократизацию, с другой, как «две разнонаправленные тенденции, определяющие характер и содержание современного русского литературного языка» [16, с. 44], поэтому «источники словаря, а затем и сам словарь должны отразить общественную языковую практику во всей ее сложности и многообразии. Основным принципом в формировании круга источников словаря должно стать расширение их типов и жанров» [16, с. 44]. Одним из важных источников, на наш взгляд, является язык неформальной Интернет-коммуникации (чаты, блоги, форумы, комментарии и т.п.),

совмещающий свойства устной и письменной речи и не нашедший своего достаточно полного представления в современных лексикографических источниках.

Такой комплексный подход к описанию аббревиатур отвечает, на наш взгляд, требованиям теории и практики современной лексикографии.

Список литературы

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1979. – 328 с.
2. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 487 с.
3. Баранова Л.А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. –М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 320 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
6. Иванов Вяч. И. Наш язык // Иванов Вяч. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. – С. 673–680.
7. Иванов Вяч. И. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова. URL: http://www.opojaz.ru/ivanov/ivanov_1-3.html.
8. Карцевский С.О. [Рец. на кн.:] Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. – Пб.: Колос, 1922 // Современные записки. 1922. Кн. XIII. Критика и библиография. – С. 366–368.
9. Косорукова М.И. Проблема сохранения русского языка эмигрантами 20–30-х годов XX века// Национальные интересы. 2007. № 4. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n4_2007/09cf18da/31f4d102/fe280945.
10. Матвеев В.Ю. Эмблематика личных печатей Петра I. URL: http://sovet.geraldika.ru/article.php?coatid=6074.

5. И. И. Срезневский и палеография. Изучение древних письменных памятников

Козлова А. Ю. (Москва, Россия)

ВКЛАД И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ

И.И. Срезневский внес значительный вклад в изучение Толковой Палеи. Он первым исследовал древнейший список Палеи – список Александро-Невской Лавры (РНБ, СПбДА А. I/ 119), указал, что 23 страницы рукописи попали в Сильвестров сборник. Лексика Палеи отражена в его «Материалах...», хотя преимущественно ученого интересовали редкие слова и гапаксы Толковой Палеи. И.И. Срезневский первым высказал гипотезу о времени и месте возникновения памятника.

Ключевые слова: Толковая Палея, список Александро-Невской Лавры, палеография, лексический состав, история текста Палеи.

Kozlova A. Yu. (Moscow, Russia)

I. I. SREZNEVSKY'S CONTRIBUTION TO THE TOLKOVAYA PALEYA RESEARCHES.

I.I. Sreznevsky contributed very much to the studies of Tolkovaya Paleya. He was the first to examine the most ancient copy of Paleya – the Alexandro-Nevsky Lavra one (RNL, СПбДА A.I/119), noticing that 23 pages of the manuscript turned out to have been attached to the Silvestrov Sbornik. The vocabulary of Paleya is reproduced in his “Materials...”, although he was interested in rare words and hapaxes most of all. It was Sreznevsky who was the first to hypothesize the time and the place of the monument's origin.

Key words: Tolkovaya Paleya, Alexandro-Nevsky Lavra copy, palaeography, lexical composition, history of the text of Paleya.

Толковая Палея - замечательный памятник древнеславянской книжности, в котором наряду с текстами Ветхого Завета и их толкованиями приводятся различные сведения исторического и естественнонаучного характера. Виднейший исследователь - библеист А.В. Михайлов так охарактеризовал этот памятник: «В миниатюре – это словно энциклопедия всего того, чем жили и питались духовные потребности наших предков» [7,

с.1]. От другого типа Палей - Хронографической и Исторической - Толковая Палея отличается полемической направленностью: в ней яростно обличаются нехристианские верования.

Памятник имеет компилятивный характер: библейские тексты или в дословном изложении, или в кратком пересказе перемежаются с различными заимствованиями из других произведений: Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, Шестоднева Севериана Габальского, Космографии Козьмы Индикоплова, Хроники Георгия Амартола и др. Разные части текста скрепляют рассуждения редактора-составителя Толковой Палеи.

Начитанность этого книжника, многогранность его интересов поистине уникальны: «Палея Толковая отразила становление форм философизированного мышления, обособление которых внутри религиозно-богословского контекста напрямую связано с обобщающе-установочным, общемировоззренческим назначением текста» [5, с.562]. Редактор-составитель Палеи ярко выразил онтологические представления своего времени, охарактеризовал сущностные стороны бытия. В произведении постулируется важнейший гносеологический принцип, утверждающий познаваемость мира: «Все творение составлено Божией благодатью и познаваемо ради человека» [5, с. 567].

До сих пор не определены время и место создания Толковой Палеи: одни ученые считали её древнерусским памятником XIII века (А.В. Михайлов, В.М. Истрин), другие – переводом с греческого (В.Успенский, Н.С. Тихонравов), а А.А. Шахматов выдвинул точку зрения о болгарском происхождении памятника и относил его создание к IX веку [17, с.199-272]. Сейчас гипотезу А.А. Шахматова развивают болгарские ученые: в 2002 году в Софии вышло исследование Т. Славовой «Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина», вкотором возникновение произведения датируется X веком [10].

Толковая Палея имеет несколько редакций, взаимоотношения между которыми до сих пор не выяснены. Но широкому кругу читателей и исследователей известен только Коломенский список Толковой Палеи 1406 г. (РГБ. Тр.-Серг. № 38), так как он был два раза издан – в конце XIX века *(Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С.Тихонравова. Вып 1-2. М., 1892-1896)* и в начале XXI века *(Палея Толковая. Перевод, научное редактирование А.М. Камчатнова. М., «Согласие», 2002).*

В изучение Толковой Палеи значительный вклад внёс академик И.И. Срезневский Он был одним из первых исследователей этого памятника.

Внимание И.И. Срезневского привлек самый старший список Толковой Палеи - список Александро-Невской Лавры, или Александро-Невский список (РНБ. СПбДА. А. I/119). В 1860 г. вышел труд И.И. Срезневского «Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века», в котором было помещено «обозрение памятников, заключающихся в Сильвестровском сборнике». Здесь ученый впервые отметил, что Л. 1-23 Сильвестровского сборника принадлежат Александро-Невскому списку Толковой Палеи: «Что эта Невско-Лаврская Палея есть именно та книга, из которой три тетради каким-то образом попали в Сильвестровский сборник, это доказывается всеми палеографическими признаками: одна и та же длина и ширина страниц, то же количество строк на странице, та же высота букв, тот же почерк, то же правописание и в книге Палеи, как и в листах Сильвестровского сборника. Почерк в книге один и тот же, первой половины XIV века, впрочем, по местам с кое-какими оттенками в написании // некоторых букв, между прочим в и р (напрм. на л.78-80, л. 88-89). Правописание по местам представляет также некоторые особенности. Из них ярче других выставляется употребление двух точек вместо одной на гласных (**ѳ, ѥ, ю, ѧ**), впрочем, так, что на тех же страницах есть те же буквы и с одной точкой» [13, с. VII - XI]. Заметим, что датировка рукописи И.И. Срезневским

отличалась от её датировки в каталоге библиотеки Александро-Невской Лавры, где рукопись была «помечена XIII в.» [9, с. 595]. Современные исследователи относят рукопись ещё к более позднему времени - «третья четв. XIV в.» [4, с.90].

В другом своем труде «Древние памятники русского письма и языка (X – XIV веков). Общее повременное обозрение» И.И. Срезневский отнёс к памятникам домонгольского периода (созданным до 1240 г.), наряду с Житием Авраамия Смоленского, Златой Цепью, и Палею - «Книгы бытийскыѣ рекомаѣ Палеѣ» [14, с. 111-112]. Он достаточно подробно описал содержание памятника и сделал предположение о времени и месте его происхождения: «...произведение Греческое, переведенное на Славянский, судя по языку, в очень древнее время и, кажется, при переписи дополненное некоторыми сведениями по Русской географии. Эти Русские дополнения в Палее позволяют заключить, что первые Русские списки ея были сделаны ещё до Татарского ига, и именно на севере Руси: нет в них помину ни о некоторых больших реках южных, каковы Днестр и Буг, ни о народах южной Руси, и вместе с тем нет никакого намека о татарах» [12, с. 111 - 112]. Позднее выводы ученого о времени создания произведения – «не ранее XIII в.» были подтверждены текстологическими исследованиями А.В. Михайлова [7,8] и В.М. Истрина [3]. Но вопрос о месте создания Толковой Палеи до сих пор остаётся остро дискуссионным.

И.И. Срезневский включил лексику Толковой Палеи в свои «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Выбор Толковой Палеи в качестве источника для словаря был предопределён традицией: впервые лексика Палеи была отражена в Словаре церковнославянского языка А.Х. Востокова [2]. Но А.Х. Востоков создавал свой труд тогда, когда не были четко выделены редакции Палеи. Им были использованы только два списка: Палея 1494 г. (РГБ. Рум. № 453), которую сейчас относят к Хронографическому типу [6, с. 610], и «Очи палейные Киръ

Θеодора XVI в. из собрания Р(умянцевского) Музея» (РГБ. Рум. № 359), которая представляет совсем другой памятник – Историческую Палею [6, с. 605]. Нужно отметить, что примеров из Палеи в Словаре А.Х. Востокова не очень много. Укажем некоторые: *жилавыи* [2 I, с.170], *разквѣлити* [2 II, с. 144], *съгрѣзитисѧ* [2 II, с.199] и др. Кроме начальный формы А.Х. Востоков давал значения слова, указывал некоторые грамматические характеристики, приводил контексты употребления, но не указывал страницы рукописи.

В «Материалах» И.И. Срезневского базовым списком стал древнейший список Палеи – Александро-Невский, который был им обозначен как *Пал. XIV в.*, а также были привлечены другие списки: Палея 1477 г. (ГИМ. Син. № 210), Палея 1494 г. (РГБ. Рум. № 359), выписки из Палеи XVI в. были даны по «Словарю» А.Х. Востокова, позднее в томе III в Дополнениях был привлечен Коломенский список Толковой Палеи 1406 г. (РГБ. ТР.- Серг. № 38) [15 III, с.8]. Лексический материал одной из составных частей Палеи - апокрифа «Заветы 12 патриархов» даётся не по рукописи, а по по изданию Н.С. Тихонравова «Памятники отреченной литературы» [16].

При сопоставлении «Словаря» А.Х. Востокова и «Материалов» И.И. Срезневского сразу заметно, что лексика Палеи в «Материалах» представлена во много раз полнее.

Можно отметить некоторые особенности подачи лексического материала из Толковой Палеи у И.И. Срезневского.

Ученый хорошо представлял состав памятника, поэтому нередко примеры употребления сопровождаются указанием на его составную часть. Например: «**ласкосьрдьно** = **ласкосердьно** - (Человѣкъ передъ смертію) ласкосердно възираѥть. *Пал. XIV в. Поуч. о смерт.*» [15 II: стл. 11].

Приводя цитату из *Пал.XIV*, он обычно точно указывал лист рукописи. Например: «**крохъкыи:** - То же дхъ **ѥ**сть крохокъ велми. *Пал. XIV в. 74.* [15 I, стл. 1331]. Если приводился лексический материал из апокрифа «Заветы 12

патриархов», то указывались часть (*Зав. Гадов, Зав. Іудин* и др.) и страницы по изданию Н.С. Тихонравова.

В цитатах из Палеи текст расчленен на слова, расставлены в соответствии с современными И.И. Срезневскому нормами знаки препинания. Иногда создатели последующих исторических словарей не соглашаются с членением Срезневского. Например, в «Материалах» есть словарная статья **исконибытьныи**: «**исконибытьныи:** - Исконибытьное слово. *Пал.XIV в. 24*» [15 I, стл. 1117], но в Словаре русского языка XI – XVII вв. и в Словаре древнерусского языка XI – XIV вв. такого слова нет.

Не всегда в «Материалах» дается значение слова из Палеи, потому что ученого преимущественно интересовали редкие слова и гапаксы: «**гобежь** (?): Въ г̃. дн̃ь сътвори Бъ̃ члк̃а перстию ѿ земля... кости и члены акы подъпорами и гобежми оудове по плоти. и на все хитро двизанiѥ *Пал. XIV в. 28*» [15 I, стл. 528-529].

Иногда в словарь попадают описки. Так, в конце словарной статьи **банꙗ** со знаком (?) дается следующий контекст из Палеи: «Како же абиѥ прозѧбе земль бещисменьноѥ то множество покры своѥ лице акы власы. прорасти всѧкаꙗ и цвѣтеньꙗ бл̃говоньна. акы черьвленицею и синетами и всѧкими банѧми оукрасисѧ *Пал.XIV. л. 66*» [15 I, стл. 41]. Здесь отражено ошибочное написание **банѧми** – вместо **вапами.** Но фиксация этой ошибки для текстологического исследования Палеи очень важна: это одно из разночтений, различающее разные группы списков.

В «Материалах» И.И. Срезневского в словарной статье представлены результаты серьёзного лексикологического исследования. Ученый указывал разные значения слова в разных контекстах и памятниках. И можно посмотреть, как соотносится значение палейного слова со значениями слов из других памятников. Это можно проиллюстрировать таким примером: для слова **матица** в «Материалах» указано три значения: 1) «мать» только по

Палее, 2) «начало, основа» и 3) «магнит», а также приводится устойчивое сочетание *матица огньна*ѧ в значении «геенна» [15 II, стл. 119].

И.И. Срезневский всегда отмечал случаи, когда палейный текст дает слово в необычном значении, которое расходится со значением этого слова в других памятниках. Например, для слова **пелесыи** = **пелѣсыи** в словарной статье даются значения «темный, бурый», «пестрый, цветной», а вот в Палее, вероятно, это слово значит «сѣроватый (?)»: «- Мозгъ же оубо ино различиѥ ѥсть .., акы бѣло и пелесо своимъ видѣниѥмь, и разнозрачно и слоѥвато, тонкою плевою обложено *Пал. XIV в. 57.*» [15 II, стл. 894].

И. И. Срезневский первым из исследователей проводил определенную текстологическую работу с памятником, указывал варианты и разночтения по спискам: «**пережаствитисѧ** - ужаснуться (?), испугаться (?): - Суть ины рыбы наричаѥмы фокы, и ѥсть нравъ и обычаи ихъ, ѥгда чада ихъ пережастьвѧтсѧ, то пакы въ мр҃рню оутробу въмъкнутсѧ; тачи оубо нрави суть злыхъ чл҃вкъ *Пал. XIV в. л.13* (по *сп. XVI в.* прѣжаствяUся)» [15 II, стлб. 906]. Заметим, что приведенная цитата свидетельствует, что ученый очень тщательно передавал орфографические особенности рукописи: в данном случае – цоканье.

Привлекало внимание И.И. Срезневского включение слова в необычный контекст. Например, слово **ангелъ** в Толковой Палее употребляется около 160 раз, но в словарной статье **ангелъ** ученый приводит только одну цитату из Палеи: «Слѹжебніи анг҃лы ѡблакомъ... росамъ... градомъ... мгламъ.. громѹ... зимѣ.. леду... веснѣ... осени... *Пал. XIV в.*» [15 I, стб. 22]. Современные исследователи В.В. Мильков и С.М. Полянский так комментируют этот отрывок: «Дававшиеся объяснения действиям ангелов могут рассматриваться как средневековый вариант модернизаций постулатов Писания. Понимание предназначения служебных духов выглядит весьма оригинально. Обаяние картин мироздания воздействует на составителя

«Палеи» столь велико, что он вслед за своим апокрифоокрашенным первоисточником склоняется к одухотворению природных явлений, по сути – к анимизму. В православной ангелологии нет учения об ангелах как о духах природных сил. Ангелы могут охранять страны, народы и племена, но воплощение природных явлений им не усваивается [5, с.181].

По поводу некоторых лексических единиц Толковой Палеи И.И. Срезневский проводил этимологические исследования. Например, при передаче сведений о диковинных птицах и рыбах в Палее рассказывается о кукушке, которая в Александро-Невском списке названа **зегулой**, а в Коломенском - **жегзулей.** И.И. Срезневский в словарной статье приводит соответствующие формы этого слова в славянских и неславянских языках: «Лит. geguze; Лтш. dzeguse; Чеш. žyžhule; Пол. gžegžołka» [15 II, стл. 847].

В некоторых случаях, особенно когда речь идет о передаче в Палее библейского текста, приводятся греческие параллели. Интересно, что ученый мог указать на неточный славянский перевод в Палее греческого слова. Так, приводя палейную цитату, передающую Завета Левгия: «Землѧ възрадуѥтьсѧ и блата (νεφέλαι, облака) взыграютсѧ *Пал.XIV в. Зав. Лев.*» [15 I, стл. 112], И. И. Срезневский указывает, что слово *блата* употреблено ошибочно, вместо *облака.*

Словарь И.И. Срезневского предоставляют важный материал для выявления связей Толковой Палеи с другими произведениями древнеславянской книжности: здесь указывается на текстуальные совпадения Палеи и других памятников. Так, словарные статьи **одиногнѣздьница** с контекстом из Палеи и **одиногнѣздица** из Златой Матицы позволяют сделать вывод о текстуальном сходстве памятников.

После смерти И.И. Срезневского в 1892-1896 гг. вышло первое печатное издание Толковой Палеи, сделанное учениками академика Н.С. Тихонравова. Издание было осуществлено по Коломенскому списку 1406 г. с подведением

разночтений по восьми спискам. Именно это издание было расписано для Словаря русского языка XI-XVII вв. и Словаря древнерусского языка XI – XIV вв. Но слова, отсутствующие в Коломенском и обнаруживающиеся в Александро-Невском списке, даются в этих словарях в соответствии с «Материалами для словаря древнерусского языка».

Включение И.И. Срезневским лексики Толковой Палеи в «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» во многом предопределило тот факт, что Толковая Палея стала одним из важнейших источников по истории русского языка. Её лексика входит в современные исторические словари русского языка: в Словарь русского языка XI – XVII вв. и Словарь древнерусского языка XI-XIV вв., а картотеки этих словарей в свою очередь постужили источником для различных частных исследований по истории русского языка, в которых обязательно используется языковой материал Толковой Палеи.

Список литературы

1. Баранкова Г. С., Камчатнов А.М., Мильков В.В., Полянский С.М., Симонов Р.А. Приложение: «Палея Толковая» //Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М.: Наука, 2000. - С. 114-204.

2. Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т. I-II. - СПб, Типография Императорской академии наук, 1858.

3. Истрин В.М. Истрин В.М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. – 1897, т.2, кн.1. – С.175-209; кн. 4 – С. 845-905; 1898, т.3, кн. 2. - С. 472-531.

4. Крысько В. Б. Древнейший новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. - 1998. № 3. - С. 74-93.

5. Мильков В.В., Полянский С.М. «Палея Толковая» (антропологический раздел). Вводная часть // Громов М.Н., Мильков В.В. Идейные течения древнерусской мысли. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2001. - С. 561-571.

6. Мильков В.В., Полянский С.М. Палея Толковая: редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника// Палея Толковая. - М.: Согласие, 2002. - С. 604 – 631.

7. Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // Варшавские университетские известия. - 1895. - № 7. - С. 1 – 21.

8. Михайлов А.В. К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в толковой Палее // Варшавские университетские известия. – 1895. - № 9. – С. 1-35: 1896. - № 1. – С. 1-23.

9. Родосский А.К. К материалам для истории славяно-русской библиографии. 2. Единственный древнейший список Толковой Палеи, принадлежащий библиотеке Александро-Невской Лавры, а ныне составляющий собственность библиотеки СПб. Духовной академии // Христианское чтение. – 1882. – Часть 2. – Вып. №9-10. - С.585-615.

10. Славова Т.Д. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. – София: Унив. Изд-во «Св. Климент Охридски», 2002 .

11. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т.1-8-. – М.:1988-2008-.

12. Словарь русского языка XI –XVII вв. Вып. 1-28-. – М., 1976-2008-.

13. Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века». – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1860.

14. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X – XIV веков). Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1882.

15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. – Спб.: Типография Императорской академии наук, 1893-1912.

16. Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. - М., Типография изд-ва «Общественная польза», 1863.

17. Шахматов А.А. Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. – СПб, 1894. - Вып. 1. – С. 199-272.

Рожкова А. В. (Петрозаводск, Россия)

ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Доклад посвящен рассмотрению состава памятников переводной и оригинальной русской гимнографии, к которым обращался И.И.Срезневский в своей лексикографической, палеографической и текстологической деятельности. Представлен обзор некоторых работ ученого, содержащих публикации образцов славяно-русских богослужебных текстов.
Ключевые слова: славяно-русская гимнография, гимнографические памятники, историческая лексикография.

Rozhkova A. V. (Petrozavodsk, Russia)

HYMNOGRAPHY`S MONUMENTS IN CONTEXT OF SCIENTIFIC HERITAGE OF I.I. SREZNEVSKIY

The report deal with monuments of translated and original Russian hymnography Sreznevskiy I.I. used them in his research work. The author reviews some scientist’s works, containing publication of Slavonic and Russian hymnography`s monuments.
Key words: Slavonic hymnography, old-Russian hymnography, hymnography`s monuments, historical lexicography.

Круг древних памятников, которые были охвачены И.И. Срезневским в его научной работе, огромен. Не последнее место в этом ряду занимает обширный корпус славяно-русской гимнографии: в поле зрения ученого были как фрагменты древних поэтико-литургических текстов, так и отдельные службы, и целые сборники.

В обзорных работах И.И.Срезневского представлено описание многих гимнографических памятников. Палеографическое исследование древних рукописей с определением типа почерка, материала, особенностей содержательного состава и буквенного употребления содержится в работе «Древние славянские памятники юсового письма» (1868). Гимнографический материал представлен в таком составе: служебная минея В.И.Григоровича, минейный листок В.И. Григоровича, Норовские листки стихираря,

Парижский стихирарь, триодь В.И. Григоровича. Выявленными фонетические и грамматические особенности позволили ученому прийти к выводу об отличии языка и графики рассмотренных памятников и памятников «чистого» славянского языка [4, с. 166].

Хронологическое обозрение «Древние памятники русского письма и языка» (1882) содержит информацию о 93 памятниках гимнографии. В этот обширный список включены наименования целых сборников (минеи, триоди, стихирари, трефологии, канонники, ирмологии, кондакари, октоихи), а также отдельных гимнографических текстов (службы св. Борису и Глебу, княгине Ольге, князю Владимиру, Феодосию, князю Игорю, святителям Исаии и Леонтию Ростовским, князю Всеволоду-Гавриилу Псковскому, молебный канон Кирилла Туровского). Краткая характеристика памятников содержит палеографическое описание, замечание о месте хранения, обнаруживаются также оценки ученого в отношении отдельных сборников. Так, о постной триоди (датируется примерно 1100 г.) сказано, что она «написана по времени очень изящно» [5, с. 41]; об июльской служебной минее (около 1150 г.): «рукопись замечательна и по красоте письма и по заставке на первом листе» [5, с. 60].

Известно, что в научные интересы И.И. Срезневского входили как поиски древних памятников и их изучение, так и публикации текстов, что было продиктовано необходимостью лингвоисторических изысканий. В 1861 г. на страницах «Известий» Императорской Академии наук И.И. Срезневский опубликовал фрагменты из различных памятников, в том числе и гимнографических. В 5-м выпуске представлены отрывки из сборников к. XI – XII в. [2], в 6-м – из памятников XIII в. [3]. Публикации некоторых фрагментов сопровождаются лингвотекстологическими комментариями ученого. Например, в опубликованных текстах кондаков Борису и Глебу из Нижегородского кондакаря в скобках содержатся разночтения из Троицкого и Синодального кондакарей [2, стб. 514-515]. Отрывки из Стихираря

Императорской публичной библиотеки даны с указаниями отличий по Академическому списку и по Новгородским минеям [2, стб. 515-516]. Публикация канона из Минеи праздничной сопровождается вариантами из Новгородской минеи XII в. и канонника XIV в. [2, 516-519]. Представленные фрагменты из майской минеи (Путятиной) XI в. и Новгородской XII в. призваны проиллюстрировать следующее высказывание ученого: «повторяя в разных списках вообще одни и те же каноны и стихиры, эти книги отличаются однако в частностях по местам очень резко» [2, стб. 519-521]. Как отмечают современные исследователи, И.И. Срезневский был одним из первых, кто рассматривал разночтения в структуре, составе и лексическом наполнении Путятиной минеи – древнейшего славяно-русского текста [1, с. 83].

Обозрение древних славянских текстов также сопровождается публикацией фрагментов из гимнографических сборников XII – XIII в. [4, с. 211 – 343].

Богатейший поэтико-литургический материал, с которым познакомился Срезневский И.И., был использован им в работе над словарем древнерусского языка. Лексикографическая обработка была проведена в отношении широко круга гимнографических сборников: иллюстративный материал был извлечен из двух октоихов, двух канонников, двух трефолоев, трех ирмологиев, трех кондакарей, восьми триодей, 10-ти стихирарей, 19-ти миней. Ученым были привлечены также отдельные небольшие по объему поэтико-литургические тесты. Обоснование позиции автора относительно всего отобранного для словаря материала содержится в записке, прочитанной им на первом Археологическом съезде: «нельзя составлять словарь русского языка только народного, а нужно, вместе с тем, составлять и словарь книжного языка – следовательно всех слов, которые можно проследить в памятниках» [6, с. VI].

На основании только одного – первого – тома «Материалов для словаря древнерусского языка» нами предпринята попытка выявить доминирующий состав гимнографических источников и особенности в использовании лексического материала.

Около 1010 словарных статей содержат иллюстрации из церковно-поэтических памятников. И.И. Срезневский использовал порядка 1300 примеров, извлеченных почти из всех сборников, представленных в указателе. При этом 72% от числа всех примеров приходится на материал, сосредоточенный в минеях. Среди последних наиболее востребованными оказались три сборника – Служебная минея за сентябрь по списку 1096 г. Типографской библиотеки, Служебная минея за ноябрь по рукописи Типографской библиотеки 1097г., Майская служебная минея XI в. (Путятина).

В рамках одной словарной статьи цитаты из поэтико-литургических текстов могут быть представлены в ряду примеров из других памятников (летописей, грамот, житий и т.д.) или, напротив, выступают в качестве единственной иллюстрации: *благочьстьно* [6, стлб. 109] *златопьрстыи* [6, стлб. 982]. При толковании слов ссылки на гимнографические сборники могут носить и иной характер. В частности, при объяснении значения слова *азматикъ* содержится следующий комментарий: «Азматики на всѣ 8 гласовъ помѣщены въ Нижегорд. конд. XI – XII в. 114-121» [6, стлб. 10].

Примечательно, что текстологическая работа И.И. Срезневского находит отражение и на страницах словаря: в отдельных словарных статьях ученым были зафиксированы различия в употреблении лексем, извлеченных из гимнографических памятников [6, стлб. 229; 298; 521; 532; 596; 838; 943; 1116; 1155; 1161; 1232]. Сопоставительная работа велась в основном на материале двух майских служебных миней – XI в. (Путятиной) и XII в.

Обращение к содержанию всего словаря позволяет нам сказать о том, что И.И. Срезневский использовал богатый корпус славяно-русской

литургической поэзии не только как источники, обладающие уникальным лексическим материалом. Словарь И.И. Срезневского также дает возможность познакомиться с терминами, уже давно утвердившимися в гимнографии: *акафист, ирмос, ирмологий* (в словаре – *ермолой, ермосъ), канон, кондак, кондакарь, тропарь, стихира, седален, триодь, минея, стихирарь, октоих.* Словарная статья, посвященная слову *акафист*, помимо собственно толкования включает в себя краткий комментарий относительно истории жанра и его структурно-композиционных особенностей, а также отсылки к некоторым источникам, содержащим древнейшие списки акафиста.

Специфическая музыкальная терминология также нашла свое место в словаре: в первом томе нами обнаружено 20 наименований крюковых нот (*воспица, долинка, кавычка, громогласьный, дербица, змиика* и др.), которые использовались в древнерусских богослужебных книгах.

Таким образом, краткий обзор основных трудов выдающегося слависта, палеографа и лексикографа И.И. Срезневского позволяет говорить о неоценимом вкладе в изучение гимнографических памятников, что, в свою очередь, сыграло большую роль в последующем научном освоении этого значимого пласта русской письменной культуры.

Список литературы

1. Нечунаева Н.А. Минея как тип славяно-греческого средневекового текста / Н.А. Нечунаева / Таллиннский педагогический университет. – Tallinn, 2000. – ISSN 1406-4391.

2. Срезневский И. И. Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка <1>//И. И. Срезневский /Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и

словесности. — СПб.,1861.—Т.X.Вып.V.—Стб.417—583.http://feb-web.ru/feb/izvest/1861/05/615-4172.htm (дата обращения: 30.10. 2011 г.)

3. Срезневский И. И. Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка <2> // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. — СПб., 1861. — Т. X. Вып. VI. — Стб. 593—704. http://feb-web.ru/feb/izvest/1861/06/616-5932.htm (дата обращения: 30.10.2011 г.)

4. Срезневский И. И. Древнеславянские памятники юсового письма / И. И. Срезневский. – Прижизн. изд.-Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1868. – 192, 416, 22 с.– (Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук; т. 3).

5. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков): общее повременное обозрение / И. И. Срезневский. - 2-е изд. - Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1882. - IV стб., 390, [1] с. - Библиогр. в подстроч. примеч. - Алф. указ.: с. 304-390 .

6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / И.И. Срезневский. – М., ГИС, 1958. – Т. 1 : А - К, 1420 стб.

6. История русского языка и труды И. И. Срезневского. Историческое языкознание и лингвоисториография

Агапова М. А. (Нижний Новгород, Россия)

АНТРОПОНИМЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI- НАЧАЛА XVII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА "АРЗАМАССКИЕ ПОМЕСТНЫЕ АКТЫ")

В статье дана характеристика функционирования личных имен в памятнике региональной деловой письменности "Арзамасские поместные акты" конца XVI- начала XVII; приведены статистические данные, показывающие высокую активность патронимических образований в жанре отдельных и межевых книг.

Ключевые слова: деловая письменность, историческая грамматика, ономастика, антропонимика.

Agapova M. A. (Nizhny Novgorod, Russia)

PROPER NOUNS IN A REGIONAL DEPARTMENTAL SCRIPTS "ARZAMAS MANORIAL ACTS" (THE END OF XVI- THE BEGINNING OF XVII C.

There is a kind of description functioning of proper nouns in a regional departmental scripts "Arzamas manorial acts" (the end of XVI- the beginning of XVII c.) High activity of personal names and, particularly, patronims in investigated surveying documents has corroborated with statistical data.

Key words: departmental language, medieval russian, russian historical grammar, onomastics

При исследованиях, проводимых в рамках исторической диалектной морфологии, на материале деловых памятников эпохи формирования национального русского языка, необходимым оказывается использование точных количественных методов для изучения становления грамматических норм, ведь, как отмечает В. М. Живов «большая часть письменности этого времени в лингвистическом отношении остается вообще не проанализированной, а удовлетворительные статистические сведения имеются вообще лишь для единичных памятников» [3, с. 530]. Подробное описание всех доступных памятников деловой письменности позволит

решить ряд вопросов о роли «приказного языка» в образовании литературного языка русской нации, о формировании диалектов русского языка, сделает возможным создание математических моделей становления отдельных морфологических явлений, прояснить особенности заселения исследуемых территорий, установить четкие взаимосвязи между русскими говорами. В соответствии с выработанной методикой, разработанной Б. Н. Головиным [2, с. 11], вероятность (P) форм определяется по формуле P = m : n, где m – количество фактов, представляющих данную категорию в выборке, а n – длина выборки. Частотой какого-либо явления называют число его появлений в наблюдаемом отрезке действительности. Для сравнения долей одного и того же явления в двух разных статистических совокупностях фактов используется формула максимальной ошибки наблюдения Lp = 2√ p(1-p)/n), описывающая максимальные размеры случайных отклонений от «истинной» вероятности, где p – вероятность, n - величина выборки, а 2 - коэффициент, обеспечивающий 95 % надежность результата. Выбранный для анализа сборник «Арзамасские поместные акты», изданный С. Б. Веселовским в 1915 году отражает деятельность Поместного приказа на указанной территории с 1598 по 1618 год. Значительную часть грамот составляют «Отдельные и межевые книги», написанные на местах (т. е. в бывшем Арзамасском уезде – в настоящее время это территория южных районов Нижегородской области). Всего исследовано более 200 деловых документов актового характера, количественному анализу подвергнуто более 20000 употреблений слов.

Исследование различных морфологических категорий именных частей речи «Отдельных и межевых книг» показало, что важную роль в морфологической организации этих текстов играют антропонимы. По употребительности среди существительных всех разрядов в «Арзамасских поместных актах» личные имена оказываются на 2 месте (после предметных): *а на мере с Неугодомъ были: дмитреевской попъ села Силина*

Дружина Дмитреевъ, да того-жъ села дьячокъ Калина Денисовъ, да Степановъ крестьянинъ Сычова Фома Семеновъ, да княжъ Ивановъ крестьянинъ Путятина Селиванъ Еремеевъ, да Васильевъ крестьянинъ Тыртова Федоръ Софоновъ, да Ивановы крестьяне Чюфарова Гриша Алумпеевъ, Беляй Сысоевъ, да садомановской мордвинъ Сыскеть Козанчеевъ да шануровской мордвинъ Суморокъ Терюшовъ (Отм. 123); *отделилъ вдове Устинье, съ сыномъ с-Ывашкомъ да двема дочерьми з девками* (Отд. и Меж. 129). Вероятность употребления личных существительных составляет P±Lp (АПА)= 0,253±0,009.

В исследуемых текстах наблюдается превалирование существительных мужского рода (в значительной степени, за счет личных значений). Разумеется, абсолютное большинство имен в документах, утверждающих помещиков в правах на землю, относится к мужскому роду, ведь женщины в то время не имели практически никаких юридических прав и не привлекались к межеванию. При этом в «Арзамасских поместных актах» фиксируется разное грамматическое оформление мужских личных имен с субъектно-оценочным суффиксом **–к**: *Иванка Маза, Ермолка Захарьев, Фетка Пыркинъ, или Агейко Федоров, Иванко приходецъ, Максимко Федоров*. Как правило, эти образования встречаются в списках крестьянских дворов или, реже, списках присутствовавших на отделе, т.е. в большинстве случаев употребляются в форме именительного падежа единственного числа (без согласуемого прилагательного). Большей активностью характеризуются существительные типа *Иванка*, и все же доля форм на **–ко** не так уж мала, она составляет P±Lp (АПА) = 0,278±0,052. Данные исследованных текстов соответствуют в значительной степени результатам, полученным при исследовании деловых документов, написанных в центральном регионе и Москве. «В количественном отношении образования на **–о** в московской письменности значительно уступали соответственным образованиям на **–а.** Вследствие редукции конечного *-о* в качестве имен среднего рода в

московском говоре той эпохи описываемые образования не закреплялись» [5, с. 195-196]. В то же время в северных говорах их употребительность достигает 65% (Р =0,650) [6, с. 157]. Новгородские тексты демонстрируют двоякое склонение имен на **-ка** и **-ко**, мужское и женское, которое в большинстве случаев соответствует типу склонения производящих имен, причем образования на –**ка** фиксируются в 35% случаев (Р = 0,350) [8, с. 130]. В говорах Сибири не установился определенный тип склонения для слов с суффиксом –**к, -ишк-**, на –**ло.** [7, с. 10]. Следовательно, рассматриваемые факты отражают общерусскую тенденцию, согласно которой в старорусский период круг личных собственных мужских имен на –**а** расширялся за счет перехода в женский морфологический род из среднего квалитативов на –**ко** (*Ивашка* из *Ивашко*) и нейтральных собственных на –**ло** (*Михайла* из *Михайло)*. В некоторых. диалектах противоречие снимается образованием особой парадигмы для них, близкой к II склонению: типа *с Ильем, с Никитком, с Гришком или с Гришем*. [Шульга, 1988, 11]. В «Арзамасских поместных актах» оформление соответствующих существительных было вариантным даже в пределах одного документа: *что Богдашки нестало… за Богдашком поместье… де его, Богдашка, место* (Нак. 121).

Наличие в текстах большого числа антропонимов определило также высокую частотность именительного падежа в изучаемых текстах в соответствии с формуляром акта: в каждом документе такого рода присутствует перечисление крестьянских дворов, записанных по имени и статусу главы семьи. По сути, это список «владельцев», в нем нет ничего кроме имени, прозвища, количества земли, отведенной для этого крестьянского двора: *д. Оска Офонасьевъ, пашни четверть выти, Ортемко Михайлов, пашни полторы четвертухи выти* (Отд. 66). В концовке каждой грамоты обязательно имелся список свидетелей, присутствовавших на отделе и межевании: *а на отделе были… Давыд Степановъ, Левонтей Ивановъ,*

Никита Ивановъ (Отд. 43) *и т.д.* Если исключить из выборки эти списки, доля именительного падежа резко снизится и составит $P \pm L_P$ (АПА) = 0,202±0,008.

Влияние использования личных имен проявляется и в более высокой употребительности в арзамасских документах (по сравнению с деловой письменностью разных жанров) существительных древних основ на *u, объясняемой повторением в составе патронимических образований различных форм слова *сынъ*.

В области прилагательных в жанре «Отдельных и деловых книг» в арзамасской деловой письменности также заметно влияние личных имен (второго и, реже, третьего компонента антропонимической формулы).

Притяжательные прилагательные характеризуются самой высокой активностью в «Арзамасских поместных актах», вероятность появления соответствующей категории составила P ± Lp (АПА) = 0,637 ± 0,016. Представленные в изученных текстах притяжательные прилагательные в большинстве случаев указывают на принадлежность предмета конкретному лицу: *Третьяковъ усадъ… Плакидина земля* (Отд. и Меж. 150), *Ондреево поместье* (Меж. 3), по *государеве цареве… грамоте* (Отд. 50); *Смолинъ крестьянинъ* (Отд. 16), *княжъ Ивановъ крестьянинъ* (Отд. 152), *Кирдяново знамя* (Отд. и Меж. 1) или имеют значение прозвища-патронима: *Первуша Дмитреевъ* (Отд. 152), *Сыскеть Ризоватовъ* (Отд. 149), *Гриша Ивановъ* (Мер. и Отп. 228), *Татьянинъ жеребей Сумароковы дочери Исупова* (Отд. 240).

Образование притяжательных прилагательных происходило при помощи суффиксов **-ов**, **-ев**, **-ин** или **-j-** в зависимости от характера производящей основы, как и в современном русском языке. Наиболее активны образования с суффиксом *–ов*, либо его «мягким» вариантом *–ев*:

Таблица 1. Вероятность использования притяжательных прилагательных с различными суффиксами

суффикс	P ± Lp (АПА)
-ов	0,526±0,022
-ев	0,306±0,020
-ин	0,158±0,016
-j-	0,010±0,004
всего	1,000

Характеризующая падежную систему сборника «Арзамасские поместные акты» частотность прилагательных именительного, родительного и дательного падежей объясняется жанровыми особенностями «Арзамасских поместных актов»: связана с необходимостью использования притяжательных прилагательных (наиболее активного разряда именных прилагательных), в том числе, патронимов (имен прозвищного типа) для обозначения лиц, вступающих или передающихся во владение, а также свидетелей, присутствующих при передаче и размежевании земли. А. В. Суперанская и А. В. Суслова отмечают, что «патронимы того времени не вполне соответствовали нашему отчеству или фамилии, а были своеобразной категорией, совмещавшей и то, и другое» [13, с. 17]. С грамматической точки зрения они представляли собой краткие притяжательные прилагательные: *пашни и перелогу отделити Чювашку Суханову сыну Аристову …150 чети* (Отд. 150). Один патроним мог содержать от 2 до 5 компонентов [9, с. 171]; в «Арзамасских поместных актах» для указания на конкретное лицо чаще всего используется одно, реже два притяжательных прилагательных, при этом довольно редко встречаются прозвища в форме существительного. Интересно, что в исследованных текстах доля непатронимических притяжательных образований не так велика: она составляет 0,319±0,022 от общего количества притяжательных прилагательных: *по государеве грамоте,*

в Ыванoво поместье (Отд. 148). Тем не менее, важность притяжательных прилагательных для решения коммуникативной задачи остается очевидной: они указывают на точную принадлежность объекта, определить которую требуется в каждой клаузуле “Отдельной книги”.

Существенно более низкая активность форм прилагательных в именительном падеже в «Арзамасских поместных актах» по сравнению с другими деловыми текстами также связана с функционированием притяжательных прилагательных: в предложении они являются определениями. По-видимому, памятники разных жанров в большей степени отражают утрату склонения и закрепления именных прилагательных в предикативной функции.

Сравнительный анализ именных форм в исследованных текстах с данными современных говоров к югу от Арзамаса показал, что не все диалектные черты характерны для арзамасской деловой письменности периода становления общенациональных норм русского языка. Это, безусловно, связано с рядом причин: актовым (стандартизированным, жестко регламентированным) характером исследованных текстов, выучкой писцов, которые стремились в письменных текстах следовать складывающимся нормам «приказного языка», ограниченностью лексического состава входящих в сборник документов, отсутствием условий для свободного употребления исследуемых форм и др.

Таким образом, статистическая фиксация многих локальных явлений в документах актового характера затруднена. Однако в связи с полученными результатами можно говорить о том, что логическим дополнением анализа грамматики (кроме изучения, естественно, в первую очередь приходящих на ум, лексики и синтаксиса) будет изучение антропонимики памятников каждого жанра, в том числе и статистическое. Ведь часто именно в антропонимике документов проявляются локальные черты. Например, О. В. Баракова отмечает локальную специфику в пределах одного жанра

(таможенных книг), например, большую активность 3-х членной модели именования в устюжских документах, более активное использование деминутивов с суффиксом –**к**- в сольвычегодских текстах [1, с. 10]. С. Н. Смольников, авторитетный исследователь функциональных аспектов антропонимии в деловой письменности указывает на то, что «официальное наименование XVI-XVII веков носило речевой характер, его функционирование было обусловлено сложным соотношением общерусских, локально-территориальных и индивидуальных черт деловой речи» [12, с. 376].

Рассматривая с этой точки зрения антропонимические формулы, например, в «Арзамасской десятне» 1615 года в сравнении с «Рязанской десятней», наблюдаем локально-индивидуальные отличия, которые будут отражены и в морфологической статистике документов: в арзамасских документах окладчики во всем тексте (за исключением начального протокола) записаны по 2-членной формуле, в то время как в рязанской зафиксирована 3-членная формула: Ср.: *Григорей Шестаковъ сынъ Исуповъ. По окладчикове скаске ему денежново жалованья с городом 14 рублев. А порука по нем в службе и в деньгахъ окладчики Семенъ Любятинской, Богданъ Исуповъ, Федоръ Чемесовъ. Григорей Шестаковъ* («Арзамасская десятня») и «*Ортемий Иванов сын Алымов(14) дано ему Государева жалованья с прибавочным 10 рублев. Порука по нем в службе и в денгах рязанцы дети боярские Михайло Иванов сын Кашинцов, Федор Симеонов сын Олексеев, Иван Ксенофонтов сын Сьянов, Сергей Васильев сын Кунаковский, Петр Уланов сын Гавердовский, Семен Ксенофонтов сын Сьянов, Микина Тимофеев сын Бабки**н***» («Рязанская десятня»).

Что касается «Арзамасских поместных актов», то общие антропонимические особенности этих текстов были подробно описаны в работах Л. А. Климковой [4, с. 66]и др., правда, без учета функционирования в клаузуле и без привлечения статистики. Говоря о постановке современных

антропонимических исследований, С. Н. Смольников указывает на «целесообразность рассмотрения индивидуальных наименований лиц в составе различных парадигм, внутри которых антропонимы дифференцируются не только по формальному признаку, но и условиям их употребления в текстах» [12, с. 377]. Достаточный объем выборки позволит параметризировать региональные данные, основываясь, например, на учете языковой и национальной отнесенности имен, патронимов, фамилий. С другой стороны, возможности поиска и идентификации разных вариантов антропонимов в смежных картотеках, созданных на основе памятников разных жанров одного региона, определяют реализацию функционального аспекта при изучении личных имен, который в ряде случаев также может быть описан с привлечением количественных методов. Таким образом, исследователь деловых документов может привлекать антропонимические данные для существенных дополнений в грамматических исследованиях локальной деловой письменности определенных жанров.

Одной из задач этого направления исследований станет создание и публикация современных интерактивных ресурсов, например, электронных картотек, учитывающих различные параметры: и грамматические, и функциональные. Определенную проблему может составлять идентификация имени и его носителя в различных условиях номинации, для этого должны использоваться несколько дублирующих полей: прежде всего, поле, где записано употребление антропонима в тексте, дублирующие поля для имени, патронима, фамилии и специальное поле для комментария (для базы данных типа Access в формате МЕМО). Опыт создания электронных картотек (в том числе, с включением антропонимов) в «Лаборатории лексикографических исследований им. В. И. Даля» Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского показал необходимость введения в базы данных полей, дающих сведения о месте антропонима в формуляре документа, его функции, словообразовательных и грамматических

особенностях, типе антропонима (каноническое или неканоническое имя, этническая принадлежность носителя), наличии вариантов наименования в документе, соотнесение имени с определенными топонимами, критерии оценки писцом, модальность и др.

Список литературы

1. Баракова О. В. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века (на материале книг таможен Северного речного пути). Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.01. - Вологда, 1995. – 11 с.

2. Головин Б.Н. Язык и статистика. - М.: Просвещение, 1971. — 190 с.

3. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков.– М.: Яз. славян. культуры., 2004. – 655 с.

4. Климкова Л. А. Антропонимы в арзамасской деловой письменности // Ономастика Поволжья. Сб. науч. ст.– Чебоксары, 1995. - 65-78с.

5 Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. – М., 1974. – 359 с.

6. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность 17-XVIII веков (орфография, фонетика, морфология).– М.: Изд. МПУ, 2000. – 287 с.

7. Мазо, С.Э. Язык деловых документов XVII века г. Томска. Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 1970. – 19 с.

8 Мирецкий Л.А. Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII века. Дис… канд. филол. наук: 10.02.01. – Л., 1966. – 282 с.

9. Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974. – 240 с.

10. Попова З.Д. К истории грамматического выражения отношений в связном тексте (на материале курских грамот XVII века) // Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. – Воронеж., 1964. – С. 60-65.

11. Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII- начало XVIII веков) // http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/Pudalov/?id=134.

Дадабаева Р. М. (г. Москва, Россия)

РУСИЗМЫ И СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (на материале журналов и словарей русского языка XVIII–XX вв.)

В работе анализируются соотносительные парные глаголы с приставками *из-* (славянизмы) и *вы-* (русизмы) выделительного значения в русском литературном языке второй половины XVIII в. на материале журналов и словарей русского языка XVIII–XX вв. Помимо проблем стилистического и семантического характера затрагиваются сведения лексикологического характера.

Ключевые слова: русизмы, славянизмы, соотносительные парные глаголы, приставки *из-* и *вы-* выделительного значения, проблемы стилистического и семантического характера, лексический характер.

Dadabaeva R. M. (Moscow, Russia)

RESIPROCAL ACTION OF RUSSISMS AND SLAVISMS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (based on the material of the Russian periodicals and vocabularies of XVIII–XX centuries)

Correlative paired verbs with *из-* (Slavisms) and *вы-* (Russisms) prefixes of distinguishing meaning are under consideration in the article. Besides stylistic and semantic problems lexicological subject is broached.

Key words: russisms, slavisms, correlative paired verbs, *из-* and *вы-* prefixes of distinguishing meaning, stylistic and semantic problems, lexicological characteristics.

В формировании общенационального литературного языка большую роль играет изучение проблем соотношения русизмов и славянизмов в один из важных периодов развития русского литературного языка, а именно во второй половине XVIII в. Поэтому конкретное исследование на материале различных журналов и словарей русского языка XVIII–XX вв. отношений глаголов с приставкой *из-* (славянизмов) и глаголов с приставкой *вы-* (русизмов) выделительного значения, проявляющихся в ряде семантических и стилистических процессов, способствует решению теоретических вопросов истории русского литературного языка. В данной статье помимо проблем

стилистического и семантического характера нами затрагиваются сведения лексикологического характера, поскольку развитие значений рассматриваются у семантически соотносительных пар славянизмов.

На основании сочетаемости, характерной для выделительных глаголов, было выявлено 19 пар глаголов с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения: *избежать – выбежать, избрать – выбрать, избыть – выбыть, извести – вывести, изгнать – выгнать, издать – выдать, изжить – выжить, изъять – вынуть, излететь – вылететь, излить(ся) – вылить(ся), изорвать – вырвать, исключить – выключить, искупить – выкупить, испарить(ся) – выпарить(ся), испустить – выпустить, изсыпать – высыпать, истечь – вытечь, изыти – выйти, исчерпать – вычерпать,* а также *извергнуть – выбросить* – пара разнокорневых (со старославянским и общеславянским корнями) глаголов, имеющих приставки *из-* и *вы-* выделительного значения и составляющих синонимическую пару.

Употребление последней пары глаголов дифференцированно стилистически; причем глагол *извергнуть* имеет стилистически ограниченную сферу употребления (в «высоком» и публицистическом стиле: Орудие челюсти рыгая/ и смерти со смерщом извергая/ Изъ жерлъ своихъ на сопостатъ,/ Как адский зевъ, ихъ устрашають [5, с. 132]. Поэтому в последующее время этот глагол: а) включается в группу устарелой лексики; б) функционирует в научном стихе со специальным значением (вулкан извергает лаву, пламя и т.п.), т.е. теряет свою высокую окраску и становится способным выступать в качестве элемента книжного литературного языка.

Процесс устранения из лексики литературного языка наиболее устарелых славянизмов прослеживается и при анализе парных однокоренных глаголов с приставками *из-* и *вы-*. В рассматриваемый период глаголы с приставкой *из-* в парах *излететь – вылететь, изорвать – вырвать, изсыпать – высыпать* встречаются в единичных случаях. Утрата глаголов *излететь, изорвать, изсыпать* закономерна, поскольку они, устаревая, не развивают

производных абстрактных значений и, таким образом, исчерпывают свои функции. Так, глагол *излететь* употреблен в материале один раз в первичном (буквальном) значении: Но се крылатых царь,/ стремительный орелъ/ Отъ облачных круговъ/ Надъ волны излетелъ [2, с. 21].

Процесс семантического взаимодействия славянизмов и русизмов, который проявляется, с одной стороны, в дифференциации славянизмов и русизмов, а с другой стороны, во взаимопроникновении славянизмов и русизмов, в результате чего русизмы проникают в область обозначения отвлеченных понятий [4, с. 7] в группе парных однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* получает своеобразное выражение. Так, процессу семантической дифференциации однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения обязательно предшествует резкая стилистическая дифференциация членов этой пары, находящихся в синонимических отношениях. При этом глаголы с приставкой *из-* выделительного значения имеют ограниченную сферу употребления: они служат для создания «высокого» слога, который в этот период разрушается. Поэтому процесс семантической дифференциации однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* может быть назван процессом утраты выделительного значения глаголами с приставкой *из-*. Указанный процесс имеет два этапа.

Первый этап выделительного значения глаголами с приставкой *из-* характеризуется тем, что глаголы с приставкой *из-* во второй половине XVIII в. уже не употребляются в выделительном значении (о наличии выделительного значения у этих глаголов в предшествующие периоды свидетельствуют данные словарей и другие источники [8–10, 11–12], однако они функционируют в переносном значении. Таким образом, синонимические отношения между членами пары (глаголами с приставками *из-* и *вы-*) разрушаются. Такие отношения наблюдаются между членами пар *избежать – выбежать, изъять – вынуть, искупить – выкупить, исчерпать*

– *вычерпать*, в результате чего происходит процесс семантической дифференциации славянизмов и русизмов.

Второй этап утраты выделительного значения глаголами с приставкой *из-* характеризуется стилистической дифференциацией глаголов в первичном значении, благодаря которой сфера употребления глагола с приставкой из- резко ограничивается, что в последующие периоды приводит к архаизации и, в конечном счете, к утрате глаголов с приставкой *из-* в их первичном (выделительном) значении. Во второй половине XVIII в. большинство рассмотренных нами глаголов с приставкой *из-* выделительного значения функционируют и служат для создания высокого слога. Однако в это время они имеют целый ряд вторичных, преимущественно переносных, абстрактных значений, одно из которых постепенно становится основным, воспринимаемым вне контекста.

Таким образом, глаголы с приставкой *вы-* в выделительном значении образуют две пары: 1) с глаголом с приставкой *из-* в первичном выделительном значении, члены которой дифференцированы стилистически и 2) с глаголом с приставкой *из-* в производном (выделительном) значении, члены которой дифференцированы семантически. В такие отношения вступают парные глаголы *извести – вывести, излить – вылить, истечь – вытечь, изыти – выйти*.

Взаимодействие между глаголами с приставками *из-* и *вы-* во второй половине XVIII в. в парах глаголов движения *извести – вывести* и *изыти – выйти* выражается: 1) в резкой стилистической дифференциации членов пары (глаголы *извести* и *изыти* как выделительные мало употребительны, их употребление строго мотивировано, что ведет к их утрате в последующие периоды; 2) в развитии переносных, преимущественно абстрактных, значений у глаголов с приставкой *вы-* (*вывести, выйти*), благодаря чему глаголы с приставкой *из-* (*извести, изыти*) в последующие периоды утрачивают ряд существующих во второй половине XVIII в. абстрактных

значений. Следовательно, для указанных пар во второй половине XVIII в. определяющим является процесс семантической дифференциации, в результате которого синонимические отношения между глаголами с приставками *из-* и *вы-* разрушаются.

Процесс развития вторичных значений хорошо прослеживается на парах глаголов *издать – выдать, исключить – выключить*.

Глаголы *издать – выдать* выступают как семантические и стилистические дублеты в значении «выпустить в свет, напечатать», причем данное значение становится возможным у глагола *выдать* под влиянием глагола *издать*, у которого в этот период формируется значение «опубликовать» [14]. Ср. употребление данных глаголов одним и тем же автором в одинаковых контекстных условиях: Въ 1754 году издалъ онъ вместе съ Водмеромъ пиитические отрывки и другия поэмы [1–8, с. 221] и Въ томъ же году выдалъ онъ еще прибавления къ тайной истории сердца и разума, въ которыхъ находятся весьма важные примечания на склонности человека [1–8, с. 226]. Возможно употребление обоих глаголов в пределах одного предложения без какой-либо стилистической дифференциации.

Своеобразие пары *исключить – выключить* состоит в том, что, во-первых, оба члена пары имеют отвлеченное значение, и являются принадлежностью книжной лексики, во-вторых, глаголы *исключить – выключить* во второй половине XVIII в. во всех своих значениях являются синонимами-дублетами. Таким образом, в результате процесса влияния славянизма на русизм славянизмы (*издать, исключить*) сосуществуют с русизмами (*выдать, выключить*) в одинаковом отвлеченном (вторичном) значении, образуя стилистические дублеты. В последующие периоды дублетность устраняется за счет утраты русизмом отвлеченного значения (*выдать – «выпустить в свет, напечатать», выключить – «изъять что-либо из чего-либо»*), свойственного славянизму. Поэтому в современном русском языке глаголы *издать – выдать* и *исключить – включить*

оказываются семантически дифференцированными во всех своих значениях [10–2,5].

Резкая стилистическая дифференциация между членами пар однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения ведет к утрате славянизма в выделительном значении. Эта утрата является проявлением разрушения «высокого» слога. Вместе с тем оба члена пары глаголов с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения активно функционируют в языке второй половины XVIII в. и в последующие периоды при условии, если они, не являясь стилистическими дублетами, в то же время не имеют резких стилистических различий и способны употребляться в нейтральных контекстах. Такие отношения устанавливаются между членами пар *избрать – выбрать, изгнать – выгнать, изжить – выжить*. Члены приведенных пар параллельно употребляются в первичном и ряде вторичных значений, сохраняя «выделительный» характер. Они употребляются в различных стилистических условиях, однако взаимозаменяются в нейтральных контекстах, что обеспечивает их существование в современном языке в качестве стилистических синонимов. Глаголы *избрать* и *выбрать* не являются стилистическими дублетами. Это подтверждается тем, что глагол *избрать* предпочитается: 1) в текстах, написанных «высоким» слогом; 2) в сочетаниях со словами абстрактного характера. Васъ же къ сему моему намерению избралъ я посредственникомъ, прося вместить оный въ наши всюду теперь похваляемые листы, темъ больше, что въ немъ виденъ живыми красками описанный образъ «нашея Повелительницы» [6–1, с. 12]. С другой стороны, в сниженных контекстах употребляется глагол *выбрать*: Долины для своихъ овецъ не выбираю;/ и пыли съ своего рожка не стираю [3–4, с. 159].

Однако между глаголами *избрать* и *выбрать* нет резких стилистических различий, оба глагола могут употребляться в одинаковых (нейтральных) контекстах: Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небе не показывалось ни

одно облачко, и вода едва-едва струилась [1–8, с. 296]; Следующий день былъ самой прекрасной. Вернеть избралъ бы его для изображения обновляющейся природы во всемъ блеске красоты ея [7–II, с. 262]. Немотивированность употребления глагола *избрать* свидетельствует о процессе разрушения «высокого» слога, элементом которого традиционно были славянизмы.

Резких стилистических различий в рассматриваемый период не наблюдается в парах *изгнать – выгнать, изжить – выжить*, поэтому так же, как и глаголы *избрать – выбрать,* они употребляются в различных стилистических условиях, однако взаимозаменяемы в нейтральных контекстах.

Анализ парных однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения позволил нам сделать следующие выводы:

1) в языке второй половины XVIII в. в парах однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* для выражения конкретного выделительного значения служат глаголы с приставкой *вы-* (*выбежать, выбрать, выбыть, вывести, выгнать, выдать, выжить, выкупить, вылететь, вылить, вынуть, выпустить, вырвать, высыпать, вытечь, вычерпать*), в то время как глаголы с приставкой *из-* к середине XVIII в. либо утратили конкретное выделительное значение (*избежать, искупить, исчерпать, изъять* и др.), либо утрачивают его (*извести, излететь, излить, изрыть, изсыпать, истечь, изыти*); для выражения абстрактного выделительного значения предпочитаются глаголы с приставкой *из-* (*изгнать* в значении «*стараться победить, преодолеть твердостию или непоколебимостию духа*», *изъять, исключить* и др.);

2) процесс устранения наиболее архаического пласта славянской лексики прослеживается на парных глаголах с приставками *из-* и *вы-* и выражается в утрате глаголов с приставкой *из-* (*излететь, изорвать, изсыпать*), встречающихся в языке второй половины в единичных случаях;

3) процесс семантической дифференциации славянизмов и русизмов находит яркое выражение в парах однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* на протяжении второй половины XVIII в. Этот процесс происходит за счет утраты глаголами с приставкой *из-* конкретного выделительного значения и выдвижения на первый план одного из вторичных (абстрактных) значений;

4) характерный для второй половины XVIII в. процесс влияния славянизма с его отвлеченным значением на русизм находит выражение в отношениях между членами пар однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* (*издать – выдать, исключить – выключить*). В результате указанного процесса оба члена пары имеют одинаковое абстрактное (первичное либо одно из производных) значение и выступают как стилистические дублеты;

5) процесс резкой стилистической дифференциации между глаголами с приставкой *из-* и глаголами с приставкой *вы-* ведет к архаизации и утрате глаголов с приставкой *из-* (пары *извести – вывести, излить – вылить, истечь – вытечь, изыти – выйти*). Вместе с тем активное функционирование обоих членов пары однокорневых глаголов с приставками *из-* и *вы-* в языке второй половины XVIII в. и в последующие периоды связано с их способностью употребляться в нейтральных контекстах при условии незначительной стилистической дифференциации между членами пары: глаголы с приставкой *вы-* являются принадлежностью нейтрального слоя лексики, глаголы с приставкой *из-* включаются в пласт книжной лексики (*избрать – выбрать, изгнать – выгнать, изжить – выжить*). Обе названные разновидности стилистической дифференциации между славянизмами и русизмами являются показателем процесса разложения «высокого» слога.

Список литературы

1. *Виландъ Мейстеръ* // Московской журналъ, изд. 2-е, Ч. 8, м. 12 – М., 1792, с. 221; Письма русскаго путешественника // Там же, с. 286.

2. Еклога Три Грации на день рождения Ея Высочества Великой Княжны Александры Павловны. Ер. Кост. // Собеседникъ любителей российскаго слова, содержащий разныя сочинения въ стихахъ и въ прозе некоторыхъ российских писателей, Ч. VIII – СПб., АН, 1784, с. 21.

3. Идилия II. М.Х. // Полезное увеселение, ч. 4 – М., Импер. Моск. ун-т, 1760, с. 159.

4. Е.С. Копорская. Семантические соотношения книжно-славянской и исконно русской лексики в русском литературном языке конца XVIII – начала XX вв. (Процессы семантической аналогии). АКД. – М., 1973.

5. Ода Россия А.В. // Кошелекъ / еженедельное сочинение 1774 года / л. 9 – СПб., 1774, с. 132.

6. Письмо г. Живописцу // Живописецъ / Еженедельное на 1772 годъ сочинение. Ч. 1 – СПб., 1772, с. 12.

7. Повесть З^{я} / Вечера / еженедельное издание на 1772 годъ /, ч. II – СПб., 1773, с. 262.

8. САР-2: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – Спб.: ч. I–VI, 1806–1822.

9. САР-1: Словарь Академии Российской, производнымъ порядкомъ расположенный: в 6 ч. – СПб.: ч. I–VI, 1789–1794.

10. СЛРЯ: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.–Л.: АН СССР, 1950–1965. Т. 2, 1951, с. 941–1322; Т. 5, 1956, с. 90–274, 530.

11. СЦРЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторымъ отделением Императорской Академии наук: в 4 т. Из 2 кн. – СПб.: СпбГУ, 2001. – Репр. воспр. изд.: СПб., 1847.

12. И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, изд. ОРЯС, т. I–III. – СПб., 1893–1912. Т. II, с. 784–785.

Синицына Е. В. (Волгоград, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФУЗНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО «МАТЕРИАЛАМ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО)

В статье рассматриваются некоторые особенности префиксального глагольного словообразования в древнерусском языке; анализируется семантика приставок древнерусских глаголов; проводится сравнение значений префиксов в русском языке разных периодов.
Ключевые слова: глагольный префикс, семантика, полисемия, диффузность семантики, семантическая динамика.

Sinitsyna E. V. (Volgograd, Russia)

SEMANTIC DIFFUSIVITY OF VERB PREFIXES IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON «MATERIALS FOR THE OLD RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARY» BY I.I. SREZNEVSKY)

Some peculiarities of prefix verb formation in the Old Russian language are examined in the article; semantics of prefixes of the Old Russian language verbs is analysed; the comparison of prefixes' meanings in different periods of Russian language is given.
Key words: verb prefix, semantics, polysemy, diffusivity of semantics, semantic dynamics.

В современном русском языке все глагольные приставки (за исключением префикса *в-*) обладают не одним, а несколькими значениями. Префиксы многозначны – это одна из их основных семантических характеристик. Всегда ли так было? Каким образом у приставок появились разные значения? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к истории языка.

В праиндоевропейском языке исследователями индоевропейских и славянских языков (в частности, А. Вайаном, А. Мейе, И.М. Тронским) были обнаружены неизменяемые слова, близкие к наречным, – реляционные элементы, которые были самостоятельны и по отношению к имени, и по отношению к глаголу. Их значения носили исключительно пространственный характер. По этому вопросу Л.В. Табаченко замечает, что

«на первом этапе эволюции приставок наречная по происхождению морфема вносила только лексическое значение, локально уточняя действие глагола» [4, с. 16]. При этом не требовалось употребление предлога, поскольку префикс брал на себя его функции. Заметим, что памятники древнерусского языка сохранили остатки этого явления: например – **Зѣ добрымѣ бо дѹмѣцею кнѧзь высока стола додѹмаетца** [6, т. 1, с. 689], или – **Сего мѧ довел братъ мой** [6, т. 1, с. 685]. В современном русском языке в подобных предложениях требуется употребление предлога *до* – ***до**думаться **до** чего-либо, **до**вести **до** чего-либо*; в древнерусском, как показывают приведённые предложения, ещё возможны были синтаксические конструкции без предлога, хотя также можно обнаружить некоторые примеры, по построению сходные с современным русским языком: **Ѧцие сѧ вѣкадитъ волкѣ вѣ овцѣ, то выноситъ все стадо, ѧцие не оубьютъ его** [6, т. 1, с. 326]. Здесь наблюдается обычное для русского языка «дублирование» приставки предлогом, понятное и необходимое с позиций современной грамматики. Необходимо уточнить, что названная особенность древнерусского языка – это остаток древнейших свойств префиксов, поскольку «…приставки, бывшие в индоевропейском языке самостоятельными словами, весьма рано стали примыкать либо к имени, либо к глаголу: они превратились в своего рода префиксы» [2 , с. 435].

Постепенно прибавление приставки стало, помимо пространственных характеристик, содержать значение предела, границ, до которых распространяется действие. Так появлялось общее значение всех глагольных префиксов – значение завершённости действия, его конечности, это то самое значение, которое в современном русском языке выражает глагольная категория совершенного вида. «В процессе исторической жизни языка произошло отвлечение, абстрагирование этой общей для всех приставок функции», – говорит Л.В. Табаченко о значении предельности [4, с. 18].

И далее: «Развив значение предельности, приставки перестали быть внешним обстоятельственным конкретизатором глагольного действия, присоединенным к глагольной основе при помощи агглютинации. Переосмысление пространственной предельности во внутренний предел действия привело к сплавлению семантики приставки и глагольной основы, к их взаимодействию и рождению нового значения – значения приставочного деривата, семантика которого не равна сумме значений приставки и глагольной основы. Развитие приставочного словообразования, вовлечение в этот процесс все большего числа глаголов приводило к кристаллизации словообразовательных типов, основное значение которых нередко начинает сосредоточиваться в приставке» [4, с. 23]. Эта кристаллизация и является собственно формированием значений префиксов. С течением времени приставки стали нести значимые смыслы, образуя новые лексические единицы, присоединяясь к глаголам.

Уточним общий механизм возникновения разных значений (без учёта значения предельности) у префиксов. Помимо изначально имевшихся у них локальных значений (которые сохранились и в современном русском языке), стали появляться значения отвлечённые, которые возникали по принципу метафорического переноса, наподобие того, как возникают переносные значения в лексике. К примеру, приставка *из-/ис-* имела в качестве пространственного значение ‘удалить(ся) из чего-нибудь’ (образно говоря – значение ‘вон, прочь’). В современном русском литературном языке это значение является непродуктивным, и слова, где префикс несёт это значение, относятся к высокой или книжной лексике: например, *изгнать, истечь* [3, т. 1, с. 361]. Впоследствии это значение вполне могло быть переосмыслено до одного из имеющихся в современном русском языке значений этой приставки, которое можно описательно объяснить как ‘уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-нибудь’ : лит. *исписать, извязать, измазать*. Это значение продуктивно на современном этапе развития

русского языка, особенно распространены глаголы с приставкой *из-* в этом значении в разговорной речи и диалектах: напр., диал. *изверста́ть (Сколько денег-то было, и всё изверстал* (Моск.) ‘израсходовать’ [5, т. 12, с. 103].

У префикса *вы-* из пространственного значения ‘направление действия наружу’ (*выехать, выгрузить*) развилось значение ‘получение, добывание’ (*высмотреть, выиграть, высудить*). Добыть нечто посредством совершения действия, названного мотивирующим глаголом, получить некую выгоду – означает «вытащить наружу» в абстрактном смысле.

Примерно таким же образом и появлялись многообразные значения у всех приставок, и поскольку переосмысление первичного значения могло идти не одним путём, могло быть очевидным или таким сложным, что с позиций современного русского языка порой практически невозможно уловить ту грань, которая связывает значения одной и той же приставки воедино, то сейчас в русском языке у некоторых префиксов насчитывается до десяти значений (к таким относятся приставки *за-* и *пере-*) [3, т. 1, с. 355 – 375], хотя можно выделить и больше оттенков, если отграничивать малозначительные изменения в смысле.

Таким образом из первичных пространственных значений у каждой приставки развивались другие, более абстрактные значения, связанные прямо или опосредованно какой-либо общей семой, определяющейся по изначальному локальному значению. Как известно, изменения в языке происходят постепенно. Так, в течение довольно длительного периода времени в языке могут сосуществовать, к примеру, два произносительных или грамматических варианта одного слова. По этому же принципу, на наш взгляд, при постепенном возникновении новых значений у глагольных префиксов (общий механизм которых рассмотрен нами выше), существовал определённый период, когда в языке наблюдалась наибольшая размытость значений префиксов, на этапе их формирования и перехода в активное употребление. Эту размытость, обнаруженную в древнерусском языке с

помощью выборки из «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, мы и определяем как диффузность семантики.

Термин «диффузность» является интернаучным термином, который употребляется для общего обозначения понятия «рассеивание» в исследованиях по физике, психологии, теории коммуникации и другим наукам. Мы используем данный термин с целью разграничить особенности многозначности глагольных префиксов современного русского языка и русского языка ранних периодов развития.

Рассмотрим некоторые примеры. В «Материалах для словаря древнерусского языка» нами обнаружено очень много случаев употребления двух приставок с одной и той же глагольной основой и с одинаковым лексическим значением производных глаголов. При этом в большинстве подобных примеров один из приставочных вариантов в современном русском языке не существует, второй – активно употребляется. Так, в древнерусском языке наряду с привычным современным глаголом **присылати** (**Присылали ко мнѣ моего намѣстника**) [6, т. 2, с. 1470] имеется глагол **вьсылати** (**А приставовъ ти въ Новгородьскую волость не вьсылати**) [6, т. 1, с. 431] с тем же значением.

Аналогичные примеры: глаголы **поразить** (**Писано бо есть: поражу пастыря и разидутьсѧ овьца**) [6, т. 2, с. 1206] и **заразить** (**Три человѣки до смерти заразило**) [6, т. 1, с. 942] в значении ‘поразить, убить’; **изрѣзать** (**Крилѣ еси имѣлѧ҆ да почто сѧ еси вдалѧ сатанѣ да ѧ изрѣжетѧ на корене**) [6, т. 1, с. 1079] и **отрѣзать** (**Отърѣза емоу оухо десное**) [6, т. 2, с. 768] в значении ‘отрезать’.

Интерес представляют также примеры иного плана. По данным этимологических словарей, слово *начать* образовано с помощью приставки *на-* от исчезнувшего *чати-* [7, т. 3, с. 51]; и в древнерусском языке помимо глагола **начати** имеются слова **почати, зачати, оучати,** с тем же значением. Заметим, что уже в древнерусском языке не было глагола **чати*, и,

соответственно, все названные глаголы совершенного вида имели видовую пару, образованную суффиксальным способом – **починати, зачинати, оучинати**. В форме несовершенного вида встречается также глагол **вьчинати** с тем же значением начала действия. Следовательно, приставка не несёт здесь грамматической функции, она полностью сливается с корнем слова. Можно сделать предположение, что в тот очень отдалённый период времени, когда ещё употреблялось слово **чати*, префикс, присоединяясь к нему, придавал значение завершённости, которое тогда ещё не оформилось в категорию вида, а было одним из значений префиксов. В целом очень абстрактная семантика этого глагола (глагол, обозначающий ‘начало’ может предшествовать глаголу или существительному с очень разной семантикой) позволяла употреблять с ним разные приставки, и такое «нестрогое» употребление приставок при образовании слова от одного и того же корня мы и рассматриваем как диффузность префиксов в древнерусском языке.

Последовательное преодоление диффузности семантики, то есть чёткое закрепление определённого префикса за определённым глаголом, представляет собой семантическую динамику приставок, которую можно проследить, основываясь на выборке приставочных глаголов из словарей разных периодов исторического развития русского языка.

Список литературы

1. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / отв. ред. чл.-корр. РАН В.Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.
2. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 512 с.
3. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980 – Т. I. – 784 с.
4. Табаченко Л.В. Генезис и эволюция глагольных приставок в истории русского языка. – Ростов, 1996. – 135 с.

5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1 – 41. – СПб.: Наука, 1965 – 2007. (СРНГ)

6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. – М.: ГИС, 1959.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.И. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – В 4-х т. – М.: Прогресс, 1964.

Сичинава Н. Г. (Кутаиси, Грузия)

О СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Историческое формирование юридической лексики сопровождалось различными процессами связанным с семантическим развитием значений слов. Значительная часть древнерусских юридических терминов возникла в результате метафоризации общеславянских по происхождению слов. Процесс специализации слов с корнем *-прав-* и *-суд-* отмечается в самых первых юридических памятниках.

Ключевые слова: древнерусская юридическая терминология, семантическая деривация, метафоризация, архаизация, "Материалы..." И. И. Срезневского, этимологические словари.

Sichinava N. G. (Kutaisi, Georgia)

ON THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE MEANINGS OF SOME OLD RUSSIAN LEGAL TERMS

The historical formation of legal vocabulary was accompanied by various processes connected with the development of the semantic meanings of the words. A considerable part of ancient legal terms is the result of metaphorization of the words of Slavonic origin. The process of specialization of words with the roots *-прав-* (-right-) and *-суд-* (-judge-) can be observed in the very first notes of legal written records.

Key words: Old-Russian legal terminology, the semantic derivation, metaphorization, archaization, "Materials ..." by I. Sreznevski, etymological dictionaries.

Среди различных терминосистем юридическая терминология занимает особое место в лингвистическом отношении. Она выгодно отличается своей оригинальностью. Основное ядро юридических терминов возникло и развивалось на базе общенародной лексики, то есть представляет собой исконно русскую лексику. С генетической точки зрения в юридической терминологии представлены лексические единицы, относящиеся как к общеславянской (часть из них индоевропейского происхождения) и восточнославянской лексике, так и к собственно русской лексике. Историческое формирование юридической лексики сопровождалось различными процессами связанным с семантическим развитием значений

слов (сужение и расширение, переразложение значений, архаизация и т. п.). Наряду с процессами терминологизации, происходил и обратный процесс – процесс детерминологизации, когда слово, функционировавшее в языке как юридический термин превращалось в общелитературное.

В составе древнерусской юридической терминологии имелись слова, изначально использовавшиеся в языке для обозначения специальных понятий. Это, пользуясь терминологией О. Н. Трубачева, так называемые генуальные термины [7, с. 264, 266]. Для генуальных юридических терминов юридическая отнесенность была первичной. Они представляют собой номинации различных правовых отношений и понятий, правонарушений, правового статуса личностей, органов княжеской власти, разнообразных пошлин и штрафов и т.п., характерных для Древнерусского государства. Это термины: *судья, судебня, беззадьница* (выморочное имение), *беззадьница* (имущество, оставшееся после смерти владельца, у которого нет прямых наследников), *биричь* (представитель княжеской власти, занимающийся, в частности, объявлением распоряжений), *бояринъ* (член высшего сословия в феодальном обществе), *волость* (территориальное владение, позднее – территориально-административная единица), *тать, татьба, задьница* (наследство), *задьничьникъ* (наследник), *заимьникъ* (тот, кто берет взаймы), *закупъ* (тот, кто отрабатывает ссуду, полученную от хозяина-землевладельца), *заставанье* (уличение в прелюбодеянии), *крадение* (кража, воровство), *красти* (присваивать чужое, похищать что-л., красть что-л.) и др.

Несмотря на наличие генуальных терминов в древнерусской юридической терминологии, уже в ту далекую эпоху язык гораздо чаще обращался к более экономному способу терминообразования – семантической деривации. Имеющиеся в языке номинативные средства подвергались переосмыслению и начинали употребляться в новой для них, специальной функции. Подобная "экономичность" языка объясняется свойством человеческого мышления описывать "новое через известное,

понятное, доступное", что позволяет языку "избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств" [10, с. 82].

Законодательные памятники древности, этимологические и толковые словари позволяют установить не только степень древности того или иного слова, но и проследить способы превращения слов в юридические термины.

Анализ языка древних законодательных памятников показал, что ведущим семантическим процессом при становлении юридической терминологии было развитие нового, переносного значения у общеупотребительных слов на основе метафоры (переноса по сходству).

Значительная часть древнерусских юридических терминов возникла в результате метафоризации общеславянских по происхождению слов. Основой для развития терминологического значения могло служить сходство в структуре оценки. Примером может быть слово *правыи.* Авторы "Краткого этимологического словаря русского языка" связывают образование этого слова с исчезнувшим в качестве самостоятельного слова *пра,* того же происхождения, что и предлог *про*, имевшим первичное значение - "передний", "первый" [11]. М. Фасмер предполагал, что *правыи* возникло из индоевропейского *provos от *pro- (пра- в результате чередования гласных), родственного латинскому probus "добрый, честный, порядочный" [8]. Следут отметить и попытку связать *прав* с лат. "provincia" (первонаально "власть, полномочие") (*provinquos) "облеченный властью, имеющий право" (*provos) [3].

В древнерусском языке *-в-* в слове *правыи* уже не осмысливалось как суффикс, широко функционировали многочисленные образования от корня *прав-*: *правильныи, правитель, правити, правление, правьдивыи, поправити, исправити, направити, направление* и др.

Слово *правыи* в неюридической речи, согласно данным словаря Срезневского, обозначало: "прямой", "достоверный", "настоящий",

"истинный", "твердый", "искренний", "чистый, непорочный", "праведный", "святой". В юридической речи за ним закрепляются значения: "справедливый", "правый, невиновный", "относящийся к судебному рассмотрению". Например, в "Новгородской Судной грамоте" *правым словом* названы правдивые показания; "А кто будет крест целовал на сеи грамоте, ино ему речи *правое слово*, а рука дати по крестному целованью" [4].

Часто прилагательное *правыи* субстантивировалось и употреблялось в антонимической паре *правыи* (невиновный) - *виновныи*: "А тым подверником быть от князя человеку, а от Пскова человеку же, а целовать им на том крест, што правого не погубити, а виновного не оправить, а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки" [4].

Правые грамоты удостоверяли подлинные судебные решения, *лживыми грамотами* назывались подложные судебные решения: "А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить" [4].

Прилагательное *правыи* свободно сочеталось не только с неодушевленными, но и с одушевленными существительными. "Правыи человек" – выигравшая сторона в судебном разбирательстве: "Ино того человека повинити, и грамоты его посудить, а правому человеку на ту землю и судница дати" [4].

Активно употреблялось в юридической речи наречие *право.* В "Судных грамотах часто встречается требование судить *право,* то есть справедливо: "А которому посаднику сесть на посадство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит *право* по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоваться, а судом не мстится ни на кого ж..." [4].

В юридических текстах Древнерусского государства встречаем мы и существительное *право,* образованное на базе формы среднего рода прилагательного *правыи.* В "Материалах для Словаря древнерусского языка" Срезневского зафиксировано два значения этого слова: 1) "свобода действия,

власть": "Ты люди далъ есмъ имъ со всьмъ правомъ" ("Жалованная грамота". Под. кн. 1375 г.); 2) "законы, право": "И тежъ естли бы хрестьянинъ нькоторои Жидовць рукою кгвалтованою мьлъ што вчинити, абы вдарилъ, масть быти каранъ подлугъ *права* нашое земли" ("Жалованная грамота", 1388 г.) [4].

В древнерусский период возникло много калек с греческого и латинского языков, представлявших собой сложные образования с первой частью *прав*-: *правоподаяние* (право суда) – *jurisactione, правословесие* (защита своих прав) – *σικαιοπογια, правосудие* (правый, справедливый суд) – *ορθοκρισιαν, правохранитель* (должность при дворе византийских императоров) – σικαιοφιλαζ и др. Потребность в появлении этих слов возникала при переводе византийских церковных законов. Новообразования отличались семантической емкостью, конкретностью, выразительностью и быстро распространились в языке Кормчих книг (сборниках апостольских, соборных и епископских правил и посланий, законов светской власти, являвшихся руководством при управлении церковью, в церковном суде в славянских странах и распространившихся среди восточных славян с XIII века) и произведений историко-нравственного содержания.

В фонд юридической терминологии XI-XV веков вошло довольно много древнерусских образований с корнем *прав*-: *правеж* (взыскание по приговору суда; побор с насилием), *правьдчикъ* (судебный служитель, приводящий в действие определения суда и взыскивающий с виновных), *управа* (Разбор дела), *исправа* (исправление; разбор дела и решение, расправа), *оправа* (управа, расследование дела), *оправлятu* (судить, разбирать дело; защищать) и др.

Особого внимания среди этих образований заслуживает слово *правда.* По своему происхождению оно относится к общеславянской лексике. Слово образовано с помощью суффикса -ьд- от *правыи* в значении "истинный" [11]. Таким образом, первоначальное значение слова *правда* - "то, что истинно".

Именно оно обусловило полисемантические возможности слова. Наряду со значениями "правда, истина", оно имело в древнерусском языке значения: "справедливость", "добродетель, добрые дела, праведность", "правость, правота", "доброе имя", "честность", "обет, обещание", "повеление, заповедь". В юридической речи оно развивает значения: "присяга", "постановление", "правило", "свод правил, законы", "договор, условия договора", "право", "права", "признание прав", "оправдание", "право суда", судебные издержки", "пошлина за призыв свидетеля", "свидетель", "суд", "подтверждение, доказательство".

Первый свод древнерусских законов был назван "Правдой Русской". Именно это слово на той ступени развития языка вмещало в себе значение "справедливый суд", "правосудие". Как свидетельствует Новгородская летопись, заняв киевский стол, князь Ярослав Мудрый в награду за участие в походе против брата Святослава, дал новгородцам свод законов: "И отпусти их всех домовъ, и дав им правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже списав вам, такоже держите. А се есть Правда Рускаа..." [4, с. 37].

Термин *правда* был унаследован законодательством средневековья. Максим Грек в сочинениях, написанных им в 50-е годы XVI века, указывал на три добродетели царя: "правда, сиречь правъ судъ", "целомудрие" и "къ подручникомъ кротость". В Судебниках и грамотах периода образования Русского централизованного государства (конец XV - середина XVI века) *правда* имело значения:

"присяга": "А кто купит на чюжеи земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поималися, и целования ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати" ("Судебник 1497 года великого князя Ивана III"): здесь "правда дати" означает "принести присягу";

"пошлина": "А пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а пене что государь укажет" ("Судебник 1550 года царя Ивана IV");

"закон": "Да промеж бы есте собя, в станех и в волостях, лихих людей разбойников сами обыскивали по нашему крестному целованью въправду без хитрости" ("Губная белозерская грамота" 1539 г.); здесь *вправду* - "по закону";"доказательство": "А список оболживит кто да пошлется на правду, ино в том пересуд" ("Судебник 1497 года великого князя Ивана III").

Правда ассоциируется с законом и памятниках конца XVI - начала XVII века. Например:

"Им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всяких людей чинити в правду" (т. е., как бы мы сейчас сказали, *по закону*) ("Приговор Земского Собора первого ополчения 1611 года, июня 30).

"А будет они сыщики учнут сыскивати не по правде для своей корысти... им сыщиком за то от государя быти в великой опале и в казни" ("Соборное Уложение 1649 года").

По традиции некоторые законодательные акты XVIII-XIX веков получали название *правда.* Так, написанный в первой четверти XVIII века по заданию Петра I вице-президентом Синода Феофаном Прокоповичем законодательный акт, обосновавший правовой статус абсолютизма в Российском государстве, был назван им "Правдой воли монаршей". П. Пестель по образцу древней "Русской Правды" дал своему своду законов название "Русская правда".

От слова *правда* уже в древнерусском языке был образован антоним *неправда,* который наряду со значениями "ложь, грех", употреблялся в значении "несправедливость, противозаконное дело" [2]. В юридических памятниках XVII-XVIII вв. *неправдами* называются различные правонарушения:

"А будет кто послан будет межевати спорную землю и розведет не по правде, для своей корысти, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про то допряма, что он в том деле учинит неправду, и ему за то воровство учинити жестокое наказание..." ("Соборное Уложение 1649 года").

"А есть ли губернаторы указов чинить не будутъ или указъ учиненъ будет неправдою, и на техъ губернаторовъ бит челомъ въ Санктъ-питербурхъ въ сенатъ" (Указы Птр., 1714).

Интерес представляют рассуждения В. Даля о ментальном концепте слов *правда / неправда.* Выдающийся лексикограф считал, что эти слова в его эпоху, то есть в середине XIX века, искажены в своем значении, так как были сближены со словами *ложь* и *истина.* Подобное отождествление *правды* с *истиной,* а *неправды* с *ложью* Даль считал недопустимым на том основании, что "истина относится только до понятий умственных, а правда – до качеств нравственных, почему и первое уложение наше, законы правосудия, назывались Русскою правдою" [1, с. 529]. Толкование слов *правда / неправда* как "справедливость" и "несправедливость", "правосудие" и "неправосудие" также, по мнению Даля, не полностью раскрывает семантический объем первых. Прямое, коренное значение слова *неправда* Даль объясняет через смысловые ассоциации, существующие в сознании народа, для которого *неправда* – "всякая незаконность, дело, противное совести, притесненье, обида, кривосуд, неправый приговор, решенье, ложь на деле, криводушие, недобросовестность, кривда".

В течение последующих лет у слова *правда* ассоциация с понятием "закон" ослабевает, а затем и вовсе исчезает. В современном русском языке былое значение отмечается в одном из компонентов значения выражения *правдами-неправдами,* что означает: "добиваться чего-либо любыми средствами, даже несправедливыми, противозаконными".

Разрушение синонимической связи в результате выпадения одного из терминов синонимической пары можно наблюдать на примере семантического развития слов *суд* и *судьба.*

Слово *суд* имеет очень древнее происхождение. Современная его форма развилась из праславянского *codъ "суд" (носовой гласный у восточных славян перешел в "у"), которое в свою очередь предположительно развилось из более старого somdhos, означавшего "совместное разбирательство, суждение, примирение". Форма somdhos (om дало носовой гласный; dh>d; os>ъ) была образована сложением приставки *som->cǫ->cy- "со-", "совместно" и основы *dhos из *dhe- "положить, сделать".

Процесс специализации слов с корнем *-суд-* отмечается в самых первых юридических памятниках. На базе общеупотребительного слова *суд* в значении "рассуждение" путем метафорического переноса был образован юридический термин со значением "суд, разбор дела, дознание виновности". В основе переноса лежало сходство в образе и способе действия. Во время судебного разбирательства спорящие стороны в присутствии свидетелей и представителя власти доказывали правоту: дело излагалось, приводились доказательства, т. е. подвергалось обсуждению.

В древнерусском языке слово *судъ* отличалось многозначностью и имело фиксации как в светских, так и церковных памятниках. Его значения передаются словарем Срезневского следующим образом: "судебные порядки", "судебное дело, тяжба", "приговор", "постановление, определение", "закон, устав", "право суда", "дело, подлежащее определенному суду", "подчинение суду", "судебная пеня".

Синонимом к термину *судъ* в древнерусском языке выступало слово *судьба.* В словаре Срезневского в качестве первичного, основного значения этого слова указывается значение "суд", на основании чего можно сделать вывод, что оно и было первоначальным значением слова *судьба.* Далее

следуют значения: "приговор, решение"; "предопределение", "правосудие", "судилище".

Юридическое значение было актуальным для слова *судьба* и первой половине XIX века. В "Толковом словаре..." Даля на первое место поставлены значения "суд, судилище, судбище и расправа": "Пусть насъ судьба разберет, пойдем в волость! Что судьба скажет, хоть правосудъ, хоть кривосуд, а так и быть. Они на судьбу пошли". За этими значениями следуют: "участь, жребий, доля, часть, счастье, предопределение, неминучее в быту земном, пути провидения".

От основы *судьб-* еще в древнерусском языке были образованы термины *судебник, судебный, судебница, судебня.* В период образования Русского централизованного государства (конец XV - середина XVI вв.) судебниками именовались собрания законов: "судебник 1497 года великого князя Ивана III, "Судебник 1550 года царя Ивана IV (Грозного)"; "судебня" и "судебница" обозначали место, где производился суд; прилагательное *судебный* входило в состав различных терминов, относящихся к судопроизводству.

Из всех этих древних терминов в составе современной юридической терминологии сохранилось лишь слово *судебный*, мотивирующей основой которого выступает слова *судьба.* Семантическая мотивированность между ними исчезла из-за изменений в значении слова *судьба,* утратившего первоначальное значение и утвердившегося в современном русском языке в значении "участь, жребий".

Прилагательное *судебный* широко употребляется в современной юриспруденции (*судебное заседание, судебные органы, судебный приговор, судебный процесс* и др.), в то время как в значении "участь, доля, рок" слово *судьба* не имеет адъективных производных. Сравним: *судебный приговор* и *приговор судьбы.*

Таким образом, развитие юридической терминологии протекало не только по пути пополнения числа элементов, но и сопровождалось процессом устаревания. Утрата юридических терминов в ряде случаев имела положительный характер, так как способствовала устранению лексической избыточности в терминосистеме.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. ТТ. 2-4. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, 780 с - 556 с. - 684 с.
2. Демис Л. Юридический словарь практический гражданского права, преимущественно частного, т. е. об отношениях семейственных и по имуществам и договорам. Ч. 1. - Спб.: Тип. Демиса, 1859. - VIII, 403 с.
3. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. - М.-Л.: АН СССР, 1916, 420 с.
4. Российское законодательство X-XX веков. Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. Т. 1. - М.: Юридическая литература, 1984, 432 с.
5. Сичинава Н. Г. Лексико-семантическая деривация при становлении русской юридической терминологии. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук. - Тбилиси: Государственный университет им. И. Джавахишвили. 2003, 163 с.
6. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. ТТ. 1-3. - СПб., 1893-1902-1912, 771 с. - 919 с. - 996 с.
7. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. - М.: Наука, 1966, 416 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. - М.: Прогресс, 1987, 832 с.

9. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. - Киев: Рад. шк., 1989, 511 с.
10. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // ФН. 2001, №1, с. 82-90.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1975. - 543 с.

Ходиченкова Д. А. (Магнитогорск, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ИХ НАЗНАЧЕНИЮ В БОЮ В XI-XIV ВВ., ОТРАЖЕННЫЕ В "МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА" И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

В статье рассматриваются наименования войсковых подразделений в древнерусском языке XI-XIV вв. по «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Выявляются системные отношения между ними.

Ключевые слова: вербализатор, группа, древнерусский язык, лексико-фразеологическое поле, пехота, словарь, И.И. Срезневский.

Khodichenkova D.A. (Magnitogorsk, Russia)

BATTLE-BASED MILITARY UNIT NAMES OF THE 11TH-14TH c.c. IN I.I. SREZNEVSKY'S "MATERIAL FOR OLD RUSSIAN DICTIONARY"

The article, based on I. I. Sreznevsky's "Material for Old Russian Dictionary", covers military unit names in the 11th-14th c.c. Old Russian and reveals relation between them.

Key words: verbalizer, group, Old Russian, lexico-phraseological field, dictionary, I.I. Sreznevsky.

Наименования войсковых подразделений в древнерусском языке (XI – XIV вв.) составляют одну из сфер лексико-фразеологического поля «Пехота». Данные наименования встречаются в летописных сводах, в воинских повестях, в памятниках деловой письменности и даже в религиозных текстах. Как правило, эти единицы отражены в Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.), Словаре русского языка XI-XVII вв., и в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского.

Без обращения к историческим словарям невозможно изучение военной лексики XI-XIV вв. Они дают представление о семантике зафиксированного

военного термина и подтверждают примерами из древнерусских источников справедливость такого толкования. На сегодня единственным полным (законченным) историческим словарём древнерусского языка является фундаментальный трёхтомный труд И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1903).

Отбирая материал для словаря, И.И. Срезневский делал акцент на образованности, культурном и духовном развитии человека, а также на том, что каждое слово «есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умомъ представляемой, умственнаго предмета», И.И. Срезневский был убежден в том, что составитель словаря обязан останавливаться на таких местах в памятниках, где фиксируются оттенки различных значений описываемых слов [3, с. 4]. Благодаря такому подходу данные словаря Срезневского И.И. позволили значительно обогатить информацию о наименованиях войсковых подразделений по назначению в бою в древнерусском языке XI – XIV вв.

По предварительным подсчетам в число данных наименований входят следующие 12 единиц, которые объединены интегральным семантическим признаком ‘способ действия, прием борьбы’: ***засада, подъсада, застава, загонъ, заѣздъ, заступъ, наворопъ, помочиє, помощь, посолиє, сторожевыи пълкъ, желѣзьныи пълкъ.*** Следует оговориться, что их значения не тождественны, поэтому элементы группы различаются дифференциальными признаками, конкретизирующими способы действия или приемы борьбы.

С целью неожиданного нападения на противника использовалось скрытое расположение войска, именуемое *засадой*: ***Избиша Литва на Камнѣ Псковичь засадою*** *(Псков. I л., 1236 г.)* [3, с. 946]. Встречаются другие примеры употребления слова *засада*, свидетельствующие в пользу того, что эта лексема могла употребляться в значении ‘отряд войска, находящийся в городе для его защиты’: ***Прiиде Семенъ Михаловичь в Торжекъ и сѣ де в Торъжку засадаю, не дадяше внити в Торжекъ***

намѣ сѰникомъ Дмитриевым *(Новг. I л.)*; [3, с. 946]. Именно это значение Ф.П. Сороколетов признает наиболее ранним [1, с. 120].

В значении ‘засада’, как отмечается в Материалах И.И. Срезневского, употреблялся также термин *подъсада*: ***Повергоша Литва подъсаду*** *(Новг. I л.1258 г.)*; ***Повѣгоша (Нѣмьци) прочь, и Вельяне гнаша въ слѣдъ ихъ, оже поганіи подсаду учиниша, и Вельяне ударишася на нихъ, и убиша Вельянъ 45 мужь*** *(Псков. I л. 1408 г.)* [4, с. 1067–1068]. Употребление слова *подъсада* характерно для севера Древней Руси, в особенности, как показывают примеры, для новгородской и псковской письменности. В том же значении, что *засада* (‘отряд войска, помещенный в городе для его защиты’), употреблялся термин *застава*: ***Литовскыи король Андрѣ и заставу постави въ Смоленскѣ*** [3, с. 947]. Слово *застава* могло использоваться также в значении ‘передовой отряд’: ***Повоеваша же Турискъ дѣ и бишася у воротъ Червенескыхъ, и застава бѣ Ухаяхъ*** *(Ип. л. 1205 г.)*; ***В заставу дѣ еже есть сторожевыи полкъ*** *(Никон. л. 1368 г.)* [3, с. 947].

Таким образом, данные словаря позволяют предположить, что слова *засада* и *подъсада* в древнерусском языке вступали в отношения синонимии. Если у лексем *подъсада* и *засада* основной семантический компонент – ‘скрытое расположение войска для внезапного нападения’, то у лексемы *застава* – ‘обнаружение и задержка противника’. Засада как способ разведки применялся во всех видах боевых действий, на любой местности, в различных метеорологических условиях и в любое время суток, перед фронтом, на флангах противника и в его тылу.

Отряд, занимавшийся разведкой (разъездом), в Древней Руси назывался *наворопъ*: ***Вырядиша в наворопъ и Мьстислава Романовича*** *(Ип. л. 1184 г.)* [4, с. 271]. В Древней Руси военная разведка выполняла лишь тактические задачи. Она осуществлялась под руководством великих или удельных князей.

Существовали в древнерусском войске и отряды специального назначения, именуемые *загонъ*. ***На томъ победиши мѧ вои паде бѣщисла; а Нов(г)ородьць оубиша на съступѣ: Дмитра Пльсковитиіна мѧ, а въ загонѣ Иванка Поповица*** *(Новг. I л. 1215 г.)* [3, с.907]. Примечательно, что в словаре XI – XIV вв. данная лексема не зафиксирована, а в словаре XI – XVII вв. отмечено 3 толкования у слова *загонъ*, но ни одно из них не отражает данного значения [2, с. 170]. Однако в том же словаре находим слово *загонный* в значении ‘загонные люди’ [2, с. 171]. Являясь специальным военным термином, данный устойчивый словесный комплекс использовался для обозначения людей, участвовавших в военном походе, набеге, в разъездных отрядах по добыванию припасов и фуража, в нападении, грабеже (1376): ***Онъ же оканный нѣ ста на бой, но побѣже за рѣку Пиану, и гонящєе по нѣмъ много татаръ отсаточныхъ загонныхъ избиша, а иныи мнози въ рѣцѣ Пианѣ истопоша*** *(Воскр. лет. VIII, 14)* [2, с. 171]. Ф.П. Сороколетов отмечает, что слово *загонъ* в военном значении известно, кроме русского, только польскому языку и «…можно предполагать, что в русский оно попало из польского. В этом случае следует говорить о раннем заимствовании – не позднее XII в.» [1, с. 127].

В качестве синонима к слову *загонъ* могло выступать отраженное в Материалах И.И. Срезневского слово ***заѣздъ***: ***Учинитися бои въ заѣздѣ Новогородцамъ съ Псковичи*** *(Новг. I л. 1394 г.)* [3, с. 960]. В таком случае его интегральной комплексной семой является ‘поход, военная операция, бой отдельного пешего отряда впереди от основного войска или в стороне от него’.

Среди отрядов специального назначения также выделялись в древнерусском войске отряды пеших войск, занимавшие в бою определенную позицию, – *заступы*: ***Оугри же исполчишасѧ на заступы, бѣ во Угръ число тысѧщь*** *(Пов.вр.л. 1097 г.)* [3, с. 950]. В словарях XI –XIV и

XI – XVII вв. у слова *заступъ* не указано специального военного значения. Вероятно, это связано с его локализованностью. Об этом свидетельствуют наблюдения Ф.П. Сороколетова, который отмечал, что слово *заступъ* не встречается ни в одном севернорусском памятнике, а в памятниках Юга лексема *заступъ* была малоупотребительной [1, с. 128].

Важную роль играли на Руси отряды, выступавшие в качестве помощи, вспомогательного войска. Такие отряды назывались *помочи*: ***Ходиша же и из Новагорода помочьє Кыяномъ*** *(Новг. I л. 1125 г.);* [4, с. 1164]. В значении ‘вспомогательное союзное войско’ в древнерусском языке функционировала лексема *помочь*: ***В то же лѣто Богъ вложи в сердце князємъ Рускымъ, ходиша бо князи Рустии вси на Половци: Святославъ Всеволодичь, Рюрик Ростилавичь.. и Галичьская помочь и Володимерьская и Лучьская*** *(Лавр. л. 1185 г.)* [4, с. 1164–1165].

В значении ‘отряд, часть войска’ употреблялись предметные УСК *сторожевый пълкъ* (передовой отряд), *желѣзьныи пълкъ* (отряд латников): ***Въѣхавъше въ сторожєвыи полкъ въ Нѣмецкіи, нє вѣдающу єму сторожєвого полка, и тако єго убиша*** *(Псков. I л. 1341 г.);* ***Новгородци же сташа в лицє желѣзномоу полкоу противоу великои свиньи*** *(Новг. I л. 1268 г.)* [4, с. 1748]. Задача обоих полков заключалась в ослаблении силы вражеского удара по главным войскам.

Таким образом, тщательная подготовка базы словаря, кропотливая источниковедческая работа, проделанная И.И. Срезневским, а также синтез языкознания, истории и этнографии в «Материалах…» позволяют проанализировать наименования войсковых подразделений по назначению в бою в древнерусском языке XI – XIV вв., установить ближайшие системные связи между ними (антонимические, гипонимические, синонимические).

Список литературы

1. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI - XVII вв.) / Ф. П. Сороколетов. – Л. : Наука, 1970. – 384 с.
2. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ф. П. Филин, – М : Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1893. – Т. 1. – 1420 с.
4. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1902. – Т. 2. – 1802 с.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1912. – Т. 3. – 1684 с.

Цветаева Е. Н. (Москва, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: ОБ ОДНОЙ ЗАГАДКЕ В ДВУХ РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В докладе рассматриваются русские и немецкие идиомы с компонентами „бараний рог“ и „bockshorn“, не имеющие на сегодняшний день однозначного толкования. Исследование, основанное на структурно-семантическом анализе, проводится в диахроническом аспекте и учитывает сопоставление данных обоих языков. Языковые явления интерпретируются в их взаимосвязи с экстралингвистическими факторами.
Ключевые слова: семантические изменения; фразеологическая образность; тождество именного компонента; паронимическая трансформация; затемненный образ.

Tsvetaeva E. N. (Moscow, Russia)

PHRASEOLOGICAL ETYMOLOGIES: THE SAME MYSTERY IN TWO DIFFERENT LANGUAGES

The research refers to Russian and German idioms that contain the component “бараний рог” and „bockshorn“ respectively and looks into different ways of interpreting them. Based on structural-semantic analysis the research considers the linguistic data from the diachronic and comparative standpoints and takes into account the strong correlation between linguistic facts and extra linguistic factors in order to interpret the collected data.
Keywords: semantic change; phraseological imagery; identity of nominal components; paronymic transformations; a dim image.

Этимологизация фразеологизмов одного отдельно взятого языка практически всегда предполагает обращение к фразеологическому фонду других – в разной степени родственных – языков, а также обращение к их диалектным формам. И чем более затемненным с современной точки зрения представляется образ, стоящий за фразеологическим выражением, тем в большей степени «разноязыким» становится исследование. Именно сопоставительные исследования позволяют хотя бы до некоторой степени приоткрыть завесу тайны, скрывающую исконный образ, стоящий за фразеологизмом. «Темно, неопределенно, безотчетно выражает язык жизнь и мысль народа, столь же темную, неопределенную, безотчетную. Одно и то же слово есть вместе название и предмета, и действия его, и качества, и

впечатления, ими производимого в уме, точно так же, как и в уме народа все это остается неотделенным» [10]. Эта мысль И. И. Срезневского как нельзя более четко характеризует тот фразеологический фонд языка, который в своей предметно-образной основе опирается на архаичные формы мифологического мышления. Именной компонент таких «непонятных» идиом в разных языках как раз и проявляет ту синкретичность, о которой говорит И. И. Срезневский и которая так присуща мифологическому сознанию.

Так, исследования в области исторической фразеологии немецкого языка (речь шла об этимоне фразеологизма *jmdn. ins Bockshorn jagen* «запугать, нагнать страху») привели не только к фразеологии русского литературного языка, но и к необходимости сопоставления с данными диалектологии и других славянских языков. Но первое, с чем пришлось столкнуться, это отсылка в авторитетнейшем немецком историческом лексикографическом источнике, Словаре братьев Гримм, к русскому фразеологизму с именным компонентом *бараний рог*. Это и заставило внимательней отнестись к истокам русской идиомы со сходной (в некоторой степени) семантикой, структурой, со сходным лексическим составом и, - как считают - с тождественным образным наполнением.

История происхождения и образ, стоящий за фразеологизмами в обоих языках, интерпретируется специалистами весьма неоднозначно. Если в русском языке загадка состоит в том, чтобы понять зачем, как и при каких обстоятельствах *сгибают в бараний рог*, то в немецкой идиоме проблемы начинаются с идентификации собственно именного компонента *Bockshorn*.

Как показывает имеющийся опыт подобных исследований [1, 6], наиболее продуктивным в данном случае является структурно-семантический фразеологический анализ, проводимый в сравнительно-историческом аспекте. Источник языковых фактов – исторические и фразеологические словари, в которых кроме толкований содержатся и

указания на контекстное употребление исследуемых языковых единиц в памятниках [1, 2, 7, 12, 13, 16], а также словоуказатели к некоторым изданиям, культурологические словари и энциклопедии, в которых история и развитие культурных феноменов трактуется в обязательном соотнесении с их языковым воплощением [11, 14, 17, 18].

Начнем с довольно употребительного и сегодня в русском языке выражения *согнуть / скрутить в бараний рог* «заставить кого-л. быть покорным, смирить строгостью, притеснением». Оно касается разных тематических сфер, разных типов текста, используется применительно к лицам и даже к абстрактным понятиям:

> Похоже, что Алексей обнаружил в Железном Майке так ему необходимого жесткого, почти советского тренера, который *скрутил игрока в бараний рог* и вдохновил его на рекордные девять голов в походе за Кубком Стэнли [9].
>
> Врагам навеки преподай урок - *В бараний рог их всех согни*, в бараний рог! [3].
>
> Удастся ли *стагнацию скрутить в бараний рог* (заголовок газетной статьи) [8].

Русская фразеология дает несколько версий происхождения этой идиомы: «1) Выражение основано на сходстве. В одном из своих сатирических произведений М. Е. Салтыков-Щедрин предлагает «нарочито-буквальное» прочтение этой поговорки, до предела используя его образную семантику: «Возьмем для примера хоть одно такое выражение: согнуть в бараний рог. Что нужно сделать, чтобы выполнить эту угрозу? Нужно перегнуть человека почти вчетверо… Возможно ли подобное предприятие?... Я уверен, что человек умрет немедленно, как только начнут пригибать его голову с теми условиями, какие необходимы для подобной операции»… Употребляясь обычно как угроза, выражение возникло во времена, когда земной поклон сильному, власть имущему человеку был обычным знаком

покорности… 2) Михельсон приводит немецкие параллели к обороту – *ins Bockshoren spannen (jagen)* (букв. «загнать кого-л. в бараний рог») «запугать кого-л., нагнать страху на кого-л.,», *in Bockshorn kriechen* (букв. заползать в бараний рог) «струсить, сдрейфить», которые расширяют ареал и возможность более широкой его образной интерпретации… Возможно, немецко-русский параллелизм здесь подсказан Михельсону словарем братьев Гримм, которые писали, что лишь у русских (но не у других славян) они нашли близкое соответствие немецкому выражению согнуть кого в бараний рог, вероятно, заимствованное у немцев» [1].

Однако говорить о заимствовании здесь вряд ли возможно, так как «близкое соответствие» основано лишь на тематической общности именного компонента и, возможно, равной степени экспрессивности, являющейся необходимым условием фразеологизации. Лексическое наполнение разное: нем. *Bock* – это в первую очередь *Ziegenbock* «козел», т. е. речь идет о рогах разных животных, следовательно, и выглядят они неодинаково, главный признак козьего/козлиного рога заключается в том, что он узкий и острый, даже если и несколько изогнут, в то время как бараньи рога не просто изогнуты, но и скручены, отсюда и глагольный компонент *скрутить, согнуть* в русском, который также дифференцирует русское и немецкое выражения. При всем многообразии вариантов немецкого фразеологизма глаголов лексически и семантически соотносимых с русским мы не находим; мы можем говорить лишь о некоторой общности структуры, идентичности семы, характеризующей *неудобство положения*, но констатируем разную семантическую доминанту – в русском это *подчинить своей воле*, а в немецком - *запугать*. Кроме того, авторы Исторического фразеологического словаря русского языка приводят далее весьма внушительный список аналогичных выражений во многих славянских языках, а также в румынском. Их структурно-семантическая и лексическая специфика не позволяет сомневаться в заимствовании этих выражений из немецкого (что, как мы

можем видеть, также противоречит мнению, высказываемому в словаре братьев Гримм). Таким образом, различия в лексическом, структурном, семантическом и образном плане окончательно решают вопрос в пользу самостоятельного развития идиом в немецком и русском языках.

Привлечение диалектов дает еще более любопытный материал для сопоставлений. Во-первых, значения сопоставляемых идиом разные (что также свидетельствует об исконном, а не о заимствованном происхождении), лишь в олонецком встречаем *зажимать/зажать в козелий рог*, но с территориальной точки зрения в этом случае заимствование как раз представляется вполне вероятным. В других случаях, если и появляется *козиный рог* (что может быть связано и со спецификой животноводства на этих территориях), сочетается он с аналогичными «*бараньему»* глагольными компонентами, ср.: *гнуть/согнуть (скрутить) в козиный рог*, смол. неодобр. «смирять, подчинять кого-л. строгостью, жестокостью»; *гнуться/согнуться в козиный рог*, *смол.* «бедствовать, испытывать крайнюю нужду»; *свести хуже [чем] в бараний рог,* новг. то же, что *гнуть в бараний рог*. А исконный образ *бараньего рога* лучше всего иллюстрируется, на наш взгляд, выражением *скорчиться как в бараний рог*, калинин. о скорчившихся, согнувшихся от мороза людях или животных [7]. Таким образом, очевидным становится доминанта в образной составляющей *бараньего рога* – «скрюченность, скорченность, сильная согнутость», чему свидетельство и метафорическое сравнение, например, в контекстах подобного рода:

> Кто-то любит вышивать крестиком, …а иные любят попортить *вилки* на досуге. *Скрутят их в бараний рог*, гладишь - а это уже и не вилка вовсе, а очень даже мотоцикл, браслет или дракончик. Если хорошенько потрудиться над набором столовых приборов, можно *согнуть вилку не только в бараний рог*, но и создать из нее что угодно, от украшения на шею, до скульптурной группы [4].

Будет уместным провести параллель с фразеологическими единицами сходной семантики и структуры и со сходным образным наполнением: *гнуть/согнуть в дугу (в три дуги)* «подчинять, подчинить», *гнуться/согнуться в дугу (в три дуги, в три погибели)* перед кем-л. см. «кланяться/поклониться», *сгибаться/гнуться в дугу (в три погибели)* перед кем-л. «раболепствовать» [2], где «*три дуги»* передают ту же сильную скрученность и согнутость, которую мы себе представляем, говоря о *бараньем роге*. Общность образа, стоящего за выражениями с этими именными компонентами очевидна, поэтому и семантика настолько близка.

Историки русской фразеологии так семантизируют упомянутые выражения с именным компонентом *дуга:* «принуждать, заставлять принуждением повиноваться». О происхождении идиомы можно судить по приводимым этим источником версиям: 1) Поговорка связана с пыткой, состоявшей в том, что допрашиваемому привязывали голову к ногам веревкой, в которую вдевали палку и вертели ее до тех пор, пока голова не пригибалась вплотную к ногам. 2) Образность выражения опирается на слово *дуга* «круто изогнутая часть конской упряжи, которая располагается над головой лошади и прикрепляется к оглоблям и хомуту». ... При сгибании дуг требовалось большое напряжение, сила и умение. Сгибать человека в дугу значит подчинить его и физически, и духовно, преодолеть его сопротивление. *В три дуги* усиливает экспрессивность оборота еще и потому, что числительное *три* в народном сознании магическое, с обобщающей символикой [1, с. 204]. И здесь появляется отсылка к древним видам наказания, а также к магии.

Мотивация русских фразеологизмов с компонентом *бараний рог* предметно-образна и имеет столь продуктивный для образования фразеологизмов анималистический источник. Правда, можно задаться вопросом, почему кроме *дуги* для крайне неприятного подчиненного положения из всех животных коллективное сознание предпочло из известных

на определенной территории именно барана? Выдвинуть в этом отношении некую гипотезу нам поможет подробный анализ уже известного нам немецкого выражения *jmdn. ins Bockshorn jagen*, которое и само по себе, и его именной компонент представляют собой более запутанный лингвистический сюжет, нежели рассмотренный нами русский фразеологизм.

Как фразеологически связанное это выражение существует в немецком языке с XV века. На ранних этапах развития языка идиома была достаточно употребительна, предполагала несколько вариантов глагольного компонента (*jagen, treiben, stoßen, zwingen*). Все лексикографические и фразеографические источники сообщают о том, что происхождение идиомы неизвестно и вызывает множество толкований. Предполагается, что идиома значительно старше, чем об этом можно судить по имеющимся литературным источникам. Всего существует около десяти версий, объясняющих ее происхождение [16]. Внимания заслуживают, на наш взгляд, две из них, обе опираются на толкование именного компонента.

Согласно первой, существовал такой древний способ наказания: нарушившего закон зашивали в козлиную шкуру и в таком виде гнали по улице. Козлиная шкура (*Bocksfell*) называлась, правда, *bockes hamo*. Но после того как в свн. слово *ham(e)* „Hülle“ (русск. *оболочка*) перестало быть понятным, оно получило в составе композита искаженную форму *horn* «рог». Произошла паронимическая трансформация (ведь именно рога – один из отличительных признаков обоих животных). «Сущность этого вида ложноэтимологического переосмысления – в «притяжении» малоизвестного слова к более известному и в «переключении» семантики на основе формальной трансформации» [6, с. 172-173]. (Ср. рус. *пока суть да дело* вместо *пока суд да дело*; *попасть как кур во щи* вместо *попасть как кур в ощип* и. др.). Подобные переосмысления, хотя и ведут к созданию ложной образности, нисколько не влияют на степень фразеологизации и на

экспрессивность выражения, напротив, часто они создают дополнительный «экспрессивный эффект».

Другое дело, что именно такая паронимия не явилась случайной, а прослеживая путь развития этого явления, мы сталкиваемся еще с одним случаем паронимии. Для описанного выше вида наказания было и свое название *Haberfeldtreiben*. Этот вид наказания применялся преимущественно в Баварии и Тироле.

Лексема *Haberfeldtreiben* означает собственно *Ziegenfelltreiben,* так как *Haberfeld* ни что иное, как ложноэтимологический народный вариант к *Haberfell* (нем. *Feld* „поле“, нем. *Fell* „шкура“). Возможно, свою роль сыграло здесь то обстоятельство, что *Haber* представляет собой ср.-нем. и ю.-нем. вариант для – *Hafer* «овес», а последний ассоциируется исключительно с полем (*Feld*). Типичный же для австрийского и баварского ареала *Haber* значит „*Ziegenbock*“ и связан, в частности, с таким мифическим существом, как *Habergeiß*, Габергейс (приведение в народных поверьях Баварии и Тироля), которое является гермафродитом, помесью козла и козы с неприятным резким голосом. Последнее обстоятельство нашло свое отражение и в других явлениях номинации, так называют некоторых птиц, а уже упомянутое приведение имеет то образ описанного животного, то необычной птицы. Это существо соотносят и с мифическим Донаром, называя его также *himmelsziege, himmelsgeisz, donnerziege* [12, 18], что имеет непосредственное отношение ко второй версии и показывает, что явилось решающим фактором в создании именно этой паронимической трансформации.

Эта версия в своей трактовке опирается на германскую мифологию. Языческий бог *Donar* был тесно связан с *Bock* „Ziegenbock“, потому что именно два козла были запряжены в его повозку, значение их имен (Tanngniostr, Tanngrisnir) содержит указание на скрежетание зубов, восходящее, как полагают, к собственно феномену грозы [5, 17]. Кроме того,

и в др.-исл. «Эдде» встречаем указание на *hafr* «ziegenbock», а сочетание *hafra drottin* трактуется как «*herr der böcke=Thor»* [14].

С распространением христианской культуры *Bock* стало эвфемистическим обозначением для *Teufel*. Зло, например, имело название *hellebock*. С этим же связано и неоднократно зафиксированное в письменных литературных памятниках с XVI в. употребление проклятий *Daß dich der Bock schände!* или *Boxhorn soll dich schänden!* Аналогичные речевые стереотипы известны сегодня и в диалектах, напр., шваб. *Daß mich der Bock stoße!* или *Bock, streck mich!* [11, 16].

С большой долей вероятности можно предполагать, что именно поэтому в процессе фразеологизации *bockes hamo* трансформировалось в *Bockshorn*: ужас, страх перед наказанием совместился с идущим из древних времен страхом и ужасом перед непонятным и неотвратимым, перед крайне недружелюбным существом, неприятным явлением или событием. На процесс паронимической трансформации и становления идиомы в целом повлияло взаимное наложение в сознании предметных сфер, уходящих корнями в мифологическое мировосприятие.

Список литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. – 928 с.

2. Бирих А.К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.:АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.

3. Голубая Камея – тексты мюзикла. [Электронный ресурс]. - URL: http://golubaya-kameya.ru/musical/ (дата обращения 15.03.11).

4. Интернет-сообщество о дизайне Novate.Ru.[Электронный ресурс]. - URL: http://www.novate.ru/blogs/310808/10151/ (дата обращения 15.03.11).

5. Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
6. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М., Высшая школа, 1989. – 287 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
8. Независимая. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.ng.ru/economics/2002-07-24/3_gref.html (дата обращения 12 марта 2011 г.).
9. Новости спорта. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.sportobzor.com/2009/02/19/380.htm (дата обращения 12 марта 2011 г.).
10. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка //Архив петербургской русистики. Кафедра русского языка филологического факультета СПбГУ. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm (дата обращения 10 января 2012 г.).
11. Borchardt-Wustmann-Schoppe Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. – Leipzig: Brockhaus, 1955. – 539 S.
12. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. – Leipzig: S. Hirzel, 1854-1960.
13. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin: de Gruyter, 1960. – 1023 S.
14. Kuhn, H. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Band II. Kurzes Wörterbuch. –Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. – 245 S.
15. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer. [Электронный ресурс]. - URL: http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/woerterbuecher/lexer/wbgui (дата обращения 12 марта 2011г.).

16. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. – Freiburg, Basel, Wien: Herder, 1973. – 1255 S.
17. Simrock, K. Handbuch der deutschen Mythologie. Mit Einschluss der nordischen. – Bonn: Adolf Marcus, 1878. – 643 S.
18. Wasserzieher, E. Woher? Ableitendes Wörterbuch der deutschen Sprache. -– Berlin und Bonn: Ferd. Dümmlers Verlag, 1935. – 411 S.

Шиморина А. С. (Санкт-Петербург, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ НА ФОНЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В докладе рассматривается современное состояние русской лексикографии и проводится её сравнение с лексикографией других славянских языков. В качестве объекта исследования выступают толковые словари, составляющие сердцевину лексикографии.
Ключевые слова: русская лексикография, славянская лексикография, толковые словари.

Shimorina A. S. (Saint Petersburg, Russia)

RUSSIAN CONTEMPORARY LEXICOGRAPHY COMPARING WITH LEXICOGRAPHY OF OTHER SLAVIC LANGUAGES

This paper reports on a current state of Russian lexicography. It is compared with the state of the art in other Slavic languages. We analyze explanatory dictionaries which present the heart of lexicography.
Keywords: Russian lexicography, Slavic lexicography, explanatory dictionaries.

Во второй половине XX века советская лексикография добилась небывалых успехов. Вышло два академических словаря русского языка: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, М.; Л., 1948–1965 (неофициальное название БАС, т.е. большой академический словарь), «Словарь русского языка» в 4 томах, М., 1957–1961; II изд. — 1981–1984 (МАС — малый академический словарь.). Стали появляться многочисленные словари других типов: синонимические, фразеологические, неологические, словари трудностей и др. Активно развивалась диалектная лексикография. В провинциальных вузах началась активная работа по созданию словарей, отражающих лексико-фразеологический состав языка того или иного региона. В республиках СССР активизировалась работа по созданию двуязычных словарей, начали создаваться толковые словари национальных языков. Велась разработка теоретических основ лексикографии. Именно в этот период лексикография оформилась в самостоятельный раздел языкознания.

Всё изменилась после распада СССР, когда во главу угла были поставлены рыночные отношения. Аналогичные социально-политические процессы происходили и в других славянских странах — бывших странах социалистического лагеря. Изменение общественно-политической ситуации привело к тому, что словарь стал коммерческим продуктом и способом получения финансовой прибыли. Полки магазинов стали заполняться справочными издания, большинство из которых было очень низкого качества.

Объектом исследования выступают толковые словари. Для сравнения с русским языком выбраны украинский, болгарский, польский языки, т.е. по одному представителю каждой группы славянских языков. Бóльшее внимание будет уделено характеристике словарей не русского, а других языков ввиду их меньшей доступности.

Рассмотрим толковые словари указанных языков в соответствии с известной триадой С.И. Ожегова. Последний выделяет три типа толковых словарей: «большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [2, с. 91-92].

Большие словари

В 1975 году было принято решение о переиздании «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах. Планировалось, что новое издание будет состоять из 20 томов. К началу 90-х годов новое издание было подготовлено, но свет увидели только первые шесть томов (I том вышел в 1991 г., V–VI — в 1994 г.). В последующие годы в Институте лингвистических исследований РАН по мере сил (произошло значительное сокращение штатов) продолжалась работа по внесению дополнений и

исправлений в БАС, но не было надежды на его издание. Лишь в начале следующего столетия дело сдвинулось с мертвой точки. В 2004 году увидел свет первый том «Большого академического словаря русского языка». По состоянию на февраль 2011 года вышло 18 томов. Предположительно, словарь будет состоять из 30 томов. Он создаётся небольшим коллективом — 8 человек (для сравнения укажем на то, что над новым изданием Оксфордского словаря английского языка (*OED*) трудится в 10 раз больше специалистов — 80).

Данный труд позиционируется авторами как новый словарь. В предисловии к нему прямо говорится: «БАС — новый академический словарь современного русского языка. Он охватывает гораздо более протяженный хронологический период, чем все предыдущие академические словари, и тем самым представляет уникальную сокровищницу русской лексики XX–XXI веков». При этом отмечается, что он опирается на предшествующие академические словари и продолжает богатые академические традиции в области лексикографии.

Аналогичная ситуация с многотомными словарями наблюдается в украинской лексикографии. В 2010 г. вышел в свет первый том **«Словника української мови» в 20-ти томах** (СУМ-20). Данный словарь продолжает традиции одиннадцатитомного «Словника української мови», вышедшего в 1970—1980 гг. В нём было объяснено около 134 тысяч слов украинского языка. Однако лексический состав словаря был идеологизирован, в нём присутствовало большое количество дефиниций и иллюстраций, несущих отпечаток социально-политических воззрений тех лет, и советизмов, не характерных для украинского языка. В связи с этим одной из задач второго издания словаря стала переработка словника, включающая и деидеологизацию, и отражение современного состояния украинского языка. Главная цель словаря — представить лексическое и семантическое богатство современного украинского языка, которое отражено в письменных

источниках с конца XVIII до XXI века. Материалом к СУМ-20 послужили картотека 11-томного словаря, Украинский национальный лингвистический корпус, а также Интернет. СУМ-20 издаётся в бумажном и электронном видах, после выхода каждого тома планируется его помещение в украинский сегмент мультиязычного веб-проекта *Wiktionary*. По замыслу авторов первые 18 томов словаря будут содержать общую лексику активного и пассивного запаса, а оставшиеся два тома вместят географические названия и теоретические принципы их лексикографирования. Это нововведение (в первом издании географические названия не включались) обусловлено в первую очередь тем, что эта часть лексики широко распространена в языковой практике и её необходимо кодифицировать. Во-вторых, как указывается в предисловии, «требование лексикографической полноты и замкнутости, обязательное для больших лексиконов, заставляет вносить в реестр все слова, имеющиеся в словарных дефинициях, в которых встречаются и географические названия».

Особо стоит отметить, что в предисловии к словарю подробнейшим образом описываются принципы создания словаря и лексикографирования слов, использованные компьютерные технологии и инструменты, а также статистические данные, посвящённые сравнению двух изданий данного словаря. Эти сведения могут вызвать живой интерес у теоретиков и практиков лексикографии.

Несколько иная ситуация сложилась в болгарской академической лексикографии. С 1977 года начал выходить **«Речник на българския език»** (РБЕ), многотомный академический словарь болгарского языка. До настоящего времени вышло 13 томов, последний в 2008 г. от слова Поен до Прелестно. В связи с затянувшейся работой над словарём, с 1999 г. предпринято переиздание первых восьми томов, пока выпущены только первые три тома. Второе переработанное и дополненное издание должно отразить изменения в лексике болгарского языка после 1989 г., когда в стране

произошла смена политической и экономической жизни. В РБЕ представлена лексика болгарского языка со второй половины XIX века до наших дней. РБЕ — нормативный и историко-описательный словарь, он не стремится отразить самое современное состояние литературного языка. Словарь следует нормативному принципу: используются различные стилистические пометы, такие как *книжн., разг., диал., устар., грубо, ирон., редко* и др. РБЕ отличается от других словарей прежде всего семантизацией лексических единиц: историко-описательный принцип доминирует и при отборе слов, и при раскрытии их семантической структуры. Словарь даёт детальное и всестороннее описание словоупотребления, разные виды сочетаемости, показывает взаимосвязь между морфологическими формами и лексическим значением, с одной стороны, и взаимосвязь между синтаксическими употреблениями и лексическим значением, с другой стороны. Особые графические знаки служат для указания на оттенок значения (//), образное или другое употребление слова (•), фразеологию (<>). В качестве иллюстраций в основном приводятся цитаты из художественной литературы с указанием автора и произведения, реже речения. Справочный отдел — факультативная зона, в ней могут присутствовать сведения об этимологии и/или другие существующие формы слова.

Одним из главных событий польской лексикографии XX века был выход одиннадцатитомного **«Словаря польского языка»** под ред. В. Дорошевского (1958–1969 гг.). Словарь основывался на обширной картотеке и содержал более 120 тысяч слов, фиксируя лексику примерно с 1822 г. Так как после выхода последнего тома словаря прошло уже более сорока лет, в польском лингвистическом сообществе начинает разрабатываться концепция нового словаря польского языка под названием **«Wielki słownik języka polskiego»** [4]. В проекте говорится о следующих основных принципах словаря: разработка подробного описания 15 тысяч наиболее частотных лексических единиц польского языка; словарь готовится

в электронном виде и находится в открытом доступе в Интернете; синхронность (но бóльшая часть источников приходится на конец XX и начало XXI века, несмотря на то что охватывается лексика с 1945 г.); дескриптивность и академичность (авторы стараются учесть как можно больше достижений польской лингвистики, особенно в области семантического описания лексем) [5, с. 151]. Словарь составляется в режиме онлайн, информацию на сайте http://www.wsjp.pl/ можно рассматривать как тестовую версию словаря. В словарной статье заполняются различные зоны: значение, в трудных случаях произношение, принадлежность к той или иной тематической группе, системные отношения (синонимы, антонимы, гиперонимы), словоизменительная парадигма, цитаты, этимология, указание на словари, в которых фиксируется слово.

Средние словари

В русской лексикографии второй половины XX в. в данной роли выступал уже упомянутый «Словарь русского языка» в 4-х томах (МАС). В 1999 году он был переиздан в неизменном виде. Это нормативный словарь. В нём описывается наиболее употребительная лексика литературного языка. Малоупотребительные слова почти отсутствуют. Достоинством словаря является разветвлённая система помет.

К этой же группе словарей относится и «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (М., 2000). Считается, что в настоящее время это самый большой по объёму словника словарь русского языка (около 160 000 слов). Он был создан на волне коммерциализации лексикографической деятельности и особой научной ценности не представляет. Основой для него послужили БАС и МАС.

Приблизительно в то же время, когда в СССР издавался МАС, в Болгарии выходит академический **«Речник на съвременния български**

книжовен език» в трёх томах (1955–1959 гг.), который «стабилизировал литературную норму болгарской лексики» [1, с. 229].

В украинской лексикографии среди средних словарей надо отметить **«Новий тлумачний словник української мови»** в трёх томах под ред. В. Яременко и О. Слипушко. Словарь содержит 200 тысяч слов, в нём объяснена бытовая, деловая, книжная, научная, терминологическая и иностранная лексика, прочно вошедшая в национальный лексический фонд. Иллюстративным материалом к словарю служат цитаты из произведений украинских классиков.

На картотеке и тексте словаря В. Дорошевского был основан трёхтомный **«Słownik języka polskiego PWN»** (1978–1981 гг.) под ред. М. Шимчака. С тех пор словарь много раз переиздавался, он считается одним из самых популярных в Польше, о чём свидетельствуют размеры тиражей. Словарь содержит около 80 тысяч заголовочных слов.

Выпущенные в последние пятнадцать лет словари, например, **«Uniwersalny słownik języka polskiego PWN»**, «не претендовали на роль авторитетного описания польской лексики», в основном они повторяли методы и приёмы словаря В. Дорошевского [3, с. 172]. В настоящее время словарь доступен на сайте http://usjp.pwn.pl/. Доступ к нему предоставляется за деньги.

Попыткой «преодолеть методологический застой в польской лексикографии» [3, с. 172] стал двухтомный **«Inny słownik języka polskiego PWN»** под ред. М. Банько (Т. 1–2. Warszawa, 2000). Словарь содержит около 100 тысяч лексических единиц, грамматическая характеристика располагается справа от тела словарной статьи, там же приводятся синонимы и антонимы к значениям слова. Основным отличием от других толковых словарей польского языка является способ подачи дефиниции слова и стилистической характеристики. Слово разъясняется с помощью предложения, в которое оно входит, а стилистическую информацию о слове

поймёт и неподготовленный читатель словаря. Например, «Мы говорим *bystrzak* о ком-либо быстром. Слово разговорное, применять с осторожностью».

Краткие словари

Краткие словари в любые времена пользуются большим спросом у пользователей. Самым массовым и популярным во II половине XX в. был неоднократно переиздававшийся «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, первое издание которого вышло в 1949 году. После смерти С.И. Ожегова работу над ним продолжила Н.Ю. Шведова и с 1992 года начал выходить «Толковый словарь русского языка» уже под двумя именами. В 2007 году увидел свет «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (82 000 слов и фразеологических выражений) под ред. Н.Ю. Шведовой.

Стоит обратить внимание на два словаря, вышедших из стен ИЛИ РАН: в 1998 году появился «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) под ред. С.А. Кузнецова (130 тысяч слов), в 2001 — «Современный толковый словарь русского языка» (СТС) под ред. С.А. Кузнецова (90 тысяч слов), которые продолжают принципы, лежащие в основе создания БАС и МАС. Основное отличие от последних заключается в отсутствии иллюстративных примеров из произведений различных жанров. Их роль выполняют речения. СТС представляет собой скорее коммерческое издание. Это сокращённый вариант БТС. В незначительном количестве добавлена актуальная лексика. Остальные однотомные словари не представляют особой научной ценности.

Украинскую лексикографию характеризует обилие различных однотомных толковых словарей. Например, **«Великий тлумачний словник сучасної української мови»** под ред. В.Т. Бусела (Київ, 2003) содержит около 250 тысяч слов и словосочетаний, иллюстрации к значениям в большинстве случаев отсутствуют, иногда приводятся речения. Укажем также **«Сучасний тлумачний словник української мови»** под ред.

В.В. Дубичинского, Харків, 2006 (около 65 тысяч слов); **«Великий тлумачний словник української мови»** под ред. А.П. Загнитко и И.А. Щукиной, Донецьк, 2008 (около 100 тысяч слов). Имеются и другие словари.

После 1990 г. начался коммерческий период в польской лексикографии. Было издано большое количество однотомных словарей, не представляющих научного интереса.

Однотомные толковые словари болгарского языка — это **«Български тълковен речник»** (София, 1994), **«Съвременен тълковен речник на българския език с илюстрации и приложения»** (Велико Търново, 1994; II изд, перераб. и доп., вышло в 1995 г.) и **«Български тълковен речник» под ред. В. Радевой** (Пловдив, 2004).

«Български тълковен речник» (БТР) продолжает традиции болгарской лексикографии, это четвёртое переработанное и дополненное Д. Поповым издание одноимённого словаря 1955 г., созданного коллективом авторов (Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Теодоров). По сравнению с третьим изданием 1973 г. словник обогащён на 10 тысяч новых слов, значений и выражений. Всего в словаре собрано около 60 тысяч слов, среди них не только слова литературного языка, но и часть диалектной, устарелой и просторечной лексики. Первое издание БТР является важным этапом болгарской лексикографии, он стал первым законченным нормативным словарём, удовлетворяющим практическим нуждам пользователя. БТР содержал около 45 тысяч слов и отражал современную литературную лексику.

«Съвременен тълковен речник на българския език с илюстрации и приложения» задумывался авторами как универсальный справочник по болгарскому языку. Словарь содержит 60 тысяч слов, 1200 иллюстраций и обширный список приложений. Например, в приложениях можно найти основные правила орфографии и пунктуации, формы склонения

местоимений, систему времён глаголов, список болгарских городов и названий их жителей, перечень наиважнейших словарей болгарского языка и многое другое. Подача иллюстраций в словаре порождает следующий вопрос: изображение зрительного образа к словам *гаубица, пиктограмма, фронтон, фритюрница* и др. не вызывает сомнений, но необходимы ли иллюстрации к таким словам, как *книга, гвоздь, конь, змея, шорты* и др.? Если эти изображения предназначены для пользователей, изучающих болгарский язык как неродной, то стоит заметить, что изучающий язык начинает обращаться к толковым словарям изучаемого языка обычно на довольно высоком уровне, который уже предполагает знание данных слов. Пользователи, для которых болгарский язык родной, тоже вряд ли нуждаются в данных иллюстрациях.

Выводы

Перед составителями словарей всех славянских языков стояла одинаковая задача — деидеологизация словника и включение в него потока лексики, хлынувшей в язык после смены политического строя в 90-х годах XX века.

Общей особенностью лексикографии всех рассмотренных языков является влияние рыночных отношений на создание словарей, следствием чего явилось появление некачественной словарной продукции на рынке толковых словарей. Наибольшая коммерциализация наблюдается в Польше.

Внедрение информационных технологий в лексикографическую деятельность проходит в славянских странах по-разному: в Польше уже издаётся словарь только на электронном носителе, на Украине — на бумажном и электронном одновременно. Россия пошла несколько по-иному пути. Регулярно обновляемая онлайновая версия БАС появится после выхода в свет всех его томов. Вместе с тем сканированные копии многих словарей

русского языка уже выложены в Интернете в бесплатном доступе (см., например, сайт http://www.slovari.ru/).

Общая тенденция, наблюдаемая во всех странах — широкое использование электронных ресурсов на этапе создания словарей.

Список литературы

1. Кондрашов Н. А. Славянские языки. - М.: Просвещение, 1986. - 238 с.
2. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания, 1952. — № 2. — С. 85—103.
3. Żmigrodzki P., Dunaj B., Przybylska R. O potrzebie nowego słownika języka polskiego // LingVaria. — 2006. — №1. — P. 171–179.
4. Żmigrodzki P. O projekcie Wielkiego słownika języka polskiego // «Język Polski» 88. — 2007. — P. 265–267.
5. Żmigrodzki P. Jak powstaje Wielki słownik języka polskiego // «Język polski wczoraj – dziś – jutro», red. B. Czopek-Kopciuch i P. Żmigrodzki. Kraków, 2010. — P. 150–160.

7. И. И. Срезневский и русское красноречие, риторика, культура речи

Здорикова Ю. Н. (Иваново, Россия)

ВКЛАД И.И. СРЕЗНЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В статье рассматриваются различные вопросы культуры речи в теоретическом и методическом наследии известного ученого И.И. Срезневского. Большое внимание уделяется проблеме воспитания личности языковыми средствами.
Ключевые слова: И.И. Срезневский, культура речи, устная и письменная речь.

Zdorikova Ju. N. (Ivanovo, Russia)

THE CONTRIBUTION OF I.I. SREZNEVSKIJ TO THE DEVELOPMENT OF SPEECH

This article is devoted to different verbal culture speech problems in theoretical and methodological heritage of famous scientist I. I. Sreznevskij. In this article attention is paid to the problem of education of the individual by language tools.
Key words: verbal culture, spoken language, written language, I.I. Sreznevskij.

Имя И.И. Срезневского широко известно в отечественном и зарубежном языкознании. Лингвистическое наследие этого выдающегося филолога, слависта, лексикографа, фольклориста, этнографа, знаток старославянской и древнерусской письменности поистине велико. В харьковский период своей научной деятельности И.И. Срезневский уделял большое внимание изучению современной народной речи, поэзии и быта славянских народов, в петербургский период – истории русского языка, памятникам древней славянской и русской письменности, русской археологии. В его трудах очень много размышлений о языке, о воспитании у детей уважительного отношения к изучению родного языка, поэтому неоценим его вклад в развитие русского языка и культуры речи.

В работе «Мысли об истории русского языка» ученый пишет об объективности существования языка, закономерности его развития и возможности познания законов языкового развития. Знание законов языка, по мысли И.И. Срезневского, не дано нам от рождения, поэтому необходимо постоянно изучать родной язык. «Язык есть собственность нераздельная целого народа. <…> Все, что в нем есть, и все, что в нем происходит, и сущность его и изменяемость, все законно, как и во всяком произведении природы. Можно не понимать, а потому и не признавать этой законности, но от этого законы языка не перестанут быть законами. Можно не понимать их, можно и понять, – и разумение их необходимо должно озарять своим светом наблюдение подробностей языкознания» [2, с. 34]. Знание родного языка является, по мнению ученого, важнейшим условием образования каждого человека.

Как же достичь хорошего знания языка? Рассуждая об этом, И.И. Срезневский писал не только об усилиях учащихся, о силе ума, но и о необходимости хорошей книги для чтения, школьного толкового словаря русского языка, а также грамматического руководства, особенно для повторения и обобщения изученного материала. Преподаватель должен «приучать учащихся, во-первых, думать определенно, т.е. словами, и, следовательно, искать и находить слова и выражения годные, задумываться над словами и выражениями, над оттенками смысла, в них заключающимися и возможными; во-вторых, думать последовательно и опять определенно, т.е. правильными сочетаниями слов, над словными изображениями связей мысли» [1, с. 63]. Главным условием успешного усвоения учащимися родного языка является *принцип постепенного развития*. Кроме того, ученый рекомендовал широко применять *метод наблюдения с исследовательским уклоном*. Основное внимание он отводил объяснению учителем вопросов лексики, словообразования, частей речи, чтению с рассказом, разбором и упражнениями. И.И. Срезневский разработал основные типы упражнений по

развитию связной речи, неотделимых и от изучения пунктуации. К числу устных форм работы он относил ответы на вопросы учителя о прочитанном, объяснение значения слов и выражений, составление учащимися собственных примеров, пересказы прочитанного во внеурочное время. К письменным формам работы – письменные пересказы прочитанного, письменные изложения материала, пройденного на уроке, изложение учениками своих мыслей и чувств. Среди умений и навыков, которые должны быть получены в результате изучения русского языка и словесности, И.И. Срезневский называет:

- как необходимое:

«1) уменье вникать в смысл и последовательность изложения слушаемого и читаемого и толково передавать услышанное и прочитанное …разумеется, в границах содержания и объема, сообразных с возрастом первой юности;

2) уменье выражать свои знания и мысли устно и на письме правильно, отчетливо, последовательно, насколько это достижимо в возрасте первой юности;

3) безупречное владение правописанием – не по навыку только, не потому, что так принято теми или другими корректорами, а сознательно, вследствие требований строя языка и строя мыслей»;

- как важное и полезное:

1) знание грамматики и научных объяснений по крайней мере самых важных явлений отечественного языка;

2) знание главных данных по всем родам и видам отечественной литературы как важного дополнения к другим полезным сведениям об отечестве;

3) знакомство с некоторыми наиболее важными произведениями, доступными возрасту первой юности, и уменья читать (про себя и громко) их и другие подобные» [4, с. 91-92].

И.И. Срезневский отмечал также, что не следует загромождать процесс обучения ненужными формами, изучение грамматики должно быть

«отграничено существенно важным для разумения строя языка и для правильного, сознательного его употребления» [4, с. 95].

Методическая система И.И. Срезневского оказала сильное влияние на взгляды и труды многих русских методистов, в особенности на К.Д. Ушинского и В.П. Шереметевского, а оригинальные и глубокие высказывания относительно познаваемости механизма языка и культурно-исторических условий его существования стали руководящими идеями для многих русских языковедов.

В глазах современников И.И. Срезневский был яркой, запоминающейся фигурой, привлекала его риторика. По воспоминаниям современников и учеников, его выступления производили сильное впечатление на аудиторию. «В преподавании своей науки, - читаем в воспоминаниях одного из учеников И.И. Срезневского, Л.Н. Майкова, - он увлекал живостью, ясностью и простотой изложения, наглядными подробностями и неподдельным воодушевлением, которое от профессора легко сообщалось и студентам; и этот интерес, эта сила впечатления еще возрастали в личных с ним сношениях: он умел приохотить к занятиям и старался возбуждать в своих слушателях самодеятельность; его критическая пытливость в особенности оказывала развивающее влияние на тех, кто пользовался его руководством, и если он бывал требователен в рассмотрении представляемых ему работ, то вместе с тем находил и слово поощрения и ободрения для тех, в ком видел способности и охоту к научному труду» [5]. По словам другого ученика, П.И. Аландского, «изложение его отличалось ясностью, точностью, определенностью, без малейшего намека на прикрасы»; «он не старался поражать слушателей громадностью фактических данных» и представлял им «не многие, но точные данные науки»; будучи на лекциях гораздо откровеннее, чем в ученых печатных трудах, говорит г. Краснопевцев, он нередко сообщал слушателям и такие научные мнения, каких не высказывал в печати, всегда при этом «открещиваясь от навязывания, от пропаганды

своих взглядов, всегда сообщая мнения противоположные» и предоставляя их на выбор слушателям. В одной из многочисленных статей о Срезневском, появившихся в печати после его смерти, вспоминаются «его умные, полные творчества беседы, в которых раскрывал он свои научные взгляды и выводы, особенно в тех областях знания, где он был полным хозяином»; «оттого многие», говорится там же, «и готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекций» [5].

И.И. Срезневский стремился воспитать у учеников любовь к науке, самостоятельность мысли, самокритичность, и в одной прощальной лекции ученый говорил: «Судите меня строго: это и мне будет полезно, если только оценка ваша не будет для меня тайной; это будет полезно и не для одного меня. Пусть каждый из нас будет возвышать ученую требовательность к себе и вокруг себя для пользы общей…» [3, с.103-104].

Мысли И.И. Срезневского о языке актуальны и в наши дни, его методическое наследие огромно, неслучайно в свое время оно стало базой для многих идей и направлений отечественного языкознания. Обладая разносторонними знаниями, ученый внес огромный вклад в науку о языке.

Список литературы

1. Богатова Г.А. И.И. Срезневский: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1985.

2. Кондрашов Н.А. Лингвистическое и методическое наследие И.И. Срезневского: Учебное пособие. – М., 1979.

3. Смирнов С.В. Измаил Иванович Срезневский // Русская речь. – 1972. – №6. – С.101-108.

4. Срезневский И.И. Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях // Хрестоматия по методике русского языка: Организация учебного процесса по русскому языку в школе: Пособие для

учителя / Авт.-сост. Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – С. 91-97.

5. Срезневский, Измаил Иванович// dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/115928/Срезневский

Милевич И. Г. (Латвия)

ИЗВИНИТЕ И *ПРОСТИТЕ:* К РАЗЛИЧИЯМ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ

Речевой этикет во всем разнообразии его форм отражает особенности коммуникативного акта, коммуникативных ролей, психологического и социального статуса говорящего, коммуникативных целей высказывания. Наше внимание уделено двум формам языковой вежливости – *извини(те)* и *прости(те)* в прагматически-функциональном аспекте. В статье рассматриваются закономерности функционирования и особенности прагматики данных единиц на примере циклов романов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина» и «Провинциальный детектив».
Ключевые слова: речевой этикет, коммуникативное намерение, художественный текст, прагматика, функциональный аспект.

Milevica I. G. (Latvia)

EXCUSE AND FORGIVE: ABOUT DISTINCTIONS OF COMMUNICATIVE INTENTION

The Speech etiquette in all variety of its forms reflects features of the communicative acts, communicative roles, speacker’s psychological and social status, the communicative purposes of the statement. Our attention is given two forms of language politeness – *извини(те)* and *прости(те)* in pragmatically functional aspect. In article are given some laws of functioning and feature pragmatics on an example of B. Akunin novels "Fhe Adventure of Erast Fandorin» and «the Provincial Detective».
Keywords: speech etiquette, communicative intention, the art text, the pragmatist, functional aspect.

Слова И.И.Срезневского о строе языка и красоте его выражений могут предшествовать любому современному исследованию по риторике, поэтике или стилистике: «Превращение строя языка, будучи вместе и превращением его состава, превратить и логику народа, и понятия его о красоте выражений внутренней и внешней. Превращение языка в отношении к красоте его выразительности отразится во всем складе речи в прозе и в стихах. И в отношении к складу речи язык может лишиться прежнего разнообразия и прежней определенности форм, даже потерять их вовсе»... [5, с. 9]

Языковая система многих языков располагает рядом близких модальных слов: русск. *извините, простите*; англ. *sorry, excuse, apologize;* фр. *Pardon, excusez;* латышск. *atvainojiet, piedodiet.* Интерес к данным словам в основном лежит в области культуры речи и речевого этикета. Поэтому неудивительно, что данные выражения становятся объектом внимания и со стороны носителей языка, что отражается, напр., в интернет-форумах и чатах, напр., «Народ часто пользуется этими словами как синонимами, тем временем значения фраз «простите меня» и «извините меня» совершенно различны. В первом выражении человек осознает свою вину и просит ее прощения. Во второй фразе человек не чувствует за собой вины и просит указать на нее тому, кто считает его виноватым». (www.livejournal.com/uerss/pyc_ivan/96037.html)

Речевой этикет во всем разнообразии его форм (приветствие, прощание, извинение, комплимент) отражает особенности коммуникативного акта, коммуникативных ролей, психологического и социального статуса говорящего, коммуникативных целей высказывания. «Данный пласт лексики наиболее рельефно отражает социальную и стилистическую обусловленность речевого поведения и не случайно привлекает к себе внимание социолингвистов и антропологов». [3, с. 59-60] Исследования последнего времени акцентируют внимание на культурно-национальной составляющей семантики данных речевых форм выражения вежливости в рамках конкретного лингвокультурного сообщества. Наше внимание уделено двум формам языковой вежливости – *извини(те)* и *прости(те)* в прагматически-функциональном аспекте.

Формы повелительного наклонения глаголов *извинить* и *простить* обычно употребляются в коммуникативных ситуациях «этикетное извинение» и «обращение» (*Простите, не могли бы вы показать... Извините, как пройти к банку?*). В речевом этикете **прости(те)** и **извини(те)** традиционно называются модальными словами, обладающими способностью

контекстуально приобретать экспрессивность. «Значение модального слова определяется ситуацией его употребления. Использование нетрадиционных для той или иной ситуации компонентов способствует возникновению экспрессивности у модального слова». [2, с. 77] Семантическая структура рассматриваемых многозначных лексем представлена в словарях следующим образом: **Простить.** 1. Снять какую-л. вину с кого-л., не поставить чего-л. в вину кому-л.; извинить. // Проявить снисходительность к кому-л., помиловать кого-л. 2. Осводобить от какого-л. обязательства. 3. Употребляется при обращении к кому-л. (иногда как вводное слово) для вежливого предупреждения или как выражение сожаления о причиненном беспокойстве, огорчении. 4. Устар. Употребляется как возглас при расставании, в значении: прощайте. [4, т. III, с. 255-256] **Извинить** 1. Не поставить в вину чего-л., простить. 2. Признать заслуживающим снисхождения в силу чего-л.; оправдать. [4, т. I, с. 639] В Словаре Даля указано: **Прощать, простить** – *кого* делать простым от греха, вины, долга; извинить, отпустить кому провинность, снять с кого обязательство, освободить от кары, от взыскания; примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переложить гнев на милость; миловать. // Освободить от мук, страданий, болезни, исцелить, либо разрешить земные узы, упокоить. [1, т. III 2, с. 513] **Извинять, извинить** – *кого* прощать, простить; отпускать вину, не карать или не гневаться за провинность; уважить раскаяние, покорность виноватого // *кого, что, перед кем* оправдывать, слагать вину, не признавать кого виноватым или преступным. [1, т. II, с. 14]

Т.о., анализ семантической структуры данных единиц (прежде всего 1 значение) показывает различия в их семном составе: коренным различием являются семы **простить** ‘снять вину’ (субъект виновен и прощен) и **извинить** ‘не поставить в вину’ (субъект не виновен). Вместе с этим необходимо раскрыть функциональный аспект данных единиц: определить разницу в коммуникативном намерении в рамках определенного дискурса.

Рассмотрим закономерности функционирования и особенности прагматики данных единиц на примере циклов романов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина» и «Провинциальный детектив». Методом сплошной выборки были выявлены случаи употребления модализаторов **прости(те)** (88) и **извини(те)** (51), включая их стилистические, словообразовательные и синтаксические варианты (**прошу прощения, извиняйте** и др.), а также иноязычные эквиваленты – **enthuldigen** (1), **пардон** (9). Методом исследования послужил дискурсивный анализ с применением компонентного и стилистического приемов.

Иноязычные эквиваленты представлены нешироко, и их употребление характеризует особенности устной речи той или иной языковой личности. Напр., *Жизнь тут пульсирует и побулькивает оживленней, чем в вашей губернской столице, а про святого Вурдалака, то есть,* ***enthuldigen****, Василиска я никаких пересудов тока не слышал. (Пелагия и черный монах)* Среди иноязычных эквивалентов часте всего встречается **пардон** (9) в качестве наиболее формального средства выражения извинения и – редко – признания вины. Напр., *Вдруг он взглянул на часы и поднялся.* ***Пардон,*** *выйду покурю. (Алмазная колесница);* ***Пардон****, – шепнул он. – Я был неправ. Вы на него действуете каким-то особенным образом. (Пелагия и черный монах);* ***Пардон****, господин Фандорин, – смущенно пробасил Бурляев, снимая шапку и проводя рукой по жесткому бобрику волос цвета соли с перцем. – Тут какое-то недоразумение, но у меня телеграмма из Департамента полиции… (Статский советник)* Модализатор **пардон**, кроме того, выступает в роли основного эвфемизирующего оператора художественного диалогического дискурса. Напр., *Знатоков Японии, конечно не хватает, и много другого, – сказал генерал, часто моргая красными от недосыпания глазами, – но есть прореха еще худшая – на самом,* ***пардон****, интимном месте. (Алмазная колесница); …Для того и назначена столь таинственная встреча в третьем номере «дворянского» отделения,* ***пардон****, Петровских бань. (Статский*

советник); …Если на пути вам встретится, ***пардон,*** *куча дерьма, вы на нее в лорнетку взглянете и стороной обойдете… (Статский советник)*

Материал показывает, что модализатор **извинить(ся)** наиболее часто маркирует просьбу не поставить в вину то или иное вербальное нарушение норм поведения. Напр., *…Я пришел попрощаться, пожелать всем вам такой же удачи,* ***извиниться за то, что иногда бывал резок****. Не поминайте лихом Савелия Папушина, наимерзейшего из всех земных грешников. (Любовница смерти); Ладно, – сказал он глухо. –* ***Извините, что попросил****. Это было слабостью. Мне очень стыдно. (Алмазная колесница); …Такими образом, а если мы с господином Фандориным, как вы выразились, «попадем в историю», это будет преступный сговор мальчишки-авантюриста* ***(прошу извинить****, Эраст Петрович, но вы сами себя так* ***назвали****) и полоумного туземца... (Алмазная колесница)* Именно модализатор **извинить** и его варианты оформляют в разговорном дискурсе особенности бытового (официальный этикет чаще оформляется при помощи модализатора **простить**) этикета 19 в. с его особым вниманием к нарушениям. Напр., *Мне и Донат Саввич пеняет, что я слишком* ***навязчив и докучаю*** *людям.* ***Извините****. (Пелагия и черный монах); Вы* ***извините****, что я к вам вот так,* ***без церемоний.*** *(Пелагия и черный монах)*

Искомые высказывания, содержащие идиомы с компонентом **Бог, Господь(-и)**, а также молитвенные обращения к Богу, могут быть реализованы лишь с модализатором **простить**. Напр., *Страх-то какой, прости Господи. (Азазель); А один юродивый мне говорит: «В душе свербит – Господь простит». (Азазель); …Вспомнилось (****прости, Господи*** *– не к месту и не ко времени), как она его целовала, как обнимала. (Любовник смерти);* ***Прости, Господи****, за маловерие и сомнение, взмолился перепуганный товарищ прокурора и завертел головой, нет ли поблизости храма, чтоб поскорей повиниться перед образом Спасителя. (Пелагия и черный монах);* ***Прости ты меня,*** *Пелагеюшка,* ***Христа ради****, что на такую*

страсть тебя послал. (Пелагия и белый бульдог); ***Прости, прости, спаси****, – лепетала бедная госпожа Лисицына,* ***винясь перед Вечным Суженым*** *за проклятую женскую слабость. (Пелагия и черный монах)* Ср. также использованные в одном контексте два различных коммуникативных намерения и две их различные реализации: ***Ради Бога простите****, что я* ***не встаю.*** *Я знаю, что это* ***неучтиво****, особенно перед дамой.* ***Извините, извините. Мне нет прощения…*** *(Пелагия и черный монах)*

Наиболее высокая степень собственной вины и/или осознания вины выражается прежде всего при помощи модализатора **прости(те)**. Напр., *…****Простите****, что возвращаюсь к неприятной для Вас теме, но мне мучительна мысль о том, что Вы подвергаете себя осквернению и мукам – во имя недоступных моему пониманию и наверняка ложных идей… (Любовник смерти);* ***Простите*** *меня, Эраст Петрович. Держалась, сколько могла. Может, сжалиться Господь, явит чудо… Не знаю… Только правду вы написали. Я хоть и Смерть, а живая. (Любовник смерти)*

Отдельную группу использования модализатора **прости(те)** составляют случаи, когда говорящий указывает на различные коммуникативные помехи – оговорки, ослышки, а также случаи недопонимания, которые говорящий считает / должен считать своей виной. Напр., *Господин Неймлес вздохнул: – Если ты чего-то недопонял или не расслышал, нужно говорить: «****Простите, что****?» (Любовник смерти); …Эраст Петрович, дорогой, зачем же вы мне в постель гермафродита положили? Фандорин решил, что недослышал: –* ***Простите,*** *что? (Статский советник); …Скажите, господин вице-консул, случалось ли вам слышать об искусстве дим-мак? –* ***П-простите****? – Не случалось, – констатировал доктор. – И это неудивительно. (Алмазная колесница); Первый раз Мануйлу убили три недели назад, в Тверской губернии. –* ***Простите, я что-то не****… (Пелагия и красный петух)*

Анализ показывает, что наибольшее количество модальных выражений с **простить** маркируют содержание явной, не связанной с нарушением

этикета (поэтому чаще всего невербальной) вины. Наиболее значимыми являются: 1) проступки, связанные с ущемлением чести и достоинства: *Я знаю, что д-доставил вам много неприятностей, повредил вам в г-глазах начальства.* ***Прошу простить*** *и не держать зла… (Алмазная колесница);* 2) проступки, связанные с предательством, позором: *Я перевел ваи слова и прибавил от себя, что если он убьет бандита, то ему нужно будет убить и вас, а тогда нашему императору приется* ***просить прощения*** *у российского императора, и это покроет Японию страшным позором. (Алмазная колесница);* 3) измена: *Лика! – воскликнул он, падая на колени и бросая букет под ноги даме. – Я люблю всею душою одну лишь тебя!* ***Прости****, умоляю!! Вы же знаешь мой темперамент! Увлекающийся человек, артист. ...Поезд тронулся. С перрона донесся отчаянный крик: – Ликуша! Я руки на себя наложу.* ***Прости****! (Алмазная колесница)* 4) проступки, связанные с угрозой жизни и/или здоровью: ***Простите****, что не дождалась и опять самовольничаю. Но я ведь не знаю, сколько продлиться Ваше лечение. (Пелагия и черный монах)*

Наиболее сильная вина с точки зрения говорящего, ее нагнетение и усугубление маркируется при помощи гиперболизации последствий вины, количества свидетелей проступка или же собственных отрицательных качеств. *А вышло так, что я вас <u>перед всем обществом</u> выставила в невыгодном свете. Можете ли вы меня* ***просить****? (Пелагия и белый бульдог);* ***Простите*** *меня, <u>скудоумного</u>, но нет у меня больше моченьки! Много на нас с вами греха, ох много! (Пелагия и белый бульдог)* Особенно ярко эта черта проявляется в «японском» дискурсе романов как одно из средств характеристики японского менталитета. *Но японец не вошел. Он отрывисто поклонился и срывающимся голосом произнес: –* ***Мне нет прощения…*** *Мои люди упустили Сэмуси. Я… Мне нечего сказать в свое оправдание. (Алмазная колесеница); Господин,* ***мне нет прощения, мне нет прощения, мне нет прощения.*** *Я не уберег вашего онси и не сумел охранить важный кожаный*

портфель. (Смерть Ахиллеса); и с долей иронии о казенном отношении к этикету обрусевшего Масы: *Ах да, господин, я совсем забыл, – проговорил Маса, не прекращая двигаться. – **Мне нет прощения.** К вам час назад приходила женщина. (Смерть Ахиллеса)*

Отметим, что в таких коммуникативных ситуациях усугубления вины, связанной с ущербом чести и достоинства, наиболее невозможна замена модализатора **простить** на **извинить**, в отличие от других коммуникативных ситуаций (недопонимание, ошибка). Напр., *Я помню, что совершил преступление, страшное преступление, **которому нет и не может быть прощения**, но, странное дело, совершенно запамятовал, в чем оно, собственно, состоит. (Левиафан)* Наиболее показателен следующий пример: *Вот ты, женщина, скажи: можешь ли ты **меня простить**? Только правду говори! Она попробовала уклониться: – Много ли мое **прощение** стоит? Ведь мне-то вы зла не делали. – Многого, – твердо, как о давно обдуманном, сказал схимигумен. – Если ты **простишь**, то и они **простили бы**. (Пелагия и черный монах)*

Привлекают внимание случаи, когда говорящий винится (эксплицирует и усугубляет причины своей вины) в содеянном, используя сочетания типа **прошу прощения, простите великодушно**. Напр., *Но сначала **повинюсь** и **попрошу прощения.** Мне бы раньше разобраться следовало. И детеныш невинный был бы жив, и Марья Афанасьевна избежала бы горестного потрясения… (Пелагия и белый бульдог); – Вы уж **п-простите великодушно**, что втравил вас в этакую историю, – виновато произнес Эраст Петрович. – Всякого ожидал, но т-такого… (Турецкий гамбит)* Такие и подобные сочетания характерны для выражения учтивости, именно они играют роль элементов, стилизующих речь конца 19 – начала 20 в. Напр., *И сведу с кем надо, и объясню, с какой целью вы приехали. Сам при встрече присутствовать не смогу – **прошу покорно извинить**… (Пелагия и красный петух); …Но по части дознаний подчиняюсь не губернским властям, а*

Департаменту полиции, так что ***покорнейше прошу извинить****. Хотите присутствовать при задержании – извольте, но только не мешайте. (Статский советник)*

Анализ показал, что модализатор **извини(те)** чаще всего реализуется в тексте в связи с коммуникативным намерением говорящего указать на собственную вербальную вину и/или нарушение бытового этикета, в отличие от модализатора **прости(те)**, оформляющий коммуниативное намерение указания на невербальную вину (проступки, связанные с ущемлением чести и достоинства, измена, угроза жизни) и/или нарушение официального этикета. Т.о., модализаторы **прости(те)** и **извини(те)** не только реализуют различные коммуникативные намерения, но и прагматические установки. Модализатор **прости(те)** чаще всего маркирует нарушения не-этикета, в свою очередь, модализатор **извини(те)** чаще всего показывает намерения говорящего не поставить ему в вину нарушения этикета.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва. – 1982.
2. Кудрявцева М. И. Модальные слова «простите» и «извините» в речевом этикете // Русский язык в школе. – 1991. – №3. – С. 76-77.
3. Трескова С. И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации (принципы измерения языковой вариативности). – Москва. – 1989.
4. Словарь современного русского языка в 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва. – 1981-1984.
5. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. – С-Петербург. – 1887.

8. Методическое наследие И.И. Срезневского. Методика и дидактика преподавания языков

Буркова О. М. (Минск, Беларусь)

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассказывается о методических работах Срезневского, которые основаны на широкой и продуманной лингвистической базе, учитывают в полной мере социальную и познавательную функции родного языка, выдвигают задачу творческого развития духовных сил учащихся, направлены против схоластических приемов обучения языку.
Ключевые слова: И. И. Срезневский, методист, методика преподавания русского языка, методические работы.

Burkova O. M. (Minsk, Belarus)

I.I. SREZNEVSKIY ON RUSSIAN LANGUAGE LEARNING

The report describes the methodology of the works of Sreznevskiy, which are based on broad and sound linguistic basis, fully take into account the social and cognitive functions of the native language, put forward the objective of the creative development of the spiritual forces of students and are directed against the scholastic methods of language teaching.
Keywords: I.I. Sreznevskiy, methodologist, methods of Russian language teaching, works on methods of teaching.

Измаил Иванович Срезневский – выдающийся педагог и методист, один из видных русских филологов, крупнейший знаток старославянской и древнерусской письменности, замечательный лексикограф, фольклорист и этнограф. Он родился в 1812 году в Ярославле в семье профессора «словесности древних языков и российского красноречия» Демидовского училища. В этом же году отец будущего ученого был переведен по службе в Харьковский университет. Он умер, оставив мать Срезневского вдовой в 26 лет с тремя малолетними детьми. Одаренная и умная женщина, она дала им серьезное образование. Глубокая дружба и истинная любовь связывала Измаила Ивановича с матерью. Об этом свидетельствует их переписка и

убеждение Срезневского в том, что матери принадлежит главная роль в начальном образовании детей.

И. И. Срезневский постоянно занимался учебно-методической работой, связанной с преподаванием русского языка и литературы, помимо деятельности в университете и Академии наук. Он был инспектором по наблюдению за преподаванием и испытаниями по русскому языку и словесности в петербургских гимназиях, инспектором школ и частных пансионов Петербурга, членом ученого комитета при главном управлении училищ по русской словесности.

Срезневский хорошо разбирался в проблемах современного русского литературно языка как предмета преподавания в средних и высших учебных заведениях. Он высказывал весьма основательные суждения о сущности литературного языка, о характере письменных и разговорных норм литературного языка, об отношениях литературного языка к языку художественной литературы и диалектной речи. Свои взгляды на эти проблемы Срезневский излагал в статьях и рецензиях на работы других авторов. Укажем, например: «О согласовании правописания с произношением г. Барановского» (1854), «Замечания о первоначальном курсе русского языка» (1859), «Дополнения к замечаниям о первоначальном курсе русского языка» (1859), «Чтение о языке Крылова» (1869), «Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях» (1871) и др.

Оригинальная и цельная методическая концепция содержится в его работе «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте», представляющей собой «извлечения из публичных лекций», читанных в Петербургском университете весной и осенью 1860 года «в пользу недостаточных студентов». Опубликованные сначала в различных периодических изданиях, эти материалы в 1899 году были изданы отдельной книгой.

В дискуссии о месте гуманитарных дисциплин (в частности, русского языка и литературы) в эпоху роста естественнонаучных знаний он занял очень четкую и определенную позицию.

Методическая система И. И. Срезневского оказала сильное влияние на взгляды и труды многих русских методистов. Среди них можно назвать В. П. Острогорского, К. Д. Ушинского, В. П. Шереметевского, В. Я. Стоюнина. Ушинский творчески развивал мысли Срезневского о сознательности, систематичности, доступности обучения, о работе по лексике родного языка, о внимании в значение слов и выражений, о широком применении приема замены и т. п. Шереметевский ратовал за разнообразие упражнений, за наблюдения над живой речью, боролся со схоластикой. Острогорский считал, что «беседы» Срезневского наряду с книгой Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» «положили серьезное основание и метод всему нашему позднейшему отечественному языкознанию в применении последнего к школьному курсу» [1, с. 234].

И. И. Срезневский отмечал, что «знание родного языка необходимо как важнейшее условие и орудие образования каждого человека отдельно и образованности народной вообще» [2, с. 107]. Рассмотрим, в чем, по мнению Срезневского, заключается знание языка и в чем должно состоять изучение языка. Ученый выделяет две стороны в знании языка: знание внутреннее (для удовлетворения внутренних требований ума познающего) и знание внешнее (знание для других, для удовлетворения требований и ожиданий их ума). Внутреннее знание языка включает в себя знание слов и знание сочетаемости слов. Внешнее знание предполагает следующие умения: умение пользоваться словами, легко находить их; умение соединять слова в цельные выражения для верной передачи своих мыслей и чувств другим; умение внятно, правильно и красиво выговаривать как слова отдельно, так и связные выражения мыслей; умение писать, т. е. внешними знаками изображать слова и их сочетания так, чтобы можно было понимать написанное.

И. И. Срезневский отмечает, что не каждый человек может знать все это в полной мере, тем не менее есть «доля знания необходимая, которою не владея, нельзя назваться знающим язык» [2, с. 108]. По мнению Срезневского, это знание предполагает следующее: знание слов, необходимых для выражения всех обиходных представлений и понятий, умение их употреблять; умение правильно и легко пользоваться главными видоизменениями слов в связных выражениях; владение правильным произношением.

Как мы видим, две обозначенные степени знания языка очень отличны. Одна из них столько же недостижима для всех, сколько другая не для всех вполне достаточна. Есть несколько других средних степеней знания языка, которые должны быть естественными явлениями, во-первых, внутренних стремлений человека к знанию, размышлению, выражению себя другим и, во-вторых, привычных нужд и требований общества, в котором и для которого знание должно быть выражаемо.

Низшей степени знания родного языка достигают дети в два, три, четыре года после того, как начали лепетать первые звуки и говорить первые слова. На пятом, шестом или седьмом году жизни ребенок уже владеет умением правильно пользоваться той долей языка, которая необходима для выражения представлений и понятий, замечаний и суждений, сообразные с его возрастом. Однако ребенок больше понимает, чем умеет пользоваться понятным, и пользуется больше уже готовым. За этой первой степенью знания родного языка следует несколько других с развитием сил по возрасту и по образованию. Степени эти отличаются как количеством средств для выражения мыслей, так и мерой сознательности и свободы их выбора. Всходя по этим ступеням, можно достигнуть вместе с общей образованностью такого знания своего языка и умения владеть им, что легко будет сознательно отчетливо и вместе с тем с живостью и достоинством выразить словом всякое движение мысли, тем легче, чем более

образованность общества настроена к требовательности этой легкости, чем более дорожит народ своим языком как орудием и основой своей образованности. С таким знанием соединяется и умение правильно писать, т. е. владеть правилами правописания. Такое знание родного языка предполагает приложение сил ума, внимательности, сообразительности, отчетливости и вместе с ними той силы, которая называется исследовательностью, проникающей в тайны законов существования предмета знания по частям и в цельности. Необходимо приложение этой силы ума к знанию законов языка, с тем чтобы уметь ими пользоваться.

Любой человек, даже не изучающий филологию углубленно, задает себе вопросы: почему в его языке то или другое так, а не иначе, откуда это появилось и т. д. Из этого можно сделать вывод: чем более человек вдумывается в себя самого и во все окружающее определенно, т. е. словами, тем более работает над своим языком. Вдумываться в средства, представляемые языком для выражения мысли, стараться самому перед собою быть настороже при всяком словном выражении, искать для каждой мысли выражение верное, живое и достойное, давать себе отчет в каждой мысли, упрочивать это за собою навыком свободным, навыком ума, а не памяти или внешнего чувства – вот что значит, по мнению Срезневского, изучать свой язык [2, с. 111]. Такого изучения требует от человека природа и помогает ему проникать все далее в тайны разумного чутья языка.

И. И. Срезневский приходит к выводу, что где только навык, там нет свободы мышления, а где нет свободы мышления, там нет и действия ума. Конечно, необходим и навык, но подчиняемый уму, навык – не как мертвая привычка, а как живое умение. Срезневский призывает нас вглядеться в язык народных песен, сказок, пословиц, загадок и увидеть свободу и живое разнообразие выражений при всем очевидном пристрастии к некоторым любимым. И всюду, где нет искусственной неволи, ум и чувство правят словом свободно.

Во всех своих работах академик Срезневский выступает против схоластики и призывает вести изучение языка путем естественным и полезным. Надо наблюдать за учащимися – в равновесии ли их представления и мысли со средствами для их выражения словами, помогать им искать и находить слова и словосочетания, помогать им сводить думы в правильные связи выражений, правильные не по приговорам схоластической логики, а по внушениям живой логики родного языка. Без сомнения, всегда необходимо учитывать возраст учащихся.

Срезневский делает вывод, что надо приучать детей, во-первых, думать определенно, т. е. словами, и, следовательно, искать и находить нужные слова и выражения, задумываться над ними, над оттенками смысла; во-вторых, думать последовательно и опять определенно, т. е. правильными сочетаниями слов – не по мертвому навыку, не по правилам схоластики, а по законам языка, следовательно, вникать в них разумом, задумываться над связями слов. Приучая к этому, надо вести обучение постепенно от простого к сложному, от понятного к тому, что может быть понято.

Ценность методических трудов ученого во многом объясняется тем, что они были не только плодами теоретических раздумий. У Срезневского была большая педагогическая практика. Уделяя много времени и сил своей семье, он сам занимался русским и классическими языками со всеми детьми (у него было четверо сыновей и четыре дочери). Методические труды академика Срезневского, затронувшие наиболее острые проблемы педагогики и вызвавшие живой обмен мнениями, не утратили своего значения и до настоящего времени.

Методические работы И. И. Срезневского основаны на широкой и продуманной лингвистической базе, учитывают в полной мере социальную и познавательную функции родного языка, выдвигают задачу творческого развития духовных сил учащихся, направлены против схоластических приемов обучения языку.

Список литературы

1. Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Воспоминания и мысли старого учителя словесности// Образование, 1892, № 10. С. 233-236.
2. Срезневский И. И. Русское слово: Избр. труды: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз и лит.» / Сост. Н. А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.

Владимирова Е. Н. (Киров, Россия)

УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОВЛАДЕНИЮ АУДИРОВАНИЕМ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается учебная деятельность с точки зрения её способности выступать эффективным средством овладения аудированием на немецком языке. На каждой фазе учебной деятельности выявлены учебно-предметные действия, с помощью которых школьники овладевают аудированием.

Ключевые слова: аудирование, учебная деятельность, мотивационно-ориентировочный, исполнительный, контрольно – оценочный этап, учебно-предметные действия.

Vladimirova E. N. Kirov, Russia)

LEARNING ACTIVITIES OF MASTERING LISTENING COMPREHENSION IN GERMAN

The article considers learning activities in terms of its ability to act as an effective means of mastering listening comprehension in German. Learning-communicative actions of students in the process of listening comprehension are identified on each stage of learning activities.

Key words: listening comprehension; learning activities; motivation, executing and control stages; learning-communicative actions.

Как известно, в качестве основной цели обучения иностранным языкам в условиях общеобразовательной школы выступает формирование иноязычной коммуникативной компетенции, уровень которого должен быть достаточным для того, чтобы учащиеся смогли осуществить переход от учебного контекста к реальной ситуации устного и письменного общения с носителями иностранного языка. Умение понимать речь на слух является важным компонентом устной формы общения, и от его качества зависит успех участия школьников в иноязычном общении.

Однако, как свидетельствуют результаты Единого Государственного Экзамена по иностранным языкам и различных международных тестов, оценки, получаемые учениками за аудирование, всегда ниже, чем по другим видам речевой деятельности. Объяснить это возможно недостаточным

качеством навыков и умений, необходимых учащимся для восприятия иноязычной речи на слух. Преодолеть названный недостаток, по нашему мнению, может правильная организация учебной деятельности (УД) школьников по овладению аудированием, в центре внимания которой будет развитие умения понимать иноязычную речь на слух. Именно об этом пойдет речь в данной статье.

Аудирование представляет собой сложный психо-физиологический процесс, включающий дифференциацию воспринимаемых звуков, их интеграцию в смысловые комплексы и удержание в памяти во время слушания, вероятностное прогнозирование и, исходя из ситуации общения, понимание воспринимаемой звуковой цепи. Чтобы данный процесс успешно функционировал во время восприятия иноязычной речи на слух, учащиеся, как пишут в своих взаимодополняющих друг друга работах Н.В. Елухина [1, с. 22] и Г.В. Шарапкина [7], должны владеть следующей совокупностью умений аудирования:

- определять тему сообщения, подтемы, отдельные факты, детали по заголовку текста, его началу, в ходе предварительной беседы;
- отделять главное от второстепенного, определять основные факты, выделять новую для себя информацию и уже известную;
- членить текст на смысловые куски и устанавливать логические связи, т.е выявлять связь между отдельными фактами получаемой информации, объединять их в более крупные смысловые блоки, соотносить получаемую информацию с ранее известной;
- выделять главную мысль, точку зрения автора, определять концепцию, излагаемую в сообщении;
- прогнозировать ход событий, предположить точку зрения автора, цель сообщения;
- оценивать услышанное, делать выводы, определять собственное отношение к воспринимаемой информации.

Исходя из этого, УД школьников нужно организовать таким образом, чтобы она была направлена на овладение перечисленными умениями. Прежде, чем описать этот процесс, дадим характеристику УД как таковой, воспользовавшись работами В.В. Давыдова, И. А. Зимней, А.К. Марковой, Д.Б. Эльконина и др.

В трактовке Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова учебная деятельность - это один из видов деятельности учащихся (школьников и студентов), направленный на усвоение теоретических знаний и способствующий интенсивному развитию обучающихся. УД нельзя отождествлять с процессами усвоения разнообразных знаний и способов действий, которые происходят во время трудовых, игровых, спортивных и других занятий. Она является специфической разновидностью учения, которая организуется специально для того, чтобы учащийся, осуществляя ее, изменял самого себя.

Важным компонентом УД является учебная задача. Это понятие введено и конкретизировано Д.Б. Элькониным. Автор подчеркивал, что учебная задача – это любая практическая задача, в процессе решения которой открывается обобщенный способ решения данной и всех однотипных задач. Учебная задача может считаться по-настоящему решенной только тогда, когда в субъекте произошли заранее запланированные изменения (т.е. он открыл и осознал способ ее решения) [8].

В свою очередь А.К. Маркова отмечает, что формирование УД есть процесс ее становления под управлением учителя. Полноценное управление процессом учения всегда предполагает отработку у школьника каждого компонента УД, их взаимосвязи, постепенную передачу отдельных компонентов этой деятельности самому ученику для их самостоятельного осуществления без помощи учителя и т.д. [6].

Принимая во внимание изложенное, И.А. Зимняя определяет УД как деятельность субъекта по овладению обобщенными способами учебных действий и саморазвитию в процессе решения учебных задач,

специально поставленных преподавателем, на основе внешнего контроля и оценки, переходящих в самоконтроль и самооценку. УД, по ее мнению, – это специфический вид деятельности, направленный на освоение глубоких системных знаний, отработку обобщенных способов действий и их адекватное и творческое применение в разнообразных ситуациях. В центре УД находится обучающийся, как ее субъект, формирование, совершенствование и развитие личности которого происходит в процессе осознанного, целенаправленного присвоения социокультурного опыта в различных видах и формах общественно полезной, познавательной, теоретической и практической деятельности [2, с. 93 - 94].

УД имеет свою структуру, компонентами которой являются мотивация, учебные задачи, представленные в определенных предметных ситуациях, учебные действия, контроль, переходящий в самоконтроль и оценка, переходящая в самооценку. И.А. Зимняя пишет, что «...учебные ситуации и задачи характеризуются тем, что здесь учащийся получает задание на усвоение общего способа действия и цель его усвоения, а также образцы и указания для нахождения общих способов решения задач определенного класса. Учебные действия — это действия учащихся по получению и нахождению научных понятий и общих способов действий, а также по их воспроизведению и применению к решению конкретных задач. Действия контроля направлены на обобщение результатов своих учебных действий с заданными образцами. Действия оценки фиксируют окончательное качество усвоения заданных научных знаний и общих способов решения задач» [3, с.196].

Решение задачи в учебной проблемной ситуации предполагает несколько этапов. *Первый этап* — это понимание задачи, сформулированной в готовом виде преподавателем или определяемой самим обучающимся. Последнее зависит от того, на каком уровне

проблемности находится задача, и от способности обучающегося ее решить. *Второй этап* — «принятие» задачи обучающимся, он должен решать ее для себя, она должна быть личностно значима, а потому понята и принята к решению. *Третий этап* связан с тем, что решение задачи должно вызывать эмоциональное переживание (лучше удовлетворения, чем досады, неудовлетворенности собой) и желание поставить и решать собственную задачу [3, с.206].

В ходе решения учебной задачи учащиеся выполняют следующую совокупность учебных действий: целеполагания, программирования, планирования, исполнения, контроля (самоконтроля) и оценки (самооценки). В свою очередь перечисленные действия функционируют на мотивационно-побудительной, ориентировочно-исследовательской, исполнительной и контрольно-оценочной фазах УД. Первые две фазы включают действия по анализу предлагаемого содержания предметной ситуации, сравнению данного содержания с ранее усвоенным материалом для нахождения общих и новых способов решения конкретной учебной задачи. Исполнительный или реализующий этап предполагает использование некоторого набора ранее известных, а также новых учебных действий и операций, выполнение которых осуществляется в определенной последовательности. Контроль и оценка продукта деятельности, подразумевает завершение процесса решения данной учебной задачи, где школьник осуществляет итоговый контроль продукта, полученного с помощью усваиваемого способа действия, и оценку степени его усвоения [4, с.47].

Воспользуемся изложенным, чтобы охарактеризовать УД школьников по овладению аудированием на немецком языке. В этом нам поможет описание УД по овладению иноязычным говорением, предложенное С. С. Куклиной [4, 5]. Вначале отметим, что УД обучающихся по овладению аудированием предполагает конкретную **цель,** а именно: понимание

основной информации, а также отдельных фактов, представленных в речевом сообщении (РС) на немецком языке. Содержание и структура таких текстов составляют **предметную ситуацию,** т. е. некоторую часть социального опыта, подлежащего усвоению**.** Она представлена содержанием РС, включающим знания о культуре, обычаях и традициях своей страны и стран изучаемого языка, а также информацию о предметных действиях, обеспечивающих успешное протекание аудирования.

Процесс присвоения этой части социального опыта осуществляется в ходе активной поисково-творческой деятельности учащихся. В данном случае речь идет о решении **поисково-творческой задачи** с помощью совокупности учебных действий, куда входят как новые, так и усвоенные ими ранее способы решения задач такого типа. Поисково- творческая задача характеризуется развитием у учащихся целенаправленных, динамичных, продуктивных, интегрированных и иерархичных умений как способности управлять деятельностью аудирования. Они обеспечивают понимание РС такого объёма и качества, которые требуют условия общения с одноклассниками и учителем в рамках проблем, характерных для жизнедеятельности школьников или поставленных в прослушанных текстах. При решении задачи данного типа обучающиеся более свободны в своей поисково-творческой деятельности [5, с.36-37]. Это позволяет усложнить речевые задачи, чтобы ученики смогли самостоятельно конструировать искомые способы решения, которые могут быть принципиально новыми для них.

Решение поисково-творческой задачи предполагает выделение главной мысли в услышанном сообщении, определение основных фактов и установление их логической последовательности, выделение новой для себя информации и уже известной, предвосхищение точки зрения автора сообщения. Кроме того, учащиеся в ходе решения задачи данного типа должны быть готовы отреагировать на предлагаемое РС в виде устного или

письменного высказывания, аргументируя свою точку зрения, опираясь на услышанное и свой жизненный опыт.

Процесс решения данной задачи с целью полного понимания РС на немецком языке происходит поэтапно и включает определенный набор учебно-предметных действий на каждом из них.

На мотивационно-ориентировочной фазе учащиеся пользуются следующими действиями и операциями:

- по анализу проблемы, представленной в РС, характеризующегося своей спецификой;
- по принятию проблемы как личностно значимой и тем самым обеспечивающей более продуктивное аудирование;
- по актуализации ранее усвоенного социального опыта, опираясь на имеющийся опыт и знания учащихся, основанные также на межпредметных связях;
- по предвосхищению содержания предлагаемого РС;
- по составлению плана решения проблемы, представленной в РС, определению последовательности шагов, выражающихся в конкретных способах решения учебной задачи.

Исполнительная фаза УД школьников представляет собой процесс непосредственного понимания РС, основанный на действиях, соответствующих поставленной задаче, а именно:

- по комбинированию и трансформации полученной информации для выделения главной проблемы РС, отдельных элементов и фактов, противоречий, содержащихся в РС;
- по сопоставлению информации, полученной учащимися на мотивационно-ориентировочной фазе и в данном РС;
- по осмыслению и сопоставлению точек зрения на один и тот же вопрос;

- по выделению ключевых моментов, касающихся затронутой проблемы с письменной фиксацией;

В ходе выполнения перечисленных учебно-предметных действий школьники осуществляют текущий самоконтроль решения поставленной учебной задачи, соотнося свои действия с планом перед прослушиванием.

Контрольно-оценочная фаза включает контроль полученного продукта, как со стороны учителя, так и самоконтроль со стороны учащегося. Заключительный этап УД по овладению аудированием предусматривает действия итогового контроля, представленные в виде способа решения поставленной проблемы, а именно: соотнесение информации, полученной на мотивационно-ориентировочной фазе со смыслом воспринятого РС.

Таким образом, результатом УД по овладению аудированием на немецком языке является усвоение учащимися нового социального опыта, а также приобретение ими обобщенных способов решения учебно-предметных задач. Считаем, что такая организация УД по овладению аудированием внесет вклад в формирование иноязычной коммуникативной компетенции у школьников и в их развитие как субъектов иноязычного общения.

Список литературы

1. Елухина Н. В. Обучение аудированию в русле коммуникативно-ориентированной методики // Иностранные языки в школе . -1989.- №2.- С.29-31.
2. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. Второе, доп., испр. и перераб. – М.: Издательская корпорация «Логос»», 1999. – 384с.

4. Куклина С.С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением: монография / С.С. Куклина. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 81с.
5. Куклина С.С. Организационные формы коллективной учебной деятельности школьников на разных ступенях обучения иноязычну общению: монография / С.С. Куклина. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 163с.
6. Маркова А.К. Формирование мотивации учения: кн. для учителя / Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. – М.: Просвещение, 1990. – 192с.
7. Шарапкина Г.Н. Совершенствование аудитивных умений студентов старшего этапа обучения в языковом педагогическом вузе. // Автореф. дисс. канд. пед. наук. – Л., 1984. – 16с.
8. Эльконин Д.Б. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. – 221с.

Вылегжанина Ю.А. (Киров, Россия)

ВКЛАД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПОДГОТОВКУ ВЫПУСКНИКА ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В статье рассматривается актуальность социокультурного образования личности на сегодняшний день. Предлагается новая формулировка понятия «социокультурная компетенция». Объясняется, какой вклад вносит данная компетенция в подготовку выпускника языкового вуза.
Ключевые слова: социокультурное образование; социокультурный подход; социокультурные знания, навыки, умения; социокультурные ценности и опыт.

Vylegzhanina Y.A. (Kirov, Russia)

THE CONTRIBUTION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE TO TRAINING OF THE GRADUATING STUDENT OF THE LINGUISTIC UNIVERSITY

The purpose of this article is to consider the currency of the sociocultural education today. The concept «sociocultural competence» is new formulated. And the contribution of this competence to training of the graduating student of the linguistic university is presented.
Key words: sociocultural education; sociocultural approach; sociocultural competence; sociocultural knowledge, habits, skills; sociocultural values and experiment.

Стремление нашего государства к равноправному и конкурентноспособному существованию в международном экономическом и образовательном пространстве привело к изменению социального заказа общества и к подготовке выпускников высших учебных заведений. Развитие международных связей, интернационализация всех сфер общественной жизни стали причиной *возрастания роли иностранного языка* (ИЯ) в жизни человека. Отмеченное побудило методику обучения ИЯ провести переоценку образовательного результата и выдвинуть в качестве одного из приоритетных в обучении *социокультурный подход.* Последний рассматривает целесообразность моделирования образовательного процесса как активного диалога культур. В качестве основополагающего принципа данного подхода выступает взаимосвязанное коммуникативное и социокультурное развитие

личности обучающегося средствами ИЯ. При этом речь идет об умении жить и взаимодействовать в поликультурном мире, то есть о социокультурном образовании, которое направлено на познание человеком самого себя через познание других людей, изучение иных культур, культурных различий и культурного единства.

Социокультурное образование - новый аспект в преподавании ИЯ. Оно подразумевает формирование социокультурных знаний, навыков и умений, социокультурного опыта и социокультурных ценностей обучающихся; а также предполагает социокультурное воспитание студента и его развитие как субъекта межкультурного общения. Соответственно, социокультурное образование связано с необходимостью формирования социокультурной компетенции. Эта идея нашла свое отражение в преамбуле к последнему варианту Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования. Согласно этому документу, выпускник, обучающийся по направлению подготовки «035700 Лингвистика», должен:

«…1. Руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры и ценностных ориентаций иноязычного социума;

2. Обладать навыками социокультурной и межкультурной коммуникации, обеспечивающими адекватность социальных и профессиональных контактов;

3. Иметь представление об этических и нравственных нормах поведения, принятых в инокультурном социуме, о моделях социальных ситуаций, типичных сценариях взаимодействия;

4. Обладать готовностью преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения;

5. Уметь моделировать различные ситуации общения между представителями различных культур и социумов, владеть международным этикетом в различных ситуациях межкультурного общения…» [10, с. 6-9].

Изложенное предполагает формирование и развитие *социокультурной компетенции* (СКК). Однако анализ психолого-педагогической литературы (М.А. Богатырева, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Г.В. Елизарова, С.М. Колова, Ю.Б. Кузьменкова, В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова, П.В. Сысоев, В.П. Фурманова и др.) показал, что на сегодняшний день нет единого и окончательного определения понятия СКК, что объясняется сложностью и многообразием этого феномена.

В нашей работе мы будем рассматривать СКК как способность и готовность личности к адекватному взаимодействию с участниками межкультурного общения, в основе которого лежат совокупность знаний о родной и иноязычной культуре, совокупность умений и навыков понимать, интерпретировать и применять эти знания в процессе общения; а также совокупность ценностных ориентаций и опыта деятельности обучающихся как субъектов социокультурного образования.

Рассмотрим составляющие СКК более подробно. Начнем с социокультурных знаний, навыков и умений, тесно связанных между собой.

1) Социокультурные знания - это знания социальных особенностей и культуры определенного языкового сообщества, которые являются составной частью знаний о мире, о своей стране и стране изучаемого языка. Как справедливо отметил Н.В. Барышников, «межкультурная коммуникация может быть реализована только на осознанной национально-культурной базе родного языка» [1, с. 19]. Непонимание культурных фактов страны изучаемого языка происходит в том случае, когда общению с носителями изучаемого языка и культуры не предшествует этап приобретения знаний о фактах и явлениях его страны. Поэтому равноправным компонентом в межкультурной коммуникации выступает и родная культура.

Социокультурные знания в качестве компонента СКК выполняют следующие функции:

а) придают уверенность изучающему ИЯ, что является шагом к его адекватному владению и позволяет студентам чувствовать себя на равных с носителями языка;

б) «помогают осознать, во-первых, единичность, конкретность, неповторимость человека, во-вторых, выявление общего, сущностного, выявление связей и отношений» [4, с. 222];

в) осуществляют *1 шаг* для формирования способности и готовности выпускника к адекватному взаимодействию с представителями иноязычной культуры. «Данные знания являются непременным и первым условием межкультурного общения, поскольку обеспечивают адекватное взаимопонимание участников межкультурного общения» [8, с. 52]. А незнание особенностей национально-культурной специфики приводит к коммуникативным неудачам и конфликтам;

г) формируют и личностные качества субъекта общения – открытость, терпимость и готовность к общению с представителями другой культуры. Происходит обогащение духовного мира личности на основе приобретенных знаний *о своей культуре и культуре других стран*.

2) Социокультурные навыки и умения также являются компонентом СКК, которые способствуют ее формированию. Можно выделить их следующие функции:

а) помогают *пониманию* социокультурного контекста, поведения носителей ИЯ. Без этой функции невозможна следующая;

б) социокультурные навыки и умения *интерпретации* культурных явлений позволяют развивать способности адекватного реагирования незнакомее явление и преодоления культурных стереотипов. Как верно подметила С.Г. Тер-Минасова, «диалог культур – это познание иной культуры через свою, а своей через чужую путем культурной интерпретации

и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих» [10, с. 17];

в) позволяют раскрывать культурное явление и соотносить его с явлением родной культуры. «*Сопоставление* предполагает осознание учащимися собственной универсальной сущности как культурно-исторического субъекта» [3, с. 70]. «Благодаря сравнению родной культуры с иноязычной создаются благоприятные условия для осознания учащимся своей культурной принадлежности, развития чувства самобытности, свободы самостоятельно осуществлять коммуникативную деятельность и бесконфликтно взаимодействовать в разнообразных социально-детерминированных ситуациях» [7, с. 19].

И в результате сравнения и интерпретации явлений культуры стран родного и иностранного языков обучающиеся научатся: «видеть не только различия, но и сходства в соизучаемых культурах, воспринимать различия как норму сосуществования культур в современном поликультурном мире, формировать активную жизненную позицию, направленную против культурного неравенства [2, с. 34]»;

г) являются *вторым шагом* по достижению способности и готовности выпускника языкового вуза к межкультурному общению с носителями другой культуры.

Социокультурные знания, навыки и умения есть звенья одной цепи – когнитивные аспекты развития личности обучающегося. Но есть и другие, не менее важные аспекты, которые также вносят свой вклад в процессе его подготовки.

3) Социокультурные ценности – элементы, явления, взгляды, оценки национально-культурной специфики иноязычного общества, которые являются неотъемлемой частью их существования**.** Из данного определения можно понять, что «ценности существенно отличаются от знаний по своей природе,… так как материальные вещи становятся носителями духовного

смысла» [4, с. 211]. Знание ИЯ не гарантирует успешности межкультурного взаимодействия, на пути которого могут возникнуть полное непонимание, этнические стереотипы, предрассудки, состояние «культурного шока», переоценка сходства родной и иноязычной культур. Соответственно, можно сказать о следующих предназначениях социокультурных ценностей:

а) осознание социокультурных ценностей носителей страны изучаемого языка позволяет лучше понять «культурный код нации». «В то же время нельзя рассматривать социокультурные ценности как нечто окончательно сформированное, абсолютно упорядоченное и неподвижное; напротив, они носят достаточно динамичный, а подчас и противоречивый характер, отражая как существенные взаимозависимости личности с миром, так и смену случайных жизненных ситуаций [5, с. 29];

б) происходит осмысленное восприятие и понимание обучающимися взаимосвязи национально-культурных ценностей своей страны и страны изучаемого языка. Следующим образом вырабатывается ценность понимания того, что они у каждого человека индивидуальны и не могут усваиваться в готовом виде, извлекаемом из книг или чужого опыта. Однако культура дает возможным сохранение и передачу ценностей личности одной культуры к личности другой культуры;

в) раскрытие ценностного потенциала того или иного социокультурного явления способствует осознанию общечеловеческого «мы», внутреннему, в том числе и национальному самосознанию развитию умений разрешать культурные конфликты, осознанию универсального и общенационального в развитии культуры изучаемой страны. Соответственно социокультурные ценности являются *3 шагом* формирования способности и готовности выпускника к взаимодействию в поликультурной среде.

Новые социокультурные знания, навыки, умения и ценности сопоставляются с теми, которые уже были усвоены в процессе изучения родного языка. Поскольку «собственный культурный опыт всегда первичен

при восприятии чужой культуры, то осваивая новые культурные феномены, учащийся расширяет возможности своего отражения, и это процесс разворачивается уже на фоне имеющегося языкового и культурного багажа» [3, с. 76]. Соответственно, следующий компонент СКК основывается на всех предыдущих.

4) Опыт социокультурной деятельности - возможность понимания, восприятия и прогнозирования поведения носителей иноязычной культуры, то есть знание способа мышления представителей определенной культуры, который определяет их поведение и ожидание подобного со стороны других. Опыт социокультурной деятельности помогает обучающимся:

а) лучше понять национальный характер представителя другой культуры. «Учащийся, опираясь на свой социокультурный опыт, последовательно, шаг за шагом, продвигается к тому, чтобы в полной мере овладеть системой неродного языка и чужой культуры» [3, с. 62];

б) развить в себе такие личностные качества как терпимость, толерантность, позитивное отношение к непохожести носителей иноязычной культуры. Формирование социокультурного опыта приводит к развитию социокультурной активности выпускника. Эти качества могут помочь в процессе межкультурного общения, способствуя проявлению уважения, открытости, пониманию межличностных различий и принятию собеседника. Незнание национально-психологических особенностей представителей иноязычной культуры может также привести к социокультурным помехам в процессе общения;

в) осуществлять выбор социокультурно-приемлемого собственного поведения и стиля общения, с помощью которых возможно преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении;

г) приблизиться к адекватному взаимодействию с собеседником в условиях межкультурного общения, что является *четвертым шагом* в достижении этой цели.

Стоит отметить, что опыт социокультурной деятельности личности тесно связан с таким процессом как первичная и вторичная социализация выпускника языкового вуза. Поскольку все компоненты, которые интегрированы в понятие «социокультурный опыт» свидетельствуют о том, что в основе формирования данного опыта лежит деятельность, отражающая взаимодействие личности с окружающим миром.

6) Первичная социализация выпускника - процесс включения личности в культуру и в систему социокультурных отношений, который способствует осознанию уникальности родной культуры, осознанию себя субъектом национальной культуры. «Становление полноценной языковой личности невозможно без осознания языка как своего рода живого организма, спаянного корневыми нитями образов и ассоциаций с традициями материальной и духовной культуры своего народа» [8, с. 49]. В то же время результатом образования в области ИЯ должно стать становление вторичной языковой личности.

Вторичная социализация выпускника – «способность человека к общению на межкультурном уровне» [3, с. 64]. В данном случае можно говорить о диалоге культур, который является важным фактором вторичной социализации обучающихся, обеспечивающий «естественную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей мировой цивилизации, народа-носителя изучаемого языка и чужой культуры» [3, с. 15].

Социокультурное воспитание личности – процесс приобщения к социокультурным ценностям представителей иноязычной культуры, ибо передать ценности одной культуры другой возможно лишь в процессе межкультурного общения. В ходе социокультурного воспитания выпускник также осознает, что каждый человек, в независимости от его культуры, представляет собой хранилище стереотипов, обусловленных социокультурным контекстом, национальными традициями. Необходимо понимать, что даже хорошее владение социокультурными знаниями,

навыками и умениями, обладание социокультурными ценностями и опытом не гарантируют успешного межкультурного взаимодействия и взаимопонимания, в процессе которых часто возникают неполное понимание, этнические стереотипы, предрассудки, недооценка или переоценка сходства родной и иноязычной культур. Именно поэтому СКК вносит вклад и в первичную, и во вторичную социализацию обучающегося, а также в социокультурное воспитание его личности. Это в свою очередь является *пятым шагом* по достижению способности и готовности студента к межкультурному общению с носителями другой культуры.

Вышеизложенное составляет *социокультурный портрет* выпускника языкового вуза как представителя родной и иноязычной культур. Суть данного портрета заключается не в том, чтобы подражать представителям другой страны, а для того, чтобы смочь преодолеть культурные барьеры в процессе межкультурного общения. Социокультурный портрет как результат сформированности СКК предоставляет возможность будущему специалисту самореализоваться в поликультурном мире при сохранении взаимосвязи с родным языком и культурой.

Таким образом, в данной статье мы попытались показать, что социокультурное образование является необходимым условием для подготовки выпускника языкового вуза к полноценной межкультурной коммуникации, позволяя чувствовать себя уверенно и комфортно в современном поликультурном и мультилингвальном мире.

Список литературы

1. Барышников Н.В. Параметры обучения межкультурной коммуникации / Н.В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 2002. – №2. – С. 28-32.

2. Богдан Н.А. Культуроведческая направленность обучения иностранному языку в средней школе / Н.А. Богдан // Иностранные языки в школе. – 2011. – №5. – С. 30-35.

3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. – М. : «Академия», 2006. – 336 с.

4. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.

5. Кирилова Н. А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников / Н. А. Кирилова // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 29-37.

6. Куклина С.С. Подходы и стратегии иноязычного образования в общеобразовательной школе / С.С. Куклина // Коммуникативно-когнитивный подход в реализации целей обучения иностранным языкам в школе и вузе: межвузовский сборник научных статей. – Н.Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. – С. 16-23.

7. Савельева Е.А. Гастрономия страны изучаемого языка – компонент социокультурной компетенции лингвиста / Е.А. Савельева // СПО. – 2002. – №2. – С. 48-50.

8. Садохин, А.П. Компетентность или компетенция в межкультурной коммуникации / А.П. Садохин // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы коференции. Вестник МГУ. Сер.19. – 2007. – №3. – С. 39-55.

9. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур/ С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово, 2008. – 344 с.

Корнилова Л. В. (Иваново, Россия)

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ МЕНЕДЖЕРОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

В данной статье речь идет о возрастании роли самостоятельной работы в малокомплектных группах студентов, изучающих французский язык. В процессе обучения возникают дополнительные трудности, обусловленные тем, что, как правило, в группу объединяются студенты со всех специальностей, т.е. с разными подъязыками специальности.
Ключевые слова: самостоятельная работа, малокомплекная группа, разные направления подготовки, работа с прессой, с интернет-ресурсами.

Kornilova L. V. (Ivanovo, Russia)

PROJECT METHOD OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING IN ECONOMIC UNIVERSITY

The present article is devoted to the main role of independent training work in groups with small students' quantity which are studying the French language. During the studying process there are some additional difficulties arise. They are specified by the fact that students of many professional directions are gathered in the same small group and with different professional sublanguages.
Key words: project method, manager, economist, independent planning, decision taking, productive educational technology, individual oriented technology, alternative approach.

В современных условиях от выпускников высших учебных заведений требуется профессиональная мобильность, - умение обновлять, а то и менять квалификацию. Способность периодической переквалификации зависит не в последнюю очередь от вузовской подготовки. Задача образования в экономическом вузе состоит в том, чтобы подготовить такого специалиста, который мог бы не только работать в своей области, но и обладал бы достаточной способностью к самообучению и соответствующими навыками, позволяющими ему при необходимости вникать в ее специфику. Таким образом, подготовка студентов экономических специальностей и, в частности менеджеров, должна отличаться не только и не столько набором дисциплин, сколько направленностью на развитие различных качеств личности.

Свободное владение иностранными языками и компьютером является непременным атрибутом современного менеджера.

Стремительное развитие индустрии туризма влечет за собой необходимость повышения образовательного уровня выпускников специальности «Экономика и управление на предприятии (туризма и гостиничного хозяйства)», а также развития и совершенствования профессиональных навыков специалистов данной отрасли. При подготовке специалистов в сфере туристско-гостиничной и экскурсионной деятельности требуется корректировка имеющихся программ. В образовательном процессе возрастает роль междисциплинарных связей, поэтому представляется необходимым усилить тенденцию к преодолению разрозненности учебных дисциплин.

В рабочую программу данной специальности входит дисциплина «Экскурсоведение на иностранном языке». Поскольку она является частью регионального компонента цикла общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ее содержание формируется с учетом реалий, существующих в нашем регионе. Курс по данной дисциплине разработан с учетом междисциплинарного подхода в тесном сотрудничестве со специалистами выпускающей кафедры. В процессе разработки программы отводится важное место практике взаимных консультаций. Преподаватели иностранного языка осваивают базовую информацию по данной дисциплине, а преподаватели выпускающей кафедры возвращаются к практике языка, который они изучали ранее. Таким образом, обучение студентов носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер.

Наряду с практической целью – формирование теоретической, методической и практической компетентности студентов в области экскурсионной деятельности, данный курс ставит также образовательные и воспитательные цели. Достижение образовательных целей означает

расширение кругозора студентов, повышение уровня их общей культуры. Реализация воспитательных целей проявляется в готовности специалистов, выпускников вуза, содействовать налаживанию профессиональных, международных связей, выступать в качестве полноценных специалистов, относиться с уважением к моральным ценностям других стран и народов.

Что касается содержания практического курса, исходя из общей необходимости и потребностей обучения, некоторые темы по дисциплине могут варьироваться. Вводные занятия дают представления об экскурсионной деятельности, раскрывая общие и специфические признаки и функции экскурсии; знакомят с классификациями и формами проведения экскурсий; выявляют место показа и рассказа в экскурсии; знакомят с основными этапами подготовки экскурсии, а также дают общее представление о методике проведения экскурсии, формируя профессиональную культуру в процессе выполнения теоретических и практических заданий по дисциплине по тематике специальности. Содержание основных уроков посвящено нашему региону (Иваново, Кинешма, Юрьевец, Палех и т.д.) и городам «Золотого кольца России» (Владимир, Ярославль, Кострома и т.д.)

Использование проектной технологии в работе по данной дисциплине представляется очень продуктивным. В ходе работы над проектным заданием усиливается мотивация студентов, поскольку он становится центром происходящего в образовательном процессе. Они осознают, что не только накапливают определенные знания, умения и опыт, но и фактически используют их в конкретной реальной ситуации. Студенты в действительности принимают на себя ответственность за процесс и результат учебной деятельности, причем как индивидуальную, так и коллективную. Они осознают и свою свободу в процессе творческого поиска решения реальных проектных задач. Все это создает условия для продуктивной учебной деятельности по овладению предметным знанием, развития

личностных качеств студента, его социализации.

Как известно, метод проектов предполагает использование широкого спектра проблемных, исследовательских, поисковых методов, ориентированных на практический результат, значимый для каждого студента, участвующего в разработке проекта. Типологически они могут подразделяться на исследовательские, информационные, творческие, ролево-игровые и практико-ориентированные. По предметно-содержательной области – на монопроекты и межпредметные проекты. В реальной практике работы по дисциплине «Экскурсоведение на иностранном языке», как правило, приходится иметь дело со смешанными типами проектов, в которых имеются признаки творческих, практико-ориентированных и информационных. С точки зрения предметно-содержательной – это межпредметный и долгосрочный проект.

Работа над проектом занимает несколько уроков. На первом этапе разрабатывается план работы по предложенной теме: «Обзорная экскурсия по городу», «Тематическая экскурсия», «Подготовка технологической документации в виде карты экскурсии, «портфеля экскурсовода, «карты-схемы» маршрута транспортной экскурсии и т. д. Группе предлагается выбрать задание (разработка экскурсионного маршрута), во время которого происходит распределение ролей. Каждый получает самостоятельный участок работы в проекте, от выполнения которого зависит успех всего проекта. Второй этап – подготовительный, обеспечивает языковые и речевые умения студентов. На этом этапе совершенствуются сформированные ранее навыки иноязычного общения и закладываются основы будущих самостоятельных высказываний участников проекта. По мере необходимости на данном этапе прорабатывается грамматический материал, студенты совершенствуют навыки владения произносительными нормами, синтаксическими структурами иностранного языка. На этом этапе большая роль отводится интенсивной самостоятельной работе. Она является

важнейшим компонентом обучения, интегрирующим различные виды индивидуальной и коллективной учебной деятельности, осуществляемой без непосредственного участия преподавателя и под его руководством. Самостоятельная работа студентов, связана, прежде всего, с выполнением текущих заданий по предмету «Экскурсоведение на иностранном языке». Кроме этого**, с**амостоятельная работа направлена на освоение нового языкового материала. В данном случае учебными материалами являются дополнительные тексты, статьи, аудиокассеты, видеокассеты, материалы, размещенные в Интернете, книги для внеаудиторного чтения, рекомендуемые преподавателем и тематически связанные с изучаемым курсом. Этот вид работы также является обязательным для всех студентов группы, выполняется в указанное время и контролируется преподавателем на практических и лекционных занятиях. К нему относятся ознакомительное и изучающее чтение адаптированной и аутентичной литературы, подготовка устного сообщения по изучаемой экскурсоводческой тематике для участия в дискуссии, подготовка письменного текста экскурсии на иностранном языке, конспектирование информации по изучаемой теме на лекционных занятиях, углубленная проработка изучаемого лексико-фразеологического материала, подготовка устного текста экскурсии для участия в ролевой игре, учебный перевод с иностранного языка на русский и с русского на иностранный в рамках изучаемой тематики с целью закрепления лексики, подготовка презентаций с использованием программы Power Point для проведения виртуальных экскурсий по изучаемым темам. Также **с**амостоятельная работа может быть направлена на освоение материала, не включенного в региональный компонент. Студенты могут по собственной инициативе изучать материалы, не связанные непосредственно с изучаемыми темами и разделами языка. Они могут пользоваться консультациями преподавателя, но не обязаны отчитываться о выполнении работы. Сюда можно отнести работу с интернет-ресурсами, чтение книг, журналов, просмотры фильмов,

прослушивание аудиозаписей на иностранном языке, участие в работе студенческих научных кружков, конференций, страноведческих лингвистических конкурсов и т.д.

Третий этап, на котором происходит защита проектов, является заключительным. Каждая группа защищает свой проект, представляя его в режиме Power Point. После каждой презентации разработанного маршрута подводятся итоги виртуальной экскурсии, и дается ее оценка слушателями: выясняется, насколько она была интересной, сложился ли образ города, объекта экскурсии и т.п., какие темы или аспекты были недостаточно раскрыты, чего не хватает для полноценного восприятия экскурсии.

В течение семестра каждый блок заданий завершается выполнением конкретных заданий, которые служат проверкой знаний, навыков и умений во всех видах речевой деятельности: чтении, говорении, аудировании, письме. Студенты готовятся к дискуссиям, викторине «Что? Где? Когда?» (подготовка интересных вопросов из истории и ответов на них), выполняют лексико-грамматические упражнения по темам уроков. В конце семестра в качестве итогового контроля предполагается проведение виртуальной экскурсии с участием специалистов с выпускающей кафедры.

Вопросы к итоговому контролю определяются в процессе взаимных консультаций с преподавателями кафедры ЭУТГ. Их перечень направлен в основном на контроль усвоения краеведческого материала: исторические справки, информация о сегодняшнем культурном потенциале регионов и т.д.

Практическая ценность работы по данной методике определяется возможностью использовать результаты работы по ней на практике.

По окончании курса студенты должны демонстрировать умение:

- аудирования, т.е. понимания лекции, презентации, сообщения профессионального характера в монологической речи и в ходе диалога;
- чтения оригинальной профессиональной литературы;
- говорения, т.е. умения поддерживать беседу в объеме пройденных

экскурсоводческих тем, участвовать в дискуссии, информировать собеседника; делать сообщения экскурсоводческого характера (монологическое высказывание по заданной теме), участвовать в полилоге (дискуссии), владеть специфическими умениями мультилогического общения (ответы на вопросы экскурсантов), знать речевой этикет, характерный для делового общения;

- письма, т.е. умения составить индивидуальные тексты для экскурсовода с использованием изученной лексики, их реферирование и аннотирование; технологическую документацию: а) карту экскурсии; б) «портфель экскурсовода»; в) «карту-схему» маршрута транспортной экскурсии.

Метод проектов позволяет создавать на уроке исследовательскую, творческую атмосферу, где каждый вовлечен в активный познавательный процесс на основе методики сотрудничества. Это является большим стимулом к активному освоению знаний. Использование этого метода позволяет создать условия для развития личности будущего менеджера, так как он развивает самостоятельное мышление, заинтересовывает студентов, вовлекает их в процесс дальнейшего самообразования. При защите проектов студент выступает как индивидуальность, способная проектировать необходимые действия для улучшения владения иностранным языком. Таким образом, проектная методика позволяет подготовить квалифицированного специалиста, способного работать в сфере туризма.

Куклина С. С. (Киров, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СТРАТЕГИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье с позиций компетентностного подхода рассматривается социокультурная стратегия и тактики ее реализации в учебном процессе по иностранным языкам в общеобразовательной школе с целью формирования у школьников социокультурной компетенции и их развития как субъектов межкультурного общения.
Ключевые слова: социокультурная компетенция, социализация, социокультурная стратегия, тактики, тексты и упражнения как средства формирования, сотрудничество как организационная форма.

Kuklina S. S. (Kirov, Russia)

THE USE OF SOCIO-CULTURAL STRATEGY IN FOREIGN LANGUAGE CLASSROOMS AT SECONDARY SCHOOLS.

The article deals with socio-cultural strategy and tactics of its realization in foreign language teaching process based on competence approach. Its aim is to show how to form socio-cultural competence in secondary school students and to develop them as active personalities of intercultural communication.
Key words: socio-cultural competence, socialization, socio-cultural strategy, tactics, texts and exercises as means of formation; cooperation as an organizational form.

Вхождение России в европейское и мировое образовательное пространство повлекло за собой значительные изменения во всех компонентах системы общего образования. Они в первую очередь коснулись целей школьного образования, которые представлены пятью ключевыми компетенциями, обеспечивающими готовность выпускников к адаптации и самореализации на рынке труда в современном информационном обществе. Эти компетенции включают социально-политическую, информационную, коммуникативную, социокультурную и готовность к образованию через всю жизнь, на формирование которых направлены усилия всех преподавателей-предметников.

В центре нашего внимания будет социокультурная компетенция, в соответствии с которой каждый, заканчивающий учебное заведение, должен приобрести готовность жить, трудиться и взаимодействовать в современном поликультурном и мультилингвальном мире. В данной статье мы поставили перед собой задачу описать социокультурную стратегию и тактики ее реализации, обеспечивающие формирование социокультурной компетенции на уроках иностранного языка в общеобразовательной школе, чтобы показать вклад данного учебного предмета в развитие соответствующей ключевой компетенции у выпускников школы.

Начнем свое изложение с краткой характеристики социокультурной компетенции. Для этого обратимся к истории методики (Е. М. Верещагин, Н. Д. Гальскова, В. Г. Костомаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, В.В Сафонова, Г. Д. Томахин, И. И. Халеева и др.), а именно к 60-70-м годам прошлого столетия. В это время страноведческие знания, т. е. знания о стране изучаемого языка были впервые включены в содержание обучения иностранным языкам, и появились такие термины, как страноведение и лингвострановедение. Далее стали интенсивно разрабатываться идеи интеграции этих знаний в теорию и практику преподавания данного предмета. В 90-х годах в связи с расширением понятия «культура» и включением в него не только духовных, но и материальных ценностей народа страны изучаемого языка, образа их жизни, моделей поведения, способов восприятия и интерпретации окружающего мира речь стала идти о межкультурном обучении и о формировании межкультурной компетенции.

Наиболее полное воплощение эти идеи нашли в учебно-методических комплектах «Английский» [1], созданных творческим коллективом Липецкой методической школы (В. П. Кузовлев, Н. М. Лапа, Э. Ш. Перегудова и др.) под общим руководством Е.И. Пассова. В них иноязычное образование направлено на овладение школьниками, являющимися носителями культуры своей страны, иноязычной культурой и языком как ее неотъемлемой частью.

В связи с этим, обучение с помощью названных учебников представляет собой процесс всестороннего познания учащимися культуры англоговорящих стран и английского языка, как средства общения в этих странах, сопровождающийся их сравнением с аналогичными явлениями в родной культуре школьников.

Переход к термину социокультурная компетенция и выделение последней в самостоятельную цель обучения тесно связаны с идеей о том, что культура является продуктом деятельности людей, являющихся представителями определенного социума, и должна рассматриваться через призму их общественных и личностных взаимоотношений. Это повлекло усиление внимания к развивающему потенциалу культуры в формировании личности учащихся, их социальных качеств. В свою очередь, данный факт побудил методистов обратиться к понятию социализация, которая, по мнению психологов (Л. С. Выготский, И. С. Кон, Д. Б. Эльконин и др.), является одним из ведущих направлений развития школьников.

Социализация понимается как процесс усвоения индивидом «системы знаний, норм и ценностей, присущих определенной культуре, которые позволяют ему функционировать в качестве полноправного члена данного общества» [9, с. 1258]. Когда же ученики включаются в овладение иностранным языком, они прямо на уроке получают возможность погрузиться в иноязычную культуру, познать ее изнутри и научиться в ней действовать, пользуясь иностранным языком как средством общения. Здесь школьники постепенно присваивают знания об иной культуре, ее нормы и ценности, что и является основой, так называемой, вторичной социализации. Ее результатом, в свою очередь, становится готовность и способность школьников жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире, т. е. социокультурная компетенция.

Характеризуя социокультурную компетенцию, программа по иностранным языкам для общеобразовательной школы пишет, что она

направлена на приобщение учащихся к культуре, традициям и реалиям стран изучаемого языка, на формирование у них умений выделять общее и специфическое в разных культурных моделях и представлять свою страну, ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения [8, с. 95]. Поэтому одна из трех общих разговорных тем, которая пронизывает весь учебный процесс по иностранным языкам в школе, называется «Страны изучаемого языка». В ходе ее освоения школьники постепенно, от класса к классу получают самые разнообразные сведения о культуре стран изучаемого языка в самом широком смысле этого слова. Например, на протяжении всей линии УМК «Happy English. ru» [4] российский школьник Михаил Инин и его английские друзья, путешествуя по России и Великобритании, обмениваются информацией о традициях, обычаях и нормах жизни своих стран.

Кроме того, среди подходов, которые легли в основу современного иноязычного образования в общеобразовательной школе и на реализацию которых нацелена действующая программа по иностранным языкам, назван **социокультурный подход,** (Н.Д. Гальскова, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова и др.). В соответствии с данным подходом возникает необходимость моделировать образовательный процесс как активный «диалог культур», т. е. общение образов собственной культуры и так или иначе противопоставленного ей чужого мира в рамках одного сознания [7, с. 32]. Подобный диалог является важным фактором вторичной социализации учащихся, обеспечивающей «естественную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей мировой цивилизации, народа – носителя изучаемого языка и чужой культуры, а также конкретного социума, представителем которого является учащийся» [2, с. 15]. При таком подходе содержанием образовательного процесса становится иноязычная культура в ее сравнении с родной культурой школьников, а изучаемый иностранный

язык выступает в качестве нового средства ее познания, осознания и присвоения.

Подход, пишет А.Н. Щукин, «выступает в качестве самой общей лингводидактической основы обучения и дает представление об избранной стратегии обучения» [10, с. 104]. Это позволяет нам в дальнейшем говорить о социокультурной стратегии, которая, в свою очередь, служит основанием для выбора адекватных ей тактик, а именно: средств, способов, приемов и организационных форм формирования социокультурной компетенции.

Социокультурная стратегия предполагает создание в учебном процессе оптимальных условий для включения школьников в диалог культур с целью формирования соответствующей ей компетенции и развития учащихся как субъектов межкультурного иноязычного общения. Для этого целесообразно использовать две группы тактик. Первая из них предназначена для приобщения учащихся к культуре, традициям и реалиям стран изучаемого языка и нахождения в ходе этого процесса сходств и различий с родной культурой учащихся. В связи с этим она направлена на развитие умений школьников извлекать важную и интересную, новую и нужную информацию из прочитанного или прослушанного материала, соотносить ее с аналогичными сведениями из своей культуры, осмысливать их связи и взаимоотношения для определения своего место в этом сложном поликультурном мире. Вторая группа тактик обеспечивает учащимся умения представлять свою страну и ее культуру, общаясь с носителями иностранного языка.

В качестве средств реализации названных тактик могут, во-первых, выступать тексты страноведческого характера. Их содержание и структура должны отвечать критериям аутентичности, актуальности и адекватности тому виду речевой дельности, в качестве образцов которого они выступают. Это могут быть художественные, публицистические, научно-популярные, прагматические и учебные разговорные тексты, содержащие сведения или

только об одной стране, или о разных странах, в том числе и о родной стране, в сравнении.

Особый интерес представляют тексты, где показывается, как под влиянием тех или иных событий в жизни стран, явлений природы изменяется жизнь людей, какие особые формы она приобретает, что делает один народ отличным от другого. Именно из подобных текстов школьники получают самую разнообразную информацию, связанную с жизнью стран изучаемого языка, а также образцы предъявления такой информации для успешного общения с представителями этих стран.

Вторая группа средств включает упражнения для работы с описанными текстами. Способы и приемы выполнения этих упражнений должны быть направлены на то, чтобы создать у учащихся наиболее точные и полные представления о культуре стран изучаемого языка, обратить их внимание на сходства и различия родной и иноязычной культур, дать образцы представления родной культуры в различных ситуациях межкультурного общения. Поэтому упражнения целесообразно строить таким образом, чтобы направить внимание школьников на важные факты, научить соотносить уже известное с полученным вновь, выявлять сходства и различия, выражать свое отношение, находить связь между прочитанным и реальной жизнью, чтобы побудить учеников задуматься о своем месте в современном мире.

Процесс выполнения таких упражнений начинается с решения поисковых задач, когда учащиеся находят в тексте ответы на простые и уточняющие вопросы, показывающие, насколько полно и точно понято его содержание. За ними следуют поисково-творческие и творческие задачи, предлагающие школьникам интерпретировать полученную информацию, оценить ее с точки зрения ценностей своей культуры, предположить, что могло бы произойти в условиях другой культуры, ответить на вопрос о том, как бы ученик поступил в подобной ситуации, но уже в иной стране. Эффект от выполнения этих упражнений значительно повышается, если они

выполняются со зрительными опорами, иллюстрирующими полученные сведения, сопровождаются функциональными опорами, помогающими учащимся включиться в их обсуждение и делать это грамотно с точки зрения иностранного языка, а также проводятся в групповой форме.

Для этого школьников необходимо включить в совместную и коллективную познавательную, преобразовательную и ценностно-ориентационную деятельность (5), которые при межличностном и межкультурном общении с носителями языка обслуживаются иноязычными речевыми средствами. Именно названные виды деятельности при их правильной организации создадут на уроке условия, максимально приближенные к тому, как функционирует диалог культур в жизнедеятельности людей разных стран.

И наконец, эффективность и особенно результативность процесса формирования социокультурной компетенции зависят от того, принадлежат ли описанные тактики к определенной педагогической технологии, или представляют собой произвольный набор. Необходимость первого объясняется тем, что взаимодействия учителя и школьников в технологии организованы «на основе четкого структурирования, программирования, алгоритмизации, стандартизации способов и приемов обучения и воспитания» и направлены на достижение устойчивого позитивного результата «в усвоении учащимися знаний, умений и навыков, в формировании социально ценных норм и привычек» [3, с. 16].

К таким технологиям мы отнесли технологии развития критического мышления через чтение и письмо (И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек и др.), обучения в сотрудничестве (Е.С. Полат, А.Ю. Уваров и др.), проектов (И.А. Зимняя, Е.С. Полат, Т.Е. Сахарова и др.) и мастерских (И.А. Мухина, А.А. Окунев и др.). Покажем, как могут функционировать описанные выше тактики формирования социокультурной компетенции в рамках первой из названных технологий. Технология развития критического мышления через

чтение и письмо направлена на приобретение учащимися таких умений, как грамотно работать с информацией, выдвигая гипотезы, сопоставляя альтернативные варианты и формулируя аргументированные обобщения и выводы; самостоятельно, творчески и критически мыслить; осознавать, каким образом можно использовать усвоенные знания в окружающей действительности; генерировать новые идеи (6).

Развитие перечисленных умений происходит в ходе работы с текстами проблемного характера, в нашем случае страноведческой направленности, где ученики включаются в активный мыслительный процесс на трех его фазах. Фаза вызова стимулирует школьников вспомнить то, что они уже знают по проблеме, систематизировать эту информацию и сформулировать вопросы, на которые они хотели бы получить ответы при ее дальнейшем изучении. Для этого могут использоваться такие приемы, как «мозговая атака», заполнение кластеров, первых двух колонок таблицы «Знаю - хочу узнать - узнал», перепутанные логические цепочки и т.п.

На фазе осмысления ученики приступают к работе с текстами, чтобы, используя приемы активного чтения, получить новую информацию по проблеме, выявить точки зрения авторов на ее решение, их сходства и различия, достоинства и недостатки. К таким приемам относятся ответы на вопросы, поставленные на фазе вызова, на вопросы Блума, составление денотатных карт, INSERT, заполнение схем и диаграмм (Story Frame, Story Pyramid, Story Map, Contrast – Compare Chart, Fish Bone), взаимоопрос и т.п.

Фаза рефлексии предназначена для того, чтобы школьники могли соотнести полученную информацию с уже известной ранее, со своим жизненным опытом, внести необходимые изменения и уточнения, сформулировать свою точку зрения в устной или в письменной форме. Здесь же ученикам предлагается принять участие в обсуждении полученных результатов, оценить их, чтобы выработать общее решение или просто проверить точность и полноту своего понимания проблемы. С этой целью

используются такие приемы, как групповые и перекрестные дискуссии, синквейн, рефлексивные вопросы, «авторский стул», когда ученик зачитывает свое эссе всему классу, а школьники высказывают свое мнение по его содержанию и структуре, и т.п.

В результате школьники познают культуру стран изучаемого языка, приобретают умения выделять общее и специфичное в разных культурах и представлять собственную культуру с помощью новых иноязычных средств общения. Благодаря соприкосновению с иноязычной культурой расширяется кругозор учащихся, они осознают свою культурную принадлежность и самобытность, с одной стороны, а с другой, у них развиваются такие качества, как толерантность, эмпатия, уважительное отношение к другим народам, стремление бесконфликтно сотрудничать с ними для решения насущных жизненных проблем в разнообразных социально-детерминированных ситуациях. Все это является весомым вкладом предмета «иностранный язык» в формирование ключевой социокультурной компетенции выпускников общеобразовательной школы.

Список литературы

1. Английский язык: Учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений /В. П. Кузовлев, Н. М. Лапа, Э. Ш. Перегудова и др. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2007. – 319 с.

2. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лигв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений /Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: «Академия», 2004. – 336 с.

3. Даутова, О.Б. Современные педагогические технологии в профильном обучении: учеб.-метод. пособие для учителей /О. Б. Даутова, О. Н. Крылова /Под ред. А.П. Тряпицыной. – СПб.: Каро, 2006. – 176 с.

4. Кауфман, К. И. Happy English. Ru: Учеб. Для 7 кл. общеобразоват. учреждений / К. И. Кауфман, М. Ю. Кауфман. – М.: Дрофа, 2005. – 297 с.

5. Куклина, С.С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением: монография / С. С. Кук лина. – Киров: изд-во ВятГГУ, 2007. – 81 с.

6. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования /Под ред. Е.С. Полат. – М.: Академия, 2003. – 272 с.

7. Ожогина, И. А. «Диалог культур» на уроках ИЯ с использованием НРК в условиях социальной адаптации. – URL: http://www.profistart.ru/ps/blog/1987.html

8. Примерные программы по иностранным языкам: Сборник нормативных документов. Иностранный язык / сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. 2-е изд. - М.: Дрофа, 2007. – 287 с.

9. Советский энциклопедический словарь. / Отв. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

10. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учеб.пособие для преподавателей и студентов /А. Н. Щукин.– М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

Мирзоева В. М., Рюмшина Н. В. (Тверь, Россия)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ И НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К ТЕМЕ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современная действительность нацеливает занятия, посвященные историческим темам, на совершенствование унифицированной схемы методических рекомендаций для преподавателей, что должно дать возможность каждому студенту понять и принять лингвострановедческий материал.

Ключевые слова: лингвокультурная среда, лингвистическая компетенция, продуктивный словарь, рецептивный словарь, тематико-семантические группы, лингвострановедческий материал, средства зрительной наглядности, диалогическая речь.

Mirzoeva V. M., Ryumshina N. V. (Tver, Russia)

EDUCATIONAL RESULT AND MORAL DEVELOPMENT IN PERSON-ORIENTED APPROACH TO THE SUBJECT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Contemporary reality aims lessons devoted to the historical themes at the improvement of unified scheme of methodological recommendations for teachers, which should enable each student to understand and accept lingvuistic-and-region studies material.

Key words: linguistic cultural environment, linguistic competence, productive vocabulary, receptive vocabulary, subject-semantic groups, lingvuistic-and-region studies material, means of visual clarity, dialogic speech.

«Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может», - был уверен академик И. И. Срезневский [1, с. 16]. Поэтому является оправданным подход к процессу изучения и преподавания РКИ как к процессу усвоения личностной системы ценностей, относящихся к российскому образу жизни,

действительности, культуре и традициям русского народа, т. е. «процессу аккультурации иностранцев» [2, с. 87].

Важно помнить и о том, что изучаемый язык сам по себе «не отдает» хранимую им информацию, необходимы целенаправленные усилия преподавателя и заложенная в программе обучения ориентированность на русскую культуру, обычаи и традиции. Результатом такой работы станет достаточно быстрая адаптация иностранных учащихся к российской действительности. Ведь студентам из других стран, приезжающим учиться в российские вузы, требуются не только знание языка, но и понимание той страны, в условиях лингвокультурной среды которой они будут проживать в течение нескольких лет.

События Великой Отечественной войны 1941–1945 годов оставили в памяти русского народа неизгладимый след: начало войны, оборона Брестской крепости, Смоленское сражение, битва за Москву, блокада Ленинграда, оборона Керчи и Севастополя, Сталинградская битва, танковое сражение под Курском, форсирование Днепра, освобождение захваченных фашистской армией городов – всё это далеко не полный перечень героических и трагических страниц истории России. И, конечно, День Победы остается на протяжении многих лет одним из самых любимых праздников россиян. Однако исторические темы представляют собой сложный и значительный по объему объект для изучения иностранными учащимися. Необходим строгий отбор и организация языкового материала, адекватного коммуникативным целям данного этапа обучения. При этом должен учитываться уровень владения русским языком иностранными учащимися. В основу текстов могут быть положены только адаптированные материалы из учебников по истории России. Тексты содержат строго отобранный лексический и грамматический минимум (содержание лингвистической компетенции каждого уровня определено в Государственном стандарте).

В работе с иностранными учащимися уделяется большое внимание обогащению продуктивного и рецептивного словаря. Эффективность работы в этом аспекте зависит во многом от формы предъявления лексики на занятиях. Так, при работе с глаголами используется несколько принципов их объединения: тематико-ситуативный, морфологический и синтаксический. Приоритет же того или иного принципа зависит от информативной ценности текстов, в которых употребляются глаголы, их частотности и многочисленности в группах, сочетаемости с субстантивной лексикой и морфологической ценности. Например, актуальны следующие тематико-семантические группы: а) война (воевать, сражаться, оборонять, атаковать, оккупировать, стрелять, бомбардировать и т. п.); б) госпиталь (ранить, оперировать, отрезать, бинтовать, ожечь, перевозить и т. п.); в) жизнь и смерть (погибать, умереть, ожить, прийти в себя, очнуться и т. п.); г) психоэмоциональное состояние (ужасаться, испугаться, расстроиться, переживать, страдать, радоваться и т. п.) и т. д.

Современная действительность нацеливает занятия, посвященные историческим темам, на совершенствование унифицированной схемы методических рекомендаций для преподавателей, что должно дать возможность каждому студенту понять и принять лингвострановедческий материал (нельзя забывать и о том, что порой иностранные учащиеся имеют искаженное представление о событиях тех лет, так как учебные материалы, включенные в программу по истории, в некоторых странах являются заложниками политических взглядов и убеждений правящих партий).

Перспективным зарекомендовал себя опыт создания таких учебных занятий, во время которых учащиеся сами активно включены в процесс обучения. Так, особое внимание в работе с иностранными учащимися уделяется активизации средств зрительной наглядности. Это обеспечивается прежде всего использованием современных компьютерных технологий, включающих в том числе и самостоятельную подготовку студентами

презентаций на заданные темы: «Начало войны», «Битва за Москву», «Освобождение Калинина», «Блокада Ленинграда», «День Победы». Таким образом, иностранные учащиеся развивают навыки самостоятельной работы, поиска информации, необходимые для успешной учёбе в вузе.

Особое внимание уделяется развитию устной диалогической речи, с этой целью преподаватели кафедры русского языка проводят занятия-семинары, позволяющие каждому иностранному учащемуся высказать свое мнение на заданную тему.

К традиционным, но не потерявшим своего значения до настоящего времени наглядным «пособиям» относятся видеофильмы, посвященные событиям Великой Отечественной войны: «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Мы из будущего». Скромные черно-белые фильмы («Баллада о солдате», «Летят журавли»), лишенные ярких военных действий, но полные лиризма и душевной доброты, нравственной цельности, и сейчас производят на зрителей впечатление, а иностранным учащимся помогают лучше понять не только жизнь военных лет, но и суть русской души и характера. Видеофильм «Мы из будущего» интересен иностранным учащимся в первую очередь тем, что показывает связь времён и помогает понять, что воспоминания о событиях Великой Отечественной войны и сегодня остаются ценными для русского народа.

Важной частью завершающего этапа цикла занятий, посвященных Великой Отечественной войне, является участие иностранных студентов в интернациональном вечере «Знаем. Помним. Гордимся», который организовывают студенты 1 курса и преподаватели кафедры русского языка ТГМА совместно с учащимися средних школ. Участники этого вечера читают стихотворения о войне и Победе, поют песни военных лет, имеют возможность в непринужденной обстановке пообщаться с русскими сверстниками.

Завершающим этапом изучения темы Великой Отечественной войны можно считать участие в экскурсиях в Тверской краеведческий музей и в Москву на Поклонную гору.

Список литературы

1. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. - М.: 2006.

2. Кухаревич Н. Е. Проблемы социально-культурной адаптации студентов-иностранцев на первом году обучения/ Проблемы теории и методики обучения. – М.: 2000. – 190 с.

О. А. Чечина, Г. В. Гостева (Воронеж, Россия)

РОЛЬ И МЕСТО РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Статья посвящена роли русской литературы в обучении русскому языку как иностранному, а также особенностям работы над художественным текстом со студентами технического вуза. Авторы рассматривают такие методические проблемы, как отбор произведений, адаптация оригинальных текстов, последовательность в чтении, а также дают практические рекомендации.
Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская литература, художественный текст, отбор и адаптация текстов.

O. A. Chechina, G. V. Gosteva (Voronezh, Russia)

ROLE AND PLACE OF RUSSIAN ARTISTIC LITERATURE IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE STUDENTS OF TECHNICAL COLLEGE

The article is devoted to role of Russian literature in teaching Russian as foreign language and to peculiarities of work at artistic text with students of technical specialties. Authors analyse methodical problems of choice and adaptation of original texts, of succession in reading and also give practical recommendations.
Key words: Russian as foreign language, Russian literature, artistic text, choice and adaptation of texts.

В сложном и многообразном педагогическом процессе обучения иностранных студентов-нефилологов русскому языку своё определённое место занимает работа с произведениями художественной литературы.

Обучение студентов-иностранцев нефилологических специальностей чтению художественных текстов повествовательного характера предусмотрено Государственным образовательным стандартом по русскому языку как иностранному (РКИ) (Второй уровень. Общее владение). По Стандарту иностранец при чтении художественной литературы должен уметь следить за ходом событий, изложенных в тексте, квалифицировать способ сообщения, определять тему и идею произведения, определять сопричастность автора событию, выражать отношение к прочитанному.

Включение оригинальных художественных текстов в программу практических занятий по РКИ способствует реализации трёх основных целей обучения: коммуникативной, образовательной и воспитательной.

Ведущей на всех этапах обучения является коммуникативная цель, так как главная задача учебного процесса – научить иностранных студентов русскому языку как средству общения в профессионально-деловой, бытовой и в социально-культурной сферах. Обучение общению в социально-культурной и бытовой сферах невозможно без получения студентами страноведческих знаний, без знакомства с различными сторонами российской действительности: с историей и современной жизнью, с общественным и государственным строем России, с культурой, обычаями, традициями народа. Одним из источников таких знаний являются произведения русской художественной литературы.

При определении образовательной цели в обучении РКИ основное внимание уделяется страноведению, о котором уже говорилось ранее, а также развитию у студентов логического мышления, совершенствованию умений и навыков строить собственное высказывание, вести беседу на русском языке, что реализуется в работе с текстовым материалом (в том числе и в работе с художественными текстами, имеющими сюжетную основу). Чтение и анализ литературных произведений способствуют развитию речи учащихся. Важно отметить, что эффективность развития речи зависит от содержания произведения: если оно увлекательно, проблемно, то у студентов возникает желание его прочитать, а затем обсудить; и, напротив, скучное произведение не вызовет интереса, живого разговора.

Воспитательная цель обучения РКИ на продвинутом и завершающем этапах (1-5 курсы) реализуется в процессе чтения произведений художественной литературы проблемного характера, анализа их идейного содержания, в ходе бесед о прочитанном, дискуссий. Так называемые «бытовые тексты», в которых рассказывается о поступках людей,

воспитывают у учащихся культуру поведения в различных жизненных ситуациях. Воспитательная цель осуществляется тем успешнее, чем больше речевые возможности студентов: больший охват источников с пониманием их содержания, больший словарный запас и возможности понимания и продуцирования устной речи.

Кроме названных целей, чтение художественной литературы служит важной практической цели, так как является средством изучения языка. Систематические занятия способствуют выработке навыков синтетического чтения, то есть понимания текста на иностранном языке как единого смыслового целого без предварительного анализа лексики и грамматических форм, без посредства перевода на родной язык.

При включении произведений русской литературы в программу по РКИ возникает ряд трудностей, среди которых выделяются: 1) проблема выбора произведений, 2) проблема адаптации оригинальных текстов, 3) проблема последовательности в чтении. Все эти проблемы взаимосвязаны.

В процессе работы с художественными текстами важно вызвать у учащихся интерес к чтению, поэтому при выборе произведений необходимо учитывать их художественную ценность, динамичность и занимательность сюжета, важность социальных и морально-этических проблем, остроту конфликтов. Критериями отбора художественных текстов (на продвинутом и завершающем этапах обучения РКИ) являются следующие.

1. Текст должен представлять собой оригинальное литературное произведение; адаптация на этом этапе производится, как правило, по линии сокращения текста и объяснения реалий и лексики. На 1 курсе студентам можно предложить небольшие по объёму прозаические произведения или отрывки с ясной сюжетной линией и небольшим числом героев; далее тексты должны усложняться за счёт увеличения объёма, минимизации адаптации, содержания новой страноведческой информации.

2. Текст (или отрывок текста) по содержанию должен быть законченным, что является необходимым условием адекватного восприятия информации текста. При чтении отрывка из художественного произведения студенты должны получить представление о его месте в общей канве рассказа, повести, романа.

3. Текст по своему содержанию должен соответствовать образовательным и воспитательным целям, то есть он должен являться источником какой-либо информации (например, страноведческой, учебно-бытовой), а также должен быть рассмотрен с точки зрения его идейного содержания.

4. По языковому оформлению текст должен соответствовать нормам книжно-литературного языка или разговорной речи, то есть содержать минимальное количество диалектизмов, жаргонизмов и подобных отклонений от нормы, которые должны отражаться в комментариях.

5. Текст должен быть доступным. Особое значение имеет языковая доступность произведений, так как часть их предназначается для домашнего чтения. При отборе текстов должна учитываться их языковая трудность, то есть количественное содержание неизвестного студентам грамматического и лексического материала. Практика работы на 1-5 курсах показывает, что сначала наибольшие трудности у иностранцев вызывает незнакомый лексический материал, но с возрастанием этапа учащиеся всё легче преодолевают языковые трудности, поэтому можно переходить к чтению текстов, содержащих больше новых слов. [2, с. 23-26]

Обучение чтению художественных произведений на продвинутом и завершающем этапах (1-5 курсы) предполагает формирование у иностранных студентов-нефилологов такой читательской компетенции, которая обеспечила бы адекватность понимания содержания и авторской идеи произведения в процессе самостоятельного чтения.

Формирование такой компетенции – это сложный процесс, сопряжённый с рядом трудностей. Первая трудность связана с восприятием произведения. Она обусловлена тем, что художественная литература знакомит иностранных учащихся с новой для них культурой, о которой они имеют поверхностное, а порой и искажённое представление. Вторая трудность заключается в том, что у многих студентов-нефилологов часто бывают недостаточно сформированы навыки чтения и восприятия художественного текста на родном языке. Поэтому, как правило, читая художественное произведение на русском (иностранном для них) языке, студенты не понимают, на что они должны обратить внимание, о чём и в какой последовательности говорить при обсуждении прочитанного на занятии.

Включение литературного произведения в учебный процесс и работа над ним предполагают наличие у студентов языковой, речевой и коммуникативной компетенций определённого уровня. Языковая компетенция предполагает владение учащимся системой сведений об изучаемом языке по его уровням, таким как фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис простого и сложного предложения, основы стилистики текста [1, с. 407]. Речевая компетенция – это владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи [1, с. 291]. Речевая компетенция входит в состав коммуникативной компетенции, которая предполагает способность учащегося решать средствами иностранного языка актуальные задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения [1, с. 109]. Все эти компетенции иностранных студентов обеспечивают адекватное восприятие ими художественного текста, однако такие знания недостаточны для глубокого проникновения в его смысл. Для

этого студент должен осознавать, как слово помогает при чтении произведения представить жизнь иной страны, проникнуть в образ мыслей другого народа. Поэтому студенты-иностранцы должны обладать страноведческой компетенцией, то есть совокупностью знаний о стране изучаемого языка [1, с. 342].

От степени сформированности всех названных компетенций зависит умение учащихся интерпретировать художественный текст. Интерпретация включает в себя 3 последовательных взаимосвязанных этапа: чтение, осмысление, обсуждение.

Каким же образом от курса к курсу студенты учатся интерпретировать текст литературного произведения на иностранном языке?

Ограниченность лексического запаса и недостаточность языковой и речевой компетенций иностранных студентов 1 курса не позволяют обращаться к произведениям с разветвлённой фабулой, противоречивыми характерами, сложными конфликтами. Студентам 1 курса можно предложить небольшие адаптированные или сокращённые рассказы А. Васильева, Л. Зорина, Б. Ласкина, В. Драгунского; для сильных студентов можно взять произведения среднего объёма и трудности (с сокращением или в отрывках).

На этом этапе закладываются лишь те навыки анализа художественного текста, которые дают ориентиры для понимания содержательной основы произведения. А для этого в учебном процессе необходимо предусмотреть такие виды заданий, которые учили бы студентов правильно формулировать ответ на вопрос «О чём говорится..?».

Кроме этого, уже на 1 курсе студентам можно дать схему анализа произведения, которая будет являться основой самостоятельного анализа и осмысления художественного текста в дальнейшем. Такая схема может иметь следующий вид: 1) когда и где происходит действие произведения; 2) характеристика героев; 3) какие события описываются в произведении, что послужило толчком к развитию действия (характеристика центрального

конфликта); 4) определение темы произведения; 5) определение авторской идеи произведения; 6) анализ речевых средств образности; 7) отношение к прочитанному произведению.

Со студентами 2-3 курсов можно читать произведения большего объёма и сложности, но тоже с некоторой предварительной обработкой текста. Это могут быть рассказы М. Пришвина, К. Паустовского, А. Грина, А. Куприна, С. Абрамова, А. Алексина, А. Гайдара, М. Горького, А. Вампилова, Л. Пантелеева, П. Проскурина, юмористические рассказы А. Чехова и М. Зощенко.

На 2 курсе у студентов-иностранцев продолжается формирование читательской компетенции, развиваются новые умения и навыки, такие как: 1) умение анализировать словесные образы, создаваемые с помощью тропов (эпитеты, метафоры и т.д.); 2) умение определять авторскую позицию, обращаясь к речевым структурам; 3) умение дифференцировать точки зрения повествователя и персонажей; 4) умение характеризовать взаимоотношения героев и определять основу развития сюжета; 5) умение воспроизводить основную идею, если она выражена в тексте.

Все названные умения и навыки позволят студентам участвовать в диалоге-беседе. На этом этапе обучения аудиторная работа под руководством преподавателя должна сочетаться с элементами самостоятельной работы. Необходимо научить студентов самим находить слова и фразы, называющие страноведческие реалии, языковые единицы, затрудняющие восприятие текста, а также снимать эти трудности. С этой целью важно обучить студентов пользоваться всеми источниками информации (комментариями, словарями, энциклопедиями и другой дополнительной литературой).

На 2 курсе в процессе чтения и анализа художественных текстов можно ввести понятия поэтической образности и некоторых видов тропов (эпитет, олицетворение, сравнение, метафора). Студенты должны учиться распознавать средства художественно-образной речевой конкретизации,

понимать механизм их создания. Для этого преподаватель сначала должен объяснить специфику определённых тропов, показать их реализацию в тексте. На следующем этапе студенты под руководством преподавателя находят конкретные тропы в тексте художественного произведения. Следует отметить, что анализ художественной образности не является самоцелью, поскольку речь идёт о работе со студентами-нефилолгами.

На 3 курсе, когда значительно обогащается лексический запас и совершенствуются языковая, речевая и страноведческая компетенции студентов, можно выбирать для чтения произведения большего объёма и трудности (языковой, содержательной, художественной и страноведческой). Например, произведения А. С. Пушкина («Повести Белкина»), И. С. Тургенева («Ася», «Первая любовь»), рассказы Л. Н. Толстого («После бала» и другие), Ю. Казакова («Голубое и зелёное»), рассказы А. П. Чехова («Человек в футляре», «Попрыгунья» и другие), И. А. Бунина (из цикла «Тёмные аллеи).

На этом этапе основой интерпретации художественного произведения должна стать работа по выявлению и осмыслению художественного конфликта. Понимание сложных произведений русской классической литературы часто осложняется не только языковыми, страноведческими и стилистическими трудностями, но и многообразием художественных конфликтов.

Неправильное выявление основы сюжета влечёт за собой неверную интерпретацию авторского замысла. Так, например, определяя достаточно точно характеры главных героев рассказа Л. Н. Толстого «После бала», понимая последовательность развития событий, некоторые студенты могут видеть суть рассказа в том, что Иван Васильевич (рассказчик) недостаточно сильно любил Вареньку, если смог отказаться от неё после разоблачения её отца (полковника). В данном случае из двух конфликтов, развивающихся в рассказе, студенты выбирают второстепенный, что искажает замысел автора.

Научить студентов находить и понимать суть художественного конфликта – вот в чём заключается задача преподавателя на данном и последующем этапах обучения.

На 4 и 5 курсах происходит завершение формирования умения определять основную идею произведения. Это высший уровень понимания художественной литературы. Определение идеи литературного произведения часто представляет трудность для филологов, а для иностранных студентов-нефилологов, принадлежащих к иной лингвокультурной общности, формулирование идейного замысла писателя зачастую остаётся за пределами возможного. На данном этапе обучения в центре внимания преподавателя должна находиться работа по выявлению авторской позиции.

На данном этапе можно продолжать знакомство с произведениями русской классической литературы, а также включить в программу для чтения образцы советской литературы, например, рассказы Ю. Трифонова, М. Булгакова, Ю. Бондарева, Е. Носова, А. Толстого и других авторов.

Параллельно с аудиторной работой над художественными текстами рекомендуется организовать самостоятельную работу студентов – домашнее чтение (самостоятельное и регулярное чтение учащимися литературы, которое ведётся под руководством и контролем преподавателя).

Необходимо отметить значение домашнего чтения как вида работы на 1-5 курсах обучения иностранных студентов, когда, с одной стороны, учащиеся уже могут самостоятельно работать с текстом, имея необходимый для этого запас слов, знаний грамматики и практических навыков; а с другой стороны, из-за ограниченного количества часов, отводимых на практическую дисциплину «русский язык», самостоятельная работа студентов во внеаудиторное время приобретает особенную важность.

Как же лучше организовать занятия по домашнему чтению, чтобы получить максимальный результат от этого вида работы?

Чтению текста студентами предшествует его обработка преподавателем. Это может быть деление текста на смысловые части, сокращение текста, замена отдельных наиболее трудных для понимания слов и выражений, выбор отрывков из большого произведения, выделение трудных фрагментов текста для чтения их вместе с учащимися. Затем преподаватель выделяет опорные слова, которые необходимо знать для понимания текста, и слова и выражения, требующие активного усвоения учащимися, способствующие развитию их речи. Характер обработки текста меняется в зависимости от этапа чтения. Чем больше читают студенты, тем меньше требуется адаптации и выделения слов и выражений. На заключительном этапе текст даётся почти без изменений, с незначительной предварительной обработкой.

Перед чтением текста со студентами необходимо провести специальное занятие: рассказать об авторе и теме произведения, о времени и месте событий, в нём описанных. Также преподавателю необходимо сказать, как проводить работу по тексту, на какие слова и выражения обратить внимание, как отмечать непонятное. Иногда можно даже кратко рассказать учащимся содержание текста или только его начало. На первом этапе очень важно заинтересовать учащихся предстоящей работой. Затем можно провести пробное чтение текста. Так преподаватель может определить, труден ли текст, насколько он интересен, правильно ли студенты работают с текстом.

На следующем этапе студенты читают самостоятельно. Это регулярное чтение по размеченным страницам: от ¼ до 2 страниц в день. Контролируя работу студентов на данном этапе, преподаватель поясняет трудные для понимания слова, выражения, синтаксические конструкции. Некоторые вызвавшие затруднения фрагменты текста нужно прочитать и разобрать в аудитории. Когда языковые трудности сняты, возможен анализ содержания текста: пересказ прочитанного по вопросам, пересказ содержания отдельных частей текста, беседа с использованием опорных слов и конструкций.

Пересказывать весь прочитанный большой по объёму текст не рекомендуется.

По окончании чтения текста необходимо провести с каждым учащимся индивидуальное занятие – беседу по тексту. На этом занятии преподаватель выясняет, как студент понял идейное содержание текста, авторский замысел, каково его отношение к прочитанному произведению; путём ответов на вопросы повторяются и закрепляются нужные слова и выражения. Также возможно проведение письменной работы в форме отзыва о прочитанном.

В процессе работы меняется соотношение трудности текстов для аудиторного и для домашнего чтения. Первые тексты для домашнего чтения должны быть легче тех, что даются в аудитории. Они должны содержать минимум незнакомых слов и синтаксических конструкций; должны быть адаптированы сокращением, заменой трудных слов и словосочетаний. Эти тексты почти полностью понятны учащимся, поэтому они способны быстро включиться в новый для них вид работы. В дальнейшем следует в аудитории и дома читать тексты приблизительно одинаковой трудности, по возможности с близкой тематикой и лексикой. А на заключительном этапе обучения, в период свободного и обильного чтения, становится возможным давать тексты для домашнего чтения большие по объёму и с более трудной лексикой, чем те, которые читаются в аудитории.

В заключение отметим, что именно поэтапная и целенаправленная работа по обучению чтению литературных произведений способствует не только развитию навыков устной речи, расширению словарного запаса учащихся, их знакомству с историей и культурой России, но и формированию у студентов художественного восприятия текста. А это превращает сам процесс чтения в занятие полезное, заставляющее размышлять, доставляющее эстетическое удовольствие.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.

2. Вишнякова Т.А. Обучение русскому языку студентов-нефилологов / Т.А. Вишнякова. – М.: Русский язык, 1979. – 152 с.

8. Славянская языковая картина мира

Андрусив У. Б. (Ивано-Франковск, Украина)

КОНЦЕПТЫ *ВОЛЯ* И *СВОБОДА* В ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Статья посвящена анализу ассоциативного потенциала лингвокультурних концептов ВОЛЯ и СВОБОДА в польском языковом образе мира, осуществленного на материале ассоциативного эксперимента. Смоделирована структура ассоциативных полей концептов, обнаружены универсальные и лингвокультурно-маркированные элементы в их содержании, предопределенные культурными и ментальными факторами.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативный потенциал, концепт, лингвокультура, семантический гештальт.

Andrusiv U. (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

THE CONCEPTS *FREEDOM* (*ВОЛЯ*) AND *LIBERTY* (*СВОБОДА*) IN POLISH LINGUISTIC CULTURE (ON THE MATERIAL OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

The article is devoted to the analysis of associative potential of linguo-cultural concepts LIBERTY and FREEDOM in Polish linguistic image of the world, based on the materials of associative experiment. It modelles the structure of the associative fields of concepts and detaches universal and lingual-cultural marked meanings in their content, predefined by cultural and mental factors.

Key words: associative field, associative potencial, concept, linguo-culture, semantic gestalt.

Андрусив У. Б. (Івано-Франківськ, Україна)

КОНЦЕПТИ *ВОЛЯ* ТА *СВОБОДА* У ПОЛЬСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ (НА МАТЕРІАЛІ АСОЦІАТИВНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ)

У сучасній теорії мови активізуються міждисциплінарні розвідки, яким притаманне поєднання лінгвальних та екстралінгвальних факторів, що впливають на способи вербалізації уявлень людини про світ та саму себе як

носія певної культури в межах антропоцентричної парадигми сучасного мовознавства. Актуальними стають дослідження «ключових концептів культури» (Вежбицька 2001), «констант культури» (Степанов 1997) чи «лінгвокультурних концептів» (Карасик, Слишкін 2001), (Воркачов 2003) [4, с. 75-80], [2, с. 5-12].

Оскільки концепт з точки зору лінгвокультурології можна розглядати як пучок вербалізованих смислів, що мають культурне забарвлення, психолінгвістичний аналіз асоціативної структури концепту дає можливість змоделювати його структуру як фрагмента мовної картини світу, простежити універсальні та лінгвокультурно-марковані елементи у його змісті, зумовлені культурними, ментальними та історичними чинниками.

Отже, *метою* цієї розвідки є дослідження асоціативного потенціалу концептів ВОЛЯ та СВОБОДА в польській лінгвокультурі на матеріалі асоціативного експерименту. Концепти ВОЛЯ і СВОБОДА є т.зв. семантичними чи етимологічними дублетами (за термінологією С.Г. Воркачова), що втілюють «різнопозначуваність», аллонімію [2, с. 72]. Їх аналізом займались М. Абрамовіч, А. Вежбицька, С. Воркачев, В. Кононенко, О. Урисон, О. Падучева, та ін.

Матеріалом нашого дослідження є результати анкетування групи студентів Варшавського університету, носіїв польської мовної свідомості. Опитування населення з великих (найчастіше столичних) міст дає змогу уникнути регіональних та діалектних розбіжностей, оскільки туди з'їжджається (у даному випадку на навчання, адже опитувані – студенти) усе населення країни, а отже, ми можемо отримати зріз асоціативного мислення узагальненої лінгвокультурної особистості, під якою розуміємо «закріплений у мові (передусім у лексиці та синтаксисі) базовий національно-культурний прототип носія певної мови» [5, с. 121]. Кількість інформантів — 200 осіб, оскільки саме така кількість при психолінгвістичних експериментах є оптимальною та дає змогу побачити загальні тенденції асоціативної

поведінки, стереотипні та індивідуальні асоціативні реакції, здійснити типологію та структурування асоціативних полів, що вербалізують той чи інший лінгвокультурний концепт.

Обробка експериментальних даних відбувалася у два етапи: спочатку кількісна обробка із застосуванням статистичних методів, потім — якісна характеристика отриманих результатів, побудова семантичних гештальтів асоціативних полів ключових слів-стимулів *wolność* та *swoboda*.

При здійсненні кількісного аналізу ми брали до уваги загальну кількість асоціативних реакцій, кількість різних асоціатів, одиничних асоціативних реакцій та типів гештальту. При цьому також обчислювали рівень стереотипності реакцій за формулою:

$$R = N : \Sigma,\ 0 \leq R \leq 1,$$

де N — число асоціатів, а Σ — число всіх реакцій на даний стимул.

Чим більший рівень стереотипних реакцій — тим нижчим є його асоціативний потенціал, і навпаки — менша кількість стереотипних реакцій свідчить про вищий асоціативний потенціал концепту.

У процесі якісного асоціативного аналізу всі асоціативні реакції на аналізоване слово-стимул були розподілені на т.зв. типи гештальту — смислові зони, за якими відбувається асоціювання, формуючи таким чином польову будову асоціативного поля концепту.

О. Залевська розглядає асоціативне поле як неповну схему вивідних знань, типових та інваріантних за своїм характером, Ю. Караулов — як одиницю лексикону мовної особистості, як одиницю розуміння, одиницю мовної здатності [3, с. 156]. Асоціативне поле вказує на зміст, що входить в національний ментальний образ конкретного культурного предмета. Воно допомагає відкрити ті традиційні моделі поведінки, які впливають на включення слова-стимулу в певну систему зв’язків, притаманних тому чи іншому соціуму. Належність до одного народу, однієї культури робить «центр» асоціативного поля в цілому досить стабільним, а зв’язки —

постійно повторюваними в мові. Напрями асоціювання і появи реакцій звичайно виявляються уже в ядрі асоціативного поля і продовжуються на його периферії, складаючи його структуру, і можуть розглядатися як її відгалуження (**гештальти**) [1, с. 8].

Отже, всі отримані нами асоціати були розподілені за напрямами асоціювання, утворюючи типову модель референта для носіїв мови — семантичний гештальт.

Семантичний гештальт асоціативного поля
слова-стимулу *swoboda* у польській лінгвокультурі

I. **Вільність, невимушеність у поведінці, відвертість** (10): *luz 8, nagość 2.*

II. **Трактування** (7): *radość 4, dobro, przyjemność, wygoda, sielanka.*

III. **Суспільні права і свободи** (5): *liberalizm, rewolucja francuska, działania, działanie, słowa.*

IV. **Вільний час** (5): *odpoczynek 2, wakacje, weekend, lato.*

V. **Простір** (5): *przestrzeń 3, łąka 2.*

VI. **Особиста незалежність** (4): *niezależność 2, wolność myśli, ludzka.*

VII. **Святкування, розваги** (2): *impreza, zabawa.*

VIII. **Неволя, контроль** (2): *więzienie, manekin.*

IX. **Вільність від суспільних зобов'язань, розгнузданість** (2): *seks (hippis), rozpasanie.*

X. **Той, хто нею володіє**: *młodzież.*

XI. **Засоби масової інформації**: *radio.*

XII. **Торгівля**: *przepływ towaru.*

XIII. **Подорожування**: *podróże.*

XIV. **Творчість**: *pióro.*

До синонімічних асоціацій відносимо асоціат *wolność*, що налічує аж 131 реакцію, до асоціацій — когнітивних метафор — *wiatr 4, ptak 4, lina, powietrze, koń, chmury, biały, niebieski.* Серед обернених асоціативних зв'язків

концепт СВОБОДА у польській мовній свідомості актуалізують: wola ← *swoboda 5*, niepodległość ← *swoboda*, wolność ← *swoboda 44*.

Семантичний гештальт асоціативного поля

слова-стимулу *wolność* у польській лінгвокультурі

I. **Боротьба за державну незалежність** (20): *niepodległość 8, walka 4, ojczyzna 2, barykada, partyzantka, Polska, kraj, Solidarności*, *Białoruś*.

II. **Трактування волі** (15): *spokój 3, szczeście 3, radość 2, miłość, bezpieczeństo, życie, dar, dojrzałość, cnota, przezroczysty*.

III. **Простір** (10): *przestreń 7, świat 2, pole.*

IV. **Суспільні права** (11): *słowa 4, równość 2, równość i braterstwo 2, słowo, demokracja, USA*.

V. **Воля (бажання, вільний вибір)** (9): *wybór 4, wola 2, wyboru, umysł, Fromm*.

VI. **Символіка** (8): *flaga 7, statua wolności.*

VII. **Творчість** (5): *wiersze, piosenka, muzyka, taniec, zespół «Boys».*

VIII. **Ставлення** (4): *cel 2, odpowiedzialność, małostkowy.*

IX. **Неволя** (3): *więzienie, niewola, kajdany.*

X. **Вседозволеність** (3): *brak ograniczeń, rób co chcesz, wódka.*

XI. **Святкування, розваги** (2): *zabawa, kawa*.

XII. **Політичний діяч** (2): *Łech Walęsa 2.*

XIII. **Виїзд на природу** (2): *góry, wyjazd*.

XIV. **Період**: *młodość.*

XV. **Вихідний день**: *sobota*.

XVI. **Той, хто нею володіє**: *dzieci*.

XVII. **Абсолют**: *Bóg*.

Асоціативне поле концепту містить також когнітивні метафори — *wiatr 4, ptak 4, niebo, skrzydła, latanie*; синонімічну асоціативну реакцію — *swoboda*, що зустрічається 44 рази. Зафіксована також досить значна кількість обернених асоціативних реакцій, що актуалізують концепт: wola ←

wolna 27, wolność 12, ojczyzna ← *wolna, wolność,* dom ← *wolność,* niepodległość ← *wolność 43, wolne,* moja ← *wolność 3,* móc ← *wolność 2,* swobodny ← *wolny 53, wolność,* Amerykański ← *wolny 3, statua wolności 2.*

Аналізуючи отримані статистичні дані, можна зробити висновок про вищий асоціативний потенціал концепту ВОЛЯ (*wolność*) в сучасному польському мовомисленні, про що свідчить більша кількість смислових зон у структурі асоціативного поля лексеми *wolność* — 17, тоді як асоціювання лексеми *swoboda* відбувається за 14 смисловими зонами. Зі 194 асоціацій, отриманих до лексеми *wolność*, 85 — різні асоціати, 64 — одиничні асоціативні реакції, тоді як з 200 асоціацій до лексеми *swoboda* 45 — різні асоціативні реакції та 35 — одиничні асоціати, що знову ж свідчить про більше лексичне багатство та різноманіття актуалізації в пам'яті концепту ВОЛЯ (*wolność*), його вищий асоціативний потенціал порівняно з концептом СВОБОДА (*swoboda*), який характеризується вищим рівнем стереотипності (0,22).

Отже, аналізуючи зміст гештальтів асоціативних полів концептів СВОБОДА та ВОЛЯ польської мовної свідомості, перше, на що варто звернути увагу, — розгалуженість обох полів, з яких більше смислових зон належить концепту ВОЛЯ, вираженому в польській мові лексемою *wolność.* У ядрі концепту (перших шести типах гештальту) збігаються лише дві когнітивні ознаки «суспільні права» та «трактування», проте остання містить такі асоціати в структурі асоціативного поля концепту СВОБОДА (*swoboda*), як *przyjemność, wygoda* та *selanka*, яких немає у відповідній смисловій зоні концепту ВОЛЯ (*wolność*) та характеризують свободу як поняття, що має елемент вигоди [6, с. 364], або ж просто ідилію, натомість пол. «wolność» виключає поняття особистої вигоди, це насамперед чеснота (*cnota*), дар (*dar*), зрілість (*dojrzałość*). Польському концепту СВОБОДА притаманні також смислові зони «вільність, невимушеність у поведінці, відвертість» (сюди входить популярне серед польської студентської молоді слово *luz* — «брак

обмежень»), «вільний час», «особиста незалежність», які цілком відсутні у структурі асоціативного поля *wolność*. Натомість в ядрі польського концепту ВОЛЯ (*wolność*) на першій позиції знаходиться когнітивна ознака «боротьба за державну незалежність», що містить такі асоціати, як *niepodległość 8, walka 4, ojczyzna 2, barykada, partyzantka, Polska, kraj, Solidarności* та ін., що характеризують реалії власне польського національно-визвольного процесу; близькою за змістом до неї є когнітивна ознака «символіка» (шоста позиція). На п'ятій позиції в ядрі міститься смислова зона «воля (бажання, вільний вибір)», яка близька до англ. *freedom* та укр. *воля.*

Якщо в смисловій зоні «неволя» концепту ВОЛЯ (*wolność*) містяться асоціати *więzienie, niewola, kajdany*, то в подібній смисловій зоні «неволя, контроль» концепту СВОБОДА (*swoboda*) міститься також асоціація *manekin*, що власне передбачає елемент контролю та маніпуляції зі сторони.

Когнітивна ознака «вседозволеність» у структурі гештальту концепту ВОЛЯ (*wolność*) польської лінгвокультури, як і когнітивна ознака «вільність від суспільних зобов'язань, розгнузданість», притаманна концепту СВОБОДА (*swoboda*), містить асоціати, які позначають насамперед не прийняту в суспільстві, аморальну («вільну») поведінку, яку пропагував, зокрема, рух хіпі (*rób co chcesz, brak ograniczeń, wódka*). Власне, чогось подібного не спостерігаємо в структурі концептів СВОБОДА (*freedom*) та ВОЛЯ (*liberty*) англо-американського лінгвокультурного простору, де, власне, запорукою свободи є певні обмеження, накладені суспільством, які її регулюють. Обидва концепти також мають у своїй асоціативній структурі смислову зону «свято, святкування», яка містить асоціати *impreza, zabawa* і т.д. Між іншим, серед асоціативних реакцій до лексеми *wolność* віднаходимо також асоціат *kawa* (незважаючи на домінацію у польській лінгвокультурі концепту ЧАЙ (*herbata*), що може вказувати про кількахвилинну перерву, перепочинок із кавою під час робочого дня або ж похід у гості, відпочинок з друзями, легке, невимушене спілкування за кавою.

Серед асоціатів — назв персоналій, які містяться в асоціативній структурі концепту ВОЛЯ (*wolność*) польської лінгвокультури, політичний діяч, що пов'язаний із здобуттям країною незалежності та початком демократії, — Лех Валенса, що знову ж повертає нас до трактування польської лексеми *wolność* насамперед у значенні політичної та державної свободи. Якщо ж така свобода (воля) здобута, відкритий шлях для окремих суспільних свобод (swobód), як-от слова («засоби масової інформації»), перетин кордонів та вільне пересування («подорожування»), експортно-імпортні процеси («торгівля») — смисли, що містяться на периферії асоціативного поля концепту СВОБОДА (*swoboda*). Натомість концепту ВОЛЯ (*wolność*) властиві асоціації, пов'язані з різними видами творчості (асоціативне поле лексеми *swoboda* налічує лише асоціацію з літературною творчістю), периферійна смислова зона «вихідний день» та звернення до абсолюту. «Wolność» як одна з найбільших цінностей в національній концептосфері найвищою мірою притаманна самому Творцеві (асоціат *Bóg*).

Аналіз прислів'їв із третьої та четвертої частини анкет польських респондентів показує досить значну перевагу функціонування концепту ВОЛЯ (*wolność*) у сучасному мовомисленні порівняно із концептом СВОБОДА (*swoboda*), що розгортається пареміями меншою мірою. Серед прислів'їв, актуалізованих у пам'яті респондентів, найпоширенішим є *Wolność Tomku w swoim domku (86)* (Воля Тому у власному домі), що відбиває власне польську ментальність, трактуючи в даному випадку *wolność* як свободу, владу, можливість робити, що хочеш, буття самим собою. Інше прислів'я, що корелює з англійським асоціативним поєднанням свободи та відповідальності, застерігає від невластивого розуміння волі, що веде до поневолення (*Zle pojmowana wolność prowadzi do zniewolenia 1* — Неправильне розуміння волі веде до неволі*; Gdyby kózka nie skakała, toby nóżki nie złamała 1* (Якщо б кізка не скакала, то би ніжки не зламала). Згадують сучасні реципієнти і часи польської «золотої волі» польської

шляхти — *Szlachcic w ugodzie równy wojewodzie 1* (Шляхтич в угоді рівний воєводі). Ряд прислів'їв актуалізує смислову зону «боротьба за державну незалежність», пов'язуючи «волю» з мечем, хрестом та важкими зусиллями (*Bo wolność krzyżami się mierzy 1*— Воля вимірюється хрестами*; Droga do wolności przez ciernie wiedzie 1* — Дорога до волі веде через терня).

І врешті, частина респондентів реагувала гаслами (прецедентними висловленнями), в яких наявні переважно обидва концепти та які розгортають смислову зону суспільної свободи та демократії (*Niech żyje wolność i swoboda! 3* — Нехай живе воля і свобода*; Wolność wiodąca lud na barykady 1* — Воля, що веде народ на барикади*; Nie ma wolności bez solidarności 1* (Немає волі без солідарності) (гра слів), також девіз французької революції (*Wolność, równość, braterstwo 1* — Свобода, рівність, братерство). Як правило, у таких гаслах «swoboda» йде після «wolności» (*Niech żyje wolność!!! I swoboda też 2* — Нехай живе воля!!! І свобода теж), оскільки громадянські права та свободи йдуть лише після політичної та державної незалежності та встановлення демократичного ладу.

Отже, як показує здійснений аналіз, концептам ВОЛЯ і СВОБОДА властиве відмінне смислове наповнення та різні ступені синонімічної близькості; структура асоціативних полів обох концептів в польській лінгвокультурі різна: так, лексемі *swoboda* властиві лише 14 смислових зон, тоді як лексемі *wolność* — аж 17, що свідчить про значний асоціативний потенціал (лексичне багатство та різноманіття вербалізації концепту в мові) концепту ВОЛЯ (*wolność*) в сучасному польському дискурсі (рівень стереотипності 0,22: 0,43).

Перспективою подальших досліджень є міжмовний порівняльний аналіз концептів ВОЛЯ та СВОБОДА в різних лінгвокультурних просторах, як слов'янському (зокрема, на матеріалі російської та української мов), так і в германському та романському (що є особливо цікавим), дослідження їх

асоціативних характеристик з метою зіставлення образів світу, виявлення універсальних та культурно-маркованих елементів у мовній свідомості.

Бібліографічний покажчик

1. Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови / Н.П. Бутенко. — Львів: Вища школа, 1979. — 120 с.

2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: [монография] / С.Г. Воркачев / Кубан. гос. технол. ун-т. — Краснодар, 2002. — 142 с.

3. Горошко Е. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. Горошко. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. — 316 с.

4. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75-80.

5. Маслова В.Л. Лингвокультурология. — 3-е изд., испр. / В.Л. Маслова. — М.: ИЦ Академия, 2001. — 204 с.

6. Antosiak A. Obraz *wolności* w czasopiśmie młodzieżowym „Bravo Girl!" // Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / pod red. J. Bartmińskiego. — Lublin: Wyd-wo UMCS, 2003. — S.361-381.

Дзюба Е. В. (Екатеринбург, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ИНТЕЛЛЕКТ» В «МАТЕРИАЛАХ…» И. И. СРЕЗНЕВСКОГО И РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Исследование направлено на изучение категории *интеллект* в контексте средневековых представлений о человеке. Изучение лексической репрезентации данной категории сосредоточено на одном из источников информации – лексикографическом.
Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категория интеллекта, концепт *ум*, язык и культура Древней Руси.

Dzuyba E.V. (Yekaterinburg, Russia)

THE LEXICAL REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF "INTELLECT" IN "MATERIALS ..." I.I. SREZNEVSKII AND RELIGIOUS CULTURE OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES

The article is concentrated on *intellect* category within the context of mediaeval ideas of man. The research of the lexical representation of this category is based on the lexicographic source of information.
Key words: cognitive linguistics, *intellect* category, mind concept, old russian language and culture.

Категория интеллекта является важнейшей составляющей духовного мира любой национальной культуры. Нельзя отрицать, что концепты *ум, мудрость, глупость* относятся к базовым, константным лингвокультурным феноменам, однако структура и смысловое наполнение концептов в разные исторические периоды могут меняться. Так, современные представления русского человека об интеллекте, как и о других категориях духовной жизни человека, значительно отличаются от тех, которые бытовали в древнерусский период. Доказательством данного положения может послужить анализ лексических репрезентантов концепта *ум*, представленных в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского.

Основным источником языкового материала для И.И. Срезневского послужили памятники древнерусской письменности. Это, как замечает автор «Материалов…», «собственно русские памятники: …летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи», а также «памятники славяно-русской церковной письменности…» [18, с. 3].

В отношении временно́го периода собранной лексики И.И. Срезневский в заметке о своих трудах пояснил, что в «Материалах…» представлены три порядка слов: 1) слова, бывшие в употреблении издревле и частью *только* в древности, 2) слова, вошедшие в употребление не ранее XIV–XV века или / и позже, до начала XVIII века частью, и бывшие в употреблении *только* в это время, 3) слова, вошедшие в употребление в последние полтора века» (т. е. сер. XVIII–XIX вв.). Что касается стилистического разнообразия, то «Материалы…» содержат и книжную лексику, так как основным источником была церковная литература, и элементы народного языка. Так, И.И. Срезневский отмечает: «Из всех этих слов одни искони должны принадлежать народу, другие были достоянием книжного употребления и только частью переходили в общенародное употребление. Из тех и других наиболее важны: 1) слова, выражающие так или иначе быт народный, и 2) слова, изображающие отвлеченные или научные понятия и представления» [18, с. 4].

Письменность древнерусского периода, как отмечает В.М. Живов, включала тексты стандартные (текст Св. Писания и богослужения) и гибридные (например, летописи). «Стандартные церковнославянские тексты, – поясняет ученый, – служили … прямым образцом и в идеологическом, и в литературном, и в языковом отношении. …Они же оставались эталоном правильного книжного языка и для гибридных текстов. В соответствии с этим гибридные тексты осмыслялись как часть христианской литературы, а не как стоящий особняком культурный феномен... В иерархическом построении восточнославянской средневековой книжности именно эти

тексты (и стандартные, и гибридные, ориентированные на эталон) выступают как абсолютный, онтологической текст, служащий образцом и моделью для всего культурного пространства» [12, с. 40].

Иными словами, исследуемые И.И. Срезневским источники языкового материала (по терминологии В.М. Живова, стандартные и гибридные тексты) носили сугубо религиозный характер, что во многом обусловливает специфику представления изучаемого концепта в данном словаре, а именно: наличие религиозной доминанты. Это обусловлено особенностями картины мира средневекового человека, поскольку все культурное пространство того времени было подчинено христианскому мировидению (см. об этом работы Т.И. Вендиной [3], А.Я. Гуревича [7], В.М. Живова [13], Д.С. Лихачева [14].

Такая тенденциозность выявляется и при изучении концепта *ум*, что объяснимо реальной ситуацией того времени, точнее – типом культуры, господствовавшим в эпоху средневековья[44].

А.Я. Гуревич, рассматривая отношение средневекового человека к разным проявлениям жизни (экономическим, политическим, социальным и т. д.), подчеркивает, что исследователь не может понять культуру того времени, игнорируя систему ценностей, лежавших в основе миросозерцания людей средневековой эпохи [4, с. 8]. Исследователь настаивает: «…избирая объектом анализа художественное творчество либо право, историографию и другие отрасли духовной деятельности людей средних веков, мы не должны изолировать данную сферу этой деятельности из более широкого культурно-исторического контекста, ибо только в рамках этой целостности, которую мы

[44] Следует оговориться, что термин *Средневековье* можно использовать не только для европейской, но и для отечественной историко-культурной традиции. Известный исследователь культуры Средних Веков А.Я. Гуревич отмечает: «Спорным остается и вопрос о том, в какой мере понятие «Средние Века» приложимо к истории стран и народов за пределами Западной и Центральной Европы. Большинство историков склонно говорить о Средневековье применительно, собственно, только к этому региону. Однако получила известное распространение мысль о применимости термина «Средние Века» к истории России XIII-XVII веков, равно как и к истории ряда стран Азии и Дальнего Востока, включая Индию, Китай и Японию» [6, с. 40].

называем средневековой культурой, можно правильно понять те или иные его компоненты» [4, с. 10–11]. Организующим стержнем всей системы ценностей средневекового человека является религиозное чувство (см. об этом в работах В.М. Живова [11, 12, 13], П.М. Бицилли [1], А.Я. Гуревича [4, 5, 6], Д.С. Лихачева [14]. «Богословие представляло собой «наивысшее обобщение» социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение», – замечает А.Я. Гуревич [4, с. 11].

Очевидно, что и содержание концепта *ум*, которое было сформировано в языке средневековой Руси, носило отпечаток духовной культуры, отличающейся религиозной доминантой. В сознании человека древнерусского периода названный концепт был тесно связан с понятием духовности. Это четко прослеживается на примере значений слов *ум, сердце, душа, дух*, представленных в «Материалах…» И.И. Срезневского. У лексемы *умъ* значение ‘способность мыслить и познавать’ занимает вторую позицию, в то время как в современных словарях это значение мы наблюдаем на первом месте (ср. данные «Словаря русского языка: в 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС)»: «*ум* – 1. Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить»; данные «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «*ум* – 1. способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни»; данные «Современного толкового словаря русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой: «*ум* – м. 1. а) мыслительная способность, лежащая в основе сознательной деятельности; б) большая проницательность, незаурядный и тонкий разум; в) определенный склад мышления, особенности миропонимания; г) *разг.* здравый смысл, определяющий разумное поведение (в противоположность чувству). 2. Сознание, рассудок»).

Если в сознании современного носителя языка ментальная способность противопоставляется чувству, то для средневекового человека такого разделения не существует. Часто лексемы *ум, разум, дух, душа, сердце,* как это представлено в «Материалах…» И.И. Срезневского, употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами. Так, например, значение ‘душа, совокупность духовных сил’ объединяет слова *ум* в первом значении[45] (ср.: «*умъ* – 1) душа, совокупность духовных сил»), соответственно – *умный* в первом значении (ср.: «*умьныи* – 1) духовный; 2) умственный, относящийся к уму; 3) мысленный; 4) умный, разумный»), *разумный* в седьмом значении (ср.: «*разумьныи* – 1) одаренный разумом, умный, разумный; 7) относящийся к душе, духовный») и *сердце* в третьем значении (ср.: «*сьрдьце* – 3) дух, душа, средоточие жизненных сил человека, совокупность ощущений, мыслей и чувствований»). Встречающееся у И.И. Срезневского слово *великоумие* также имеет сему духовности (ср.: «*великоумие, великоумити*, то же, что *греч.* μεγαλοφρονειν – имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный»).

Идея неотделимости ума только как ментальной категории от чувства подтверждается и многочисленными контекстами, приведенными И.И. Срезневским, в которых представлены выражения *Сын мой дочь вашу* ***возлюбил умом; Душа*** *сидит в голове и* ***ум имеет****, как светлое око, в себе;*

[45] В «Материалах для словаря…» нет нумерации значений, так как это не итоговый вариант словаря, а лишь материалы для его составления. Однако в данной работе для удобства описания значения будут пронумерованы в соответствии с той последовательностью, которая предложена И.И. Срезневским. Безусловно, вопрос о принципе последовательности значений слова является спорным. Во-первых, очередность значений может быть обусловлена историческим принципом, т. е. вначале приводится материал из церковно-славянских текстов, далее – из древнерусских; во-вторых, последовательность может зависеть от степени значимости той или иной дефиниции, т. е. первичное значение более употребительно, чем последующие. В данном случае, вероятно, возможно совмещение этих принципов.

Целым своим ***умом пишу грамоту душевную; Душа****, молитвенной сладости лишаемая,* ***к*** *расслаблению и* ***умертвию умному*** (т. е. умерщвлению ума) ***приближается***... и др. (см. словарную статью умъ в «Материалах…» И.И. Срезневского). Понятия *ум, разум, дух, душа, сердце* имели общий компонент значения ‘духовность’. Для человека средневекового периода категории интеллектуального, эмоционального и этического не осознавались как отдельные, самостоятельные, сливаясь в одно глубокое религиозное чувство. Человек древнерусского периода и сердцем, и душой, и умом стремился постигать Бога.

Более широкая значимость слова-концепта *ум*, которое, в отличие от данных современного русского языка, вступает с семантикой слов *душа, дух, сердце, чувство* то в синонимичные отношения, то в отношения включения и т. д., объясняется и стремлением человека к полисемантичности языкового знака. Так, А.Я. Гуревич отмечает, что «все важнейшие термины его культуры (Средневековья – *Дзюба Е.В.*) многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл. …Умение дать «многосмысленное толкование» одного и того же текста – неотъемлемое качество интеллектуала средних веков» [4, с. 12]. «…Собственно говоря, – продолжает рассуждение исследователь, – есть только один язык, одна всеобъемлющая знаковая система, всякий раз особым образом расшифровываемая в зависимости от той сферы человеческой деятельности, к которой она применяется. Не связано ли с этим универсальное господство латыни в средневековой Европе?» [Там же]. «…и старославянского языка в статусе официального – в России», – можно дополнить мысль исследователя. Вероятно, именно стремление к полисемантичности языкового знака обусловливает обилие в книжном языке того периода слов, образованных способом сложения с корневым элементом *ум*, ср.: *великоумие, высокоумный, готовоумие, двуумие, детскоумный, доблеумный, доброумный, единоумие, жидовцеумец, злоумие, крепкоумный, малоумный, мужеумный, небоумный, нищетоумие,*

слабоумный, скудноумный, умовредный, умодвижение, умодельник, умодивный, худоумный, целоумный и мн. др. Это позволяет обеспечить корневой морфеме *ум* максимальную значимость, позволяет актуализировать разные компоненты или оттенки значения слова.

Ум не мыслится человеком средневековой Руси без Бога-Творца. С одной стороны, ум дается человеку Богом (ср.: *...Тогда открылся им ум, чтобы они разумели писание…; Ум свой имел от Бога…*), с другой стороны, только постигающий Бога человек (а в этом ему помогает ум, *как светлое око*) считается умным, ср.: *Будь понижен главою, высок умом, очи имея в земле, умнея в небесах* (т. е. опуская глаза в землю, умнея в небесах – о смирении, покорности, отсутствии гордыни, высокомерия для обретения высшей милости). В языке того времени активно использовались, судя по «Материалам…» И.И. Срезневского, и слова *небоумьныи*, т. е. ‘возвышенный, небесный, божественный’, ср.: *Небоумного разума Исайя носит образ...* (см. статью небоумьныи в «Материалах…» И.И. Срезневского), *богомудрыи*, т. е. ‘мудрый, как Бог’ и др.

А.Я. Гуревич подчеркивает, что некий «перводвигатель, высший разум, Бог, Творец, как бы эту сверхприродную силу ни называть, …был … постулатом, настоятельнейшей потребностью всего видения мира и нравственного сознания» средневекового человека, без Бога «он был неспособен объяснить мир и ориентироваться в нем. То была – для людей средневековья – высшая истина, вокруг которой группировались все их представления и идеи, истина, с которой были соотнесены их культурные и общественные ценности, конечный регулятивный принцип всей картины мира эпохи» [4, с. 6].

Все важные для средневекового человека категории мыслятся им сквозь призму религиозной нравственности. Так и ум может быть основой нравственности: ум может нести добро или зло, быть добрым или злым, быть достоянием Бога или сатаны, беса, что также реализуется в языке с помощью

экспрессивно окрашенных лексических элементов сложных слов, ср.: *доброумие*, *доблеумьныи* (от *умьныи* и *доблевание*, то есть доблесть) – с одной стороны, и *зълоумие* (то же, что *греч*. δυσβουλία – дурное решение или дурной совет, неблагоразумие), *высокоумие* (‘гордость, заносчивость’); *умовредьныи* (‘вредоносный’, т. е. ‘несущий вред уму’ (ср.: *Кроплением честной твоей крови скверная, умовредная вода, бесом приносимая, остановилась*), *суеумьныи* (‘лжемудрый’), *суемудрьныи* (‘лжеумствующий, лжемудрый’) – с другой стороны. При этом уму, который осмысляется как часть души человека, отводится важнейшая роль: он отвечает за нравственный выбор человека в пользу Божьей истины, ср. контексты в «Материалах…» И.И. Срезневского: *…человек умом ложь от истины отсекает, ...умом пишу грамоту душевную.* В народно-разговорной речи, точнее – в русских паремиях, также встречаются выражения, в которых ум или разум, голова (‘вместилище ума’), предстает как «повелитель», ум руководит всей деятельностью человека, ср.: *Свой ум – царь в голове; Хвост голове не указка; Голова всему начало; Ни небо, ни земля, видением бела, трое по ней ходят, одного водят, два соглядают, один повелевает* (загадка о письме: бумага, пальцы, перо, глаза, ум) и др. [8].

Лексическое значение ‘способность мыслить, познавать, разум’ занимает вторую позицию в «Материалах…» И.И. Срезневского, однако во многих контекстах сам процесс познания трактуется не столько как интеллектуальная процедура получения нового знания, как это представляется современному человеку, сколько как постижение Бога, постижение миропорядка, устроенного Богом, ср. контексты: *Тогда отверзся им ум, чтобы они понимали писание; Взглянув в небо умными очами, вздохнув из глубины сердца, произнес речь псаломскую* (см. дефиниции *умъ*, *умьныи*), см. также лексемы *богоразумие* и *богоразумение* (лат. *cognition Dei*), т.е. познание Бога. Даже слово *философ* имеет значение не просто ‘ученый муж’, но именно ‘богослов’.

Однако это не означает, что в древнерусских текстах не используется понятие *ум* как собственно интеллектуальная категория. Концептуальный смысл ‘знание, ученость, приобретенные в результате образования, постижения наук’, также оказывается актуальным. Так, в «Материалах…» И.И. Срезневского слово-концепт *умъ* оказывается эквивалентным греческому ’επιστήμης (ср.: «’επιστήμης – знание, умение, наука» [2]) и латинскому sapientia (ср.: «sapientia – 1) благоразумие, рассудительность, ум; 2) мудрость, знание; 3) философия» [9]).

Интересно, что семантический компонент ‘знание’, как это видно в «Материалах…» И.И. Срезневского, этимологически объединяет лексемы *ум* и *уметь*. *Умение* становится одним из значений (а именно: пятым по очередности в «Материалах…» И. И. Срезневского) слова *умъ*; собственное значение слова *умети* также связано с пониманием, знанием, ср.: «*умети* – 1) понимать, 2) знать; *умение* – 1) понимание, разумение; 2) разум…; *уметельство* – знание; неумение – незнание, неопытность; *неуметель* – несведущий, неопытный; *недоумети, недоумею* – 1) не постигать, не понимать; 2) не знать, не уметь»). У слова *уметель* первым фиксируется значение ‘знающий, опытный человек’, вторую позицию занимает значение ‘мастер’, третью – ‘ученый’. Лишь у слова *умодельникъ* в первую очередь актуализируется компонент значения практического действия, производимого руками, ср. дефиницию и контекст: «*умодельник* – мастер, художник: *...дело рук умодельника…*»).

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера также устанавливается этимологическая связь лексем *ум* и *уметь*, ср.: «уметь, умею, *укр*. умі́ти, умі́ю, *болг*. умея ‘умею, могу’, *сербохорв*. ȕмjети ‘знать, уметь’, *словен*. umę ti, *чеш*. uměti, umím ‘уметь, знать’, *слвц*. umeť, *польск*. umieć, *в.-луж.* wuměć, *н.-луж.* huměś. || **Праслав. *uměti связано с ум**» [19]. В поздние времена эта связь утратится, под умением будут понимать лишь наличие навыка, опыта в чем-либо, обученности какому-либо делу, чаще

производимому руками; ср. данные словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «*умение* – 1. см. Уметь. 2. Навык в каком-нибудь деле, опыт; *умелый* – обладающий умением, обнаруживающий умение, искусный (*Умелые руки*); *умелец* – умелый и искусный работник, человек с умелыми руками». Таким образом, в древнерусский период умение в первую очередь предполагает интеллектуальную, когнитивную процедуру понимания, приобретения знания (‘сначала понимаю, как сделано, устроено’), и только потом – умение как практический навык, опыт. Сама категория ума, тем не менее, в древнерусский период была также связана с наличием опыта, отсутствие ума – с отсутствием опыта в чем-либо (ср.: «*съмыслньноумныи* – благоразумный, опытный; *неумение* – незнание, неопытность; *неуметель* – несведущий, неопытный.

Частотным является и компонент значения ‘признак меры, степени, объема ума’. Однако этот компонент реализует не столько концептуальный смысл качества интеллекта как мыслительной и, главное – генерирующей, способности ума человека, сколько нравственную идею (ср.: «*великоумие, великоумити*, то же, что *греч*. μεγαλοφρονειν – имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный») или идею умственного здоровья, то есть здравомыслия, разумности, рассудительности (ср.: «*малоумъ, малоумьство*, то же что *лат*. amentia – безумие, отсутствие ума; *скудоумьство* – скудоумие, безрассудство; *скудьноумьныи* – неумный, неразумный; *нищетоумие* – слабость ума, неразумие»).

О.Н. Кондратьева отмечает, что в древнерусских летописях и деловых документах «отчетливо просматривается представление о здоровом как сохраняющем свою первозданную целостность объекте и о болезни как его разрушении, повреждении одного из элементов» [17, с. 160–161]. Так, в упомянутых текстах, как утверждает исследователь, часто встречается выражение целый *умъ* в значении ‘в полном разуме’, ‘в здравом рассудке’. Следует добавить, что в «Материалах…» фиксируется лексика

словообразовательного гнезда с корневыми элементами *целоум-* с иным значением: ‘целомудрие’, или ‘телесная чистота’ (ср.: *целоумие, целоумныи, целоумьне, целоумьство*), т. е. непорочность, телесная чистота сопрягается с нравственным и духовным здоровьем.

Идея умственного здоровья поддерживается также смысловыми компонентам силы или слабости ума (ср. лексемы *крепъкоумьныи*, *слабоумъ*), а также компонентом ‘возраст человека’ (ср.: *старьчьскыи* – 2) стариковский, безрассудный, глупый»).

Наличие у концепта *ум* признака ‘возрастные особенности’ можно подтвердить и другими контекстами, ср.: «*детьскоумьныи*, то же, что *греч.* νηπιόφρων», т.е. ‘детский ум’ (о слабоумном, неразумном человеке, нередко уже выжившем из ума, например: *детскоумный старец…*). В отношении признака ‘возраст’ ум противопоставляется душе и духу. Как отмечает, О.Н. Кондратьева, «у человека возраст определяется через понятия года, месяца, что невозможно для «внутреннего человека» (ср.: *человек сорока лет, ему сорок лет*, но не *душа сорока лет*, не *душе сорок лет*)» [17, с. 162]. Однако употребляются слова *детскоумный* и *старческий*, если речь идет о неразумности и слабоумии.

Крайняя степень слабоумия, безрассудства оборачивается безумием, которое в русской культурной традиции может трактоваться двойственно. Во-первых, безумие отождествляется с душевным расстройством, болезнью. В «Материалах…» И.И. Срезневского слово *безумьникъ* тождественно латинскому insanus (‘нездоровый’). Душевное расстройство, как известно, часто проявляется во внешней агрессии, эмоциональной несдержанности, импульсивном поведении. Эта идея реализуется в следующих дефинициях: «*помамление* – обуяние, безумие; *съмутьне* – безрассудно; *неистовьныи* – безумный, необузданный, жестокий; *неистовыи* – безумный, жестокий, сильный; *изумитися* – лишиться ума, обезуметь; *буесть* – безумие, нечестие, тщеславие, заносчивость, угроза, запальчивость, смелость, храбрость;

обуродети / объюродети – обезуметь; *обуеныи* – безумный; *буи* – глупый, несмысленный; дикий; дерзкий; сильный, смелый; *блудьство* – безумие, глупость». Следовательно, неумен тот, кто не сдержан, тот, кто *буянит*, находится в *буйстве*, т. е. не умеет подчинять свои чувства сдержанному разуму. Соответственно: умный человек представляется сдержанным, смиренным. В этом смысле понятие *ум* близко *благоразумию*, которое «было связано с целомудрием, здравомыслием и сдержанностью…, т. е. «с таким состоянием духа человека, когда он ради сохранения внутренней гармонии способен подавить наплыв душевных чувств» [3, с. 233].

Значение безумия как ‘психического нездоровья’ оказывается актуальным и в настоящее время, ср. данные одного из современных словарей: «БЕЗУМИЕ, -я, ср. 1. То же, что сумасшествие (*устар.*). 2. Безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении. Любить до безумия (очень сильно). СУМАСШЕСТВИЕ, -я, ср. 1. Психическое расстройство, умопомешательство. Внезапное с. 2. *перен.* Неистовство, исступление. С. страсти. 3. перен. То же, что безрассудство (*разг.*)» [15].

Однако в древнерусский период идея безумства имела культурологическую значимость, безумство было тождественно юродству. В «Материалах…» И.И. Срезневского слово *обезуметь* является синонимом лексемам *обуродети / объюродети*. В «Этимологическом словаре…» М. Фасмера указывается, что до XIV в. используется слово *уродивъ*, позже – *юродивъ*. Очевидно, что *юродивый* и *урод* – однокоренные слова (ср.: «…др.-русск. *уродъ* ‘слабоумный, юродивый’»). Они же восходят и к словам *рожа, урожай, родиться, род*, ср.: «рожа I. ‘физиономия, морда’, *диал.* ‘лицо, вид’, *яросл.* ‘красота’…, рожаистъ ‘красивый, видный’…, *лтш.* raža ‘многочисленное семейство, урожай’, далее связано с род ‘род, вид, лицо, видение’, урода ‘рост, осанка’, ср. *лит.* gỹmis ‘рождение, лицо’; gemù, gìmstu ‘рождаться’...» [19]. Таким образом, юродивый – это безумный, сумасшедший лишь с точки зрения внешней характеристики. Так и

уродливый в русском языке означает отсутствие внешней красоты, в некоторых диалектах русского языка и в некоторых славянских языках, например, польском, *уродливый* также относится к характеристике внешности, правда с положительной оценкой, в значении ‘красивый’. Иными словами, юродивый – это безумец с точки зрения лишь обыденного, мирского сознания, так как поведение и внешний облик блаженного далеки от принятого в обществе.

По данным православной энциклопедии «Древо», аналогом слова *юродивый* было греческое σαλός, что означает ‘глупый, безумный’. Юродивыми считался «сонм святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения. Юродивые отказывались ради Христа не только от всех благ и удобств земной жизни, но также часто и от общепринятых норм поведения в обществе. Зимой и летом они ходили босиком, а многие и вообще без одежды. Нарушали часто юродивые и требования морали, если смотреть на нее как на выполнение определенных этических норм» [10].

Г.П. Федотов отмечает, что существует «три обязательных условия добровольного юродства: аскетическое попрание тщеславия…, в этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей; выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния миру; служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством» [20, с. 192]. «Необычное обилие *Христа ради юродивых*, или *блаженных*, в святцах русской церкви и высокое народное почитание юродства до последнего времени, действительно, придает этой форме христианского подвижничества национальный русский характер. Юродивый так же необходим для русской

церкви, как секуляризованное его отражение, Иван-дурак, – для русской сказки. Иван-дурак, несомненно, отражает влияние святого юродивого, как Иван-царевич – святого князя», – поясняет исследователь [Там же].

Таким образом, добровольное юродство являлось лишь видимым безумием, оно было необходимо блаженному для посмеяния со стороны окружающих людей и давало возможность разоблачать пороки властьпридержащих. Это, вкупе с крайне аскетическим образом жизни (нищетой, наготой и т. п.), становилось особой формой смирения и гарантом спасения души.

Описание смыслового содержания концепта ум будет неполным, если не отметить еще некоторые признаки. Так, например, человек средневековой Руси приписывал уму гендерный признак. Мужской ум, в отличие от женского, считался более развитым, расчетливым, глубоким. В «Материалах…» И.И. Срезневского об этом свидетельствуют не только лексемы *мужеумьныи* и *умьникъ* (ср.: *мужеумьныи* – равный мужу по уму; *умьникъ* – умный человек», при этом существительное общего рода, относящееся и к женщине, и к мужчине, *умница* не представлено), но также слова *мужемудрьно, мужьскьмудрьно, мужемыслъно*, ср. также контекст: *И, одетая в женсколепное одеяние, (стала) мужемыслъно нетленною одежею облеченная* (см. слово *мужемыслъно*), т. е. одетая в женское платье своим глубокомыслием, мудростью, духовным подвигом, какие свойственны мужчинам, оказалась облеченной в нетленную одежду, иными словами – стала святой.

Исследование концептов ***душа, сердце*** и ***ум*** в древнерусских летописях, проведенное О.Н. Кондратьевой, дало основание отметить разницу женского и мужского ума в средневековых представлениях: «…эталоном интеллектуальной деятельности является мышление мужчины, отличающееся логикой. Это подтверждается тем фактом, что прилагательное *мужеумьный* стоит в одном ряду с другими прилагательными

положительной оценки – терпеливостью, храбростью, непобедимостью: *Бе же добръ Цимисхий, доброзраченъ, трьпеливъ, храбросрьдъ, мужеумен, ратник непобедим* (Хроника Константина Манассии). Женский ум воспринимался зачастую как неспособный к здравому мышлению, так как женщина отличается нелогичностью и повышенной эмоциональностью» [16, с. 165].

Важно отметить, что *ум, душа, дух, сердце* мыслились средневековым человеком как физически существующие, опредмеченные. А.Я. Гуревич видит эту особенность в работах художников тех времен: «…средневековые мастера не различали четко мир земной и мир сверхчувственный, – оба изображаются с равной степенью отчетливости, в живом взаимодействии и опять-таки в пределах одной фрески или миниатюры… Реалиями в ту эпоху считали такие категории, которым мы теперь в реальности отказываем» [4, с. 8]. «Разве не удивительно с современной точки зрения, например то, что слово, идея в системе средневекового сознания обладали той же мерой реальности, как и предметный мир, как и вещи, которым соответствуют общие понятия, что конкретное и абстрактное не разграничивались или, во всяком случае, грани между ними были нечеткими?»– продолжает рассуждение исследователь [Там же]. Именно поэтому *ум, дух, душа, сердце* представлялись человеку средневековья живущими в нем самом, в его теле. При осуществлении ментальной процедуры выбора какого-либо решения, ум мог раздваиваться, а при наличии у двух разных людей одного решения, или мысли, сливаться в одно, в единую самостоятельно существующую мысль. Так актуализируется числовой признак ума (ср.: «*единоумие*, *единоумьствовати*, то же что ομόνοια – единомыслие, согласие», то есть ‘люди разные – ум один’ (о единомышленниках); «*двоумие* – сомнение», то есть ‘человек один – ума два’ (о сомневающемся человеке). Склонность к сомнению как способность к анализу, размышлению, рассуждению также является одной из сторон думающего человека (ср.: «*двоумие*, то есть

сомнение, *Безъ дъвоумия* – без сомнения; *двоумитися* – сомневаться; *умьнетися* – сомневаться»).

Итак, изучение единиц с корневой морфемой *ум* и слов одной с ними лексико-тематической группы по «Материалам…» И.И. Срезневского позволило выявить следующие признаки рассматриваемого концепта. В древнерусский период все важные для человека категории мыслились сквозь призму религиозного сознания, вес подчинялось идее о том, что человек есть божественное творение. Ум для средневекового человека является не только собственно интеллектуальной, но в первую очередь духовно-нравственной категорией. Ум, вкупе с душой, духом, эмоциями, всецело подчинен религиозному чувству. Умом человек должен постигать Бога, отделять от истины ложь, чтобы в конечном итоге спасти душу. Для этого нужен здоровый ум, то есть сдержанный, неимпульсивный, способный подавить стихийные чувства.

Такое нерасчлененное представление об этической, эмоциональной и интеллектуальной сферах позволяет средневековому человеку использовать языковые категории в самом широком контексте, обеспечивая языковому знаку предельную полисемантичность, т. е. способность максимально охватить смысловое поле того или иного слова-концепта.

Ум для средневекового человека является также основой нравственности, он может быть добрым или злым, может быть нравственно возвышенным, божественным или испорченным бесом.

Смысловой компонент ‘знания, приобретенные в результате процесса обучения’ в структуре концепта *ум* также оказывается актуальным. Знание в какой-либо области обеспечивает своего рода *умительство*, какие-либо умения. Однако, как показало исследование «Материалов…» И.И. Срезневского умение предполагает в первую очередь мыслительную процедуру понимания процесса изготовления чего-либо, а затем – навык в каком-либо деле. В современном понимании умение предполагает прежде

всего обученность какому-либо практическому делу, чаще производимому руками.

В структуре концепта *ум* отмечается также признак меры, степени, объема ума. Этот компонент в древнерусский период реализует в первую очередь нравственную идею (ум как величие духа) или идею умственного здоровья, разумности, рассудительности. При этом истинным здравомыслием отличаются мужчины, слабоумием – старики и дети.

Крайняя степень слабоумия в сознании средневекового человека отождествляется с безумием, которое в русской культуре понимается двойственно: как отсутствие здравомыслия, рассудка, т. е. сумасшествие – с одной стороны, как юродство, т.е. внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляет собой духовный подвиг.

Ум, как и многие другие абстрактные категории, мыслился средневековым человеком опредмеченно, что позволяет объяснить наличие в структуре данного концепта числового признака: ум может раздваиваться в ситуации сомнения, но может и объединять разных людей, единомышленников.

В целом, концептуальное поле ума, сформировавшееся в древнерусский период, безусловно, отличается от системы представлений об уме современного человека, что объясняется влиянием особого типа культуры (культуры Средневековья), характеризующегося духовно-религиозной доминантой.

Список литературы

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. - СПб: Мифрил, 1995. – 231 с.
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. - М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка.

- М.: Индрик, 2002. – 336 с.

4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М., 1984. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/_Gurev/01.php (дата обращения: 14.07.2009)

5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М., 1972. – 138 с.

6. Гуревич А.Я. Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 39–55.

7. Гуревич А.Я. Популярное богословие и народная религиозность средних веков // Из истории культуры средних веков и Возрождения. - М., 1976. С. 65–91.

8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/01/1785.htm (дата обращения: 23.11.2011)

9. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. - М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – 843 с.

10. Древо. Православная энциклопедия. URL : http://drevo.pravbeseda.ru /index.php?id=8774 (дата обращения: 12.07.2009)

11. Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. - М.: «Гнозис», 1994. URL : http://www.wco.ru/ biblio/books/zhivov1/Main.htm (дата обращения: 01.07.2009)

12. Живов В. М. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования // Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 31–41.

13. Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. - М., 2002. - С. 73–115.

14. Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. - М., 1958. – 67 с.

15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

16. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): Дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004а. – 205 с.

17. Кондратьева О. Н. Особенности языкового воплощения концепта «внутренний человек» в русских летописях // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004б. С. 157–174.

18. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникамъ. В 3-х т. Санкт-Петербург, 1893. URL : http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=895 (дата обращения: 10.11.2011)

19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. М., 1973. URL : http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer (дата обращения: 20.11.2011)

20. Федотов Г.П. Юродивые// Святые Древней Руси. Paris: YMCA-PRESS, 1985. С. 191–204.

Заикина О.Н. (Волгоград, Россия)

ИСТОЧНИКИ СВЕТА В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВ «ЛУНА», «МЕСЯЦ»)

Статья посвящена способам вербализации понятия ‘ночное светило’ в славянской языковой картине мира. Сопоставительный анализ материалов словарных статей «Луна» и «Месяц» в словарях славянских языках на фоне других языков индоевропейской языковой семьи демонстрирует концептуальный статус описываемого понятия для славян. По данным И.И. Срезневского, ночное светило является дихронической константой в русском языке и культуре с X века.
Ключевые слова: наивная, научная славянская языковая картина мира, луна, месяц, солнце, словарная статья, синоним, лексическое значение слова

Zaikina O. N. (Volgograd, Russia)

THE SOURCES OF LIGHT IN SLAVONIC LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (WORDS «MOON» AND «MONTH» AS AN EXAMPLE)

The article is devoted to the ways of verbalization of the concept Moon in Russian language. The comparative analysis of dictionary entries «Moon» and «Month» in dictionaries of Slavonic languages and other languages of Indo-European languages demonstrates conceptual status of this word for the Slavs. I. I. Sreznevsky proves, that this concept is known in Russian language and culture since the tenth century.
Key words: moon, luminary, sun, naïve and scientific Slavonic language picture of the world, dictionary entry, synonym, the meaning of the word

Знания человека о мире, полученные им в процессе жизнедеятельности, хранятся в коллективном сознании народа в виде образов действительности, то есть «картины мира». Картина мира может быть индивидуальной и языковой, научной и наивной. Под языковой картиной мира понимается «отображение в формах языка устройство экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц» [4, с. 36]. Языковая картина мира отражает научную и наивно-бытовую картины мира. Заметим, что наивная картина мира не уступает научной, поскольку построена на практических знаниях, извлеченных из ежедневной жизни человека.

Стоит согласиться с точкой зрения Е. В. Бабаевой, которая видит цель изучения языковой картины мира в «достижении наибольшего эффекта при взаимодействии представителей различных групп субъектов (языковых, социальных) в результате адекватности понимания и наиболее успешного прогнозирования ответной реакции партнеров» [2, с. 11]. В связи с этим сопоставление языковой картины мира разных народов представляет большой интерес для лингвиста.

В русской языковой картине мира существуют понятия (Бог, любовь, смерть и др.), особенно ценные для носителей языка. Такие понятия в науке о языке именуются концептами. Наше внимание привлекло понятие «Луна», которое также имеет концептуальный статус в русском языке и культуре. Будучи концептом, «Луна» имеет высокую плотность номинации, вербализуется различными языковыми единицами: единицами с прямономинативным значением (*ночное светило, с луны свалился кто-либо*), с переносным (*под луной*). С точки зрения структуры, языковые единицы, вербализующие концепт «Луна», могут быть охарактеризованы как расчлененные (*серп поднебесный, светило ночи, как молодой месяц*), так и нерасчлененные (*полумесяц*). Синонимический ряд с доминантой луна представлен десятками лексем (*месяц, ночное светило, Диана, Геката, Луцина, Селена, Цинтия, полумесяц, серп, рог, диск, царица ночи (нощи)*). Слова *луна* и *месяц* обладают очень богатой адъективной сочетаемостью, луна является темой произведений устного народного творчества, мифов, литературы, искусства; не подчиняется данный концепт и законам логики: в научной картине мира луна одна и выступает как спутник, в языковой же (наивно-бытовой) – это ночное небесное светило, представленное двумя своими ипостасями (луна и месяц). Частотность употребления ключевых слов, репрезентирующих концепт «Луна», составляет 280 повторений для лексемы *месяц*, 141 – для слова *луна* [19, с. 320, 306].

Описываемое понятие является диахронической константой языка и культуры примерно с X века. Слова *луна* и *месяц* были известны в русском языке уже в древнейший период, они оба были засвидетельствованы самыми ранними памятниками письменности и регистрируются И.И. Срезневским в материалах для его словаря древнерусского языка. Так, слово луна отмечено в «Повести временных лет» под 969 годом: «Си бо сьюще аки луна въ нощи». В памятнике XI века – Остромировом Евангелии – читаем: «слъньце мерькнеть и лоуна не дасть свѣта своего». В Изборнике Святослава 1073 года перечисляются названия планет: «Седми же планить суть имена се: слънце, лоуна, зеус…». Слово *месяц* в значении ‘луна’ известно в памятниках также с XI века. В Новгородской первой летописи под 1124 годом читаем: «Поча оубывати сл̃нца и погыбе всѣ, о великъ страхъ и тьма бы, и звѣзды быша, и м̃ць, и пакы нача прибывати» [18, т. 2, с.54, 251].

Межъязыковая коррелятивность понятия, то есть плотность его номинации в родном языке на фоне других языков, дает очень интересные результаты. Сопоставление способов номинации, репрезентирующих понятие «Луна», в разных языках индоевропейской языковой семьи и, главным образом, в славянской группе демонстрирует сходные черты языковой картины мира славянских народов.

Общепризнанным является тот факт, что важнейшим и наиболее доступным источником наших знаний о содержании понятия является словарная статья. По словам Н. А. Красавского, словарная статья является надежным способом получения как обширной лингвистической, так и общекультурной информации [9, с. 55], поскольку словари отражают результаты ментальных операций, совершаемых человеческим сознанием при освоении им мира, и репрезентируют всю совокупность знаний человека о мире: словари вербально фиксируют «алфавит идей» и представляют в сжатом виде историю развития человеческой цивилизации [9, с. 170].

Проанализировав с помощью синхронно-сопоставительного метода словарные статьи «луна», «месяц» в семнадцати языках индоевропейской языковой семьи (албанский, английский, белорусский, болгарский, испанский, итальянский, латинский, немецкий, польский, португальский, румынский, сербохорватский, словацкий, словенский, украинский, французский, чешский), мы разделили все языки на четыре группы по способу обозначения ночного светила и календарного месяца. Во многих языках индоевропейской языковой семьи (албанский, английский, белорусский, испанский, итальянский, латинский, немецкий, польский, португальский, румынский, сербохорватский, украинский, французский) существует одно название для ночного светила, в других же языках, преимущественно славянских (словацкий, словенский, чешский), – их два, а иногда и три (например, болгарский).

Систематизация данных двуязычных словарей позволяет представить исследуемый материал в виде таблиц (в таблицах представлено 14 языков из 17):

Языки, располагающие двумя лексемами для обозначения ночного светила и календарного месяца

Таблица 1

Язык	'Ночное светило'	'Календарный месяц'
Англ.	Moon	Month
Испан.	Luna	Mes
Итальян.	Luna	Mese
Лат.	Lūna	Mēnsis
Нем.	Mond	Monat
Польск.	Księzyc	Miesiąc
Франц.	Lune	Mois

Данную группу образуют языки, располагающие двумя лексемами для номинации ночного светила и одной двенадцатой части года, но одним словом для обозначения ночного светила полной и серповидной формы. Например: «lun||a *f.* 1) луна, месяц <…> ~ plena полнолуние; ~ nueva новолуние; ~ menguante луна на ущербе <…> mes *m.* 1) месяц; месячная зарплата» [6, с. 545, 579], «Monat *m.* <…> 1. месяц (календарный) <…> Mond *m.* <…> 1. <…> луна, месяц; der zunehmende ~ молодой месяц; der abnehmende ~ месяц на ущербе… 2. *астр.* спутник (*планеты*) … 3. *поэт. уст.* месяц (*часть года*); seit ~ en в течение долгих месяцев…» [11, с. 606] или «месяц 1. miesiąc *m.*; 2. (*луна*) księzyc *m.;* новый, молодой м. nów księźyca <…> луна księźyc *m.*» [14, с. 318, 303].

Анализируя полученные данные, мы заметили, что в английском и немецком языках лексемы, называющие луну и календарный месяц, образовались от одного корня (*mens-). Данный факт подтверждает сохранившийся в немецком языке (только в устной поэтической речи) лексико-семантический вариант ‘календарный месяц’ слова *Mond* (см. словарную статью выше). Подобной точки зрения придерживается также А. Г. Преображенский в словарной статье «М ѣ СЯЦЬ» в этимологическом словаре русского языка: «<…> анг. moon. дрвнм. mano; manod. нн ѣ м. monat. алб. mъaj (изъ *mōn-) *міъсяцъ.* По всей вероятности, отъ инде. *mē – *міърить,* измiърять» [12, с. 581].

Для называния ночного небесного светила круглой и серповидной формы используются сочетания прилагательных *новый, полная,* существительного *ущерб* с лексемами, обозначающими само ночное светило. Например: в английском *a new moon* – молодой месяц, *a full moon* – полнолуние, в итальянском языке *luna piena* – полная луна, *luna nuova* – молодой месяц, *luna scema* – луна на ущербе.

Языки, располагающие одной лексемой для обозначения ночного светила и календарного месяца

Таблица 2

Язык	'Ночное светило' ‘Календарный месяц'
Белорусский	Месяц
Украинский	Місяць
Сербохорватский	Месец

В данной таблице представлены языки, в которых существует только одна лексема для обозначения ночного светила и календарного месяца. К примеру, «ЛУНА *ж.* месяц, -ца *м.* <…> МЕСЯЦ месяц, -ца *м.* ; ~ молодой м. маладзік…» [13, с. 240, 254], ср.: «МЕСЯЦ *м.* 1. месяц; у студзені ~ цы в январе месяце; 2. луна *ж.*, месяц» [3, с. 447]. В украинском языке наблюдается еще более интересная картина: «луна місяць, -ця <…> месяц місяць; молодой ~ц молодик, -ка, молодий (новий) місяць» [16, с. 229, 243]. Словарная статья демонстрирует, что для обозначения ночного светила используется только лексема *місяць*, однако в украинском имеется и слово *луна* со значением ‘отражение звука, эхо’, ср.: однокоренной глагол лунати – ‘отзываться эхом, слышаться’. Подобное явление известно в науке о языке как межъязыковая омонимия. В. В. Акуленко отмечает: «Межъязыковыми омонимами можно назвать слова обоих языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме [в данном случае мы наблюдаем оба явления – О. З.], но имеющие разные значения» [1, с. 372].

Различие круглой и серповидной формы ночного светила в языках описываемой нами группы передается синтагматически. К примеру: в украинском *повний місяць* – ‘луна’, *молодий місяць* – ‘месяц’.

Все лексемы данной группы выступают в роли межъязыковых синонимов в современном русском языке, то есть слов, которые полностью или частично совпадают по значению и употреблению и, соответственно,

являются эквивалентами при переводе. Во французском языкознании подобные явления получили название foux amis du traducteur – «ложных друзей переводчика». В. В. Акуленко обращает внимание на то, что «все эти семантически несколько разнородные случаи объединяет то практическое обстоятельство, что слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу» [1, с. 372]. Следует согласиться и с мыслью ученого о том, что в родственных, особенно близкородственных, языках «ложные друзья переводчика» основываются на родственных словах, восходящих к общим прототипам в языке-основе, а их количество оказывается различным для каждой конкретной пары языков, определяясь генетическими и историческими связями языков [1, с. 373].

Языковая картина мира, представленная в чешском, словенском и словацком языках (см. Таблица 3), наиболее интересна и очень похожа на ту, что мы наблюдаем и в современном русском языке. Во всех перечисленных выше языках имеется две лексемы для обозначения календарного месяца и ночного светила, однако ночное светило имеет две ипостаси: серповидную и круглую, что отражается в языке в виде синонимии лексико-семантических вариантов этих лексем:

Языки, располагающие двумя лексико-семантическими вариантами для обозначения ночного светила округлой и серповидной формы и одной лексемой для номинации календарного месяца

Таблица 3

Язык	'Ночное светило’	‘Календарный месяц’
Словенский	Mesec, luna	Mesec
Словацкий	Mesiac, luna (*поэт.)*	Mesiac
Чешский	Měsíc, luna (*поэт.)*	Měsíc

По данным словарей («luna *ж. поэт.* луна. měsíc *м.* 1) луна, месяц; novy ~ новолуние; plný ~ полнолуние; 2) месяц (часть года)…» [20, с. 263, 279], «lun¦a – у *ž bas* (в переводе поэтическое слово или выражение – О. З.) луна» [20, с. 184]) лексемы *луна* и *месяц* выполняют в чешском и словацком языках разные стилистические задания: *luna* используется преимущественно в поэтической речи, а чешское *měsíc*, словацкое *mesiac* стилистически нейтральны. Подобную картину мы наблюдаем и в русском языке, однако в русском луна выступает как стилистически нейтральное, а месяц, наоборот, – стилистически окрашенное. Другая интересная особенность, которую также необходимо сопоставить с русским языком, наблюдается в словацком языке: «луна -ы, <…> 1. mesiac, luna; <…> 2. *astr.* mesiac, satelit» [8, с. 284], «mesiac <…> 1. луна; месяц <…> 2. *astron.* Луна…» [15, с. 199]. Словарная справка демонстрирует, что в словацком языке, как в русском и ряде других языков, выделяется два лексических значения в слове *луна*: 1. ночное небесное светило, 2. (*специальное, астрономическое*) спутник Земли или любой планеты.

Описанная выше функционально-стилевая освоенность единиц, вербализующих понятие «Луна», характерна и для русского языка. Лексема *луна* закреплена за научной картиной мира и произведениями художественной литературы, а слово *месяц*, наоборот, функционирует преимущественно в наивно-бытовой картине мира и доминирует в фольклорных жанрах и текстах. Произведения устного народного творчества, материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» и «Словаря донских говоров» позволяют утверждать, что в значении: ‘ночное светило’ слово *месяц* употребляется значительно шире, чем *луна*. К примеру, с формой и цветом *месяца* связано большое количество народных примет. Так, крутые рога *месяца* – к ясной погоде, пологие – к ненастью; тусклый *месяц* – к дождю, ясный – к сухой погоде. Не найдем мы слова луна и в загадках, частушках, былинах, народных песнях, сказках («*За месяцем*»), например:

Поле не меряно, овцы не считаны, ПАСТУХ РОГАТ (загадка; отгадка – небо, звезды и *месяц*); *Светил, светил* МЕСЯЦ, *ноне стал споблекать, Любил парень девчоночку, ноне пришлось спокидать*! (русская народная песня). Кроме того, слово *месяц* входит в специальные названия, определяющие в говорах отдельные фазы луны. Выражение *месяц намолоду* – ‘первая четверть луны’, *месяц на рогу* – ‘первая или последняя четверть луны’ [17, с. 132].

На разговорный характер лексемы *месяц* и определенную сферу действия единиц обращает внимание и И. Б. Левонтина в разработанной ею словарной статье «Месяц» для интегрального словаря. Автор пишет: «[*Месяц*] Преимущественно употребляется применительно к серповидному, а не круглому облику луны <…>, не употребляется в научной речи, возможны *луна* и *лунный серп*. <…> Слово *луна,* как и большинство небесных тел и других материальных объектов, обладает тривиальной многозначностью: обозначает и объект «как таковой», и его конкретную реализацию… Особенность слова *месяц,* как и сочетания *лунный серп*, состоит в том, что оно обозначает только второе [неверно, что месяц – небесное тело]. Этим объясняется абсолютная невозможность высказывания: **обратная сторона месяца, *месяц вращается вокруг земли…* С другой стороны, хотя слово *месяц* может относиться к фазе полнолуния, а *луна* – к фазе новолуния, но в современном языке обычно *луна круглая*, а *месяц серповидный*. Различие по форме вторично: серповидная манифестация больше отличается от объекта «как такового», поэтому *луна* преимущественно ассоциируется с полной луной. *Лунный серп,* в отличие от *месяц*а, может указывать исключительно на серп [10, с. 144].

Ни к одной из описанных выше групп нельзя отнести болгарский язык, т. к. он располагает тремя лексемами для обозначения описываемых значений. Так, ночное небесное светило называется тремя словами: *месец, луна, месечина,* и в то же время слово *месец* обозначает и одну двенадцатую

часть года, выступая как многозначное: «месяц *м.* 1. месец; ~ тому назад преди един месец; 2. (*луна*) месец, луна *ж.*, месечина *ж.*; ~ на ущербе луната е на разсип, молодой ~ новолуние *с.*» [21, с. 352]. Думается, что названные лексемы, обозначая ночное светило, так же выполняют разное стилистическое задание, но соответствующие стилистические пометы в словарях отсутствуют.

Описанные выше особенности именования ночного небесного светила в разных языках можно объяснить изменчивостью луны, которая за 29,5 суток проходит четыре фазы: от новолунья до полнолунья, постепенно меняя свою форму. Ю. А. Карпенко считает, что «из двух славянских имен спутника Земли одно – Луна – указывает на его блеск и поэтому исторически относится к полной Луне. Другое же название – Месяц – характеризует изменяемость Луны, и поэтому можно предположить, что оно ранее использовалось только для обозначения неполной Луны» [7, с. 97]. Легенды славян объясняют изменяемость ночного небесного светила следующим образом: Месяц был царем ночи, мужем Солнца, он влюбился в Утреннюю Звезду, и в наказание другие боги раскололи его пополам… До сих пор у славян существует примета показывать молодому месяцу завалявшуюся в кармане блестящую монетку: пошли, мол, побольше денег (в старое время крестьянин серьезно огорчался, если в столь ответственный момент у него в кармане не оказывалось серебряной денежки) [5, с. 34].

Список литературы

1. Акуленко В. В. О «ложных друзьях переводчика» // Акуленко В. В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1969. - С. 371 – 384.

2. Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): Дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. - 233 с.

3. Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М.: ОГИЗ, 1962. 1048 с.

4. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Ин-т русского языка. М.: Азбуковник, 2000. С. 36 – 45.

5. Демидов В. Е. Время, хранимое как драгоценность. М.: Знание, 1977. 176 с.

6. Испанско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1964. 944 с.

7. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.

8. Коллар Д. И. и др. Словацко-русский словарь. М. – Братислава: Русский язык, Словацкое педагогическое издательство, 1976. 768 с.

9. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

10. Левонтина И. Б. Словарные статьи частицы КА и существительного МЕСЯЦ // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 32. М.: Школа «Языки русской культуры», 1991. С. 136 – 145.

11. Немецко-русский (основной) словарь. М.: Русский язык, 1993. 1040 с.

12. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. т. М.: Государственное изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1. 718 с.

13. Русско-белорусский словарь / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М.: ОГИЗ, 1953. 787 с.

14. Русско-польский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. М.: ОГИЗ, 1943. 839 с.

15. Русско-словацкий словарь. Братислава: Словацкое педагогическое издательство, 1973. 758 с.

16. Русско-украинский словарь / Гл. ред. М. Я. Калинович. М.: Государственное изд-во иностр. и нац. словарей, 1948. 800 с.

17. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука. В надзаг.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1982. Вып. 18. 367 с.

18. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. – М: ГИС, 1959.

19. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

20. Чешско-русский словарь / Под ред. П. Поглея и М. Венцовской. М.: ОГИЗ, 1959. 979 с.

21. Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь.- М.: Русский язык, 1986. - 911 с.

Иванов Н. Н. (Ярославль, Россия)

«ВЕЛЕС – ВОЛОС – ВЛАХ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В докладе рассматривается трансформация мифологического образа Велеса в славянской фольклорной традиции. Установлены связи языковой семантической и мифопоэтической характеристик персонажа.
Ключевые слова: язык и образность фольклора, мифопоэтика, семантика фольклорного текста.

Ivanov N. N. (Yaroslavl, Russia)

«VELES – VOLOS – VLAKH»: TRANSFORMATION OF MYTHOLOGICAL IMAGE IN SLAVONIC FOLKLORE

Transformation of Veles's mythological image in Slavonic folk tradition consider in the report. Also connections between linguistic semantic and mythopoetic descriptions of character established in the report.
Key words: language and figurativeness of folklore, mythopoetic, semantics of folk text.

Славянская языческая мифология в сравнении с античной или германо-скандинавской является наименее изученной. Процесс христианизации и другие причины обусловили существенную трансформацию основных персонажей ее пантеона. Они перераспределились на верхних и нижних уровнях, пополнили мифологию христианскую, обогатил фольклор. Используя функциональный и структурно-семантический методы, попытаемся уточнить характер и специфику трансформаций образа Велеса, одного из центральных персонажей славянской мифологии, обозначить фольклорной и более широкий историко-культурный контекст бытования его имени.

«Скотий бог» Велес [3,с. 74], изначально покровительствовавший домашним животным и богатству, позднее – поэзии, оказался востребованным далеко за рамками язычества. Имена Велеса-Волоса, как правило, отождествляют, хотя, по мнению М.Фасмера, это разные

персонажи, а этимология имени Велес затемнена. Известное фонетическое чередование (*оло/ла*) объясняет соответствие восточнославянскому Велесу-Волосу южнославянского имени (и даже фамилии) Влах (Власий). С некоторыми допущениями правомерно говорить о фонетических вариантах одного имени одного и того же персонажа. С течением времени мифологический архетип получил семантические ассоциации (коннотации) и дополнительные вариативные функции.

Глубина и семантическая избыточность архетипа-инварианта, разнообразие его мифопоэтических характеристик обусловили появление ряда персонажей агиографии, христианской мифологии, славянского фольклора.

В результате христианизации Велес как ключевая фигура в народной космологии, аксиологии и бытовом укладе не был отринут безоговорочно. Ему были найдены достойные, разнообразившие христианскую агиографию замены. Во-первых, у южных славян появились одноименные святые: мученик Власий Кесарийский (день памяти 16 февраля), преподобный Власий Амморийский (день памяти 13 апреля). Особое место занял Власий (Влас) великомученик, епископ Севастийский (день памяти 24 февраля), почитаемый в православной, но более в католической традиции [3,с.94.]. В начале IV века он был епископом в городе Севастия (Римская империя). В Хорватии известен как Влах и считается покровителем города Дубровник. Церковь святого Влаха (Власия) находится на центральной площади Старого Дубровника, а скульптурные изображения святого помещены над центральными воротами каждой из двух крепостей.

Во-вторых, фольклор и христианскую мифологию украсили легенды о святом мученике Иоанне Влахе или Валахе («Румыне»). Житие выдержано в скупых канонических традициях, но легенды живописуют нравственные качества Иоанна Влаха. Происходя из бояр Валашской области Олтении (современная Румыния), он в пятнадцатилетнем возрасте попал в плен к

туркам и был отправлен в Константинополь, мужественно переносил дорогу, голод, избиения. В Константинополе Иоанна отдали в рабство жене убитого им турка-содомита, которая соблазняла его и склоняла принять ислам. Блаженный Иоанн не отрекся от христианства и не женился на турчанке, но молился Спасителю и Его Пречистой Матери. После жестоких пыток Иоанн был повешен турками 29 апреля/12 мая 1662г. в Пармак-Капп. Почитается в Румынии, а с 1956 г. его память празднуется в Русской Православной Церкви. О нем писал чиновник Константинопольского патриархата Иоанн Кариофил [2].

В-третьих, на восточнославянской почве Велес был заменен Николой и даже Юрием (Георгием).

Более, чем в агиографии, Велес распространен в фольклоре и быту. Святой Власий и Волос-Велес связаны на народно-этимологической основе. От языческого Волос произошли церковное имя Власий (чередование *оло/ла*) и почитаемая среди простолюдинов южнославянская фамилия Влах. Влах – народная форма крестильного мужского имени Власий, хотя в соответствии первой палатализацией Власий должен происходить от Влаха. Трудно согласиться и с этимологией имени Влах переводами с греческого («простой, грубоватый»), поскольку праславянский корень четко просматривается. Известный на Руси обычай давать ребёнку имя святого или мученика устанавливал мистическую связь между именем и его святым покровителем, реализовывал мифологемы имени, судьбы.

На активном варьировании мифологического архетипа построено фольклорное бытование имени Велеса–Волоса. Вообще, метод семантических реконструкций открывает здесь очень много, раздвигая ассоциативное экспрессивное, оценочное и другие поля. Так, культ Велеса переплелся с почитанием медведя, и все то, что осталось за рамками его ассимиляции со святым Власием, православная традиция стала трактовать как почитание «лютого зверя». Отсюда – Волосыни, мифологизированный

образ созвездия Плеяд, в котором находится Большая Медведица. Медведя на языке табу славяне называют «волосатый», но поскольку медведь соотнесен со скотом, а скот – с богатством, то в конце цепи вновь появляется фигура Велеса.

С Волосом–Велесом перекликается и Волх, Волх Всеславьевич, Вольга – мифологизированный персонаж былин, обладатель чудодейственных оборотнических свойств [3, с.108]. Волх является персонажем как былин, так и устной несказочной прозы. В былинах Волх рождается от змея и приобретает чудесные черты, «хитрости-мудрости», способность к оборотничеству.

Змеиные черты роднят Волха с персонажем сербского фольклора Змеем Огненным Волком. В этом понятийном ряду находится и редкое сербское имя Вук. В новгородском книжном предании о Волке-чародее Волх, старший сын Словена, дал свое имя реке Волхов. И волхвы, и волхование, от которого якобы рожден живший в XI веке исторический персонаж князь Всеслав Полоцкий, упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

Существуют ассоциативные связи между Волхом и Василием Буслаевым. Фольклорные судьбы обоих строятся на развитии сходных мотивов: отсутствие отца и воспитание матерью, освоение «мудрости», получение чудесных даров, оборотничество, собирание дружины (войска) для похода в дальнюю землю, роль камня в рождении или смерти. Всех названных персонажей объединяет общеславянский миф о чудесном герое-волке. Змей, волк, медведь известны как зооморфные символы Велеса.

Список литературы

1.Веселовский А.Н. Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните // Русский фольклор. Вып. XXVII. – СПб.: Наука, 1993. С. 273 – 312.

2.Православная энциклопедия. Том 23: Иннокентий - Иоанн Влах. – М.: Изд-во: Православная энциклопедия, 2010. – 752 с.

3.Славянская мифология / Энц. словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 414 с.

4.Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов/Соавт. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.

5.Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур.–М.Изд-во РГГУ,1998. – 319 с.

Кондратенко М.М. (Ярославль, Россия)

ПОНЯТИЕ "ДЕНЬ" В СЛАВЯНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

В докладе рассматриваются вопросы о структуре семантического микрополя «день» в славянских и немецких диалектах, о семантических сходствах и различиях в славянских и неславянских говорах, о параллельном развитии семантических явлений и семантических универсалиях в языках с разной степенью генетического родства, о значении точной локальной приуроченности диалектных явлений для их интерпретации в сопоставительном плане.
Ключевые слова: историческая лексикология, семантическая типология, славяно-германские семантические параллели.

Kondratenko M. M. (Yaroslavl, Russia)

CONCEPT OF THE WORD "DAY" IN SLAVIC AND GERMAN DIALECTS

The issue investigates the word DAY's semantic microfield structure in Slavic and German dialects, semantic similiarities and distinctions in Slavic and non-Slavic dialects, parallel development of semantic phenomena and semantic universalia in the languages with various level of genetic relationship, the value of dialect phenomena's exact localization in the comparative approach.
Key words: historical lexicology, semantic typology, Slavic - German semantic parallels.

Настоящая работа связана с направлением лингвистики, которое принято называть исследованиями языковой картины мира (ЯКМ). Одна из его задач – сравнивать аналогичные фрагменты ЯКМ на материале языков/диалектов, достаточно удаленных в генетическом отношении, например, славянских и немецких. Для подобного анализа целесообразно использовать лексику с отвлеченным значением, в частности, лексику времени.

Понятие времени наряду с понятием пространства представляется одним из важнейших в системе восприятия мира человеком. В этом отношении большой интерес вызывает то, каким образом время интерпретируется самим языком, а в особенности - диалектом. В процессе номинации те или иные названия фиксируют ощущения говорящего.

Результатом этой фиксации являются не только языковые единицы вообще, но и определенные семантические феномены, в частности, варианты сегментации внеязыковой действительности и особые способы семантической мотивации наименования. Среди них можно выделить формирование образа обозначаемых явлений как результата кристаллизации ощущений человека в их связи с традиционной материальной и духовной культурой.

Для характеристики данного аспекта номинации особую значимость представляет исследование диалектных данных, поскольку диалект по сравнению с литературным языком представляет собой более естественное, не затронутое кодификацией явление.

При выборе диалектного материала, в свою очередь, необходимо учитывать и географический аспект существования диалекта. Традиционно считается, что периферийные диалектные зоны более консервативны и лучше сохраняют наиболее архаичные языковые черты, в том числе и лексические, которые, в свою очередь, передают глубинные семантические архетипы. В этом отношении среди славянских диалектов наиболее интересны говоры северо-восточных окраин Руси и другие севернославянские говоры (белорусские, лужицкие, кашубские), а также южнославянские говоры Родоп и другие. Для большей достоверности и системности результатов исследования целесообразным представляется сравнение данных, представляемых отдельными диалектными микрозонами, каковыми являются, в частности, группы говоров, а не макросистемами совокупности диалектов языка.

Исследование тех или иных диалектных хрононимов неотделимо от интерпретации самого понятия «время» в говорах, прежде всего, с точки зрения образа, представляющего собой семантическую основу наименования. Одним из способов раскрытия специфики такого образа является анализ полисемичных лексем, одно из значений которых связано со временем. Так,

на северо-западной периферии Славии, в нижнелужицких говорах, отмечены лексемы со следующими значениями: cas «время» и «погода» [7, с.115], gód(a) «время» и «случай, повод» [7, с.287], позволяющие трактовать восприятие времени данной группой западных славян.

В этом фрагменте исследуемой семантической сферы (обозначения времени вообще, т.е. длительности бытия, пространства в бытии, последовательности существования) можно наблюдать совпадения между генетически удаленными славянскими и немецкими диалектами. В лексике средневосточнофранкских немецких говоров (или говоров Северной Баварии) в значении «время» зафиксирована лексема Derweil [9 с.58], с корневой морфемой Weil-, восходящей предположительно к и.-е. *ku̯eie «находиться в состоянии покоя» [6, с.980]. Образ неподвижности, отсутствия изменений лежит в основе других производных хрононимов в этих говорах, например, лексемы Sitzweil «вечер» [9, с.156]. Сходное семантическое явление наблюдается в соседних славянских нижнелужицких говорах: chyla – «некоторое время» и «покой, досуг» [7, с.510].

Таким образом, становится ясно, что, с точки зрения диалектных наименований, время для носителей этих говоров - понятие, кристаллизующее в себе ощущения от самых разных сторон жизни человека и синтезирующее эти ощущения.

Среди различных хрононимов важное место занимают обозначения такого временного промежутка, как сутки/день, которые выступают в качестве одного из важнейших фрагментов в семантической сфере «время».

В немецком языке существительное Tag «день, время между восходом и заходом солнца» принято выводить из и.-е. *dhegh- с реконструируемым значением «гореть» [6 с.903]; обозначения дня в славянских языках (рус. день, болг. ден, сербск. дан, пол. dzień и т.д.), в свою очередь – из индоевропейского глагола *di- «светить» [2, вып.5, с.213], откуда и праславянское dьnь «светлая часть суток», «светлый день». Таким образом,

можно отметить этимологическое сходство прагерманского и праславянского обозначений этого временного промежутка. Сходство этимонов «горение» и «свет» проявляется не только в их изначальной семантике (по-видимому, речь идет о «горении» солнца и излучаемом им свете), но и в наличии некоторых производных хрононимов от обоих индоевропейских корней в немецком языке. Так, лексема Lenz «весна» связывается с древневерхненемецким lenge-zin (буквально: «многодневная»), которое возводится, в свою очередь, к индоевропейскому *di- («светить») [2, вып.5, с.213].

Для понимания интерпретации понятия «день» в языке необходимо учитывать его отношения с другими элементами системы обозначения времени по связи с восходом или заходом солнца (наличием/отсутствием света). Традиционно важнейшим из подобных элементов является «ночь» / «Nacht». В исследуемых языках обе лексемы имеют общее индоевропейское происхождение с первоначальным значением «вечер, сумерки» [6 с.643; 2, вып.25, с.175-177].

В пользу подобного толкования может говорить современное немецкое Mitternacht «полночь». Такое значение объяснимо в том случае, если границу ночи совместить с заходом солнца.

Таким образом, с точки зрения этимологии в немецком и славянских языках наблюдается сходство в толковании понятия «день» и соотнесения этого понятия со значимыми для него семантическими коррелятами «ночь», «вечер».

Помимо этимологического значения опорных лексем крайне важно представлять себе объем и структуру семантической сферы «день», причем так, как это представлено в диалекте.

В одной из диалектных микрозон северо-востока Славии, в говорах Ярославской области, это промежуток времени сегментируется следующим образом:

- «время утром, пока не спадет роса» - ◊ за росу [3, вып.4, с.52];

- «часть дня до завтрака» - ◊ ранний уповод [3, вып.8, с.120], утренник [3, вып.10, с.23], роса [3, вып.8, с.136];

- «часть дня до обеда» - ◊ до обед [3, вып.4, с.7], ◊ утренний уповод [3, вып.10, с.22-23], ◊ обеденный уповод [3, вып.7, с.8];

- «часть дня от обеда до ужина» - ◊ вечерний уповод [3, вып.3, с.13], ◊ поздний уповод [3, вып.8, с.43], ◊ последний уповод [3, вып.8, с.71], ◊ третий уповод [3, вып.9, с.117];

- «время дневной дойки коров» – наполдень, наполдни [3, вып.6, с.107], полднище [3, вып.8, с.49];

- «время работы на пашне после полудня» – вечерня [3, вып.3, с.13];

- «время косьбы вечером» – подросок [3, вып.8, с.34];

- «время после ужина» - ◊ вечерняя роса (3, вып.3: 13)

- «время поздно вечером, после возвращения скота с пастбища» - ◊ после скотины [3, вып.8, с.71] и др.

В лексике ярославских говоров выделяются и другие интервалы времени в рамках суток. Наиболее частотными являются обозначения времени утром:

«до рассвета» - добела [3, вып.4, с.7]; «темно, пока не рассвело» - досветла [3, вып.4, с.15]; «рассвет, раннее утро» - бело сущ. [3, вып.1, с.49]; ранина [3, вып.8, с.120]; порань [3, вып.8, с.65]; «рано утром» - взаранки [3, вып.3, с.15]; ободнясь [3, вып.7, с.16]; «утром» - ◊ по утру [3, вып.8, с.11]; «на рассвете» - ◊ в петухи [3, вып.2, с.38]; «позднее утро» - ◊ большое утро [3, вып.2, с.13]; «сразу после утра» - обутрявши [3, вып.7, с.24]; «время до обеда» - дополдни [3, вып.4, с.14].

Кроме того выделяются наименования следующих частей дня:

«середина дня, полдень» - полденник, [3, вып.8, с.49];

«после полудня» - заполдень, заполдни [3, вып.4, с.93-94]; «в течение дня, до наступления темноты» - обудёнком [3, вып.7, с.23]; забела [3, вып.4, с.53];

«сумерки» - сумороки [3, вып.9, с.86];

«вечер» - ужотка [3, вып.10, с.10];

«темное время суток» - тёмка [3, вып.9, с.101];

«до позднего вечера» - ◊ до потух [3, вып.4, с.7], долягома (доп. сема – «до времени, когда ложатся спать») [3, вып.4, с.13];

«с утра до вечера» - ◊ от (с) потьмы(а) и до потьмы(а) [3, вып.7, с.61].

Обилие обозначений для интервалов времени утром отмечено и в других славянских говорах. Часто они мотивированы наступлением времени, когда становится видно, например, подсвят (т.е. время до света) «рассвет» в северо-западных белорусских говорах [1, с.34].

В немецких восточнофранкских говорах (занимающих, с точки зрения административного деления современной Германии, северные районы Баварии и находящихся в зоне контакта с западнославянскими говорами) отмечено обозначение сходных интервалов в рамках дня, сегментирующих сутки на время до рассвета, утро, наступление сумерек и темное время суток (вечер, ночь):

- «рано утром, до восхода солнца» («vor Sonnenaufgang») vortags, zu Frühe; «утро» («Morgen») Frühe; «сумерки» («Dämmerung») Zwischenlichten; «сегодня вечером» («heute Abend») auf den Abend, heute auf die Nacht; «вечер» («Abend») Sitzweil [9, с.219-220].

В лексике этих говоров выделяются также глаголы, обозначающие рассвет, в том числе производные от названия дня: grauen (буквально: становиться серым) [9, с. 80], tagern (производное от Tag «день») [9, с.165] в средневосточнофранкских и ободневать, ободнять [3, вып. 7, с.16] в ярославских. Аналогичное представление раннего утра как времени перед днем представлено и в других севернославянских говорах - у лужичан do dńa

[7, с.173], в северо-западной Белоруссии – прададнем [1, с.72]. Серый цвет как признак рассвета отсутствует в ярославских, но присутствует в других славянских, например, в северо-западных белорусских говорах: шараць (т.е. сереть) – «рассветать».

Характерной чертой именно восточнофранкских говоров является особая роль обозначений вечера, проявляющаяся, в частности, в наличии многочисленных названий ужина, производных от Abend – Abendbrotzeit, Abendsuppe, Abendstück [9, с.33], а также в таких наименованиях, как Altjahrsabend «вечер кануна Нового года» [9, с.36], halber Abend «полдник» [5, с.23-24].

Одну из важнейших сторон понятия «день» в диалекте составляют маркированные, или праздничные, дни, так как они именуют определенные вехи, переводящие одно качество времени в другое: время работы - во время отдыха и наоборот.

В восточнофранкских говорах различаются понятия праздника, рабочего дня – Werktag - и праздника (выходного дня) посреди недели - blinder/falscher Sonntag (буквально: слепое/неправильное воскресенье) [9, с.220]. Подобное обозначение рабочих и выходных дней характерно и для говоров Ярославской области – буд(д)ень [3, вып.2, с. 27]. Некоторые параллели между славянскими и немецкими хрононимами в этом фрагменте семантической сферы можно наблюдать и в обозначении своеобразного «маленького» праздничного дня, наступающего через определенный период после основного, например: Kleinneujahr (буквально: малый Новый год) «день поклонения волхвов» через неделю после Нового года в говорах Средней Франконии [9, с.103] и małe jatšy (малая Пасха) «следующее воскресенье после Пасхи» в нижнелужицких говорах [7, с.536].

Основной массив праздников составляют календарные. На северо-востоке Славии в названиях праздников понятие «день» обычно присутствует скрыто и не имеет в отличие от аналогичных немецких

наименований формально выраженной морфемы (-день или иной), непосредственно его выражающей. Такую же картину мы наблюдаем и в других славянских диалектах. В немецких говорах Северной Баварии встречаются самые разнообразные номинации праздников и памятных дней, включающие в свой состав морфему -tag: Barbaratag, Hasentag, Hundstag, Holztag, Zunfttag и др. [4]. В ярославских подобных наименованиях формальное указание на день, как правило, отсутствует, например: 4 декабря, день св. Варвары - Варюха, [3, вып.2, с.49] (ср. Barbaratag в немецких говорах); религиозный праздник св. Николая, празднуемый в декабре - ◊ Никола зимний [3, вып.6, с.147]; 12 декабря, старинный религиозный праздник в честь св. Спиридона, епископа Тримифийского, который знаменовал переход от одного времени года к другому – Спиридон [3, вып.8, с.45], Спиридон – поворот [3, вып.9, с.63]. Хотя лексема день в некоторых случаях может включаться в состав наименования: праздник рождества богородицы 8 сентября по ст. ст., время уборки лука – ◊ Луков день [3, вып.6, с.18]; день великомученика Никиты, 15 сентября по ст. ст., в этот день срезывают репу - ◊ Репорезов день [3, вып.8, с.132].

В этом отношении ярославские говоры демонстрируют ту тенденцию в обозначении особых, маркированных дней, которая вообще характерна для славянских диалектов. В частности, в других периферийных говорах Славии, нижнелужицких, отмечены такие дни, как baranowa swajźba (свадьба баранов) «праздник/день пастухов, во время которого они нанимались на работу» [7, с.14], hoklepice (от глагола со значением «выколотить») - «день сдачи отчета волостного старшины (в период празднования Троицы)» [7, с.396]. В кашубских говорах можно отметить особую семантическую мотивацию наименования понедельника масленичной недели - ševjecći poeńezełk (понедельник портных, а не день портных) [8, с. 152].

Таким образом, языковая картина такого фрагмента семантической сферы «день» в восточнославянских говорах Ярославской области и в

южнонемецких говорах Северной Баварии в целом совпадает. Различия не носят принципиального характера: особым для исследуемых немецких говоров представляется на сопоставительном фоне реализуемая в разных номинативных единицах более высокая семантическая актуальность части суток после захода солнца (то есть вечера); для восточнославянских ярославских говоров в этом отношении характерна более детальная диалектная сегментация различных интервалов времени утром (а для южнославянских болгарских, если расширить рамки материала – в полдень).

Список литературы

1. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. Т.4. П-С/ уклад. Ю.Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1984.– 616 с.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/ под ред. О.Н. Трубачева. Москва: «Наука». 1974-2005.
3. Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 вып. - Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981 – 1991.
4. Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Kommission für Mundartforschung bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bayreuth.
5. Handwörterbuch von Bayerisch-Franken. - Bamberg: Fränkischer Tag, 2008. – 640 с.
6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. - Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002. – 1119 S.
7. Muka A. Słownik dołnoserbskeje r ěcy a jeje narěcow. Выпуск I. – Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. – 992 с.
8. Ramułt S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

9. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224 S.

Миронова Д. М. (Уфа, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СВОЙСТВА И СОСТОЯНИЯ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТОЧЕЧНОСТИ/ НЕТОЧЕЧНОСТИ ПРИЗНАКА

Настоящая статья посвящена репрезентации понятийных категорий свойства и состояния в русском языке. Специальное внимание уделяется языковой реализации данных категорий в аспекте точечности/ неточечности признака. Актуальность исследования определяется положением этого аспекта среди универсальных принципов познания мира, а также фундаментальным значением оппозиции «свойство – состояние» в языковом закреплении данного принципа.
Ключевые слова: категория свойства, категория состояния, концепт, семантика, семантическая категория, точечность/ неточечность признака.

Mironova M. D. (Ufa, Russia)

SEMANTIC CATEGORIES “PROPERTY” AND “STATE” IN THE LIGHT OF THE LANGUAGE REALIZATION OF POINT / NON-POINT OF SIGN

This article is dedicated to representation of the conceptual categories of property and state in the Russian language. Special attention is paid to linguistic realization of these categories in the aspect of point / non-point of sign. The research relevance is determined by the position of this aspect among universal principles of the world cognition, as well as the fundamental value of the opposition “property – status” in the language fixation of the present principle.
Key words: category of property, category of state, concept, semantics, semantic category, point / non-point of sign.

Одной из общепризнанных аксиом современной лингвистической парадигмы является внимание к человеческому фактору в языке. Среди разнообразных аспектов этого фактора следует выделить когнитивную деятельность человека, исследование которой представляет особенный интерес не только в плане её взаимосвязи с языковой познавательной функцией, но и в направлении обнаружения «преломлённых» в языке ненаблюдаемых процессов и законов мышления. Признание когнитивного единства человечества в качестве важнейшей причины семантической общности языков мира предопределило закономерное внимание лингвистов к

универсальным принципам познания действительности, нашедшим языковое отражение. Ярким свидетельством их универсальной значимости может послужить автоматическое и первостепенное усвоение сознанием детей определённого набора параметров бытия [1, с. 34]. Как полагают исследователи, в числе таких принципов находится характерная для человеческого мышления способность фиксировать реальные объекты в аспекте хронологической точечности/неточечности. Связанные с ней когнитивные процессы – это частный случай «тех самых процессов, которые являются неотъемлемым свойством любой языковой деятельности» [1, с. 33]. Так, по замечанию С.Н. Цейтлин, уже в самый ранний период детства при освоении посессивных отношений человеку свойственно различать временное и постоянное обладание [17, с. 218]. В свою очередь, когнитивная существенность указанного аспекта определяет наличие глубинного сходства между языками, которое, по свидетельству контрастивных и типологических работ, реализуется в использовании данного противопоставления как основы многих семантических оппозиций. Этот факт позволяет вести речь о включении точечности/неточечности в число фундаментальных параметров, формирующих семантический тип любого языка [1, с. 33] в качестве явной либо скрытой содержательной категории, то есть такой, которая не находит явного (эксплицитного) выражения, но вместе с тем оказывает влияние на сочетаемость слов в предложении [10, с. 458]. С отмеченной точки зрения обращает на себя внимание языковое разграничение категорий свойства и состояния с опорой на локализованность/нелокализованность признака во времени, что соответствует разновидности представления познаваемой реальности в аспекте точечности/неточечности. Одним из ярких лингвистических свидетельств релевантности категорий свойства и состояния видится присутствие их родовых наименований в числе т.н. семантических примитивов, универсальных компонентов лексических значений в языках мира [2, с. 74]. Существенность этих категорий

неоднократно подчёркивалась не только в лингвистике, но и – ранее – в истории философской мысли. Так, ещё в трудах античных мыслителей состояние и свойство были отмечены в ряду фундаментальных «измерений» бытия, служащих ориентирами в процессе познания мира человеком. При этом в русле философской традиции именно связь с локализованностью/нелокализованностью признака во времени, наряду с другими факультативно отмечаемыми параметрами, служила основанием при разграничении свойств и состояний [3, с. 27]. К примеру, Платон, размышляя над качественным разнообразием окружающего мира, выделяет признаки вещей (модусы качества), устойчивые, с одной стороны, и неустойчивые, - с другой. Согласно его учению свойство представляет собой признак, отличающийся от состояния прежде всего большей устойчивостью во времени и кроме того причастностью к самой сущности некоторого реального объекта, что позволяет отличить его от других [12, с. 245]. Идентификация двух признаковых категорий с ориентацией на степень временн*о*й локализации проводилась и на страницах более поздних логических разысканий. Однако, как показал обзор источников, современная логическая мысль не располагает единодушным и абсолютно чётким пониманием этих категорий, на что указывает не только различие в дефинициях, но и характерное для них смешение, скажем, категории свойства с другими квалитативными понятиями, такими как признак и качество. Наблюдаемое разногласие в понимании интересующих нас категорий обусловлено не только различием исходных философских посылок, но и сложным характером рассматриваемых категорий. Примечательно, однако, что при всём разбросе логических взглядов на соответствующие категории сопоставление предлагаемых дефиниций позволяет выделить протяжённость во времени едва ли не единственным ключевым аспектом, который акцентируется всеми исследователями. В этом освещении состояние понимается как переменный, случайный,

несущественный признак, возникающий во взаимодействии вещей, тогда как свойство не возникает, а лишь проявляется во взаимодействии, являясь более или менее постоянной характеристикой предмета, необходимой для его существования [см., например, 8, с. 336, 467, 481; 9, с. 164; 14, с. 32]. Как следствие, заметная протяжённость свойства во времени, в противоположность состоянию, наделяет его функцией отправного параметра при различении/отождествлении объектов действительности. Отмеченная практическая значимость локализованности/нелокализованности получает закономерное отражение на уровне языковой коммуникации, что, в свою очередь, определяет системообразующую роль семантических категорий свойства и состояния, обусловливая их выражение целым спектром разноуровневых средств [6, с. 136-142; 5, с. 21-22]. На основе анализа фактов СРЛЯ можно вести речь о том, что воплощение абстрагированного опыта познания рассматриваемых категорий прежде всего в слове приводит к преобладанию лексических средств, используемых в функции означивания многоразличных свойств (физических, психических, социальных), разнообразных состояния или же объектов по их свойствам. При этом локализованность/нелокализованность признака проявляет себя в парадигматических либо синтагматических характеристиках лексических единиц, нередко выступая в качестве скрытой семантической категории. Так, согласно нашим наблюдениям на материале номинаций человеческих свойств/лиц по свойствам в СРЛЯ, иллюстрацией могут служить узуальные лексические значения, фиксирующие коллективный опыт познания свойств и состояний человека. Результаты сравнительного анализа дефиниций показывают, что идея относительной устойчивости свойства является имплицитным смыслом, поскольку не содержится в ядре наивного понятия о нём. Характеризация свойства в аспекте времени становится возможной как выводное знание благодаря соотнесению свойства с категорией посессивности и акцентированию его дифференцирующей роли посредством

интегральных, реже, дифференциальных сем ‘склонный’, ‘отличающийся’, ‘особенность’, ‘обладающий’, ‘имеющий’, ‘свойственный’ и ‘свойство’ (в случае опредмеченного представления признака), где, по данным компонентного анализа, ‘склонный’ – ‘1. **Имеющий** {какие-либо **задатки**} к какой-либо деятельности, занятиям’ [15, с. 111, с. 370], ‘свойство’ – ‘Признак, составляющий **отличительную особенность** кого-, чего-л.’ [15, с. 56], а ‘свойственный’, таким образом, тождественно ‘1. Составляющий чей-либо {признак, составляющий **отличительную особенность**...}’ [15, с. 56].

Ср. *Духовность* – ‘**Свойство** души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными’ [11, с. 704]; *интеллигентный* – ‘2. **Свойственный** интеллигенту’ [11, с. 249]; *эгоцентрист* – ‘(книжн.) Человек, **отличающийся** эгоцентризмом’ [11, с. 706]; *влюбчивый* – ‘**Склонный** быстро и часто влюбляться’ [11, с. 87].

Идея же человеческого состояния (динамичного признака) в зависимости от частеречной принадлежности наименований в СРЛЯ обычно реализуется благодаря включению в сигнификат процессуальных и каузативных компонентов, в частности, таких как ‘состояние’, ‘чувство’, ‘находящийся в…’, ‘испытывающий’, ‘чувствующий’, ‘испытывать’, ‘находиться’, ‘прийти в’, ‘вызывать’, ‘от (причина)’, где ‘состояние’ – ‘Внешние или внутренние {явления, {тесно связанные и сопровождающие} какое-н. другое явление}, **в которых находится** кто-что-н.’ [11, с. 751, 438, 439], ‘испытывающий’ эквивалентно ‘2. Изведывающий на опыте какое-либо {**чувство, вызванное чем-л.**}’ [15, с. 686, 692]. См., скажем, *благополучие* – ‘1. Спокойное и счастливое **состояние**’ [11, с. 67]; *соскучиться* – ‘1. **Прийти** в тоскливое **состояние**, почувствовать скуку’; *пугать* – ‘1. **Вызывать** испуг, внезапное **чувство** страха’; *стыд* – ‘1. **Чувство** сильного смущения **от** сознания предосудительности поступка, вины’ [11, с. 755]; *голодный* – ‘1. **Испытывающий чувство** голода, несытый’ [11, с. 136, 881]; *сонный* – ‘7. **Находящийся в состоянии** спячки’ [11, с. 747]. Эти и другие лексические

факты свидетельствуют о том, что в языковом сознании носителей СРЛЯ свойство репрезентировано, прежде всего, в аспекте его идентифицирующей роли, тогда как состояние в первую очередь связывается с динамичностью во времени. Эти данные оказываются созвучными с философской мыслью о свойстве и состоянии, а также с типологическим положением, утверждающим, что «известные закономерности мышления лежат в основе ...закономерностей лексики всякого языка» [4, с. 362].

Языковое выражение рассматриваемой оппозиции синтагматическими характеристиками соответствующих лексических единиц может быть проиллюстрировано, в частности, интересным примером возможности стативов в ряде контекстов развивать каузативные значения по метонимическим моделям «находящийся в состоянии → вызывающий его» (у Adj) и «состояние → причина состояния» (у S) (ср, к примеру, значения слов «пьяный» и «радость» в *Пьяная брага* [11, с. 636] и *Приехал сын. Случилась большая радость* [11, с. 640]). Отмеченный семантический сдвиг невозможен для наименований свойства, поскольку только онтологически неустойчивый признак, формируемый в относительно короткий, наблюдаемый промежуток времени под влиянием тех или иных обстоятельств, может мыслиться как имеющий свою конкретную причину.

Рассматривая свойство и состояние в аспекте семантических категорий, невозможно обойти вниманием иные средства их репрезентации, б*о*льшие и меньшие, чем слово. В этой связи представляется уместным обратиться к производным словам, в семантику которых компонент, относящий обозначаемый признак в сферу свойства, привносится значением деривационных аффиксов. Значение последних, в свою очередь, отражено в семантическом описании словообразовательного типа (СТ), на базе которого были произведены соответствующие слова. С точки зрения номинативной деятельности человека в структуре производного слова семантическая категория свойства может репрезентироваться как эксплицитно, так и

имплицитно. В первом случае соответствующая семантика получает формальное выражение с помощью избранных аффиксов. Так, выбор суффиксов -чив- и -лив- обусловлен интенцией говорящего обозначить характерный, т.е. сравнительно устойчивый признак. Так, согласно РГ-80, наименования *влюбчивый* и *ворчливый* образовались на основе СТ ‘**Склонный** к тому, что названо мотивирующим словом’ от глагольных лексем *влюбляться* и *ворчать* [13, с. 290]. Выражаемое суффиксами -чив- и -лив- значение свойства (в связи со склонностью к действию в нашем случае) является необходимой связкой, которая соединяет ономасиологический базис (в данном случае характеристику лица) с процессуальным ономасиологическим признаком, выражая характер взаимоотношения между ними в действительности. Подобная «номинативная структура» наблюдается и в других разнотипных производных со значением лица/предмета по свойству, образованных на базе моделей, специализированных на наименовании свойств предметов/лиц: Ср. к примеру, Adj + -ак-/-чак- → S ‘Лицо/предмет, **характеризующийся признаком**, названным мотивирующим словом’ (*смельчак, весельчак, остряк; чистяк, железняк, сорняк*) [13, с. 170]; S + -аст- → Adj ‘Лицо/предмет, **характеризующийся** интенсивно выраженным внешним **признаком**, названным мотивирующим словом’ (*глазастый, ушастый, горластый; цветастый, кочкастый, мышастый*) [13, с. 287]; V + -л- → S ‘Лицо/предмет, названные **по характерному, обычно выполняемому действию**’ (*хныкала, шутила, заводила; точило, мерило, поддувало*) [13, с. 149]. Иная – имплицитная – репрезентация семантики свойства наблюдается, к примеру, в адъективных дериватах с суффиксом -н-, имеющих общее значение ‘Признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *ироничный, апатичный, патетичный, эмоциональный, импульсивный* [13, с. 272]. Формулировка системного значения данного СТ даёт возможность предполагать, что здесь квалификация именуемого признака как свойства

обеспечивается скрытой ономасиологической связкой, которая выводится логическим путём и указывает на онтологический тип связи между характеризуемым лицом и типичным признаком его поведения. В противоположность свойству продуктивным средством обозначения локализованного признака (состояния) на уровне морфем служат формообразовательные аффиксы. Особенно отчётливо это прослеживается в сфере страдательных причастий прошедшего времени, интерпретационная функция которых, как известно, заключается в представлении ‘состояния, возникающего в результате процесса’, т.е. пассивного процессуального признака, характеризующего некий предмет по испытываемому им действию в прошлом. Ср.: *изнеможенный, помешанный, раненый, заплаканный, влюблённый, очарованный* и многие другие [13, с. 665].

В отличие от лексического и словообразовательного уровней, обладающих целым спектром средств для лингвоэкспликации обеих из рассматриваемых категорий, синтаксический[46] уровень содержит более многочисленные средства выражения состояния. Так, например, среди минимальных структурных схем существует несколько конструкций, для которых выражение состояния является специализацией или же выступает в числе других семантических функций. Способность таких моделей участвовать в описании состояния закономерно проявляется в их грамматической семантике, призванной передавать релевантные аспекты состояния, в числе которых находится локализация во времени. Акцентирование этого параметра становится возможным благодаря

[46] В сфере морфологии в роли нерегулярного грамматического средства акцентирования устойчивости признака выступают полные формы немногочисленного ряда прилагательных (*больной, здоровый, весёлый* и нек. др.), которые в позиции предиката модели $N_1 copAdj_{f1/5}$ наиболее ярко противопоставлены кратким формами тех же прилагательных в значении состояния: Ср. *Мальчик здоровый - Мальчик здоров* [13, с. 557]. Вследствие отмеченной нерегулярности, а также в силу некоторых других причин исследователи не обнаруживают единогласия относительно спецификации форм прилагательных при выражении свойств и состояний в СРЛЯ. Ср., к примеру, мнения, высказанные в работах [18, с. 189-191]. [16, с. 152].

замещению компонентов схемы словами, обладающими не только определёнными лексическими, но и грамматическими значениями. Так, описание подвижных во времени ситуаций состояния обеспечивает, в частности, предусмотренная в моделях $V_{s3/n}$ *Ему нездоровится*, $Cop_{pl3Adjfpl}$ *Ему были рады*, $Cop_{s3/nAdjfsn}$ *Мне радостно*, $Cop_{s3/nN2...pr}$ *Ей не до сна*, Cop_{fN1} *С ней обморок* позиция глагола (связочного или знаменательного), способного выражать различные временные граммемы [13, с. 557].

Что же касается синтаксических моделей, описывающих ситуацию наличия свойства, материал СРЛЯ приводит к выводу о том, что характерные для свойства параметры устойчивости и отличительности «транслируются» преимущественно лексической семантикой компонентов высказывания, а не формальной организацией самой модели. Так, высказывание *Ему не сидится*, построенное по схеме $(N_3)V_{s3/n}$, которая предназначена участвовать в описании состояния, может приобретать значение свойства при введении в его состав слова со значением нелокализованности во времени: *Ему* ***обычно/всегда*** *не сидится*.

Возможный в рамках настоящей статьи краткий обзор разноуровневых средств выражения локализованного и нелокализованного признака в СРЛЯ служит частным лингвистическим подтверждением философской мысли о существенной роли данного параметра при освоении мира человеком, что закономерным образом находит отражение в языковой картине мира. Неслучайно представители концепции значения, основанного на опыте человека, неоднократно указывали на тесную связь семантики слова с нашим знанием о действительности, подчёркивая, что «схемы и структуры, посредством которых мы придаём смысл языковым выражениям, не отличаются от тех, посредством которых мы осмысливаем наше существование и наши действия в мире» [7, с. 226].

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Наука, 1974. – 367 с.

3. Аристотель. Категории / Под ред. Г. Ф. Александрова. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 84 с.

4. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

6. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

7. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

8. Кондаков Н. И. Логический словарь / Под ред. Д. П. Горского. – М.: Наука, 1971. – 658 с.

9. Краткий словарь по логике / Под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.

10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с.

12. Платон. Сочинения в 3-х томах. Т.2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.

13. Русская грамматика: В 2-х томах. Т.1 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 784 с. (по тексту – РГ-80)

14. Светлов В. А. Логика: Учеб. пособие. – Спб: Питер, 2010. – 320 с.

15. Словарь русского языка: В 4х томах. Т.4/ Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус.яз Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.

16. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
17. Цейтлин С. Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и её освоение ребёнком // Семантические категории в детской речи / Отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 436 с.
18. Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.

Михайлова Е. В. (Минск, Беларусь)

ОБРАЗ П.И. ЧАЙКОВСКОГО В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Образ музыки – сложное ментальное образование, основанное на соответствующем концепте. Концепт «музыка» состоит из ядра и периферии. Ядро включает в себя лингвистические, понятийные и т.д. объективации музыкальных звуков, инструментов, жанров и др., а также синхронический и диахронический (истории музыки) аспекты. В докладе будет рассмотрен образ великого русского композитора П.И. Чайковского, созданный русскими поэтами.
Ключевые слова: образ музыки, концепт «музыка», ядро, периферия, П.И. Чайковский, композитор, музыкант, произведения, чувства.

Mikhailova E. V. (Minsk, Belarus)

THE IMAGE OF P.I. TCHAIKOVSKY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Image of music is the complex mental formation based on corresponding concept. The concept "music" consists of a core and periphery. The core includes linguistic, conceptual etc. objectivations of musical sounds, instruments, genres, etc., and also synchronic and diachronic (history of music) aspects. The image of great Russian composer P.I. Tchaikovsky created by Russian poets will be considered in the report.
Key words: image of music, concept "music", core, periphery, P.I. Tchaikovsky, composer, musician, works, feelings.

Образ музыки – сложное ментальное образование, основанное на соответствующем концепте. Концепт «музыка» состоит из ядра и периферии. Ядро включает в себя лингвистические, понятийные и т.д. объективации музыкальных звуков, инструментов, жанров и др., а также синхронический и диахронический (истории музыки) аспекты. В статье будет рассмотрен образ великого русского композитора П.И. Чайковского, созданный русскими поэтами.

Петр Ильич Чайковский (1840–1893) – не только композитор, но и дирижер, музыкальный и общественный деятель, педагог. П.И. Чайковский «…во время учебы в Училище правоведения (1850–1859) в Петербурге пел в

хоре и брал уроки фортепиано у Р. Кюндингера, с 1861 г. занимался теорией музыки у Н. Зарембы. В дальнейшем Чайковский окончил Петербургскую консерваторию, где его педагогом был А. Рубинштейн. С 1866 г. композитор стал профессором Московской консерватории, с 1887 г. регулярно выступал как дирижер, исполняя в основном свои произведения. В 1888–1891 гг. состоялись гастроли Чайковского по Европе и городам США. В 1892 г. мастер удостоился избрания членом Института Франции, а в 1893 г. – звания почетного доктора Кембриджского университета в Англии» [7, с. 255]. Творческое наследие композитора составляют произведения различных жанров: «…оперы “Воевода”, 1869; “Ундина”, 1869; “Опричник”, 1874; “Кузнец Вакула”, 1876; “Евгений Онегин”, 1879; “Орлеанская дева”, 1881; “Мазепа”, 1884; “Чародейка”, 1887; “Пиковая дама”, 1890; “Иоланта”, 1892; балеты “Лебединое озеро”, 1877; “Спящая красавица”, 1890; “Щелкунчик”, 1892; 4 кантаты; 6 симфоний; 5 сюит; поэма “Фатум”, 1868; увертюры-фантазии “Ромео и Джульетта”, 1869; “Гамлет”, 1888; фантазии “Буря”, 1873; “Франческа да Римини”, 1876; “Итальянское каприччио”, 1880; баллада “Воевода”, 1891; 5 увертюр; 3 марша для оркестра…» [7, с. 256].

Творчество Петра Ильича Чайковского – это целый мир, огромный и разнообразный, он «…недаром рождает параллели с поэзией Пушкина, романами Толстого и Достоевского, полотнами Левитана, сочинениями Мусоргского и Рахманинова. Его творчество вобрало и сфокусировало всеобъемлющую информацию о человеке, психологии его чувств, динамике страстей; оно запечатлело диалектику естественных порывов к счастью и невозможность изменить трагическую сущность земного Бытия» [8, с. 245]. В его художественном мире глубокий смысл придается теме любви: «Это символ возвышающей и облагораживающей силы, способной победить труднейшие жизненные препятствия и даже саму смерть. Любовь есть жизнь – эта мысль Толстого, созвучная мировоззрению композитора, пронизывает все его творчество» [9, с. 12]. Музыка великого композитора имеет

индивидуально-авторский характер: «Чайковский узнается всеми сразу. Его музыкальная речь ощущается безоговорочно как *его*, как носящая глубоко личный отпечаток, ибо все, что как влияние попадает в состав элементов его музыки, становится качественно новым и звучит “по-чайковски”» [2, с. 23], она родственна народному творчеству: «В своем творчестве Чайковский близок был протяжным песням русским. Не в смысле заимствования и приемов обработки… Но в смысле душевного родства и психической солидарности близость эта несомненна. И как раз не в мажорных, светлых темах и мелодиях, где Чайковский большей частью претворяет итальянское и французское влияние, а в скорбном лирическом миноре, в особенности в тех мелодиях, где без театрального пафоса, просто и задушевно, поется про людское горе» [2, с. 229–230]. Национальный характер имеет и симфонизм, на принципах которого основано все творчество П.И. Чайковского: «Симфонизм выступает, наряду с песенностью, в качестве одного из основных начал русской музыки. Человек, давший жизнь русскому симфонизму, был Глинка. Его творчество явилось одним из главных источников позднейшего развития русской музыки в лице Петра Ильича Чайковского» [1, с. 190].

Вс.А. Рождественский посвятил П.И. Чайковскому одноименное стихотворение. Он рассказывает о своем восприятии выдающегося русского композитора, основанном на знании фактов его жизни и впечатлениях от прослушанных произведений: «Я вижу его, но не в шумном концерте, // Безжалостных люстрах, раскате хлопков, // Не в маске из гипса, не в таинствах смерти, // Где лег он в цветах – непривычно суров, // А в ярких сугробах и елках усадьбы, // В гостиной с портретом, с окном на погост, // Где дети рождались, где правились свадьбы, // Где Таня писала до утренних звезд. // Ему ли теперь задыхаться в тумане // Московских бульваров, пассажей, афиш, // Когда от неистовства рукоплесканий // В извозчичьих санках, как в пропасть, летишь. // Он здесь заблудился на шумном базаре //

Концессий и акций, где нечем вздохнуть. // С Апухтиным что ли в последнем угаре // К гитарам цыган, провожающим в путь» [11, с. 52]. Автор стихотворения характеризует художественный мир П.И. Чайковского, отражая и некоторые черты личности композитора: «Иль пусть уж уносят горячие кони // От славы и сплетен, венков и газет // В отчаянье, в грохот миров и симфоний, // Где рушится счастье, где памяти нет. // Ужель, словно путник на земском ночлеге, // Свечу погасить? Иль над сонной Москвой // Дымиться сигарой дворянских элегий // И в клавиши после упасть головой? // Нет! Есть еще крылья! Упрямый любовник, // Ошибкой забытый в веках Ланчелот, // Он к Спящей красавице через терновник, // Всю грудь о шипы раздирая, идет» [11, с. 52]. Поэт указывает на важность работы для композитора; упоминает город Клин, на окраине которого он жил с 1891 г. [8, с. 249]; Шестую симфонию и формулирует сущность его музыки: «Работа! Работа! Безжалостно точен // На нотной бумаге летящий узор. // Пусть брошенный дом навсегда заколочен, // Мечте остаются и страсть и простор. // В осеннем затишье уездного Клина // В окне, где под ветром качается сад, // Шестая симфония, словно лавина, // Идет, нарастая, сквозь грохот преград. // О сердце, всю бурю пройди и изведай, // О дикая сила, куда ни зови, // Но будь торжеством, утвержденьем, победой // Над поступью рока, над гнетом любви!» [11, с. 52].

А.А. Фет высказывает свое восхищение рассматриваемым русским композитором в стихотворении «П.И. Чайковскому»: «Тому не лестны наши оды, // Наш стих родной, // Кому гремели антиподы // Такой хвалой. // Но, потрясенный весь струнами // Его цевниц, // Восторг не может и меж нами // Терпеть границ. // Так пусть надолго музы наши // Хранят певца, // И он кипит, как пена в чаше // И в нас сердца!» [6, с. 89–90]. Поэт желает П.И. Чайковскому плодотворной творческой деятельности.

А.Н. Апухтин дружил с П.И. Чайковским и учился вместе с ним в Петербургском училище правоведения: «Самым любимым из друзей

Чайковского был в то время, пожалуй, Апухтин» [5, с. 55]. Он обращается к великому композитору в двух стихотворениях с одинаковым названием «П. Чайковскому» [6, с. 91–93]. В первом из них он вспоминает, как они, будучи в училище, вместе мечтали о славе, но время прошло, и вот часть жизни уже прожита: «Ты помнишь, как, забившись в “музыкальной”, // Забыв училище и мир, // Мечтали мы о славе идеальной… // Искусство было наш кумир, // И жизнь для нас была обвеяна мечтами. // Увы, прошли года, и с ужасом в груди // Мы сознаем, что всё уже за нами, // Что холод смерти впереди» [6, с. 91]. Далее поэт пишет о судьбе друга: «Мечты твои сбылись. Презрев тропой избитой, // Ты новый путь себе настойчиво пробил, // Ты с бою славу взял и жадно пил // Из этой чаши ядовитой. // О, знаю, знаю я, как жестко и давно // Тебе за это мстил какой-то рок суровый // И сколько в твой венец лавровый // Колючих терний вплетено. // Но туча разошлась. Душе твоей послушны, // Воскресли звуки дней былых, // И злобы лепет малодушный // Пред ними замер и затих» [6, с. 92]. Он признается, что видел в П.И. Чайковском что-то божественное: «А я, кончая путь “непризнанным” поэтом, // Горжусь, что угадал я искру божества // В тебе, тогда мерцавшую едва, // Горящую теперь таким могучим светом» [6, с. 92]. Во втором стихотворении А.Н. Апухтин говорит о расставании с другом, с которым у него было много общего, употребляя лексику из семантического поля ‘музыка’: «К отъезду музыканта-друга // Мой стих минорный тон берет, // И нашей старой дружбы фуга, // Всё развиваясь, растет… // Мы увертюру жизни бурной // Сыграли вместе до конца, // Грядущей славы марш бравурный // Нам рано волновал сердца; // В свои мы верили таланты, // Делились массой чувств, идей… // И был ты вроде доминанты // В аккордах юности моей» [6, с. 92]. Судьбы друзей сложились по-разному: «Увы, та песня отзвучала, // Иным я звукам отдался, // Я детонировал немало // И с диссонансами сжился; // Давно без счастья и без дела // Дары небес я растерял, // Мне жизнь, как гамма, надоела, // И близок, близок мой финал… // Но ты – когда для жизни вечной // Меня

зароют под землей, – // Ты в нотах памяти сердечной // Не ставь бекара предо мной» [6, с. 93]. Благодаря метафорическому употреблению, некоторые слова, обозначающие музыкальные понятия (*фуга*, *увертюра*, *марш*, *доминанта*, *аккорды*, *песня*, *диссонансы*, *финал*, *ноты*, *бекар* и др.), детерминологизируются и приобретают другое значение.

Русские поэты пишут и о произведениях П.И. Чайковского. Н.В. Крандиевская-Толстая в стихотворении «По радио дали тревоги отбой» описывает Шестую симфонию, подчеркивая ее национальные особенности: «По радио дали тревоги отбой. // Пропел о покое знакомый гобой. // Окно раскрываю, и ветер влетает, // И музыка с ветром. И я узнаю // Тебя, многострунную бурю твою, // Чайковского стон лебединый, – Шестая, – // По-русски простая, по-русски святая, // Как Родины голос, не смолкший в бою!» [11, с. 45]. Словосочетанием *стон лебединый* поэтесса показывает, что эта симфония – последнее и очень значительное произведение выдающегося композитора: «В ней композитор отразил сложнейший мир переживаний человека, своего современника, показал тревожное смятение его души и трагическую обреченность» [12, с. 30]. Сочинение П.И. Чайковского посвящено теме, близкой и понятной каждому человеку: «По содержанию Шестая симфония близка Четвертой: жизнь человека, ее смысл и связь человеческой личности со всем окружающим» [12, с. 30].

Б.Л. Пастернак в стихотворении «Музыка» упоминает фантазию «Франческа да Римини» [10, с. 126] П.И. Чайковского: «Или консерваторский зал // При адском грохоте и треске // До слез Чайковский потрясал // Судьбой Паоло и Франчески» [11, с. 44]. Поэт показывает, какое сильное влияние на слушателей оказывало названное сочинение.

И.Л. Сельвинский создал стихотворение «Лебединое озеро» во время Великой Отечественной войны [6, с. 184–189]. В этом произведении автор объединил описание своих впечатлений от балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро» и объективацию военных событий: «Большой рояль, от

блеска бел, // Подняв крыло, стоял, как айсберг. // Две-три триоли взяты наспех… // Нет, не рыдал он и не пел: // Дышал! И от его дыханья // Рождалось эльфов колыханье, // Не звук, а музыкальный дым // Ходил над блеском ледяным. // Я не сказал бы, чтоб тогда // Я был счастливее, чем прежде. // Но если сад в былой одежде // Теперь обуглен навсегда, // Но если дом с балконом этим // Мы больше никогда не встретим, // То… – как бы это объяснить? – // Какая-то на сердце нить // Оборвана! И счастья нет. // И словно что-то в нас убито. // Воспоминания без быта // Чего-то требуют, как бред, // Как если б ты проспал столетье…» [6, с. 185] и др. Впечатления перемешались из-за того, что музыку известного русского композитора передавали по радио: «И вдруг из рупора, что вбит // В какой-то треснувший брандмауэр, // Сквозь эту ночь и этот траур, // Невероятный этот быт – // Смычки легко затрепетали, // И, нежно выгибая тальи, // В просветах голубых полос // Лебяжье стадо понеслось. // Оно летело, словно дым // От музыкального дыханья, // В самом полете отдыхая, // Струясь движением одним… // Но той же линией единой // Спустился поезд лебединый, // От оперенья воздух сиз – // И веет, веет pas de six» [6, с. 186–187] и др. Поэт восхищен гением П.И. Чайковского; прекрасная музыка, сочиненная композитором, дает ему силы пережить тяготы военного времени, создавая какой-то особый мир: «И я гляжу. И грезит сад // В какой-то дымке небывалой. // Кругом руины и обвалы, // Как зачарованы, стоят. // Всё ближе задушевный лепет… // Перед тобой Царевна-Лебедь! // И вскинула ночная мгла // Ее метельные крыла. // Чаруй, метелица, чаруй! // Пари над миром, русский гений! // Ты утоляешь зной мучений // Прикосновеньем вьюжных струй… // И словно дивной ворожбою // Дома, что ранены пальбою // И сажею обожжены, // В лебяжий пух обряжены» [6, с. 188]. И.Л. Сельвинский обращает внимание и на национально-культурные особенности музыки П.И. Чайковского: «И всё парит, парит она // Из сказки в черный порох были. // На ней, как бабушки любили, // И впрямь короною луна… // Ее глаза, как

звезды, сини. // Она с тобой, душа России! // Ты узнаешь. Впиваешь ты // Ее любимые черты» [6, с. 189]. Поэт показывает, что замечательный балет П.И. Чайковского вечен, он будет воспринят и понят зрителями в любые времена, он будет изменять жизнь людей к лучшему.

Н.И. Рыленков в стихотворении «Высокий залог» представляет строки А.С. Пушкина и музыку П.И. Чайковского как общечеловеческие ценности: «Не может жизнь утратить смысл высокий, // Сомкнув за нами круг дневных забот, // Пока звучат нам пушкинские строки // И музыка Чайковского поет» [6, с. 199]. Действительно, у А.С. Пушкина и П.И. Чайковского много общего, их сближают следующие особенности: «Именно это драгоценное “чувство нового”, жадный интерес к воплощению тем сегодняшнего дня, острота психологического раскрытия современных типов…» [3, с. 141]. Сотрудничество двух креативных личностей наиболее ярко воплотилось в жанре оперы. Е. Берлянд-Черная высказала такое мнение: «Одно то, что из пяти зрелых опер Чайковского на русские сюжеты (мы имеем в виду “Черевички”, “Онегина”, “Мазепу”, “Чародейку” и “Пиковую даму”) три лучшие написаны на пушкинский текст, заставляет с особым вниманием отнестись к скрещению творческих путей двух гениальных русских художников. … никто из современных Чайковскому композиторов не воплотил пушкинских образов на оперной сцене так полно и многосторонне…» [3, с. 5].

Итак, в русской языковой картине мира образ П.И. Чайковского объективируется при помощи следующих лексических единиц (исключая имена собственные): слов, принадлежащих к семантическому полю ‘музыка’ (*концерт*, *гитары*, *симфонии*, *клавиши*, *нотная* (бумага), *симфония*; *струны*, *цевницы*, *певец*; *звуки*, *музыкант-друг*, *минорный* (тон), *фуга*, *увертюра*, *сыграть*, *марш*, *доминанта*, *аккорды*, *песня*, *отзвучать*, *диссонансы*, *гамма*, *финал*, *ноты*, *бекар*; *пропеть*, *гобой*, *музыка*, *многострунная* (буря); *консерваторский* (зал); *пассаж*, *рояль*, *триоль*, *петь*, *музыкальный* (дым),

смычки, *pas de six* (танец шести (франц.) [6, с. 187]), *шестнадцатые*, *балерины*, *смычок*, *валторна*, *гобой*, *труба*, *виолончель*; *звучать* и др.); слов, выражающих бытовые понятия, относящиеся к различным векам (*усадьба*, *гостиная*, *портрет*, *окно*, *свеча*, *сигара*, *дом*, *сад*; *чаша*; *радио*; *зал*; *улица*, *фасад*, *номера*, *здания*, *литье*, *многооконный* (фасад), *кружево* (балкона), *балкон*, *двери*, *стена*, *пейзаж*, *рупор*, *бинокль*, *корона* и др.); слов, обозначающих реалии жизни музыканта (*люстры*, *хлопки*, *цветы*, *пассажи*, *афиши*, *рукоплескания*, *слава*, *сплетни*, *венки*, *газеты*; *хвала*, *музы*; *искусство*, *кумир*, *венец* (лавровый), *тернии*, *таланты*; *рампа* и др.); слов, передающих эмоции и чувства (*отчаянье*, *счастье*, *страсть*, *торжество*, *любовь*; *восторг*; *ужас*, *злоба*, *гордиться*, *волновать*, *чувства*; *тревога*, *стон*; *слезы*, *потрясать*; *рыдать*, *счастливее*, *успокаивать*, *задушевный* (лепет), *мучения*, *любить*, *любимые* (черты) и др.); слов, относящихся к семантическому полю ‘поэзия’ (*элегии*; *оды*, *стих*; *поэт*; *пушкинские* (строки), *строки и* др.); слов, обозначающих субъектов, реалии, понятия, действия, связанные с жизнью человека (*дети*, *свадьбы*, *память*, *голова*, *грудь*, *мечта*, *сердце*, *сила*, *рок*; *помнить*, *забыв*, *мечтать*, *жизнь*, *мечты*, *сознавать*, *знать*, *душа*, *угадать*, *божество*, *свет*, *дружба*, *верить*, *делиться*, *идеи*, *юность*, *сжиться*, *дело*, *дары*; *покой*, *узнавать*, *Родина*, *голос*; *судьба*; *слова*, *позабыть*, *устать*, *лицо*, *пальцы*, *дышать*, *дыханье*, *сказать*, *встретить*, *объяснить*, *воспоминания*, *быт*, *проспать*, *столетье*, *существовать*, *значить*, *быть*, *жить*, *друг*, *связи*, *бытие*, *современники*, *детство*, *поколенье*, *колени*, *зубы*, *отдыхая*, *движение*, *ноги*, *бог*, *сон*, *двигаться*, *гений*, *сказка*, *быль*, *бабушки*, *глаза*, *Россия*, *черты*; *смысл*, *заботы* и др.) и др. Некоторые из указанных здесь слов могут быть отнесены к нескольким группам одновременно (*концерт*, *певец*, *искусство* и др.). Кроме названных лексических единиц, в поэтических произведениях некоторых авторов используются: фамилии людей (*Апухтин*, *Чайковский* – Вс.А. Рождественский; *Чайковский* – Н.В. Крандиевская-Толстая, Б.Л.

Пастернак, Н.И. Рыленков); имена героев (и название персонажа) из произведений П.И. Чайковского (*Таня*, *Спящая красавица* – Вс.А. Рождественский; *Паоло*, *Франческа* – Б.Л. Пастернак); имя легендарного и литературного героя (*Ланчелот* – Вс.А. Рождественский); имя богини (*Леда* – И.Л. Сельвинский); название сказочного персонажа (*Царевна-Лебедь* – И.Л. Сельвинский); название сочинения П.И. Чайковского (*Шестая симфония* – Вс.А. Рождественский; *Шестая* – Н.В. Крандиевская-Толстая); географическое название (*Клин* – Вс.А. Рождественский). Все эти слова формируют неповторимый образ П.И. Чайковского как человека, композитора и музыканта.

Анализ вышеприведенной лексики показывает, что образ П.И. Чайковского в русской языковой картине мира воплощается как образ человека, занимающегося музыкой; любящего свой дом; живущего активной жизнью; эмоционального, творческого; создающего произведения, выражающие все категории человеческой жизни и воздействующие на чувства людей. Э.С. Смирнова указывала: «Среди русских композиторов-классиков выделяется имя Чайковского. Оно дорого любителям музыки всего мира. Произведения его в равной мере захватывают и волнуют всех людей – музыкантов-профессионалов и широкого слушателя. Свое творчество Чайковский посвятил человеку, его любви к Родине и русской природе, его стремлениям к счастью, мужественной борьбе с темными силами зла. В музыке композитора – вся жизнь человека с ее радостью, скорбью, надеждами, борьбой, отчаянием. И о чем бы ни говорил Чайковский – он всегда правдив и искренен» [10, с. 106]. Композитор очень любил жизнь и отразил это в своих сочинениях. Н.А. Калинина писала по этому поводу: «Чайковский был великим и неисправимым жизнелюбом, о чем свидетельствует в с я его музыка. …Поныне от колыбели всем нам сопутствует великая, могучая музыка Петра Ильича Чайковского» [4, с. 139]. Каждый человек открывает для себя своего П.И. Чайковского; познает жизнь

и мир благодаря его произведениям; становится мудрее, красивее и лучше, если в его душе есть место для прекрасного мира гениального композитора и музыканта.

Список литературы

1. Альшванг, А.А. П.И. Чайковский / А.А. Альшванг. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1959. – 704 с.
2. Асафьев, Б.В. О музыке Чайковского. Избранное / Б.В. Асафьев. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1972. – 376 с.
3. Берлянд-Черная, Е. Пушкин и Чайковский / Е. Берлянд-Черная. – М. Музгиз, 1950. – 144 с.
4. Калинина, Н.А. П.И. Чайковский: Повесть / Н.А. Калинина. – М.: Дет. лит., 1988. – 143 с.
5. Конисская, Л.М. Чайковский в Петербурге / Л.М. Конисская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Л.: Лениздат, 1974. – 320 с.
6. Музыка в зеркале поэзии: [Сб. стихов. В 3-х вып.] / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1985. – Вып. 1: «…Нам музыка звучит». – 240 с.
7. Музыка: Энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 287 с.
8. Рапацкая, Л.А. История русской музыки: От Древней Руси до «серебряного века»: Учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Л.А. Рапацкая. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 384 с.
9. Розанова, Ю.А. История русской музыки. Т. 2, кн. 3. Вторая половина XIX века. П.И. Чайковский: Учебник для муз. вузов / общ. ред. А.И. Кандинского. – М.: Музыка, 1981. – 310 с.
10. Смирнова, Э.С. Русская музыкальная литература. Для VI–VII классов детской музыкальной школы / Э.С. Смирнова; Под ред. Т.В. Поповой. – 11-е изд. – М.: Музыка, 1989. – 128 с.

11. Стихи о музыке. *Русские, советские, зарубежные поэты*: [Сборник] / Сост. А.Н. Бирюкова, В.М. Татаринов; Под общ. ред. В. Лазарева. – М.: Сов. композитор, 1982. – 224 с.

12. Третьякова, Л.С. Страницы русской музыки (Русская классическая музыка на рубеже XIX–XX вв.) / Л.С. Третьякова. – М.: Знание, 1979. – 160 с.

Рыбакова А. С. (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТ *ДУША* В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В докладе рассматривается концепт *душа* в русской и белорусской фразеологии. Анализ образов сознания одной национальной культуры в процессе сопоставления с образами сознания другой культуры является весьма эффективным способом исследования межкультурной онтологии национальных сознаний. Концепт *душа*, являясь культурной доминантой русского менталитета, в белорусском языке обнаруживает как сходные, так и отличные черты.

Ключевые слова: душа, концепт, концептосфера, менталитет, русский и белорусский языки, сравнительное языкознание, универсальное и национально специфичное, фразеология, язык и культура, языковая и национальная картина мира.

Rybakova A. S. (Minsk, Belarus)

THE CONCEPT *SOUL* IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN PHRASEOLOGY

The report explores the concept *soul* in Russian and Belarusian phraseology. The analysis of the mind`s images of one national culture in the process of comparison with the mind`s images of another culture is a quite effective way of the investigation of intercultural ontology of national minds. The concept *soul*, being a cultural dominant of Russian mentality, in the Belarusian language reveals as similar as different features.

Key words: soul, concept, conceptosphere, mentality, the Russian and Belarusian languages, comparative linguistics, universal and nationally specific, phraseology, language and culture, linguistic and national picture (image) of the world.

Люди и их язык – что может быть более тесно связано? В идеальном случае эта связь действительно прямая. Определенная группа проживает в особом месте, и члены группы говорят на своем языке. У них есть название для себя и своего языка, и никто больше не носит это имя или не претендует на то, что это их материальный язык <…> Но в действительности так просто бывает крайне редко.
N.C. Dorian

Между «есть бог» и «нет бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-то одну из этих двух крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало.

А.П. Чехов

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное.

М. Горький

Как ни парадоксально это звучит, но экономическому кризису всегда предшествует кризис духовный, для выхода из которого следует отсечь все вр***е***менные частности, сохранив главное, вневременн***о***е, чем являются духовные ценности.

Необходимо помнить, что в эпоху глобализации особенно важно оставить неизменной национальную идентичность. Помощником в этом нелегком деле является не полное обособление, а напротив, разумная интеграция с близкими по духу народами, но при условии ясного осознания и сохранения своей национальной специфичности, которая во многом заложена в языке.

Профессор М.П. Жигалова справедливо отмечает, что в XXI веке мир столкнулся с новыми опасными вызовами, противостоять которым возможно только обеспечив широкое культурное общение и взаимопонимание, духовную близость, уважение и толерантность в отношении различных философских, правовых, социальных, религиозных и других учений, по законам которых живут разные народы мира [6 ,с. 22].

Славянская языковая картина мира объединяет в себе различные национальные картины мира, в том числе русскую и белорусскую, которые не следует абсолютно отождествлять. В таких случаях весьма эффективным способом познания общности и нахождения различий является сравнение. Во многом это будет шагом к тому, чтобы понять, что именно способствует нашему единству. По мнению С.М. Прохоровой, различение русского и белорусского национально-культурного компонента в тексте и языке

началось с М. Богдановича, ведь размытость границ в языках может порождать нечеткость национальной идентификации.

Необходимо заметить, что сравнение как способ познания предполагает рождение нового знания. Недаром, по выражению И.М. Сеченова, для сравнительной памяти открыт горизонт, не ограниченный временем и пространством. Но следует помнить, что сравнение должно быть прежде всего осмысленным и оправданным, открыть что-то новое в объекте сравнения и его авторе (в нашем случае – народе). К тому же, чем больше у объектов изучения общего, тем сложнее найти отличия. Общность исторических судеб русского и белорусского народа, разнообразные взаимоотношения (культурные, экономические, политические и т.п.) и сосуществование в рамках единого государства, естественно, накладывают печать и на языковые отношения (взаимодействие сознаний и языков).

Генетическая близость и тесные исторические связи, в значительной степени определившие многообразие и сложность общественно-политических, социально-экономических, культурно-исторических и этнолингвистических условий, в которых происходило и происходит их взаимовлияние [4, с. 4].

Общность происхождения русского и белорусского языков, взаимные заимствования привели к тому, что в области фразеологии значительно больше сходств, нежели различий [4, с. 63]. Фраземы могут совпадать, отличаясь лишь орфоэпически и орфографически, лексически, морфологически, синтаксически.

Следует отметить, что в русском языке больше книжных фразеологизмов, чем в белорусском, поскольку русский литературный язык развивался на книжной основе, а белорусский на основе живой народной разговорной речи [4, с. 63-64].

Исследование таких многомерных универсальных концептов, как *душа,* является необходимым звеном в цепи изучения той или иной национальной концептосферы.

Общеизвестно, что А. Вежбицка отнесла понятия *душа, тоска, судьба* к ключевым концептам русского языка и русской культуры. Ю.С. Степанов не без оснований отнес концепт *душа* к константам русской культуры, т.е. к концептам, которые присутствуют постоянно. В свою очередь, идеалистическая философия оперирует главным образом с концептом *дух,* а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом *душа* [16, с. 19].

Этимологи относят слово *душа* к общеславянской лексике (оно образовано от *дух* при помощи суффикса *-j-*). Как отмечает Ю.С. Степанов, согласно общему правилу индоевропейской грамматики, *дух* (м.р) означает нечто основное и доминирующее, а *душа* (ж.р.) – нечто производное, частное и подчиненное [16, с. 570].

И *дух*, и *душа* – древние славянские слова, имеющие один и тот же корень, но слово женского рода обозначает внутреннюю, в человеке живущую суть душевности, а слово мужского рода – знак высшей благодати духовного бытия – Дух. В.В. Колесов подчеркивает, что земная *душа* всего лишь житье лица, тогда как *дух* – это жизнь и лик [9, с. 99].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *душа* определяется как «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении, человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа <…> Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр…».

А. Вежбицкая, говоря о семантике лексемы *душа*, сделала вывод, что в русском языке этим словом обозначаются чувства наиболее глубинные, которые не могут наблюдаться, и эти чувства являются сущностями людей.

Как известно, язычество на территории Беларуси имеет более продолжительную историю, нежели на Руси, которая ранее изведала глубину христианства.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров одними из первых отметили, что белорусская традиционная культура отличается необычайной глубиной фольклорной «памяти», поэтому в ней нередки архаичные элементы [3, с. 3]. В свою очередь фразеологизмы, являясь наиболее образными и древними по своему происхождению единицами языка, сохраняют следы архаичного мышления. Осуществляется интерпретация феноменов мира в условиях отсутствия общих понятий через тропы (сравнения, метафоры, метонимии и т.д.), которые лежат в основе создания образа.

Согласно древним языческим преданиям, душа представлялась в различном виде: *душа* – искра небесного огня; *душа* – огонь; *душа* – звезда; *душа* – легкий ветерок; *душа* – птица, мотылек; *душа* – пар (дым). По А. Богдановичу, белорусы представляли себе душу как нечто материальное, но более тонкое, чем предметы, которые воспринимаются прикосновением. Душа может бесконечно менять свою форму и приобретать различные образы, а также быть невидимой [1].

Различные представления, связанные с образом души, находят свое отражение во фразеологизмах с лексемой *душа*. Рассмотрение русских и белорусских фразеологизмов с компонентами *душа, дух, сердце (сэрца)*, при помощи которых репрезентируется концепт *душа* во фразеологической картине мира, позволяет с наибольшей точностью реконструировать наивные (обыденные) представления о мире, со всеми их озарениями и заблуждениями.

Материал для исследования извлекался исключительно из фразеологических словарей [11], [5].

По данным частотных словарей (например, Н.С. Можейко, в белорусском языке на долю лексем *сэрца*, *душа* и *дух* приходится

соответственно 1125, 967 и 267 словоупотреблений), а также благодаря постоянной включенности в информационное пространство становится очевидным, что лексемы *душа*, *дух* и *сердце (сэрца)* являются весьма частотными в русском и белорусском языковых пространствах [13]. Столь высокая употребительность лексемы *сердце* связана не только с ее важностью, но и с тем, что она имеет денотат в отличие от *души* и *духа*.

Каких только определений и попыток конкретизации *души* ни увидишь в названиях художественных, научных, публицистических произведений (*неизъяснимая, народная, царская, музыкальная, чистая, бессмертная, добрая, белая, неверная, вечная, неистовая, человеческая, живая, мертвая, горская, матросская, шахтерская, загубленная, опальная; душа пространства, Петербурга, организации, мира, театра, брата, поэта, солдата; душа кричит от боли, поет, говорит; душа и дело, душа и мозг, душа и природа* и мн.др.). Во всех сферах жизни используются либо извлеченные из сокровищницы языка, либо специально созданные многочисленные словосочетания с лексемой *душа*, а также однокоренные слова.

Во фразеологических словарях русского и белорусского языков фиксируется значительное количество фразеологизмов с компонентом *душа*. В обоих языках *душа* часто замещается компонентом *сердце* / *сэрца (душа* (*сердце) болит, с открытой душой* (*сердцем), читать в сердце (душе) – душа (сэрца) баліць, з адкрытай душой (сэрцам), чытаць у сэрцы (душы) и* мн. др.). Это во многом связано с тем, что у *души* отсутствует денотат в отличие от сердца, а также с отождествлением в определенных позициях *души* и *сердца* и с существованием важной мифологемы *сердца* — «быть вместилищем души, средоточием жизненной силы».

Следует заметить, что в отличие от современного русского языка, где ведущую роль в системе внутреннего мира человека играет душа, для древнерусской культуры подобную функцию выполняло сердце, что

определяется, во-первых, наибольшей частотностью употребления имени данного концепта по сравнению с остальными, многообразием языковых воплощений, а также наиболее широким спектром функций, которые оно, в представлении средневекового человека, выполняло в его жизни [12, с. 91].

В словарях синонимов словарные статьи выглядят следующим образом: *Душа – сутнасць*; *характар* [8]. *Душа – душевный (или внутренний) мир, сердце; характер; чувство (о творчестве, исполнении); человек (с указанием количества); суть; вдохновитель»* [2, с. 116].

Проведя сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов, можно сделать вывод о том, что в этих близкородственных языках существует большое количество общих фразеологизмов с компонентом *душа*. Различия же являются незначительными.

Следует заметить, что слово *дух* в белорусском языке имеет и форму множественного числа – *духі*: *вымотать <всю> душу – выматаць <усе> духі (дух)*, *вынимать (вынуть) душу* – вымаць *(дастаць) душу (духі)*; *вымотваць душу (духі, дух)*, *падцягвала (падцягнула) жывот (жываты, дух, духі).* В русском языке есть один фразеологизм с вариативной формой множественного числа (*не в духах* (прост., шутл.) = *не в духе)*, находящийся на периферии. В некоторых случаях компонент *душа* может отсутствовать в адекватном фразеологизме. Собственно белорусские *хоць душой загавей, загавець душой* (русскоязычный эквивалент последнего– *отдать Богу душу*). Некоторые фразеологизмы, свойственные одному из языков, могут отсутствовать в другом. К примеру, такие белорусские фразеологизмы, как *клёцкі з душамі, ад'яда душы (сэрца), выяда душы (сэрца)*, отсутствуют в русском языке.

В обоих языках выделяется ряд фразеологизмов, которые характеризуют искреннего человека: *от всей души – ад усёй (шчырай) душы и т.д.* Меньше устойчивых сочетаний, характеризующих неискреннего

человека: *кривить душой – крывіць душой.* Во власти *души* находятся и межличностные отношения.

Для характеристики человека: *заячья душа – заячая (заечая) душа; чернильная (бумажная) душа – чарнільная (папяровая) душа и т.д.* отражают черты и качества человека, бинарные по своей природе. В этом отношении уместны слова С. Алексиевич: «Человек – небо и бездна одновременно».

Как в русском, так и в белорусском языках *душа* представляется в образе живого существа, заместителя человека: *ни <одной> души – ні <адной, жывой> душы*, воспринимается как нечто реальное: *выядаць душу, цягнуць за душу.* К тому же *душа* может иметь объем и глубину, поверхность (обычно устойчивую и твердую), правильную форму, уподобляется жидкости, помещению, универсальному вместилищу, воздуху, огню или дыму, ветру: *в глубине души – у глыбіні душы, брать грех на душу – браць грэх на <сваю> душу, изливать душу – выліваць душу, муціць душу, входить в душу – уваходзіць у душу, вдохнуть душу – удыхнуць душу.* Если в белорусском языке *душа* ассоциируется с деревом, то в русском вместо на месте *души* выступает *сердце*: *душа мохам абрасла – сердце обросло мохом.*

Фразеологизмов, отражающих собственно христианские представления о *душе* незначительное количество (*отдавать Богу душу – аддаваць Богу душу* и т.п.).

Таким образом, в наивной картине мира русских и белорусов, представленной во фразеологии, концепт *душа* имеет много общего, хотя и присутствуют некоторые отличия [14].

Проанализированный материал свидетельствует, что представления о душе у русских и белорусов в большой степени совпадают. В белорусских и русских фразеологизмах *душа* может выступать как в качестве объекта (подвергаться тому или иному (позитивному либо негативному) воздействию), так и субъекта (самостоятельно выполнять определенное

действие). *Душа* характеризуется определенной локализацией в теле человека, а также способностью к перемещению.

Очевидно, что по отношению к таким близкородственным языкам, как русский и белорусский, речь должна идти не только о конструктивном сходстве, но и о ценностных ориентирах (историко-генетический аспект) и типе мышления (историко-типологический аспект).

Таким образом, мы вдыхаем жизнь в абстрактные схемы, видим, как человек постигал мир, как изменялись эти представления с ходом истории. Грамматика оживает. И наоборот, культурная информация, заключенная в языке, извлекается путем обращения к грамматическим формам, к тем или иным словам, словосочетаниям. В результате она приобретает более системный характер. К тому же, перемещаясь от грамматики к культуре, от культуры к исторической грамматике, мы постигаем глубинную философию языка и, соответственно, жизни [15, с. 309].

Со всей уверенностью можно сказать, что для русского и белорусского языков концепт *душа* является определяющим, своеобразной ценностной доминантой, одним из срединных элементов, который способствует поддержанию устойчивости национальных концептосфер.

Нижеследующие слова В. Личутина о русской душе можно отнести и к белорусской: «Поначалу с какой-то самонадеянностью я пытался проникнуть в душу русского народа, еще не сознавая все сумеречной бездонности и непостижимости ее. И лишь после обнаружилось, что работа эта требует долгого труда, ведь кроме горестных мгновений, требующих нашего участия, в душе народа живет еще и огромный праздничный мир, и он, видимо, куда веселее, куда самороднее, если держит в сохранности и скопе Русь, не дает ей рассыпаться. Многое потускнело в ней, надолго уснуло, попритухло иль ждет в оцепенении своего часа, и нужны не только благословение и знания, и старания, но и верное духовное, сердечное зрение, чтобы не заплутать в манящей мгле национального характера» [12, с. 488].

Список литературы

1. Аксянчук, Г.Я. Чалавечая душа ў люстэрку рускай фразеалогіі / Г.Я. Аксянчук Веснік БДУ. Серыя 4, Філасофія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія – Мн.: Універсітэцкае, 1996. – №1 – С. 33-37.
2. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник / З.Е. Александрова. – М.: Рус.язык, 2001. – 568 с.
3. Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / Навук. рэд. С. Санько і інш.; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мн. : Беларусь, 2006. – 599 с.
4. Бордович, А.М. Сопоставительный курс русского и белорусского языков: Учеб. пособие / А.М. Бордович, А.А. Гируцкий, Л.В. Чернышова. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 223 с.
5. Войнова, Л.А. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. А.И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524 с.
6. Жигалова М.П. Картина мира и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси. – Русский язык и литература. — 2011. – №7– С. 22-34.
7. Записные книжки. Антон Чехов / науч. ред. серии С. Стахорский. – Москва: Вагриус, 2000. – 110 с.
8. Клышка, М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М.К. Клышка. – Мн.: Бел. Навука, 2005. – 592 с.
9. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
10. Кондратьева, О.Н. Душа, сердце, ум /Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 80-92.
11. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы / І.Я. Лепешаў У 2 т. Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
12. Личутин, В. Душа неизъяснимая: Размышления о русском народе / В. Личутин. – М.: Информпечать, 2000. – 640 с.

13. Мажэйка, Н.С. Частотны слоўнік беларускай мовы / Н.С. Мажэйка Мн.: Зоркі гор, 2006. – 658 с.

14. Прохорова, С.М. Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентами *душа, судьба, тоска* / С.М. Прохарава // Выбраныя працы – Мн.: Права і эканоміка, 2009. – С. 257-263.

15. Рыбакова, А.С. Междисциплинарный подход в изучении лингвокультурологии и исторической грамматики как средство повышения учебной мотивации студентов-филологов / А.С. Рыбакова // Качество языкового и литературного образования: содержание и методика обучения: сб. науч. ст. / Нац. Ин-т образования М-ва образования РБ; под ред. Л.А. Муриной, В.Ф. Русецкого. – Минск: РИВШ. – 2011. – С. 306-309.

16. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

17. Dorian, N.C. Linguistic and Ethnographic Fieldwork / Dorian, N.C. // Handbook of Language and Ethnic Identity / J.A. Fishman (ed.). Oxford University Press, 1999. – P. 25-41.

Фудерер Т. (Загреб, Хорватия)

ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО ПРАВОПИСАНИЯ КОНЦА XX В.: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данное исследование посвящено социолингвистическим аспектам попытки реформирования орфографических норм украинского языка, обусловленной изменением социополитического контекста жизнедеятельности независимого украинского государства. Новая редакция «Украинского правописания» рассматривается в свете языкового планирования как акт пересмотра языкового корпуса (рестандартизации), имеющий символическую функцию подчеркивания статуса украинского языка.
Ключевые слова: языковое планирование, рестандартизация, орфография, украинский язык.

Fuderer T. (Zagreb, Croatia)

AN ATTEMPT TO REFORM UKRAINIAN ORTHOGRAPHY AT THE END OF 20TH CENTURY: SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

The research is focused on sociolinguistic aspects of the attempt to reform orthography norms of Ukrainian language, conditioned by changes in social and political context of the independent Ukraine. The new revised edition of "Ukrainian orthography" is considered in the light of language planning as an act of reviewing the language corpus (re-standardisation), which has a symbolical function of underlining the status of Ukrainian language.
Key words: language planning, re-standardisation, orthography, Ukrainian language.

Введение

Наиболее сложным этапом в истории украинского правописания является *новоукраинский* (XIX–XXI ст.) [6, с. 5]. Этот этап в истории украинской орфографии особенный, так как на него наложили свой отпечаток сложные общественно-политические события: укрепление в XIX ст. двух различных орфографических традиций (а по мнению Ю.В. Шевелёва (Шереха), известного украинского и американского лингвиста, и установление двух вариантов литературного языка), уходящих корнями к зарождению нового украинского литературного языка в условиях политической (государственной) разъединенности украинской языковой

территории и полных запретов украинского языка в 1863 и 1876 гг., действовавших вплоть до 1905 г.; попытка объединения двух различных культурных традиций, двух лингвистических школ, в орфографическо-языковой компромиссной норме 1928 г. (т.н. «харьковское» правописание); резкий поворот к «объединительному» правописанию (1933 г.), целью которого было приблизить украинский язык к русскому, и последующие редакции правописания советского периода (1945, 1960 и 1990 гг.). Изменения в политической ситуации Украины в 1991 г. и распространение ранее запрещенной отечественной и западной лингвистической литературы вновь актуализировали проблему грубых вмешательств во внутреннее развитие украинского языка и обусловили необходимость подготовки новой редакции «Украинского правописания». В 1994 г. с этой целью была создана Украинская национальная комиссия по вопросам правописания, а в 1999 г. группа лингвистов во главе с В.В. Нимчуком, руководителем отдела истории и грамматики Института украинского языка НАНУ, представила проект орфографических изменений, который, с одной стороны, получил утвердительные отклики многих украинских лингвистов, а, с другой стороны, пока еще не принят более широким научным сообществом, особенно украинистами, чьи научные взгляды формировались в СССР.

Проблеме реформирования орфографических норм в современной украинистике посвящен целый ряд работ: статьи, исследования и монографии В. Нимчука, В. Русанивского, И. Выхованца, А. Пономарива, Л. Масенко, В. Радчука, А. Тараненко, С. Ермоленко, И. Фарион, П. Толочко и др.

Разные точки зрения и подходы к вопросу о пересмотре свода орфографических правил подтверждают сложность и многовекторность данной проблематики. Ситуация, сложившаяся вокруг проекта новой редакции «Украинского правописания», заставила нас посмотреть на правописание как на исключительное социолингвистическое явление,

именно поэтому **цель** нашего исследования – подойти к процессу реформирования орфографии как к этапу регулирования языковой деятельности общества.

1. Реформа орфографической системы как аспект языкового планирования

Согласно законам социолингвистики, изменение социополитического контекста жизнедеятельности государства приводит к переосмыслению социолингвистических аспектов функционирования языкового сообщества, которое проявляется в пересмотре статуса и корпуса языкового стандарта, т.е. в языковом планировании, целью которого является конкретизация языковой политики государства.

Языковое планирование охватывает две группы комплексных мер: 1) планирование статуса языка и 2) планирование корпуса языка.

Планирование статуса языка – такой сегмент языковой политики, с помощью которого устанавливаются общественно релевантные соотношения между идиомами[47] (языками), которыми пользуется определенное общество, и выбор тех идиомов, которые появляются в различных видах общественной коммуникации [21, с. 42]. Оно является важным этапом в момент приобретения независимости [20, с. 68].

Планирование статуса украинского языка в XX в. состоялось несколько раз: первый – в период борьбы за украинскую государственность (1917–1920 гг.) в рамках деятельности правительств Центрального Совета, Гетманата и Директории УНР, второй – на волне активизации в СССР национальных движений, когда в 1989 г. был принят закон «О языках в УССР», и третий – с принятием в 1996 г. Конституции в независимой Украине.

[47] Идиом – любая форма существования языка: сам язык, диалект, интердиалект, местный говор и под. [18, с. 87].

Правительства Центрального Совета, Гетманата и Директории УНР языковую политику считали важной составляющей внутриполитической деятельности. В 1917–1920 гг. в нормативных документах статус украинского языка эволюционировал от официального и официально-правительственного к государственному. В 20-ые гг. украинские силы, входящие в состав большевицкого правительства УССР, активно осуществляли политику украинизации с целью укрепления позиций партии, продолжая реализовывать в языковых вопросах реформаторскую стратегию, начатую правительствами периода Украинской революции[48] [3, с. 54-73; 151-153]. А уже с 30-ого г. в советской Украине началась русификация [10, с. 357].

Так как закон «О языках в УССР» был принят в условиях пребывания Украины в составе многонационального государства, языком официального общения в котором был русский язык, украинский язык *de jure* получил статус государственного языка (статья 2), но *de facto* официальными языками в УССР были и украинский, и русский [4].

Конституция Украины 1996 г., задекларировав государственный статус украинского языка, как и вышеупомянутый закон, гарантировала свободное развитие, использование и защиту русского языка (статья 10) [7, с. 5-6].

Противоречия в языковом законодательстве, обусловленные общим характером формулирований законодательных норм, определяющих статус языка, и несовершенность государственной языковой политики замедлили укрепление социального статуса украинского языка.

Согласно социолингвистической теории, после планирования статуса языка следует группа комплексных мер по пересмотру корпуса языка,

[48] Термин «Украинская революция» вслед за украинским историком С. Кульчицким в своих исследованиях языковой политики периода 1917–1920 гг. употребляет украинская исследовательница О. Данилевская, мотивируя обоснованность термина употреблением его участниками события [3, с. 7].

который заключается в обеспечении работы языка и кодификации норм, то есть создании грамматик и стандартизации орфографии [12, с. 139].

В современных социолингвистических исследованиях наметилась тенденция к разграничению понятий «планирование языкового корпуса» и «пересмотр языкового корпуса».

Планирование корпуса рассматривается как процесс, состоящий из этапов *графизации*, *стандартизации* и *модернизации*. Причем, *стандартизация* в значительной степени относится к нормированию и кодификации языка, а *модернизация* связывается с деятельностью, направленной на повышение функциональности нормированного языка в общественной, экономической и других отраслях знаний путем пересмотра лексического состава языка [19, с. 74].

Для обозначения процесса пересмотра корпуса языка, обусловленного изменением статуса и требующего частичного пересмотра основ данного языкового стандарта, вводится термин «рестандартизация» [19, с. 77].

Рестандартизация, в свою очередь, проявляется в (пере)оценке языкового стандарта, а также устанавливает рамки для переосмысления всех компромиссов, имевших место в период политической зависимости.

На основании лингвистических исследований проблем украинского языкового стандарта можно утверждать, что процесс стандартизации украинского языка завершился к концу 20-ых гг. XX в. (после принятия «харьковского» правописания) [17, с. 156-157].

Последующие мероприятия по пересмотру орфографических норм украинского языка, проведенные в 1933, 1945 и 1960 гг., следует рассматривать как этапы процесса конвергенции, обусловленного советской политикой языкового унитаризма.

Так как подготовка проекта редакции «Украинского правописания» под руководством В. Нимчука была продиктована желанием объективно отразить процессы, происходившие и происходящие в украинском языке, и таким

образом учесть дивергентные процессы по отношению к русскому языку, а также желанием сделать символический шаг к консолидации с украинской диаспорой, отвергавшей все орфографические изменения советского периода, ее можно расценивать как попытку рестандартизации.

2. Проект редакции «Украинского правописания»: аргументы «за» и «против» реформирования правописания

Анализ изменений и уточнений отдельных орфографических норм, изложенных и обоснованных В. Нимчуком в проекте редакции «Украинского правописания» [6, с. 562-568], а также исследований украинских ученых (как сторонников, так и оппонентов), посвященных вопросу необходимости реформирования украинской орфографии, показал, что аргументами за введение предложенных изменений являются: 1) последовательное применение фонемного принципа (В. Нимчук, Ю. Шевелев[49], И. Выхованец[50]); 2) возвращение к историческим тенденциям развития украинского языка (В. Нимчук, Ю. Шевелев, А. Захаркив[51]); 3) приближение орфографических норм живой речи (В. Нимчук, А. Захаркив); 4) применение морфологического критерия при дифференциации падежных граммем (И. Выхованец); 5) возвращение к нормам «харьковского» правописания (В. Нимчук, Ю. Шевелев); 6) распространение аналогии с целью упрощения правописания (В. Нимчук, А. Захаркив); 7) распространенность некоторых явлений в других славянских языках (Ю. Шевелев); 8) взятие во внимание

[49] Шерех Ю. Так нас навчали правильних проізношеній. Триптих про мову // Пороги і Запоріжжя. Література. Мистецтво. Ідеології. Три томи. Т 3 / Ред. рада: В.О. Шевчук та ін. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 203–249.

[50] Вихованець І. Деякі питання українського правопису // Наукові записки. – Випуск 23. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ, 2000. – С. 3–8, а также Вихованець І. Ненаукові пристрасті навколо українського правопису // Українська мова. – 2004. – № 2. – С. 5–23.

[51] Захарків О. Чи потребує реформи чинний Український правопис? // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства: Матеріали наукової конференції. – К.: «Київський університет», 2002. – С. 193–206.

произведений классической украинской литературы, практики отдельных печатных СМИ, а также украиноязычных церквей (В. Нимчук).

Суть аргументов, высказанных против предложенных изменений, заключается в сомнениях относительно: 1) исторической обоснованности предложенных изменений (В. Русанивский[52], П. Толочко[53]); 2) выборочности и непоследовательности в применении отдельных правил (В. Русанивский, А. Захаркив); 3) искусственности в адаптации заимствований (В. Русанивский); 4) несоответствия практике и традициям, сложившимся в правописаниях советского периода (В. Русанивский); 5) отклонения от наддніпрянской традиции в угоду диаспоре (В. Русанивский, П. Толочко).

В заключение

1. Анализ аргументов (не)приятия предложенных изменений подтверждает не только количественное преимущество аргументов в защиту нового проекта правописания, но и глубокую лингвистическую обоснованность необходимости изменений, о чем свидетельствуют интралингвальные причины, обусловившие пересмотр орфографических правил: 1) возвращение к историческим тенденциям развития украинского языка; 2) взятие во внимание объективно обусловленных дивергентных процессов по отношению к русскому языку; 3) приближение орфографических норм к живой речи; 4) последовательное применение фонемного и морфологического принципов правописания, а также 5) распространение принципа аналогий с целью упрощения правописания.

2. Необходимость реформирования украинского правописания также продиктована рядом экстралингвальных причин: 1) попытка повышения

[52] Русанівський В. М. Стосунок «Проєкту» до реального українського правопису// Мовознавство. – 2002. – С. 92–98.

[53] Толочко П. П. Хто або що загрожує українській мові? // Несповідимі путі України: Вибрані науково-популярні та публіцистичні праці за 1998–2003 рр. – К.: «АртЕк», 2004. – С. 14–36.

социального статуса украинского языка; 2) консолидация с украинской диаспорой, которая, отвергнув все орфографические изменения советского периода до ныне пользуется правописанием 1928 г.; 3) признание роли лингвистического возрождения 20-ых гг. XX в. в процессе украинизации; 4) желание отдать должное украинским лингвистам, участвовавшим в разработке «харьковского» правописания.

3. Дискуссия, разгоревшаяся между разработчиками проекта редакции правописания, его сторонниками и оппонентами, показала, что основными аргументами против принятия новой редакции украинского правописания являются отход от почти 70-летней традиции орфографических норм, сложившейся в советский период, а также излишняя уступчивость украинской диаспоре.

4. Вслед за хорватской исследовательницей А. Пети-Стантич, считающей, что процесс рестандартизации выполняет символическую функцию, а его целью, в отличие от процесса стандартизации, является не усовершенствование функции взаимопонимания и не повышение компетентности в сфере языкового стандарта, а подчеркивание статуса, считаем необходимым рассматривать попытку реформирования украинского правописания как попытку рестандартизации украинского языка [19, с. 80].

Особенностью украинской языковой ситуации является то, что юридический статус украинского языка не был однозначно закреплен главными законодательными актами суверенной Украины, и поэтому патриотически настроенная часть украинской общественности (в первую очередь, научной) попыталась укрепить статус украинского языка посредством пересмотра языкового корпуса, использовав реформу орфографических норм как инструмент языковой политики, что в результате привело к противостоянию той части общественности, которая видела в новой реформе расшатывание устоявшихся орфографических норм, и к отвержению предложенного проекта редакции «Украинского правописания».

Список литературы

1. Вихованець І. Деякі питання українського правопису // Наукові записки. – Випуск 23. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ, 2000. – С. 3–8.

2. Вихованець І. Ненаукові пристрасті навколо українського правопису // Українська мова. – 2004. – № 2. – С. 5–23.

3. Данилевська О. М. Мова в революції та революція в мові: мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР. – К., 2009. – 176 с.

4. Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки «Про мови в Українській РСР» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР), 1989, Додаток до № 45, ст. 631.

5. Захарків О. Чи потребує реформи чинний Український правопис?// Мовні конфлікти і гармонізація суспільства: Матеріали наукової конференції. – К.: «Київський університет», 2002. – С. 193–206.

6. Історія українського правопису: XVI–XX століття. Хрестоматія/ Упорядники: В. В. Німчук, Н. В. Пуряєва. – Київ: Наукова думка, 2004. – 582 с.

7. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 черв. 1996 р. – К.: Преса України, 1997. – 80 с.

8. Пономарів О. Правопис: судді хто? // Україна молода. – 2001. – № 20 (1 лютого). – С. 5.

9. Русанівський В. М. Стосунок «Проєкту» до реального українського правопису // Мовознавство. – 2002. – С. 92–98.

10. Смаль-Стоцький Р. Українська мова в Совєтській Україні // Енциклопедія українознавства. – К., 1995. – С. 356–369.

11. Толочко П. П. Хто або що загрожує українській мові? // Несповідимі путі України: Вибрані науково-популярні та публіцистичні праці за 1998–2003 рр. – К.: «АртЕк», 2004. – С. 14–36.

12.Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос (4) 49. – 2005. – С. 132–140.
13.Шевельов Ю. Українська мова в себе вдома сьогодні й завтра // Сучасність, 1986, ч. 10 (306). – С. 28–46.
14.Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус. – Чернівці: «Рута», 1998. – 208 с.
15.Шевельов Ю. Я ніколи нікого не зрадив // Газ. Свобода. – 2002. – № 5. – 1 лютого.
16.Шерех Ю. Так нас навчали правильних проізношеній. Триптих про мову // Пороги і Запоріжжя. Література. Мистецтво. Ідеології. Три томи. Т 3 / Ред. рада: В. О. Шевчук та ін. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 203–249.
17.Яворська Г. М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: Мова, культура, влада / Нац. Акад. наук України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К., 2000. – С. 156–157.
18.Brozović D. Sociolingvistika prema genetskoj i tipološkoj lingvistici // Suvremena lingvistika, 41/42, Zagreb, 1996. – S. 87–94.
19.Peti-Stantić A. Restandardizacija (hrvatskoga) standardnoga jezika // Jezični varijeteti i nacionalni identiteti : prilozi proučavanju standardnih jezika utemeljenih na štokavštini. – / Badurina, L.; Pranjković, I.; Silić, J. (ur.). Zagreb: Disput, 2009. – S. 71–82.
20.Spolsky B. Applied sociolinguistics // Sociolinguistics. Oxford University Press, 1998. – P. 66–78.

Чэлич Ж. М. (Загреб, Хорватия)

РУССКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЖЕНСКОГО РОДА В ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Русская и хорватская морфологическая системы совпадают во многих аспектах благодаря их совместному происхождению. Различением в их морфемном составе являются имена прилагательные женского рода в полной форме, не существующие в хорватском языке. Мы постараемся объяснить, как и когда возникает проблема склонения таких прилагательных и как эту проблему можно превзойти на основе морфемного преобразования русского прилагательного в хорватском языке.
Ключевые слова: морфемный состав, прилагательное, женский род, полная форма, преобразование, русский язык, хорватский язык

Čelić Ž. M. (Zagreb, Croatia)

RUSSIAN ADJECTIVES OF FEMININE GENDER IN CROATIAN LANGUAGE

Russian and Croatian morphemic systems coincide in many aspects, thanks to their common origin. The difference in morphemic composition between two languages are adjectives, representing feminine gender, in its full form, which does not exist in Croatian. Our goal is to explain how and when this type of adjectives declination's problem arises and how can we bypass it using morphological transformation of Russian adjective in Croatian language.
Key words: morphemic composition, adjective, feminine gender, full form, transformation, Russian language, Croatian language.

I Русские имена прилагательные по сравнению с хорватскими

По типу словообразования, русский и хорватский языки сохранили флективную модель. Флективная модель в славянских языках сегодня не является словообразовательно исключительной, ср. следующее воззрение: *Ещё основоположники сравнительно-исторического языкознания, при сопоставлении классических индоевропейских языков с современными, обратили внимание на то, что по мере формирования современных языков в них неизменно возрастала роль аналитических средств выражения и падала роль синтетических средств, столь характерных для классической*

флективной грамматики. Последовательные этапы такой перестройки в направлении от синтетизма к аналитизму можно назвать аналитическими стадиями развития языков. Этот путь эволюции флективных языков многим выдающимся лингвистам, таким, например, как А. Шлейхер, казался единственно возможным, а современные флективные языки с высоким уровнем синтетизма представлялись просто как законсервировавшие свои ранние стадии [9]. Инвентарь словообразовательных морфем обоих языков и их комбинаций в большой мере одинаков благодаря тождественному языку-источнику русского и хорватского языков. В числе словообразовательных морфем флективных языков особенную функцию выполняют окончания / флексии, образующие самостоятельные части речи. Мы сосредоточимся на именах прилагательных, как части речи, существующей и в современном русском и в современном хорватском литературных языках. В обоих языках, с морфологической, т.е. словообразовательной точки зрения, сохранились две формы имен прилагательных: в русском языке – полная и краткая формы, а в хорватском языке речь идет о т.н. определенной и неопределенной формах имен прилагательных, ср.: *Tako se pridjevom* visok *u* visok stol *iskazuje neodređenost* stola, *a pridjevom* visoki *u* visoki stol *određenost stola. ... Neodređeni oblik pridjeva stoji uz neodređeni predmet iskazan imenicom, tj. uz predmet koji je sugovornicima u komunikaciji nepoznat, a određeni oblik – uz određeni predmet, tj. uz predmet koji je sugovornicima u komunikaciji poznat ...* [12, с. 134]. На уровне синтаксиса, функции полной и краткой форм разграничились. В хорватском языке функцией [именного] сказуемого обладает т.н. неопределенное прилагательное (*neodređeni pridjev*), а функцией определения – полная, т.е. определенная форма (*određeni pridjev*) имени прилагательного, ср.: *Samo u neodređenom liku dolaze pridjevi kada su dio predikata, npr.* Kaput je nov. *... Neodređeni se oblik bez izuzetka upotrebljava kao dio predikata.* [1, с. 97-98]. Хорватская неопределенная форма имени прилагательного отвечает русской краткой форме, а хорватская определенная

форма – русской полной форме имени прилагательного, ср.: *Полные и краткие прилагательные различаются по своим синтаксическим функциям. Полные формы выступают в функции определения ... и в функции сказуемого ... Краткие формы выступают только в функции сказуемого ...* [2, с. 255].

И в русском и в хорватском языках имена прилагательные обладают грамматической категорией рода. Для всех трех грамматических родов употребляются отдельные флексии в единственном числе. Во множественном числе в русском языке надобность в морфемном выражении с помощью трех отдельных окончаний утратилась, в то время как в хорватском языке она сохранилась. В хорватском языке во множественном числе каждый род представлен тремя отдельными окончаниями (ср.: м. р. *zelen-i*; ж. р. *zelen-e*; ср.р. *zelen-a*; ср. с русским именем прилагательным во множественном числе *зелен-ые*: zeleni krovovi, zelene majice, zelene oči – зеленые столы, зеленые юбки, зеленые ведра).

II Словообразовательные функции русских имен прилагательных

Имена прилагательные в русском языке выполняют и функцию образования, кроме имен отчеств, и функцию образования фамилий, для лиц мужского и женского полов. В хорватском языке такой тип образования фамилий не является продуктивным, см.: *... Najčešća su prezimena na -ić (-ović/-ević, -inić) patronimskoga tipa; na Kordunu, Baniji i Lici ima ih 2/3, u Slavoniji i Dalmaciji oko 1/2, a u sjevernoj Hrvatskoj, npr. u Međimurju, jedva 1/4 svih prezimena. ... Te tri skupine sufiksa -ić, -k-, -c- obuhvaćaju gotovo 2/3 do 3/4 cjelokupnog pučanstva Hrvatske ... Od tisuću najučestalijih prezimena 620 prezimena završava sufiksom -ić, odnosno -ović/-ević. To je 62% ovdje raščlanjivanih prezimena.* [13, с. 377; 114]. С другой стороны, хорватский язык, кроме того, что не образует фамилии по вышеупомянутому принципу, не знаком ни с полными формами имен прилагательных. Доказательством тому является традиционный подход к орфографической, фонетической и, особенно, морфологической адаптации

мужских русских фамилий, принадлежащих известным личностям русской культуры. В своем морфемном составе эти фамилии содержат притяжательный суффикс *-ск-* и оканчие *-ий*. Как лучший пример здесь можем привести известную фамилию русского писателя, *Достоевский*, которая в хорватском языке перенесена в форме *Dostojevski*. Наш интерес проявлен к концу имени прилагательного-фамилии, к окончанию, *-ий*. Как мы уже упомянули, в хорватском языке тип образования фамилий на основе имен прилагательных является непродуктивным. С другой стороны, в хорватском языке не существуют полные, т.е. *долгие* словообразовательные формы имен прилагательных (долгие, когда говорим о составе морфем имен прилагательных с т.н. *вторичным окончанием*), т.е., в хорватском языке *определенные* имена прилагательные всегда оканчиваются гласной, не согласной или полугласной фонемами (*аппроксимантом*). Третьей причиной такого вида переноса русской фамилии, обозначающей мужской пол, появляется и *неконсонантизм* звука [й] в конце слова, даже и в хорватском языке, хотя палатальный звук /j/ определяется как согласная фонема и когда находится в конце речевого акта. Все это привело к сокращению русских фамилий мужского рода в хорватском языке (ср. фамилии: *Majakovski*, *Odojevski*, *Sreznjevski*, и т.д.). Хотя таким типом усечения формы имени прилагательного нарушилась подлинность личной фамилии, он все-таки привел и к положительному этапу в склонении русских фамилий в хорватском языке, обозначающих лиц мужского пола, которые образованы с помощью суффикса *-ск-* и окончания *-ий*. Так как и русский и хорватский языки характеризуются, в основном, флективным типом словообразования, такой вид приспособления русских фамилий привел к морфологической адаптации, соответствующей типу склонений имен прилагательных в хорватском языке. Проблема возникает в случае имен прилагательных женского рода, обозначающих фамилии лиц женского пола. Фамилии женского рода в форме полных имен прилагательных в русском языке

образованы с помощью окончаний, обозначающих грамматическую категорию именно женского рода, в т.н. *долгой* (полной) форме, несуществующей в хорватском языке. Для хорватского языка непродуктивным является образование фамилий на основе имен прилагательных, и не образуются отдельные формы для лиц женского пола, т.е. *женские* варианты фамилий. Исключением можно привести, условно сказано, фамилию *Zrinski*. В хорватской истории известной является брачная пара Зринских – *Nikola Šubić Zrinski* и *Katarina (Frankopan) Zrinska*. Исключение не подходит как хороший пример по двум причинам. В первую очередь, здесь речь идет не о настоящей фамилии, а о феодальном титуле, а с другой стороны, здесь мы имеем дело с краткой формой *фамилии*, которую легко можно склонять по уже существующим парадигмам склонений хорватского языка, так как эта форма образована с помощью суффикса *-sk-* и *краткого* окончания *-a*. Это, кроме к лицам, относится и к названиям в женском роде.

Итак, русский и хорватский языки имеют одинаковое праславянское происхождение, ср.: *Linguistic evidence indicates that before the collapse of Common Slavic, that is, before the fifth century AD, the Slavs had been subjected to strong linguistic influences, primarily seen in loan words ...* [8, с. 77]. Русский и хорватский языки делят подходящий в большей мере друг на друга инвентарь словообразовательных морфем, затем две формы имен прилагательных, полную и краткую (определенную и неопределенную), синтаксические функции которых почти совпадают друг с другом.

III Восприятие русских имен прилагательных женского рода в хорватском языке

Хотя русские фамилии мужских лиц правильно морфологически адаптированы в хорватском языке, по принципам словообразовательной структуры хорватского языка, проблема возникает с именами

прилагательными женского рода в функции личных фамилий (с суффиксом -*ск*-) и названий, образованных с помощью окончания -*а*- и *вторичного* окончания [-’а], представленного буквой -*я*, т.е. *долгого* окончания -*ая*. Названия *вторичное окончание* и *долгое окончание* существуют лишь в контексте сравнения образования русских имен прилагательных (фамилий и географических названий) с этими, существующими в хорватском языке. Русские имена прилагательные женского рода в хорватском языке не сокращаются как мужские варианты, до формы без т.н. вторичного окончания, т.е. до формы с лишь первым окончанием -*а*- (напр., Politkovska – Politkovske – Politkovsku). В хорватском языке русские женские фамилии превращают первое окончание -*а*- в несклоняющийся суффикс, и склоняют лишь *вторичное* окончание (ср. *Politkovsk<u>aju</u>*). Непонятным остается, результат ли это недостаточной известности личностей, носящих эти т.н. женские фамилии, недостаточной образованности хорватов (ср. случай *Красной площади*, sic!), журналистского недостаточного интереса, проявленного к [политическому] востоку земного шара, языкового ощущения странности, или чего-то другого.

В первой колонке таблицы даны русские, правильные формы фамилий, с окончанием винительного падежа единственного числа. Во второй колонке представлен надобный, правильный вариант в хорватском языке, а в третьей колонке – мы имеем дело с тенденцией, осуществляющейся в хорватском языке сегодня.

Таблица.

основа- + -а- + -я / Глинская	osnova- + -a- + -(j)a Glinskaja	osnova- + -a- + -(j)a Glinskaja
Глинск- + -у- + -ю	Glinsk- + -u- [+ -(j)u]	Glinsk- + -a- + -(j)u

На основе приведенных ниже примерах, найденных в политических журналах, книгах и страницах Интернета, наглядно можно указать на *неуклюжее* склонение этих фамилий и названий, как будто хорватский язык не обладает словообразовательными морфемами, как и русский язык, почти тождественного типа, и функциями окончаний для отдельных падежей.

Примеры:

1. *Uhićen ubojica novinarke Ane Politkovskaje.* [3а]

2. *Ruske vlasti navodno su uhitile Rustama Makhmudova, muškarca kojeg se sumnjiči da je 2006. godine ubio novinarku Anu Politkovskaju, objavili su ruski mediji u utorak.* [3]

3. *Podsjetimo, Ana Politkovskaja ubijena je na vratima svoga moskovskog stana 7. listopada 2006. godine.* [3]

4. *Uhvaćen navodni ubojica Politkovskaje. Policija je uhitila 37-godišnjeg Čečenca kao osumnjičenog za ubojstvo istaknute novinarke Ane Politkovskaje.* [18]

5. *Novinarka Novaje Gazete Ana Politkovskaja ubijena je u Moskvi ...* [17]

6. Politovskaje, u zaklon! Karamarko: Ako može Putin, mogu i ja. [3б]

7. *Štos je igrati na Trgu sv. Petra ili na Krasnajoj ploščadi.* [16]

8. *Prvo vas vode na Krasnaju ploščad (Crveni trg).* [11]

9. *Na slici gore: ruski predsjednik Dmitrij Medvjedjev i premijer Vladimir Putin skijaju u Krasnajoj Poljani nedaleko od Sočija, gdje će biti održane Zimske olimpijske igre 2014.* [5]

10. *Tu je i 39. Staljinu donekle sinulo da si je malo sjebao Krasnaju armiju sa streljanom.* [7]

11. *... britanski doseljenici pročešljavali su hladne guštare Plymoutha, drugi su se smrznuli među ledenjacima Novaje Zemlje ...* [15]

12. *Nakon prekida studija u Kazanu mladi grof Tolstoj je nastojao svoje ideje o „vladajućem prosvjetitelju“ provoditi na obiteljskom imanju u Jasnajoj Poljani. ... Pokopan je u rodnom mjestu, Jasnajoj Poljani.* [4]

13. *Tjednik Ogonjok, jedna od kulturnih perjanica ruskog novinarstva, toliko je star da je bio suvremenik grofa iz Jasnaje Poljane ...* [14]

14. *Snimala je samu sebe, svoju obitelj i seljake na Jasnaji Poljani ... ispunjeni su opisima šuma i rijeka oko Jasnaje Poljane... Kasnije, u listopadu 1899., Sofija opisuje scenu s Jasnaje Poljane.* [10]

15. *Rusi su za Novaju Zemlju znali već u 11. ili 12. stoljeću kad su područje posjetili trgovci iz Novgoroda.* [6].

IV Адаптация русских имен прилагательных женского рода и их правильное употребление в хорватском языке

Имена прилагательные женского рода, служащие как примеры, по семантическому критерию разделены на качественные прилагательные (*новая*, *красная*, *ясная*) и притяжательные прилагательные (*Политковская*). В морфологии русского языка морфема *-ая* определяется как одно целое, т.е., как окончание. Но, так как оно не существует в хорватском языке, мы назвали его *долгим* окончанием, по сравнению с хорватскими окончаниями имен прилагательных. На основе вышеприведенных примеров очевидной стала тенденция, проявляющаяся у среднего носителя хорватского языка, склонять лишь последнюю часть этого одного целого; из-за этого, мы эти две части назвали первым и вторичным окончаниями.

Образец, появляющийся у притяжательных имен прилагательных в функции фамилий личностей женского пола, следующий: они образованы с помощью суффикса *-ск-* и *долгого* окончания *-ая*. Образец у качественных имен прилагательных в функции географических названий – следующий: они образованы при помощи *долгого* окончания *-ая*.

В традиции хорватского языка принято употреблять подлинные формы личных фамилий, и на письме и в произношении. В различие от русского языка, в хорватском языке склоняются все фамилии, несмотря на их происхождение и комбинацию фонем. В случае русского языка, ситуация несколько иначе. Языковые системы двух славянских языков употребляют похожие друг на друга словообразовательные морфемы, но у определенных частей речи, как в нашем случае, у имен прилагательных, приходит до соприкосновения двух словообразовательных систем. В случаях тяжелого произношения или несуществования определенных окончаний, хорватский язык решает эту проблему, сокращением т.н. долгих форм фамилий мужского рода, и на основе этого обеспечивает правильное склонение этих фамилий. По образцу адаптации имен прилагательных мужского рода, предлагаем одинаковый тип склонения имен прилагательных женского рода – в случае фамилий. Это соответствовало бы и русской хорватской словообразовательной моделям. Конечно, это относится к случаям, когда языковой коллектив не воспринимает подлинную форму (ср. вторую колонку в таблице) и следит тенденцию превращения первой части окончания в суффикс. В случае географических названий, в хорватском языке традиционным является принцип перевода, особенно в случаях как *Красная площадь – Crveni trg*. В случаях как, напр., *Новая земля* речь идет, не только о переводе, а и об адаптации – *Nova zemlja*; *Новой земли – Nove zemlje*.

Список литературы

1. Barić E. et al. Gramatika hrvatskoga književnog jezika. – Zagreb: Školska knjiga, 1990. – C. 454.

2. Белоусов и др. В.Н. Краткая русская грамматика. – Москва: РАН, 2002. – С. 726.

3а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://danas.net.hr/svijet/page/2011/05/31/0709006.html (дата обращения: 31. 05. 2011).

3б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://danas.net.hr/hrvatska/page/2012/02/03/0662006.html (дата обращения: 03.02. 2012).

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6194528,00.html (дата обращения: 25. 01. 2012).

5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glas-slavonije.hr/vijest.asp?rub=2&ID_VIJESTI=122330 (дата обращения: 23. 01. 2012).

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hr.wikipedia.org/wiki/Novaja_Zemlja (дата обращения: 25. 01. 2012).

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.index.hr/forum/97/povijest/tema/112354/finska-u-drugom-svjetskom-ratu.aspx?p=2 (дата обращения: 23. 01. 2012).

8. Mallory, J. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archeology and Myth. – London: Thames & Hudson, 2001. – C. 288.

9. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. – Москва: Изд-во РУДН, 2000. – С. 90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl2.htm (дата обращения: 01. 02. 2012).

10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.najboljeknjige.com/content/vijesti_opsirnije.aspx?NewsID=29 (дата обращения: 25. 01. 2012).

11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://putopisi.net/europa/rusija/moskva/ (дата обращения: 23. 01. 2012).

12. Silić, J.; Pranjković, I. Gramatika hrvatskoga jezika: za gimnazije i visoka učilišta. – Zagreb: Školska knjiga, 2007. – C. 422.
13. Šimunović, P. Hrvatska prezimena. – Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga, 2006. – C. 639.
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tportal.hr/kultura/knjizevnost/97714/Sva-lica-velikana-ruske-knjizevnosti.html (дата обращения: 25. 01. 2012).
15. Turner, J. Začini. Povijest jednog iskušenja. – Zagreb: Naklada Ljevak, 2009. – C. 392.
16. Večernji list. 13. 07. 2010. (стр. 18.).
17. Večernji list. 07.10.2010. (стр. 71.).
18. Večernji list. 02. 06. 2011. (стр. 30.).

Шаяхметов Р. А. (Уфа, Россия)

СЛАВЯНСКИЙ ПОДЗЕМНО-ВОДНЫЙ ЛОКУС "ВИР"

В статье нами предложена этимология понятия *Ирий*. Это рефлекс пра-слав. и/или слав. диалект. **vir-* / **vir-ej-* / **vьr-* ‘водоворот / омут’; ‘пучина / болото, овраг и т.п.’, обозначавшее место захоронения умерших не естественной смертью.
Ключевые слова: ирий; славянский шаманизм; этническая религия; Н.В. Гоголь; «Вий»; Хроми Даб (Дабог); юж.-слав. *вила* ‘русалка’.

Shayachmetov R. A. (Ufa, Russia)

SLAVIC WATER AND UNDERGROUND LOCUS "VYR"

In this paper we proposed the conception of etymology “*Irij/Iriy*” ‘world of the dead’. Perhaps this is a reflexion Proto-Slavic and /or Slavic dialect **vir-* / **vir-ej-* / **vьr-* ‘maelstrom, gulf / marsh etc.’ as place of burial of the dead is not a natural death.
Key words: slav. “*Irij/Iriy*” ‘world of the dead’; Slavic shamanism; ethnic religion; Nikolai Gogol; “Viy”; Serb. *Dabog* (var. *Hromi Dab*); S. Slav. *vila* ‘nixie’.

В говорах России зафиксированы идиомы, отражающие особую роль *вира* ‘водоворота’: *вертись в вир на дно* = к черту!; *в виру на дне (на дну)* = за тридевять земель; *с виру* = из далекого места [СРНГ 4, с. 291], *ни с виру, ни с болота* ‘неизвестно кто и откуда’ (подробно: [Федоров 1998]), ср. *из омута в ад как рукой подать*. Первая из приведенных идиом, согласно В.М. Мокиенко, входит в подгруппу проклятий, посылающих не к черту, а к месту его пребывания: *Иди ты в болото! А ну тебя в баню! А ну его на лысую гору!* [Мокиенко 1994, с. 63]. Исходя из такой типологии семантического сдвига, слав. **čert-* ‘черт’ может пониматься как локус между мирами живых и мертвых * ‘отчерченное’.

Инфернальные коннотации «вира» (о них особо: [Левкиевская 2006]) связаны с его древним значением — балто-славянским именованием ‘водоворота, вихря’, ср. старобелорусское речение *вир в воде, и теж вихор, и виръ так в Ѣтрный, ꙗкъ и водный* [ГСБВ III, с. 290]; латыш. *virags* ‘водоворот,

вихрь’. Синкретическое значение позволяет видеть в слав. **vir-* ‘водоворот; вихрь’ отглагольное существительное с суффиксом *-r-* от **vi-ti*, *вить* (ср.: лтш. *vît*; лит. *výti* — тоже), родственное слав. **vichъr-* ‘вихорь’ < *vich-* + *-r*. У славян вихрь представляется обиталищем душ самоубийц, проклятых, мертворожденных (о них подробно: [Левкиевская 1995a, Левкиевская 1995b]). Естественным шагом в понимании слав. **vir-* ‘вихря; водоворота’ становится установление его связи с заложными покойниками. Похоронный обряд славян для умерших своей смертью и не своей различается и различалось (слав. **sъmьrtь* «хорошая смерть» от и.-е. **su-mr̥t-* букв. «своя смерть», при изменении семантики начального *su-* ‘свой’ > ‘хороший’, см. олонецк. *умереть с доброй воли*, от старости [СРНГ 36, с. 6]). Запрет отпевать самоубийц, особый чин поминовения замерзших, утопленников и пр. — это непрерывающая традиция, меняющая внешнюю форму. Ингумация (в очень широком значении) заложных покойников вне своей общины противопоставлялась кремации проживших свой век, когда «пепел с обгоревшими остатками костей собирали и складывали в урну, которую зарывали в землю или ставили на камень (часто у дороги)» [Гамкрелидзе, Иванов Вяч. Вс. 1984, с. 829], т.е. на границе своего и чужого пространства. Сохранение останков позволяло душе возродиться (в своем роду) (ср. угроза *развеять прах по ветру*, сохранившаяся в сказках; также и.-е. *ost-* ‘кость’ < и.-е. **es-* ‘быть, существовать’; связь и.-е. **ĝenə-* ‘рождать(ся)’ с и.-е. **ĝenu-* ‘колено; челюсть, подбородок’).

Можно предположить пра-слав. / слав. диалект. **vir-* / **vir-ej-* / **vьr-* ‘водоворот / омут’; ‘пучина / болото, овраг и т.п.’ как обозначение места для умерших не «своей смертью». Дальнейшим развитием стало значение ‘нижний подземно-водный Мир, Вирей’. Связь с **ver-* ‘вертеть’ (см. [Белетич 2003, с. 28-29]); **vьr-* ‘кипеть’ и другими лексемами на **v-r-* объяснимо фоносемантическим сближением с последующем семантическим и фономорфологическим переоформлением. По возможности фонетического

развития: словен. *vȋr* ‘водоворот’, *irin* – тоже, *ir* ‘омут; бездна’, *jarm̃* ‘водоворот’, ‘водоем’. По развитии семантики ср. русск. диалект. *выр* ‘яма в реке, над которой образуется водоворот; черта, линия, которую проводят на земле при игре в лунки’ (терск.), ‘сильный ветер’ *и́рей* (вят.) и русск. диалект. *лу́на* ‘яма на дне реки или озера, водоворот’; ‘ямка в земле, лунка, куда закатывается шар (или мяч) в игре’; болг. *лу́на* ‘сильный ветер, вихрь’; макед. *луна* ‘буря, гроза, ураган’ [СРНГ 5, с. 338, СРНГ 12, с. 208]. По акцентной дифференциации см. белорус. диалект. *луна́* ‘несчастие, бедствие’ из слав. диалект. (вост.-слав.) **lunǫti лу́нуть* ‘умереть’; *луна* ‘смерть’.

Традиционное понимание проблемы: 1) рефлексы и этимологические решения в s.v. **jьrъ / *jьrьjь* ‘ирей’ [ЭССЯ 8, с. 236-237]; 2) анализ обширного этнографического материала об Ирии и вывод (*«ирий» как общее обозначение потустороннего мира*) в [Успенский 1982, с. 144-148].

Вирей» противоположен «Раю», **rajь* — локус и / или дорога перелетных птиц (о ‘Млечном пути’, белорус. *птушачая дарога*, *дзікіх гусей дарога*; лит. *paukščių takas* букв. «птичья тропа», см. мифологический мотив 58. «Млечный Путь – дорога птиц» [Каталог Березкина]). Перелетные птицы — воплощения душ предков и нерожденных младенцев (см. у О.Н. Трубачева: «слав. **pъtica, *pъtъka, *pъtakъ* ~ лат. **putus* ‘мальчик, детеныш’, **puillus* ‘птенец’; слав. **orьlъ*, сюда же греч. *ὄρνις* ‘птица’ — к и.-е. **er- / or-* ‘рождаться, происходить, возрастать, подниматься’» [Трубачев 2002, с. 194]). Номинация ряда зоонимов, видимо, мотивирована тем обстоятельством, что остающиеся зимовать твари связывались с водно-подземным миром: ‘филин’ (словен. *vȋr*; чеш. *výr*), возможно ‘воробей’ (слав. **vorb-*), ‘ворон’, ‘ворона’ (слав. **vorn-*), ср. *воронка* [смерча]; русск. диалект. *водяной воробей* ‘оляпка’, *синий воробей* ‘снегирь’.

Вообще, связь с животным миром обусловлена верованиями о зооморфных душах, о переходе на тот свет, сопровождаемое потерей человеческого, включая обличья (ср. *душа отлетела*; *бабочка*). То же

касается и шамана, см. в СПИ: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».

Номинация славянского шамана и его действий связана с предполагаемым названием подземно-водного мира, а также, через номинации действий шамана, с пра-слав. **vьr-* и производным глаголом **vьr-it-* *‘говорить особым образом’; с идеей вращения **ver-* / **vor-* , отражавшие действия шамана-целителя, его особую речь и движения. Через «Вир», камлая, перевоплотившийся шаман уходил(а) за душой заболевшего и возвращал(а) его назад. Для камлания важным оказывается движение кругом: против часовой стрелки продуцирует темный результат действа, посолонь — светлое (см. описание заговора («запуки») у В.П. Астафьева в «Царь-Рыбе» [Астафьев 1982, с. 26]). К рефлексам относимы: сербохорват. *врâч* ‘прорицатель’; польск. *wróżyć* ‘ворожить, предвещать’; чеш. *vražiti* ‘колдовать, проклинать’; русск. диалект. *ворог* ‘знахарь, колдун’; *вы́рей* ‘колдун, знахарь, ворожея’, *ворожить* ‘колдовать’, *вырить* ‘нашептывать, наговаривать, знахарить, ворожить, колдовать (твер.); мудрить, хитрить; вырожить кого, вылечить, особенно знахарством (симб.-корс. пенз.)’; укр. *и́риця* ‘вирий’, ‘старая ведьма’ [СРНГ 5, с. 341; ЕСУМ 2, с. 317].

Реконструируемая мифологическая картина пра-славян близка к западноэвенкийскому представлению о шаманской реке *Энгдекит*, льющейся из верхнего мира в нижний через срединный. В ее воды можно войти из водоворотов рек, текущих по миру людей; камлая, шаманы по Энгдекит поднимались в верхний мир (за душами детей и оленей) и опускались в нижний (на поиски душ заболевших) (подробно: [Василевич 1959]. См. еще этимологию О.Н. Трубачева: слав. **rajь* ‘связанный с течением (**rojь*)’, «возможно, что-то в смысле ‘заречный’» [Трубачев 2002, с. 190]).

Развитием реконструируемой мифопоэтической картины праславян можем назвать нарративы, где концепт «вир», «омут», вообще «водная

преграда», оттеснен на периферию, а в центр выдвинулась функция лечения~врачевателя и локуса-медиатора. Таковы представления белорусов о волшебном мосте, где «*душы* памерлых трапляюць у *вырай*», и «прыходзіць старэнькі дзядок, Ісус Хрыстос, Божая Маці, каб дапамагчы хворым пазбавіцца ад няшчасцяў» (s. v. *мост* в [БМ, с. 327-328]); сербские предания о мосте между этим светом и тем, стоянии на нем три ночи вместе с больным как магическое лечение и встречу с чудесным помощником-врачевателем (*Хромо* / *Хроми Даб* / *Даб*) [Loma 2002]. Сюда же причисляем русские легенды о св. Николе [Демкова 1989, с. 98-100] (с параллелью в сказках [Потанин 1902]): святой — чудесный дедушка-помощник Героя; они на корабле переплывают море; попадают в тридевятое царство; излечивают / воскрешают больную / мертвую царевну после троекратного ночного чтения молитв в церкви. Указанная исследователями Александром Лома и Н.С. Демковой связь нарративов с Вием усиливается хтонизмом как св. Николая (см. главу «Слепота и хромота как признаки, объединяющие Николу и лешего (медведя)» [Успенский 1982, с. 89-94]), так и серб. *Даб*, *Дабог* ‘царь на земљи [а Господ Бог на небесима], представляемый в виде волка’. Вышесказанное сочетается с этимологией от **vi-ti* ‘вить’ персонажей, обладающих смертоносным взглядом: укр.**Вій* и серб.; болг. *вила* ‘русалка’ и с классической идеей Проппа о Вие-антишамане (1946 год) [Пропп 2000, с.55] (подробно все версии [Иванов Вяч. Вс. 2000]). Подытоживая тезисы гипотезы о подземно-водном локусе «Вире», мы надеемся на ее развитие в будущем, прежде всего в плане возможности соединения разрозненных на сегодня фрагментов текстов в единую картину мира ушедших эпох.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествования в рассказах. — М.: Современник, 1982.

2. Белетич М. К изучению праслав. *verg- / *verz- // Этимология 2000-2002. — М.: Наука, 2003. — С.28-38.

3. БМ — Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік. С.Санько, Т.Валодзіна, У.Васілевіч і інш. — Мінск, 2004.

4. Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков // Труды ин-та этногр. — 1959, т. 51.

5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, Т. II. — Тбилиси: Тб. ун-т, 1984.

6. ГСБВ III — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 3. — Мінск: Навука і тэхніка, 1983.

7. Демкова Н.С. Из истории русской повести XVII в.: Об одной древнерусской параллели к повести Н.В. Гоголя «Вий» («Повесть о неком убогом отроце») // Труды отдела древнерусской лит-ры. — Л., 1989. — Т. 42. — С. 404-438.

8. Иванов Вяч. Вс. Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелей к гоголевскому «Вию» // Избранные труды по семиотике и истории культуры. т. II — М., 2000. — С. 78-104.

9. Березкин Ю.Е. Аналитический каталог мифологических мотивов. Препринт. URL starling.rinet.ru , ruthenia.ru/folklore/berezkin

10. Левкиевская Е.Е. Вихрь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. т.1. — М., 1995a.— С. 372-389.

11. Левкиевская Е.Е. Водоворот // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. т. 1. — М., 1995b. — С. 394-396.

12. Левкиевская Е.Е. Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян // Славяноведение. — 2006, № 6. — С. 9-15.

13. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Russistik. — Berlin, 1994, № 1/2. — С. 50-73.

14. Потанин Г. Н. Св. Касьян и сказка о больной царевне. — ЭО, кн. 53, 1902, № 2. — С. 87-124.

15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2000.

16. СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Вып.1-41.—Л./СПб.: Наука. — 1965-2007.

17. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. — М.: Наука, 2002.

18. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

19. Федоров А. И. Изучение русской сибирской диалектной фразеологии // Гуманит. науки в Сибири. Сер. филол. — Новосибирск, 1998, № 4. — С. 78-81.

20. Loma A. Neke srpske paralele istočnoslovenskom Viju // Balcanica, 2002, br. 32-33. — str. 123-141.